

Электронная библиотека МГППУ : Пряжников. Этические проблемы психологии

 psychlib.ru/mgppu/PEp-2004/PEp-488.htm

Пряжников Н. С. **Этические проблемы психологии**: Учебно-методическое пособие. — 2-е изд., стер. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. — 488 с. — (Библиотека психолога). — URL: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=23241>.

1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Н. С. Пряжников

Этические проблемы
психологии

Учебно-методическое пособие

Рекомендовано редакционно-издательским советом
Российской академии образования к использованию
в качестве учебно-методического пособия

2-е издание, стереотипное

Москва — Воронеж
2004

2

УДК 159.913
ББК 88.4
П68

Главный редактор

Д. И. Фельдштейн

Заместитель главного редактора

С. К. Бондырева

Члены редакционной коллегии:

А. Г. Асмолов И. В. Дубровина Н. Д. Никандров

В. А. Болотов М. И. Кондаков В. А. Поляков

В. П. Борисенков В. Г. Костомаров В. В. Рубцов

А. А. Деркач Н. Н. Малофеев Э. В. Сайко

А. И. Донцов

Пряжников Н. С.

П68 Этические проблемы психологии. Учебно-методическое пособие. — 2-е изд., стер. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. — 488 с. — (Серия «Библиотека психолога»).

ISBN 5-89502-622-2 (МПСИ)

ISBN 5-89395-615-X (НПО «МОДЭК»)

В пособии представлен материал по курсу «Этические вопросы (проблемы) психологии», «Проблемы развития личности психолога», «Этические принципы работы психолога-практика», «Деонтологические основы деятельности психолога» и т. п. Вместе с традиционным материалом по данной проблеме в пособии приводятся несколько парадоксальные рассуждения о профессиональной этике, в основе которых лежит идея о профессиональной совести специалиста, об активной позиции психолога, не просто выполняющего существующие моральные нормы, но и пытающегося осмыслить их, готовя себя к творческим решениям в нестандартных ситуациях нравственного выбора. Также в пособии представлены несколько авторских методик для практической работы с подростками, в которых затрагиваются ценностно-нравственные аспекты личностного самоопределения.

Пособие рассчитано на студентов-психологов, психологов-практиков, и педагогов и воспитателей, а также всех, кто интересуется проблемами профессиональной совести специалистов-гуманитариев.

УДК 159.913

ББК 88.4

ISBN 5-89502-622-2 (МПСИ)

ISBN 5-89395-615-X (НПО «МОДЭК»)

© ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Российской академии образования (РАО), 2003

© Московский психолого-социальный институт, 2002, 2003

© Оформление. НПО «МОДЭК», 2002, 2003

Введение

Психология — это наука о человеке, о самом сущностно человеческом, о его душе. Человек в переводе с латинского — это «homo». Но и слово «гуманный» (от латинского — «humanus», то есть человеческий) также происходит от слова «человек». Отсюда несложно сделать вывод: психология — это наука о человеке и о человеческом, то есть о гуманном. Изначальная связь психологии и этики определяется самой историей возникновения и развития психологии как науки о душе. Еще в незапамятные времена этическая направленность философии и психологии буквально пронизывала все мировоззренческие системы, а само познание души было связано со стремлением стать лучше, приблизиться к этическому идеалу.

К сожалению, впоследствии этическая направленность психологического знания стала уступать место чисто прагматическим подходам (что проявилось не только в бихевиоризме), когда психологическое знание стало использоваться и как средство манипуляции над человеком, и как средство ущемления его достоинства.

По аналогии с естественными науками многие психологи еще считают, что методология психологии вообще должна быть свободной от этики, хотя уже при уточнении предмета и метода психологии со всей очевидностью возникает «этический парадокс психологии», заключающийся в том, что

4

чем лучше мы познаем человека, тем в большей степени эти знания позволяют манипулировать им... (подробнее об этом в главе 1, вопросе 1-м настоящего пособия).

В лучшем случае вспоминают об этических принципах практической психологии, что само по себе говорит о том, что ситуация еще не стала безнадежной. Но проблема взаимообогащения этики и психологии гораздо обширнее и сложнее. Например, известный психолог Г. Мюнстенберг вообще считает, что ни педагогика, ни психология сами не могут обнаружить своих целей и должны поэтому искать их в философии, прежде всего, в этике. Психология и педагогика лишь предлагают свои специфические средства для достижения нравственных целей (*Мюнстенберг, 1997. — С. 26—31*).

В современной психологии даже ведутся дискуссии о допустимости совмещения психологии и этики (см. *Психология и этика, 1999*). И хотя большинство авторитетных психологов все-таки не отмахиваются от этики, но сам факт такого солидного обсуждения очевидного вопроса уже говорит о том, что необходимо восстанавливать тесную связь этики и психологии. Кроме того, существует глобальный факт нравственной несостоятельности современной отечественной психологии, а именно то, что подавляющее большинство психологов фактически оказались в стороне от социально-экономических и духовных потрясений, которые коренным образом преобразовали жизнь страны накануне нового (третьего) тысячелетия. При этом многие психологи сами оказались жертвами глобальных общественных манипуляций, поверив разнообразным политическим проходимцам, а другая, пусть даже и меньшая часть психологов сама (за определенные «гонорарчики») участвовала в этих массовых манипуляциях (это не только так называемые «пиарщики»), по сути дискредитируя психологию как гуманную науку.

Известный отечественный психолог Б. С. Братусь считает, что отечественная психология еще полностью не оправилась от прагматичных объективистских концепций, где сама идея человека еще не получила своего полноценного развития.

5

В настоящее время происходит лишь «собрание гуманитарного мировоззрения», и лишь в отдаленной перспективе на смену «гуманитарной психологии» постепенно придет «нравственная психология», а за ней и «христианская психология» (*Братусь, 2000*).

При этом Б. С. Братусь отмечает, что «ушло время безответственной психологии» и «настала пора проявить личность, а значит, осознать и выбрать общие ориентиры и смыслы движения, понять и честно признать перед собой и миром — какому образу человека мы собираемся служить, соработать в нашей профессиональной деятельности» (там же. — С. 85—86).

Предлагаемое пособие предназначено для работы со студентами. Но поскольку данная тема еще явно недостаточно проработана, то это позволяет нам многие вопросы и проблемы лишь обозначать, не предлагая конкретных «рекомендаций» по их разрешению. Мы считаем, что само обращение к этим проблемам уже само по себе является первым шагом к их осмыслению и разрешению. Вслед за известными в нашей стране психологами труда (Е. А. Климовым, А. К. Марковой и др.) мы считаем также, что рефлексия своей профессиональной деятельности, а именно способность осознавать проблемы (противоречия, несостыковки «конфликтные личностные смыслы» и др.), возникающие в труде, вообще является основой для развития профессионального самосознания.

Недостаточная разработанность данной темы позволяет нам также чаще, чем это принято в учебных пособиях, обозначать и собственные позиции, ни в коем случае не навязывая их в качестве «обязательных». Тем более что по определенным проблемным вопросам мы и сами пока находимся в некоторой растерянности, то есть имеем сразу несколько мнений и позиций... Один из смыслов данного пособия — предложить преподавателям и студентам материал для совместного размышления, основанного на взаимном уважении и мудром отношении к разным точкам зрения.

6

В пособии в конце каждой главы предлагаются контрольные вопросы для самопроверки студентов, в конце работы даются примерные темы рефератов и курсовых работ по этическим проблемам психологии. Кроме того, в пособии предлагаются конкретные практические методики для работы с подростками и взрослыми, в которых затрагиваются в несколько шуточной форме сложные проблемы нравственного самоопределения и развития личности.

Автор не ставит своей целью «позлить» или как-то «эпатировать» читателя или студента странноватыми и слишком «смелыми» рассуждениями. Но, к сожалению, слишком «дипломатичный» стиль не позволит серьезно обозначить многие проблемные вопросы и сделает данную работу хоть и приятной для чтения, но достаточно пустой. Иными словами, мы надеемся, что читатель (или студент) нас простит... А может, и поймет (хотя бы и по-своему)...

7

Глава 1

Феноменологическое «пространство» этической проблематики в психологии

1. Методологические основы профессиональной этики психолога. «Этический парадокс» предмета и метода психологии

Гуманитарная и естественнонаучная парадигмы в психологии

Если обратиться к истории психологии, то долгое время она ориентировалась на самые существенные человеческие проблемы, включая и проблемы смысла и проблемы человеческого достоинства. Психология души еще в древнейшие времена ориентировалась на нравственные вопросы бытия человека в мире. Смысл самого познания психики виделся в том, чтобы помогать человеку стать более совершенным именно в нравственном отношении.

Стремление к признанию психологии в конце XIX — начале XX столетий именно как науки потребовало от нее освоить естественнонаучный, объективный метод. Это связывают с именем В. Вундта, открывшего первую психологическую лабораторию. Но, удивительное дело, сам В. Вундт не настаивал на том, что его интроспективный метод позволяет изучать психику во всех ее проявлениях, фактически возрождая идею «двух психологий: экспериментальной (построенной на естественнонаучных основах) и той, которая должна

интерпретировать проявления человеческого духа (см. *Ярошевский*, 1995. — С. 70). Чуть позже (уже в 1894 году) В. Дильтей пишет свою знаменитую книгу «Описательная

8

психология» (*Дильтей*, 1924), в которой обосновывается необходимость выделения двух психологий — «объяснительной», основанной на строгом научном эксперименте и «описательной» психологии, основанной на понимании и прочувствовании исследуемого человека.

Эта книга стала своеобразной реакцией В. Дильтея на всеусиливающуюся критику экспериментальной психологии В. Вундта, которого обвиняли в том, что объективный метод исследования простейших актов сознания не позволяет полноценно изучать все богатство психики. Эти две психологические традиции (объяснительная и описательная) не противоречили, а взаимодополняли друг друга, они как бы обращались к разным пластам и уровням психического: описательная к тем уровням, которые поддаются измерению и точному представлению, а описательная — к сложным уровням развитой личности, да еще понимаемой в ее целостности и в связи с таким же сложным окружающим миром.

Таким образом, сразу же после возникновения психологии как самостоятельной науки обозначилась проблема: с одной стороны, требовалось укрепить авторитет психологии как «солидной» науки, которой чужды субъективизм и предвзятость исследователя, но, с другой стороны, быстро обнаружилось, что в наиболее сложных своих проявлениях психику невозможно изучать без учета мировоззренческой позиции (субъектности) самого исследователя.

В настоящее время многие авторы (*Братусь*, 1988; *Дружинин*, 1994; *Слободчиков*, *Исаев*, 1995 и др.) признают существование двух парадигм в психологии: естественнонаучную (близкую к тому, что В. Дильтей определил как «объяснительную» психологию) и гуманитарную (близкую к «описательной» психологии — по В. Дильтею). Таким образом, психология, уже укрепившись в общественном сознании как «состоявшаяся» наука, может позволить себе вновь обратиться к самому сущностному в человеке, к изучению смысла его существования в этом мире, а это можно сделать, лишь обращаясь к самым сложным и деликатным вопросам его бытия. Но,

9

чтобы не «наломать дров», здесь необходимо вспомнить об этике и о профессиональной совести психолога.

Проблема предмета психологии и возможные этические спекуляции по этому поводу

Поиск и уточнение предмета и метода психологии буквально пронизывают всю ее историю. Сначала изучали психологию души, затем психологию сознания, поведения, гештальта, бессознательного, изучали деятельность, развитие, ориентировку и т. д. Возникла ситуация, когда психологию даже перестали обвинять за то, что она несколько «запуталась» в поиске и конкретизации предмета своего исследования. Психологию оправдывало то, что она обратилась к изучению самого сложного, что только может существовать на свете, — к человеческой душе.

Достаточно вспомнить, что человек создан «по образу и подобию» Божьему, чтобы ощутить сложность изучаемого предмета. Здесь уместно вспомнить и то, за что были наказаны Адам и Ева, в чем их главный «грех» — в том, что они посмели «вкусить от древа познания», то есть попробовали познать Бога. Но Бога нельзя познать, в него можно только верить, ибо суть божественного — в его непознаваемости, Бог — это «нечто иное», недоступное познанию. Мы бы уточнили, познать Бога можно иными способами, чем мы познаем обычные (банальные) вещи и объекты. Как известно, в Бога можно только верить и только так приобщаться к Божественному. Кроме того, важно разобраться, для чего, с какой целью мы пытаемся познать «Бога в себе». И тогда это оправдывает само существование психологии.

В последние годы в психологии вновь заметно повышение интереса к теме «субъектности», «субъективности» (см. *Петровский*, 1996; *Слободчиков*, *Исаев*, 1995; *Татенко*, 1996 и др.). Даже сам предмет психологии все больше связывается с «субъектностью». Отмечается даже некоторая смена парадигмы

в направлении «от психики субъекта — к субъекту психики» (см. *Татенко*, 1996. — С. 12).

Для рассмотрения нашей проблемы важно выделить две характеристики субъектности. Во-первых, это готовность к непредсказуемым, спонтанным действиям, готовность сделать что-то «просто так», а не «потому что» (по А. Г. Асмолову). В этом случае человека сложно просчитать и главное — сложно сказать о нем, что он «стоит столько-то и столько-то», то есть сложно назначить ему «продажную цену».

Во-вторых, подлинный субъект способен на рефлекссию своих ответственных действий и всей своей жизни, то есть о личности можно сказать, что она является одновременно субъектом своего счастья лишь тогда, когда она способна на постоянное размышление о самой себе и своих поступках. Сама готовность к рефлексии — это следствие спонтанности поведения, когда человек пытается понять самого себя, понять свою спонтанность. Заметим, что обращение к самому себе в случае возникновения различных трудностей в деятельности (через «конфликтный личностный смысл») вообще является основой человеческого самосознания (см. *Столин*, 1983. — С. 106—123). Ведь если человек не будет хотя бы стремиться осмыслить свои действия и найти в них определенный личностный смысл, то тогда не человек будет выполнять действие, а само «действие будет совершаться над ним», — отмечал Э. Фромм, размышляя о «субъекте деятельности» и пытаясь развести «внешнюю» и «внутреннюю активность» (*Фромм*, 1990. — С. 96—97).

Как отмечают В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, именно феномен рефлексии является «центральным феноменом человеческой субъективности». При этом сама рефлексия определяется как «специфическая человеческая способность, которая позволяет ему сделать свои мысли, эмоциональные состояния, свои действия и отношения, вообще всего себя предметом специального рассмотрения (анализа и оценки) и практического преобразования (вплоть до самопожертвования

во имя высоких целей и смерти «за други своя»» (см. *Слободчиков, Исаев*, 1995. — С. 78).

К этому можно добавить, что рефлексия позволяет осознать и почувствовать также свою никчемность, свою деградацию и потерю личностного начала... Но тогда возникает интересный вопрос: возможен ли «субъект деградации», сознательно и целенаправленно стремящийся к саморазрушению? — Мы все-таки считаем, что как только человек осознает свою никчемность (а еще лучше — ужаснется этому), то есть проявит высший уровень субъектности, то у него вновь появляется шанс полноценного личностного развития. Самое страшное — это вообще отказаться от размышлений о смысле своего существования, то есть отказаться от рефлексии. В этом случае человек перестает быть полноценным субъектом своей жизнедеятельности и теряет возможность личностного роста, превращаясь лишь в объект манипуляции со стороны различных внешних и внутренних обстоятельств.

Часто разные психологи говорят о человеке в качестве субъекта (и о человеке как личности), проявляющем себя на разных уровнях: как организм («физическое, природное Я»), как общественный индивид («социальное Я») и как личность («духовное Я»). Исходя из этого, «быть субъектом» означает готовность творчески реализовывать себя на всех этих трех уровнях, а также — осознавать, чувствовать (рефлектировать) проявления и развитие своего физического, социального и духовного «Я».

Таким образом, для нас важно то, что самоопределяющаяся личность, вынужденная в какие-то моменты жизни совершать определенные внутренние компромиссы, должна хотя бы стремиться осознавать эти компромиссы, а может, по-своему и страдать из-за этого. Можно даже предположить, что готовность к этому страданию, реализуемая через такую важную черту развитого субъекта, как готовность к рефлексии, позволит человеку сохранить себя как личность в самых сложных жизненных ситуациях.

Если мы берем в качестве предмета психологии его «субъектность», то неизбежно сталкиваемся с этическим парадоксом такого предмета: чем лучше мы познаем субъекта деятельности, тем в большей степени лишаем его

этой субъектности, то есть делаем его поведение более предсказуемым, а он сам лишается внутренних стимулов к самопознанию (ведь рядом такой все понимающий и все знающий о нем психолог...). В итоге получается, что чисто методологические рассуждения выводят нас в область этики (чего не наблюдается в других науках), ибо нет ничего страшнее, чем превращать человека (наделенного сознанием и самосознанием) в послушную и довольную жизнью скотину... Получается, что психология становится одной из самых «страшных» на свете наук.

Условно можно выделить следующие варианты «смягчения» этического парадокса предмета психологии, что позволяет более оптимистично смотреть на будущее психологической науки и практики.

1. Сложность человеческой психики не позволяет исследовать ее «окончательно». Здесь срабатывает известный принцип: чем больше мы познаем, тем больше обнаруживается неизведанное (мы как бы приподнимаемся над всеотдаляющимся горизонтом). Хотя существующие психотехнологии иногда все-таки позволяют осуществлять массовые манипуляции общественным сознанием достаточно эффективно (где высшая психологическая манипуляция — это тогда, когда «жертва» еще и довольна, например, убеждена, что ее жизнь стала лучше и интереснее, — узнаваемая для современной России ситуация...).

2. Познание человека на высших (личностных) уровнях проявления психики невозможно без установления реальных

13

субъект-субъектных отношений между психологом и испытуемым (или клиентом), когда познать другого человека можно только с его же помощью (заметим, что к этому и стремятся квалифицированные консультанты и психотерапевты). Но тогда познаваемый человек, сам являясь субъектом, по определению не должен быть объектом манипуляции. К сожалению, и в психологическом консультировании, и в психотерапии мы наблюдаем множества откровенных манипуляций, да еще, ко всеобщему удовлетворению участвующих в этих манипуляциях сторон.

3. Несколько уберезит психолога от манипуляции обращение к этике, к проблемам нравственности, то есть обращение к проблеме формирования профессиональной совести. Интересно, что В. Франкл писал о находящемся в творческом поиске человеке, что «даже в эру отсутствия ценностей он должен быть наделен в полной мере способностью совести» и что основная задача образования состоит не в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и знаний, а в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы» (Франкл, 1990. — С. 295).

Проблема «обоснованной» манипуляции сознанием клиента и возможные варианты снятия «этического парадокса»

На основании приведенных выше рассуждений и «этического парадокса» предмета психологии можно обозначить в виде вопроса и проблему метода психологии: как свести к минимуму манипуляцию сознанием другого человека в ходе его исследования и воздействия на него? Заметим, что речь не идет об отказе манипулировать вообще, поскольку часто такой отказ просто не возможен. Ниже представлены лишь некоторые ситуации, когда психолог просто вынужден в какой-то мере манипулировать сознанием клиента.

1. При работе с социально незрелым клиентом, который без помощи (и убедительных рекомендаций психолога) просто может наделать глупости.

14

2. При работе с клиентом, находящемся в состоянии аффекта (при условии немедленного принятия важного жизненного решения).

3. При консультировании в жестко ограниченном временном режиме (что часто, например, наблюдалось в центрах занятости в условиях массовой безработицы), когда для глубокого проникновения в проблемы клиента просто нет ни времени, ни сил и т. п.

Ситуация «обоснованной манипуляции» сознания клиента часто усугубляется тем, что значительная часть

клиентов вообще стремятся занять пассивную позицию, добровольно доверяя решение своих проблем такому «умному» и «обаятельному» психологу... Такая пассивная ориентация клиентов процветает в платных психологических услугах, ведь клиент часто рассуждает примерно так: «Раз я заплатил деньги, то зачем мне напрягать свои мозги да еще брать на себя ответственность...». С одной стороны, необходимо преодолевать такую пассивную ориентацию клиентов, но, с другой стороны, если клиент будет сопротивляться, то не окажется ли это насилием над клиентом? Да и «кушать» психологу хочется, то есть, озадачивая клиента, психолог-консультант вообще может оказаться без надежного заработка (в виде гонораров «благодарного» клиента)...

Таким образом, изначально уже на методологическом уровне психология сталкивается с проблемой этического осмысления своей теории и практики. Но парадоксальность ситуации заключается в том, что немалая часть психологов все-таки считает, что можно обойтись и без этики. Например, некоторые специалисты, сравнивая психологию (психотерапию) и религию, отмечают, что главное отличие в том, что, если священник «принимает человека, но не его грех», то психолог «принимает человека, каков он есть», а «сила психологии и психотерапии — в полной безоценочности, в отсутствии любых абсолютов, кроме абсолютной ценности любого переживания» (Розин, 1991. — С. 65—66). Правда, другой известный психолог, Б. С. Братусь, считает, что сама

15

эволюция психологической мысли направлена на соединение с высшими христианскими ценностями (см. Братусь, 2000). Интересно, что В. Франкл, ссылаясь на Гете, отмечал, что «принимая человека таким, каков он есть, мы делаем его хуже; принимая же его таким, каким он должен быть, мы заставляем его быть таким, каким он может стать» (Франкл, 1990. — С. 27). Иными словами, без ориентации на нравственные идеалы опять не получается...

Но и здесь право выбора за самим психологом, что и делает его нравственным субъектом, способным к таким выборам и к ответственности за свои выборы (причем, ответственности, в том числе и перед самим собой).

2. Проблемы формирования человека как субъекта построения своей жизни и счастья

Проблема готовности человека (клиента) стать субъектом

С одной стороны, практическая психология призвана помогать тем людям, которые не могут решать свои важные жизненные проблемы самостоятельно. Но, с другой стороны, человек только тогда становится хозяином своей жизни, когда хотя бы стремится к самостоятельности в решении своих важных вопросов. Настоящая психологическая практика (в высших своих проявлениях) направлена на формирование у клиентов осознанности и самостоятельности своих действий, что предполагает также формирование у клиентов чувства ответственности за свои поступки.

К сожалению, далеко не все люди готовы к такой осознанности и самостоятельности, а часто даже и не стремятся к этому. Отсюда преодоление пассивной ориентации многих клиентов является на сегодняшний день важнейшей задачей психологической практики. Главная сложность заключается в том, как активизировать внутреннюю позицию клиента таким образом, чтобы он не воспринял это в качестве «насилия»

16

над собой. Вероятно, такая работа должна носить постепенный, поэтапный характер, а в основе этой работы должны быть методы и технологии, направленные на развитие диалогичных (субъект-субъектных) отношений психолога и клиента.

На первых этапах такой работы психолог может лишь заинтересовать клиента самой возможностью быть подлинным субъектом, на последующих этапах психолог (на примерах, близких к ситуации клиента) может показывать, каким образом решаются похожие жизненные проблемы, постепенно привлекая самого клиента к обсуждению этих проблем. Главным итогом подлинной активизации является формирование у клиента способа (метода) самостоятельной ориентировки в сложных этических ситуациях и грамотного поведения в этих ситуациях, то есть формирования подлинного субъекта сложных жизненных выборов.

Главная сложность превращения человека в подлинного субъекта заключается в том, что настоящее личностное

развитие невозможно без осознания и преодоления «кризисов развития». Но кризис — это явление болезненное, порождающее энергию, способную не только сделать человека лучше (и счастливее), но и разрушить его. Отсюда важнейшая психолого-педагогическая задача — научиться управлять этой энергией кризиса, а в дальнейшем — научить управлять этой энергией и самого человека (клиента).

Проблема готовности самого психолога стать субъектом организации помощи самоопределяющемуся человеку

К сожалению, психолога никто не обязывает быть подлинным субъектом своей профессиональной деятельности. Нередко можно даже услышать слова о том, что личностное и профессиональное в работе психолога должны разводиться. Хотя такие известные специалисты в области психологии труда, как А. К. Маркова, считают, что именно на высших уровнях развития любого профессионала происходит «творческое

17

самопроектирование себя как личности профессионала» (Маркова, 1996. — С. 52).

Нередки ситуации, когда психологи работают в режиме простого «исполнителя» (работают строго «по инструкции» или по заведенному порядку в данном учреждении), не отягощая себя творчеством и уж тем более не напрягая себя этическими размышлениями и переживаниями. Вероятно, для этической импровизации в своей профессии необходимо еще созреть. Поэтому форсировать, подгонять в этом направлении особенно начинающих психологов было бы не разумно. Тем более не разумно было бы формализовать этическое творчество, буквально обязывая психологов быть нравственными... И все-таки определенная этическая зрелость требуется даже от начинающего психолога, поэтому в настоящем пособии будут выделены и обсуждены различные уровни этических регуляторов профессиональной деятельности психологов (см. главу 2).

3. Проблема целей и ценностных ориентаций психолога

Осознание целей, ценности и смыслов своего труда как условие развития профессиональной рефлексии психолога

К сожалению, современная психология часто демонстрирует свою этическую незрелость. Выражается это в том, что различные психотехнологии активно используются далеко не в самых гуманных целях (чего только стоят так называемые «пиарщики», участвующие в глобальных манипуляциях массовым сознанием, да еще и прикрываясь научной терминологией). К сожалению, психологи (особенно отечественные) еще плохо осознали опасность новых «психологических» войн, которые реально ведутся и реально проигрываются...

18

Все это объясняется тем, что в самой психологии не содержатся четкие указания на цели и ценностные ориентации деятельности психологов. Еще Г. Мюнстенберг в своей работе «Психология и учитель» писал о том, что вопрос о целях имеет право на «самостоятельность» и даже «на первенство» по отношению к вопросу о «средствах» и что найти эти цели ни в педагогике, ни в психологии мы не сможем, так как для этого мы должны «обратиться к этике» (Мюнстенберг, 1997. — С. 26—33).

Похожие мысли можно обнаружить и в работе отечественного историка психологии В. В. Умрихина: «...Тем самым этика служила не столько обоснованием (или, как ныне модно говорить в западной философии, — оправданием) психологических концепций, сколько определялась их содержанием, выражающим необходимый «срез» с бытия человека в мире. Психология же, с этой точки зрения, выступала одним из источников, или «инструментом» решения этических проблем» (Умрихин, 1999. — С. 85). Таким образом, сама психология оказывается неразрывно связанной с этикой и философией человека, а принцип «действия по разумному стремлению», выдвинутый автором первой целостной системы психологических знаний — Аристотелем, — остается непревзойденным образцом ответственности человека за свои поступки (там же. — С. 85).

Вопрос лишь в том, что это за цели и где критерий самых лучших целей?.. Само выделение «единственно верных» целей и ценностей является верным путем к тоталитарности и несвободе, что противоречит самой идее субъектности. Вероятно, поиск таких целей является непрекращающимся процессом, пронизывающим всю

профессиональную судьбу творчески ориентированного психолога. Вероятно, вместе с личностным развитием психолога будет развиваться и его представление о критериях «достойных» (или «не достойных») целей своего профессионального труда. Отсюда следует, что по отношению к начинающим психологам (или студентам-психологам) надо проявлять определенное терпение

19

если они поначалу не будут демонстрировать полноценные этические критерии выделения целей своей деятельности.

Что должно вызывать осуждение, так это демонстративное нежелание студента (или молодого психолога) вообще задумываться над данными проблемами. Но и здесь нельзя такое негодование доводить до абсурда и тем более формализовать это в различных зачетах и экзаменах «на нравственность»... Как отмечал Г. Мюнстенберг, «прямое преподавание морали, быть может, следует совсем исключить из преподавания» и что «мы должны посвящать свою жизнь созиданию мира ценностей», показывая подрастающему поколению образец нравственной жизни (Мюнстенберг, 1997. — С. 70). И все-таки специальное рассмотрение (и совместное обсуждение) проблем профессиональной этики психолога, во многом определяемых самими целями деятельности, является важнейшим условием снижения риска манипуляции сознанием людей, с которыми психолог будет работать.

Проблема поиска идеала профессионального развития

Известно, что результатом труда (в том числе и труда самого психолога) является не только производство нового психологического знания и не только решенные проблемы клиентов, но и сам психолог, который также преобразует себя в деятельности. Поэтому размышления о том, какое влияние оказывает на психолога его непосредственная работа также должны стать предметом его профессионального труда. Это тем более важно, что многие клиенты пристально наблюдают за нами, а это во многом определяет и то, насколько удастся нам построить истинно диалогические отношения с такими клиентами.

В своем развитии психолог не должен бояться стремиться к «лучшему». К сожалению, сейчас такие стремления не очень популярны, многие просто боятся показаться «нескромными», боятся «высунуться», боятся показать окружающим, что

20

они хотели бы стать «лучше, чем они есть на самом деле»... Но если сам психолог не стремится стать лучше самого себя, то какой же он пример он будет демонстрировать своим клиентам, особенно когда общение с данным клиентом растянуто во времени и клиент не наблюдает «личностного роста» самого психолога?.. Вероятно, важнейшим условием самосовершенствования психолога является его воля, то есть готовность преодолеть стереотипы массового сознания (главная идея массового сознания — «не высовываться», не дразнить свою «тусовку»). Но и воля должна опираться на значимую (желательно еще и на благородную) идею. И тогда человек, воодушевленный такой идеей, способен творить чудеса. Как отмечал Г. Мюнстенберг, «без идеалов и без воодушевления» жизнь превращается в «существование, в пустоту и пошлость», а это и есть «главные болезни нашего времени», а когда учитель входит в класс, то в глазах учеников «он является волей, и они в его глазах являются волей» (Мюнстенберг, 1997. — С. 45).

Главный этический ориентир профессионального развития психолога

В кратком виде главный этический ориентир формулируется следующим образом: культивирование права каждого человека на построение уникальной, целостной жизни, но права, не ущемляющего таких же прав других людей.

Иными словами, полноценность (настоящий успех) жизни определяется тем, насколько человек прожил ее неповторимо. И наоборот, неудачная жизнь — это когда человек прожил ее по какому-то (кем-то определенному) образцу, когда он является как будто бы чьей-то «тенью»... Даже психолог-консультант (или психотерапевт) не должен предлагать клиенту готовый вариант построения своего счастья. Еще В. Франкл говорил о том, что жизненные смыслы человек находит сам, «смыслы обнаруживаются, а не придумываются» (Франкл, 1990. — С. 292).

Но главное, чтобы такая «необычность» жизни не выстраивалась за чей-то счет, чтобы такой «счастливчик» не шел к своему успеху «по трупам». К сожалению, нередко в различных «этических стандартах» и «этических кодексах» на первый план выдвигается требование «первичности интересов клиента». Но тогда становится непонятным, как быть с теми людьми, которые не стали клиентами данного психолога, но которые могут составить определенную конкуренцию (например, при консультировании по вопросам карьеры) именно клиенту данного психолога? Деликатность данного вопроса требует от психолога обязательного учета конкретной ситуации, а не только безоговорочного выполнения этих «кодексов» и «стандартов».

4. Основные этические противоречия

Этические противоречия как основа этических проблем

Противоречия обозначают более глобальный уровень этической сложности, поэтому они и являются основой многих более конкретных этических проблем и «соблазнов» в деятельности психолога. Можно выделить следующие основные противоречия:

1. *Между правом человека быть субъектом построения своего счастья, с одной стороны, и его неготовностью это право реализовать, с другой стороны.* Человек как бы сам добровольно отказывается быть субъектом, он как бы говорит нам: «Помогите, я сам не могу!» — «Ах, ты не можешь, ну сейчас мы тебе поможем!», — как бы говорим мы... А клиент еще и благодарит нас за то, что мы решаем его проблемы вместо него. Слава богу, таковы не все клиенты, но соблазн манипуляции здесь существует.

2. *Противоречие между интересами общества и интересами личности.* На вопрос, что важнее, интересы общества или интересы конкретного человека, многие однозначно отвечали в

22

первой половине 90-х годов: «Конечно, интересы личности!» Но при этом часто забывается, что и общество состоит из личностей (здесь важно не путать общество и государство). Забывается также, что у всех народов самые выдающиеся люди — это те, кто свои собственные интересы ставил ниже интересов общества, кто служил обществу или своему народу... Должно быть взаимное, уважительное отношение общества и личности. Даже тогда, когда личность находится в оппозиции данному обществу, она должна все-таки уважать реалии (традиции, обычаи и даже предрассудки людей, живущих в этом обществе), но и общество должно с пониманием относиться к тем, кто пытается улучшить жизнь в данном обществе.

3. *Противоречие между мировоззрением психолога и конкретными клиентами.* Это может выражаться в следующих противоречивых линиях: психолог — клиент, психолог — коллеги, психолог — заказчик и др. И опять же необходимо находить хотя бы какие-то точки соприкосновения, а не стремиться усугублять уже имеющиеся противоречия.

4. *Противоречия между благородными устремлениями психолога и его ограниченностью в адекватных психолого-педагогических средствах.* Это ситуация, когда психолог осознал высокие цели (миссию) своей профессии, но достичь эти цели ему так просто не удастся. Нередко психологическая помощь (или теоретический поиск) в таких случаях ограничивается «красивой болтовней». Но и болтовня тоже имеет право на существование, ибо слово (идея) часто оказывается важнее дела, является основой дела и реальных поступков. Важно, чтобы внешняя «красивость» не заслоняла в этом случае смысл благородных устремлений.

5. *Противоречие между благородными устремлениями психолога и прагматизмом нашего времени,* когда хочется «жить красиво» и «беззаботно», но для этого надо постоянно зарабатывать деньги и все свое свободное время (и возможности для полноценного развития) тратить на профессиональную и околопрофессиональную «суету». Эта ситуация тем более

23

опасная, когда все коллеги включены в такую «суету» и трудиться иначе становится просто неприлично... Это

противоречие порождает слишком серьезные проблемы, до конца еще многими не осмысленные.

6. *Противоречие между всевозрастающей свободой труда психологов (а реальность такова, что сейчас гораздо меньше идеологического, а также теоретического и методологического давления), с одной стороны, и всеусиливающейся зависимостью психолога от «заказчика-благодетеля», от того, кто платит деньги, с другой стороны.* Парадокс в том, что чем больше деньги, тем больше и зависимость. В условиях ничтожных официальных зарплат психолог просто вынужден идти на множества внутренних компромиссов, участвуя в тех или иных теоретических и практических разработках. Опыт развития социологии труда за рубежом приводит к достаточно интересному материалу для размышления относительно самого вектора, направления развития социологических и психологических наук о труде. Как отмечали бывшие президенты Американской социологической ассоциации (АСО) П. Росси и В. Уайт, «в «хорошие» времена, когда источники финансирования и сфера приложения труда ученых достаточно стабильны, особенно быстро развивается академическая социология и, напротив, в «плохие» времена, когда дыхательные каналы перекрываются, представители «чистой» социологии, забыв о профессиональной гордости и отставив в сторону научный снобизм, всюду кичатся практическими достижениями своих собратьев-прикладников, втайне надеясь разжалобить финансистов на более щедрые подачки и льготы» (Кравченко, 1987. — С. 158).

7. *Противоречие между правом человека (и клиента, и самого психолога) на уважение, с одной стороны, и реальным, почти узаконенным социально-психологическим неравенством, с другой стороны.* Это проблема соотношения различных «элит» (а в большинстве случаев «псевдоэлит») и «массы», Между так называемыми «лучшими» и «худшими» людьми и

24

т. п. В настоящем пособии этим проблемам будет посвящена отдельная глава (см. главу 4).

8. Наконец, *это противоречие между различными этическими системами и их уровнями.* Как известно, культура (в высшем своем смысле) начинается с момента, когда мы признаем право на существование иной культуры, отличной от нашей. И наоборот, культура заканчивается, когда мы утверждаем первенство только своей культуры. Заметим, что в современной философии сейчас господствует идея множественности этических истин, а следовательно, имеют право на существование различные этические системы (см. Степаньянц, 1996). Во взаимоотношениях психолога с клиентом вполне могут возникать ситуации, когда их мировоззренческие позиции будут сильно различаться, а также ситуации, когда при схожих ценностно-смысловых ориентациях кто-то из них может оказаться более совершенным существом. Заметим также, что идеологию (и даже мировоззрение) осуждать нельзя, судят лишь конкретных людей, опирающихся на ту или иную идеологию, ведь и самые благородные идеи можно использовать как прикрытие для наиболее омерзительных деяний, что уже неоднократно случалось в истории.

Основные линии этических противоречий

В целом могут быть выделены примерно следующие основные линии ценностно-нравственных противоречий, которые в перспективе могут стать основой для более четкой типологии (а значит, и осмысления) этической проблематики в психологии.

1. Линия конфликтных взаимоотношения психолога с различными людьми:

1) с клиентами, пациентами, испытуемыми, опрашиваемыми;

2) с коллегами-психологами;

3) с коллегами-смежниками (не психологами);

25

4) с администрацией (где психолог работает и где получает основной заработок);

5) с «заказчиками» (с администрацией организаций, где психолог выполняет определенные работы по

контрактам);

6) с представителями власти.

2. Линии конфликта ценностей и смыслов на уровне:

1) конфликта с посторонними людьми (в формальных отношениях);

2) конфликта со значимыми (или близкими) людьми (это могут быть не только родственники и друзья, но и коллеги, с которыми сложились реальные человеческие отношения);

3) внутреннего конфликта с самим собой.

4. Разнонаправленность ценностно-смысловых ориентаций психолога (само содержание противоречий):

1) противоречие между альтруистической и эгоистической ориентациями (традиционная линия противоречий, правда, уже подвергаемая сомнению многими психологами и философами);

2) противоречие между стремлением к самостоятельности, независимости (субъектности) и стремлением к покорности, к зависимости от обстоятельств и других людей;

3) противоречие между направленностью на внешне яркие варианты самореализации (как правило, одобряемые общественным мнением) и направленностью на скромные варианты самореализации (часто не понятные для большинства,

26

что обрекает творческую личность на одиночество и страдания).

Эти и другие возможные линии противоречий, а также комбинации этих линий фактически и создают пространство этической проблематики. Но важно добавить к этому, что каждый человек по мере своего развития создает и пересоздает эти пространства, быть может, и добавляя свои уникальные линии и критерии выделения этических проблем.

5. Основные этические проблемы и «соблазны» в психологической практике

Проблема власти над клиентом

С помощью определенных психотехнологий или эффектных приемов психолог (или психотерапевт) может довольно быстро создать у клиента ощущение, что перед ним выдающийся специалист, роскошный и квалифицированный мастер общения, хорошо знающий ситуацию и проблему клиента. Заметим, что во многих случаях именно создание такого «психотерапевтического (или консультационного) мифа» является важным условием излечения проблемы клиента. Этот миф основан на вере клиента в особые способности данного психолога-консультанта и по-своему даже полезен для большинства «нормальных» клиентов.

И здесь у психолога возникает «соблазн» буквально «вить из клиента веревки», внушая ему, к чему он должен стремиться и как он должен действовать. Этот «соблазн» порождает для психологов особую проблему — проблему манипуляции сознанием клиента, а для клиентов — проблему снижения степени их субъектности в решении своих жизненно важных вопросов. Это связано с тем, что значительная часть клиентов не стремятся брать ответственность за важные жизненные решения на себя, как бы перекладывая ее на «такого умного и все понимающего психолога», тем более что «он ведь специалист»... Усугубляется

27

эта проблема в условиях «рыночного консультирования», когда клиент хочет видеть, что его деньги заплачены психологу «не зря», психолог-консультант, соответственно, стремится эти деньги «отработать»... Хотя одна из важнейших проблем психолога-консультанта (и настоящего психотерапевта) — сформировать чувство ответственности за свои выборы у самого клиента.

Проблема «самокрасования» психолога

У психологов и педагогов возможностей для самоутверждения за счет клиента (или ученика) быть может больше, чем у многих артистов. В отличие от артистов, психологи-практики работают с реальными («живыми») аудиториями и с реальной «обратной связью» с ними, тогда как артисты скорее представляют собой некие желаемые (или ожидаемые) образы и работают со слишком большими аудиториями, что значительно осложняет реальный человеческий контакт со зрителем.

Проблема в том, что психолог должен «уметь производить впечатление на клиентов», иначе трудно будет организовать и развивать с ними эмоционально-доверительный контакт. Но, с другой стороны, нельзя эту идею доводить до абсурда, когда главным смыслом работы психолога становится «очаровывание» все новых и новых клиентов (или групп, или аудиторий)... А клиентам так хочется кем-то очаровываться, и, видимо, одной из причин их прихода к психологу как раз и является явный недостаток в реальной жизни людей, которыми можно было бы восхищаться. Конечно, как один из вариантов решения этой проблемы мог бы стать «очаровательный» психолог, но лучше было бы помочь клиенту научиться искать интересных людей в реальной жизни, а не в искусственно созданных ситуациях «заумненьких» психотерапевтических групп или «миленьких» консультаций.

28

Проблема платности психологических услуг

На наш взгляд, это одна из наиболее существенных проблем психологической практики в современных условиях. Именно поэтому этой проблеме посвящен отдельный вопрос (см. главу 7, вопрос 30). В самом общем виде проблема заключается в том, что при решении достаточно глубоких, интимных проблем клиента психолог фактически выходит с ним на уровень подлинной эмпатии, сочувствия, доброжелательного понимания, иногда — на уровень любви (в смысле «агапе» — по К. Роджерсу), иногда — на уровень дружеского участия в решении проблем клиента. И все это за деньги!.. В человеческой культуре есть вещи, которые в принципе не должны включаться в «рыночные отношения» — это, например, перечисленные выше человеческие святыни. И когда они продаются за определенные «гонорарчики», то неизбежно опошляются. Хотя реально большинство клиентов убеждены в том, что «за «любую услугу надо платить» и «чем квалифицированнее услуга, тем больше должен быть гонорар»...

Проблема усугубляется тем, что в условиях крайне низкой официальной зарплаты педагогов и психологов они часто вынуждены участвовать в этом опошлении святынь... Но они могут хотя бы понимать (и переживать), что эта ситуация не нормальная и хотя бы в мечтах стремиться к изменению этой ситуации. Хотя для части клиентов (наиболее умных и гордых) сам факт оплаты психологической помощи может стать препятствием для построения истинно доверительных отношений с психологом (или с психотерапевтом). Вероятно, должно быть разумное сочетание платных и бесплатных психолого-педагогических услуг. Но мы все-таки убеждены, что образование, здравоохранение, социальная и психологическая помощь населению — это важнейшее государственное дело, и потому они щедро должны финансироваться из бюджета, тем более что даже в современной России (РФ) есть немалые деньги (достаточно задуматься, на какие средства строятся роскошные особняки «новых русских»).

29

Ведь самое главное богатство любой страны — это не недра и не производственные мощности, а именно человеческий потенциал. И если этот потенциал, то есть население страны, люди (их образование, здоровье, возможности для реализации талантов) не культивируются и грамотно не используются, то это говорит лишь о бездарности руководства, ибо самая главная задача любого руководителя (даже «вождя») — это содействие развитию и оптимальному использованию данного людского потенциала.

Проблема интимных отношений с клиентом

Несмотря на то что во многих западных этических «уставах», «стандартах» и «кодексах» вводится категорический запрет на такие отношения, реально они существуют (в зарубежных фильмах имеется немало фильмов, где главные персонажи: он — «психоаналитик» и она — «пациент»...). В психологической работе с клиентами вполне могут возникать ситуации, когда встречаются близкие по духу люди, и человеческие взаимоотношения между ними могут значить больше, чем сама психологическая помощь... Поэтому не нужно себя обманывать!

Но при этом существуют определенные правила и запреты. Например, если такие взаимоотношения все-таки развиваются, то психолог не должен совмещать их с психологической помощью (например, клиента надо под каким-то предлогом просто передать другому специалисту) или же сначала довести психологическую помощь до конца, а лишь затем развивать эти (интимные) отношения. Давно подмечено, что психологическая помощь близким людям (родным, знакомым, любимым) часто бывает менее эффективной, чем малознакомым людям. Вероятно, и здесь срабатывает эффект «психотерапевтического мифа», а между близкими людьми подобные мифы быстро исчезают, ведь в основе настоящих дружеских (и любовных) отношений лежит не «технологизированный, отточенный до совершенства контакт», а ценность

30

именно естественных привязанностей, предполагающих и любовь определенных недостатков и даже несовершенств близкого человека (достаточно вспомнить, что самое страшное и «патологичное» — влюбиться в «идеального» человека, у которого «нет проблем»...).

Но существует еще один важный запрет — это запрет на любые интимные отношения с детьми и подростками, которые еще только учатся этим отношениям, и психолог (педагог) фактически лишь пользуются их неопытностью. Тем более что у психолога с его возможностями обсуждать самые животрепещущие для подростков темы достаточно много возможностей, чтобы легко «очаровывать» их.

Особую проблему представляют интимные отношения с клиентами в маленьких городах, где «произошедшее» быстро становится темой для сплетен и соответствующих «выводов». Еще одна проблема — специальная подготовка психологов и педагогов к ситуациям, когда клиенты (или пациенты) сами влюбляются в них и достаточно навязчиво демонстрируют свои чувства (естественно, на глазах у наблюдающей публики). Если резко пресекать любые попытки таких откровений, то клиент может сильно обидеться, ведь чувства бывают достаточно серьезные (а в случае работы с пациентами вообще могут быть даже эксцессы, вплоть до суицидов...). Если же идти на поводу у таких клиентов-пациентов, то психолог просто потеряет уважение (и самоуважение) и по сути может превратиться в «специалиста по вызову» (особенно, если за такими отношениями наблюдает «всепонимающая» публика)... Одним из условий безболезненного для обеих сторон выхода из подобных ситуаций является наличие у психолога семьи (или другого любимого человека), что хорошо «успокаивает», особенно многих подростков и молодых людей: для них как бы все «становится на свои места»... Поэтому остается пожелать, особенно молодым девушкам-психологам, иметь таких любимых людей...

31

Проблема «сапожника без сапог»

Многие психологи спрашивают, можно ли помогать другим людям решать свои проблемы, имея такие же собственные психологические проблемы? Ответ — конечно, можно, но при условии, что на момент консультации психолог сможет абстрагироваться от своих проблем и переключиться на проблемы данного клиента. Более того, у психолога должен быть опыт переживания психологических проблем, что значительно поможет ему лучше понять клиента. В конце концов тот факт, что на психологические факультеты нередко приходят молодые люди с «проблемами», вероятно, надо воспринимать с пониманием (естественно, если речь не идет о явно патологических проблемах, о проблемах психического здоровья). Мы даже знакомы с одной женщиной-психотерапевтом, у которой проблем так много, что это нередко замечают и ее пациенты, особенно на групповых занятиях. И тогда группа даже сплачивается, чтобы помочь самому психотерапевту, а заодно и думает, что у кого-то ситуация «еще хуже», чем у них самих, то есть у «пациентов»... Конечно, мы не призываем работать именно так, но и такое возможно как исключение (заметим, что данная женщина-психотерапевт достаточно мила, очаровательна и профессиональна, чем и вызывает симпатии многих своих пациентов).

Важно при всем этом не доводить своих проблем до крайних степеней выраженности, контролировать себя в работе с клиентом и, конечно же, не бравировать перед клиентом тем, что «у психологов проблем еще больше, чем у тех, кто приходит к ним за помощью». Более того, творческий психолог находится в постоянном творческом напряжении, а значит, он часто осознает и переживает свои, по крайней мере профессиональные, проблемы. Вероятно, самым странным образом психолога (или психотерапевта) был бы образ человека с «лицом, не

обезображенным интеллектом и переживаниями». Быть может, поэтому многие врачи, также имеющие дело с реальными проблемами больных людей, всегда готовы продемонстрировать свое сострадание и понимание

32

того, что беспокоит их пациентов. Хотя многие врачи-хирурги, наоборот, готовы продемонстрировать перед оперируемыми некоторый цинизм и специфическое «остроумие» (особенно перед операцией)...

Проблема «профессиональных секретов»

Таких секретов у психолога достаточно много, и именно поэтому один из принципов психологии — это «конфиденциальность», то есть соблюдение профессиональной тайны. Это секреты от клиентов и пациентов, которым совсем не обязательно знать все о себе, особенно в терминах многих патопсихологических методик. Это секреты от своих начальников и администраторов, которые могут и не иметь серьезного психологического образования и, соответственно, многое просто не поймут. Это и секреты от своих коллег-психологов, у которых могут быть разные представления о том, как надо работать с клиентами.

При этом вообще уходить в «подполье» и никому ничего не рассказывать нельзя. Поэтому у психолога-практика всегда должны быть какие-то общие сведения о той работе, которую он выполняет. И клиенты, и администраторы, и коллеги-психологи должны хотя бы в общих чертах понимать, чем занимается данный психолог, ибо отсутствие информации порождает различные сомнения и подозрения, а это может лишь осложнить работу.

Но при этом следует помнить, что если у психолога возникают какие-то новые идеи, то первоначально они очень слабые и оглашать их публично совсем не обязательно. Например, если психолог ищет какой-то новый психологический прием работы с клиентами, ему часто хочется «подстраховаться» и «обсудить» это с теми же коллегами и администраторами. Но именно здесь лучше проявить волю и выдержку, то есть сначала довести этот прием до нормального уровня, когда он будет достаточно эффективен, а лишь затем публично заявлять об этом, то есть ставить коллег перед

33

фактом. Опыт показывает, что преждевременное оглашение своих профессиональных секретов часто вызывает желание коллег и начальников все критиковать и фактически пресекать творчество.

Сами секреты могут варьироваться оттого, с кем психолог откровенничает. Если это достаточно «примитивные» клиенты (коллеги или начальники), то степень откровенности психолога должна быть минимальной (примитивным людям очень неприятно настоящее творчество), но если это ищущие и доброжелательные люди, то, соответственно, откровенность может быть выше. Даже с клиентами, если они демонстрируют внутреннюю активность и определенный уровень культуры, откровения могут иногда быть большими, чем с иными коллегами-психологами... Важно при этом не ошибиться в оценки готовности собеседника к вашим откровениям.

Проблема «эмоционального сгорания» на работе

Психологу (психотерапевту) хочется, чтобы о нем говорили, что он готов ради клиентов на все, готов не щадить себя и т. п. Часто это заканчивается сильным перенапряжением и нервным срывом у самого психолога. Проблема усугубляется тем, что пока не существуют обоснованные психогигиенические нормы нагрузок для психолога. Кроме того, отдельные консультации или психотерапевтические группы могут быть настолько изматывающими, что уже к середине рабочего дня психолог истощается и физически, и психически. В конце концов, психолог должен помнить, что у него самого есть близкие люди (родители, дети, друзья, любимые...), которым совсем не безразлично его (психолога) здоровье и ради которых он все-таки должен думать о своем психическом и физическом благополучии...

В таких условия у самого психолога должно быть выработано чувство самосохранения (или, как говорят, развития психогигиены труда), причем психолог должен учитывать именно свои особенности, свою готовность к перенесению

34

различных нагрузок, а также искать свои средства для восстановления работоспособности. Замечено, что часто более эффективны в восстановлении работоспособности именно простые средства (например, легкий массаж, приятное воспоминание, различные «талисманы» и т. п.).

Начинающим консультантам можно дать такой совет: в первые месяцы своей работы все-таки не щадить себя, попробовать некоторое время работать с полной отдачей. Во-первых, этого часто ожидают коллеги и руководство. Во-вторых, сам психолог быстро обнаружит свой предел нагрузок, свои реальные возможности. В-третьих, часто такое перенапряжение вызывает восхищение у многих клиентов и пациентов, и они могут стать впоследствии вашими настоящими друзьями (это нередко наблюдается у педагогов, когда они работают со своими «первыми» классами), а это прекрасная основа для повышения чувства профессионального самоуважения начинающего психолога. Но потом, в последующие годы работы, необходимо все-таки найти оптимальный режим нагрузок, позволяя себе лишь иногда, лишь с некоторыми (наиболее интересными клиентами) работать с полной отдачей. А для остальных («обычных», «нормальных») клиентов это тоже должно оставаться профессиональной тайной данного психолога...

Проблема «раннего (или позднего) прозрения» клиента

В отдельных видах психологического консультирования (например, в профконсультации) часто приходится обсуждать проблемы, связанные с карьерой, с жизненным успехом, с конкурентоспособностью на «рынке труда»... Но часто карьерный успех зависит от того, насколько человек готов демонстрировать далеко не лучшие свои качества (жестокость, хитрость, в определенном смысле — продажность и т. п.). Вопрос: с какого возраста делать это предметом обсуждения с молодыми клиентами? С одной стороны, подростки и сами понимают, что, опираясь на свое благородство и достоинство,

35

а также на честно полученные знания, многого в современной мире не добьешься, но, с другой стороны, у многих подростков еще сохранилась глубоко сидящая надежда на то, что именно им удастся добиться успеха, не совершая серьезных сделок с совестью. Деликатность данной проблема, на наш взгляд, еще недостаточно осознана современной консультативной психологией, ведь большинство учебников и пособий по построению карьеры как раз и советует молодым людям быть «напористыми», «конкурентоспособными», «уметь продавать себя на рынке труда», «уметь обходить своих соперников», но при этом почти не говорится о том, как вести себя благородно в ситуациях такой конкуренции, и тем более почти не говорится о том, что основой успеха является честный, квалифицированный труд — это вообще не «рыночная» тема...

В разговоре с подростками, видимо, не стоит драматизировать ситуацию, но и замалчивать данную проблему тоже не следует (в настоящем пособии данной проблеме посвящена почти вся глава 3). В самом общем плане выходом из данной проблемы могло бы стать такое видение ситуации, что путь к карьерному успеху — это своеобразное испытание каждому человеку в плане его готовности добиться успеха, но сохранив при этом свою совесть и достоинство.

Проблема «неинтересного клиента»

Любить каждого клиента — это слишком серьезное требование от психолога. Напомним, что только Господь Бог способен любить каждого человека, хотя даже Он Сам не каждого направляет в рай после смерти... Интересно, но и в гуманистической психологии, где позитивная направленность на любого клиента является одним из важнейших условий работы с ним, эта проблема также ставится и обсуждается. Интересно эта проблема обозначается и разрешается К. Роджерсом. Как известно, в гуманистической психотерапии важнейшим условием «встречи с клиентом» является конгруэнтность, то есть искренность,

36

которая относится не только к клиенту, но и к самому психотерапевту. Если психотерапевт чувствует, что ему не очень интересно с данным клиентом, то он может сказать примерно следующее: «Грустно отметить, что мне не очень интересно на нашей сегодняшней сессии, и неловко говорить вам об этом. Мне кажется, скука появилась оттого, что я не чувствую реальной связи с вами. Нет ли у вас каких-нибудь мыслей насчет происходящего между

нами сегодня? Что, по-вашему, заставляет меня испытывать подобные чувства?» (цит. по: Кан, 1997. — С. 127).

И как только психотерапевт произносит это, для него ситуация перестает быть «неинтересной», ведь он берет на себя ответственность за свои слова и, несомненно, рискует, что клиент может обидеться и уйти... Но и здесь надо реально оценивать ситуацию и напрасно не рисковать, то есть с какими-то клиентами еще необходимо выстроить отношения на более простых (и примитивных) уровнях, а лишь после позволять себе подобные откровения. Хотя если психолог (или психотерапевт) достаточно известный и авторитетный специалист, сам факт встречи с которым уже является событием в жизни клиента, то он может позволить себе и не такие откровения с клиентом.

Но для нас важно то, что и клиенты могут быть первоначально «неинтересными», и уже творческая задача психолога заключается в том, как превратить такую («неинтересную») встречу в содержательный и радостный разговор. Искусство консультирования заключается и в том, чтобы постепенно находить общие точки соприкосновения даже с людьми, которые по уровню культуры и по духу очень далеки конкретному психологу. Хотя и здесь психолог вправе выбирать себе близкую по духу клиентуру...

Проблема поиска «своего клиента» или «своего психолога»

Близкая к только что рассмотренной выше — проблема готовности психолога работать с любым клиентом, даже с

37

таким, который вызывает у него чувство презрения или отвращения. При всей «странности» постановки такой проблемы, мы исходим из того, что психолог — это тоже человек, у которого могут быть свои симпатии и антипатии. Даже проститутки иногда отказываются обслуживать «клиентов», которые им просто отвратительны, хотя для обслуживания таких клиентов кто-то все-таки находится (и среди проституток имеется своя «специализация»). Отсюда вопрос: имеет ли право психолог отказываться от «любого» клиента, то есть может ли он ориентироваться на тех клиентов с которыми он готов работать по содержательным или эстетическим соображениям и в проблемах которых он лучше разбирается?

Призывать любить и уважать всех (без исключения) клиентов — это, скорее всего, самообман, ведь только Господь Бог способен любить и прощать всех людей, раз уж он создал их такими... Но способен ли на это человек, пусть даже это и психолог-консультант? Практика показывает, что и психологи-консультанты все-таки специализируются на определенных группах «своих» клиентов. Это по-своему честно и разумно.

Но тогда возникает другой вопрос: как быть с клиентом, который попал к психологу на консультацию «по ошибке»? Для этого сама практика предлагает множество приемов переадресовки клиента другому психологу. Например, клиенту можно объяснить, что есть другой специалист, который лучше разбирается в его проблемах... Правда, в условиях коммерциализации психологических услуг, когда идет реальная борьба (конкуренция) за каждого «выгодного» клиента, многие психологи постараются работать с любыми клиентами, которые готовы хорошо платить, но это уже другая проблема...

Если взглянуть на проблему со стороны клиента, то и он должен иметь право выбирать «своего» психолога. Но сама возможность такого выбора порождает новую проблему: общение с психологом превращается для клиента в «театр

38

одного актера», и от каждой новой встречи клиент ждет, что психолог непременно должен произвести на него впечатление. Клиент начинает «коллекционировать» свои впечатления от разных психологов, неизбежно сравнивать их друг с другом, а это часто приводит к иллюзорному ощущению клиента своего превосходства над «жалкими» психологами.

На наш взгляд, в идеале ситуация выбора «своего консультанта» и «своего психолога» должна быть такой, что ценностью становится не только стремление к поиску близкого по духу человека (будь то психолог или клиент), но и ценность самого общения с таким человеком. При этом изначальная установка и для психолога, и для клиента должна быть максимально доброжелательной и оптимистичной, то есть в каждой встрече изначально надо

видеть ту самую возможность, шанс нахождения близкого человека. А если поиск оказался не очень удачным, то важно суметь расстаться как можно более корректно и достойно, всегда помня о том, что данный человек наверняка еще найдет «своего» собеседника.

Правда, как мы уже отмечали, существует и другая точка зрения по данной проблеме: психолог должен работать с каждым клиентом, как, например, врач, тем более когда других психологов в данном городе нет. Эта точка зрения также имеет право на существование. Но если все-таки есть возможность выбора более близкого по духу человека, то лучше такую возможность использовать...

Проблема корректности использования оценочных терминов

При оценке совершаемых клиентом личных, жизненных и профессиональных выборов неизбежно возникает ситуация, когда какие-то выборы могут показаться психологу недостойными. Например, на профконсультации клиент разоткровенничался и начинает обосновывать такие выборы, как проституция, криминал и т. п. Признать, что

39

выборы равноценны, означало бы отказ от ориентации высшие идеалы достоинства и самоуважения, все-таки существующие в культуре. Но запретить клиенту даже размышлять о таких выборах означало бы еще больше подогревать к этим выборам интерес, делать их вдвойне притягательными. Можно было бы манипулятивно переубеждать клиента, опираясь на свой авторитет и обаяние, но через некоторое время клиент может «прозреть» и «разочароваться» в тех вариантах жизненных выборов, которые психолог-консультант когда-то предлагал ему, больше обращаясь не к разуму, а к чувствам или эмоциям клиента.

Проблема в том, как корректно обозначить, назвать недостойные варианты жизненных выборов. В обыденной жизни для обозначения таких вариантов существует своя, часто не очень красивая «терминология». Может ли психолог-консультант использовать такую терминологию в работе с клиентом? Например, может ли он сказать своему клиенту, что выбор проституции в качестве своей основной трудовой деятельности является «гнусным», «позорным», что проститутки — это «шлюхи» и т. п.? Проблема усугубляется тем, что в самой психологии пока еще не наработаны более мягкие и корректные термины для подобных ситуаций, а ведь для каждой такой ситуации нужны свои, подходящие слова.

Здесь мы исходим из того, что обсуждать с клиентом нужно все возможные варианты выборов. Это важно для того, чтобы потом у клиента не возникало соблазна уже с кем-то другим обсудить то, что также реально волнует его воображение (или то, что потом может стать предметом его внимания). При этом важно обсудить все «за» и «против» каждого из этих вариантов. Но само право выбора все-таки оставлять клиенту. Единственное, что может сделать психолог-консультант, — это корректно высказать свое мнение или отношение к разным выборам, но ни в коем случае не навязывая клиенту только свое мнение.

40

6. Основные этические проблемы в научно-исследовательской деятельности психолога

Чрезмерное экспериментирование над клиентом

Иногда, увлекаясь работой с клиентами (или с испытуемыми), психолог в своем стремлении к получению интересных эмпирических фактов ставит научные интересы выше интересов тех людей, которых исследует. Особенно это опасно при сочетании исследования с практической помощью клиентам. Как только психолог почувствует, что его научный интерес оказался выше, чем интересы доверившихся ему людей, то следует сказать: «Стоп!» — и поменять приоритеты. В любых случаях интересы клиентов (и испытуемых) должны стоять выше научно-исследовательских интересов.

Такая смена приоритетов (научных над консультативными) нередко происходит у начинающих психологов. Ориентированных на карьеру, когда хочется поскорее провести исследование, набрать интересных фактов, защитить диссертацию или написать статью в солидном журнале. Одним из важных аспектов любого

исследования являются этическая правомерность и допустимость вмешательства в личную жизнь испытуемых (подробнее об этом в главах 6 и 7 настоящего пособия).

Проблема вторжения в личную жизнь испытуемых

С одной стороны, нельзя понять многие проблемы клиента, не вникнув в его жизненную ситуацию, в том числе не познакомившись и с некоторыми личными секретами и даже тайнами клиента. Но, с другой стороны, своя тайна должна быть у каждого человека, когда даже самым близким людям он не раскрывает эту тайну (он часто именно этой тайной и интересен близким людям). В этой деликатной ситуации оказываются и психолог-практик, и психолог-исследователь,

41

пытающийся изучать личность во всей ее сложности и противоречивости.

Несколько успокаивает то обстоятельство, что по-настоящему понять другого человека нельзя, не вступив с ним в реальные субъект-субъектные отношения, когда только с помощью этого (исследуемого) человека только и можно понять или даже почувствовать его сложные проблемы (и некоторые тайны, которые нередко составляют основу настоящей личности). Сама тайна — это нередко вещь вынужденная, она и возникает оттого, что человек, выходя на определенный уровень своего развития, часто оказывается не понятен окружающим, что и заставляет его замыкаться, создавать для себя свой (внутренний) мир. И если психолог-практик или психолог-исследователь готовы доброжелательно понять данного человека, то, возможно, он сам добровольно и откроется исследователю. Но при этом важно помнить, что тайна должна носить анонимный характер, и в отчетах о проведенном исследовании ни в коем случае не должны упоминаться данные о доверившемся испытуемом.

Страх психолога перед исследованием острых социально-психологических проблем

С одной стороны, полноценно осознать реальные общественные проблемы можно, лишь несколько успокоившись, лишь перестав реагировать на них эмоционально, субъективно, как на личностно значимые проблемы. А для этого разумно было бы просто подождать, пока страсти улягутся, и исследовать эти проблемы непредвзято, объективно и т. п. Но, с другой стороны, определенную ценность имеет и непосредственный опыт переживания этих проблем, когда исследователь пытается понять ситуацию как бы «изнутри», сам находясь в этой ситуации. Кроме того, многие клиенты (и испытуемые) реально соприкасаются с острыми социально-психологическими проблемами данного времени, поэтому, хотя бы для благополучия этих людей, есть смысл уже

42

сейчас осмысливать истинные причины многих несчастий, которые их волнуют.

Проблема осложняется тем, что со стороны властей и многих так называемых «заказчиков» само обращение к сложным социально-психологическим темам не всегда приветствуется и далеко не всегда хорошо оплачивается. Поэтому многие психологи просто не заинтересованы исследовать эти проблемы, не хотят рисковать, портить отношения со своей администрацией и т. п. К сожалению, в профессиональной среде, в разнообразных «тусовках» самих психологов обращение к этим проблемам также не приветствуется, а те психологи, которые все-таки осмеливаются осмысливать эти проблемы, нередко подвергаются тихому (закуливному) высмеиванию или даже открытому остракизму, так как пока это считается «неприличной» темой.

Можно даже предположить, что сегодняшнее демонстративное равнодушие (так называемый псевдоинтеллигентский «пофигизм») может смениться на свою противоположность — на слишком демонстративное смакование этих острых общественных проблем, что довольно быстро может привести к оплошлению самой идеи равнодушия психологов к процессам, происходящим в современном обществе. К сожалению, в России многое делается по крайностям. С еще большим сожалением приходится отмечать, что многие реальные социально-психологические проблемы пока эффективнее и смелее исследуют социологи, педагоги, философы, даже журналисты... но не психологи...

Проблема недобросовестности исследования

Эта проблема одна из наиболее сложных в экспериментальной психологии. Многое зависит от самого критерия «добросовестности». Если идти традиционным путем, то добросовестность во многом зависит от «объективности» метода, от адекватности используемых методик целям и гипотезам исследования, от репрезентативности исследуемых выборок и

43

т. п. Но уже давно подмечена закономерность: чем выше уровень организации психического (например, уровень личности, индивидуальности...), тем труднее он поддается измерению и шкалированию. И наоборот, чем проще организация психического, тем эффективнее так называемый «объективный метод» (см. *Дружинин*, 1994. — С. 123—134).

В современной экспериментальной психологии сложилась традиция, согласно которой сложность используемого математико-статистического инструментария является «надежной» гарантией добросовестности исследования. И наоборот, исследование, выполненное с опорой на «понимание», «прочувствование» ситуации, где важнейшую роль играют интуиция и опыт исследователя, считается «несерьезным», и результаты таких исследований часто даже вообще не принимаются к публикации в «солидных» научных изданиях. Как это ни парадоксально, но часто выдающиеся открытия (и не только в психологии) совершаются с опорой не на формальную логику и не на умопомрачительные расчеты, а с опорой на общее «понимание» проблемной ситуации. И многие выдающиеся ученые вообще с трудом могут внятно объяснить, как они пришли к своим открытиям. Примечательно, что известный отечественный психолог Е. А. Климов призывает к использованию более простых методов исследования, считая «простоту» важнейшим достоинством методики, а также отмечает, что «метафоричность» научного языка есть путь к концептуализации наших знаний» (см. *Климов*, 1995. — С. 73).

В очень сложной ситуации здесь оказываются начинающие ученые, которые просто обязаны продемонстрировать научному сообществу свою способность выполнять правила научного исследования по традиционной схеме (например, просчитывать личность с помощью так называемых «личностных тестов», хотя суть личности — в ее принципиальной неповторимости и несоотнесенности с различными усредненными «нормами» и т. п.). Но уже более солидные и опытные ученые могут позволить себе то, что называется «мысленный

44

эксперимент», или «квазиэксперимент». Естественно, такие эксперименты основываются на богатом опыте исследовательской деятельности по уже отработанным схемам. Поэтому начинающим ученым, видимо, надо смириться с необходимостью хотя бы внешне демонстрировать свою приверженность существующей традиции.

Проблема недобросовестности исследований в современных российских условиях осложняется недостаточным финансированием научных разработок, отсутствием достаточного количества необходимой аппаратуры и экспериментальных площадок, а также извечной российской суестью, когда серьезные проекты приходится (ради «экономии средств») проводить в «ускоренном режиме».

Другой гранью этой проблемы является недостаток времени у многих талантливых ученых для проведения настоящих исследований, когда основное время просто растрачивается на поиски дополнительных заработков (лекций в коммерческих вузах, подработками по весьма сомнительным проектам и т. п.).

«Кастовость» и «семейственность» в науке

С одной стороны, в науке существуют положительные примеры, когда супруги или представители определенной семьи добиваются заметных успехов в своих исследованиях, помогая друг другу. Нередко ребенок, воспитываясь в культурной среде семьи настоящих ученых, с детства впитывает сам дух научного творчества, и в дальнейшем у него есть прекрасный шанс использовать это уже для своего научного творчества. К сожалению, чаще все ограничивается лишь тем, что уважаемые родители просто пристраивают свое подросшее и недосамоопределившееся «чадо» в науке, поэтому реально проблема «семейственности» в науке все-таки существует.

Проблема «кастовости» не менее сложна. Сама «каста» в данном случае понимается как избранный круг «штатных

гениев», которые должны быть в любой организации (особенно

45

в научной) и которыми многие гордятся (иногда заслуженно, чаще — незаслуженно), по принципу: «Без своих собственных «гениев» как-то неинтересно»... Смысл «кастовости» в том, что для наиболее талантливых и нередко именно для молодых ученых фактически перекрывается доступ в престижные научные «тусовки» (в эти престижные группы для избранных), например, осложняются возможности для защиты диссертаций или возможности для получения значительных должностей в данной научной организации. Нередко это делается через обычное замалчивание работ молодого ученого, как будто его и нет вовсе (в ситуации, когда резко возросло число различных публикаций, многие коллеги, действительно, могут не обратить внимание на работы какого-то неизвестного исследователя).

Особенность многих престижных научных «тусовок» в том, что каждый должен четко «знать свое место» и «не высовываться». Нередко можно наблюдать, как не очень выдающиеся молодые ученые все-таки принимаются в такие престижные «касты-тусовки», но потом надолго так и остаются на второстепенных ролях (например, в роли «шута-анекдотчика», в роли эстетического «украшения», в роли местного «барда-песенника», в роли «произносителя красивых интеллектуальных тостов» в лучших традициях данной «тусовки», а то и просто в роли члена «массовки», точно знающей, когда и как надо улыбаться и подыгрывать местным авторитетам...).

Молодой, по-настоящему смелый и инициативный ученый может нарушить строго расписанный порядок поведения в данной «тусовке», а чей-то авторитет вообще поставить под сомнение. В определенном смысле в «тусовке» срабатывает инстинкт самосохранения, что предохраняет ее от нападков всевозможных «высочек», рассчитывающих на скандальный эффект при критике авторитетных ученых. Но «кастовость» может иметь и явно патологические черты, когда «зажимают» явно талантливых ученых, осмелившихся быть самими собой.

46

Проблема участия психолога (или обоснования с его стороны) в глобальных общественных манипуляциях

В современной России при ничтожных официальных зарплатах психологов и педагогов часто появляется «соблазн» зарабатывать деньги, участвуя в сомнительных социально-психологических исследованиях или в так называемых «пиаровских» кампаниях, когда с помощью психологов представителей бандитских (и, соответственно, весьма богатых) партий проводят во власть в ходе различных избирательных кампаний. Даже некоторые наши знакомые, участвующие в таких кампаниях, признавались, что после у многих из них резко обострились различные заболевания и не только по медицинским причинам: слишком много грязи и подлости приходилось через себя пропускать. Даже тот факт, что избирают не реального человека, а лишь «приукрашенную куклу» (далекую от реального образа данного человека-претендента), говорит об этической сомнительности подобных кампаний.

С одной стороны, можно просто стать «в позу» и сказать, что в подобных делах я участия принимать не буду. Но тогда психолог лишается достаточно больших заработков. С другой стороны, кто-то может успокоить себя тем, что если не он, то кто-то другой обязательно в этик общественных манипуляциях участвовать будет, и именно он заработает деньги, которые так нужны именно вам... Кроме того, кто-то может сказать, что и в подобных кампаниях все-таки приобретает настоящий профессиональный опыт, а он тоже чего-то стоит. А кто-то может сказать, что нынешнему российскому «электорату с менталитетом» подобные манипуляции нравятся. К сожалению, современное российское общество в массе своей еще не выработало иммунитета против подобных манипуляций. Но нельзя забывать и о профессиональной репутации самих психологов. Вероятно, решать проблему участия или не участия в таких манипуляциях должен сам психолог, а лучшим помощником здесь должна быть его профессиональная и человеческая совесть...

47

Проблема написания диссертаций за деньги

Нищенская зарплата многих отечественных ученых в условиях «демократических преобразований» и

непрекращающейся уже многие годы борьбы с «коммунистическим прошлым» (вместо того, чтобы бороться с нынешними бандитами и спекулянтами) часто вынуждает некоторых из этих ученых за определенные гонорары писать диссертации для всяких высокопоставленных бездарей и лентяев. К сожалению известны даже негласные ставки за написание кандидатских и докторских диссертаций, да еще с обозначением различных условий (диссертация с авторефератом или без него, с публикациями или без них...). Поэтому все больше появляется кандидатов и докторов психологических наук, никак с психологией не связанных (например, крупные начальники и их детки-внучата, представители различных «заказчиков» и нынешние «меценаты», а точнее — так называемые «спонсоры» и т. п.).

Идиотизм ситуации проявляется и в том, что некоторые неглупые психологи еще и бравируют тем, как им удастся зарабатывать на написании таких диссертаций, да еще при том, что сами они своих диссертаций не защитили и защищать не собираются по «принципиальным соображениям». Естественно, все это приводит к дискредитации ученых психологов, поэтому бравада и радость по этому поводу весьма сомнительны.

Проблема недобросовестного соавторства и плагиата

К сожалению, и эта проблема достаточно распространена. Слишком много возникает ситуаций, когда талантливые (чаще молодые) ученые просто вынуждены обращаться за помощью и поддержкой к недобросовестным начальникам и администраторам, а то и к ученым, уже давно потерявшим продуктивность в науке. И тогда талантливым авторам предлагают «соавторство» (как важнейшее условие опубликования его

48

трудов, получения грантов или карьерного роста). Особенно все это расцветает в условиях коммерциализации науки, когда для продвижения перспективных исследовательских проектов приходится брать в «соавторы» различных чиновников и самих «заказчиков» этих проектов.

Все большее распространение приобретает плагиат, когда авторы в своих текстах беззастенчиво переписывают целые главы и разделы из работ других авторов. Вероятно, вместе с внедрением глобальных компьютерных сетей (типа Интернет) возможности для плагиата еще больше расширятся. По крайней мере, студенты многих российских вузов уже часто используют Интернет для «написания» своих курсовых и дипломных работ (мы сталкивались с ситуациями, когда в одних группах у студентов были совершенно одинаковые дипломные работы, написанные с помощью компьютера). Похожая ситуация все больше вырисовывается и при написании диссертационных работ.

Хотя что может быть прекраснее работы, выполненной самостоятельно, особенно когда хоть кто-то ее собирается прочитать.

Одним из современных (российских!) вариантов плагиата является так называемое

соруководство диссертационными исследованиями. Как известно, формально для ученого выгодно накапливать количество защищенных диссертационных работ (например, это важно для присуждения ученого звания, для научной карьеры и т. п.). Технология здесь проста: реально научное руководство осуществляет пока еще молодой и «несолидный» ученый. Но вот на завершающих этапах подготовки диссертации, когда основная работа уже сделана, соискателю и его «несолидному» научному руководителю предлагают в качестве соруководителя какого-то другого человека, часто обосновывая это тем, что так работа будет выглядеть «весомее». Как правило, отказаться бывает довольно трудно, поскольку часто соискателю намекают, что у него могут возникнуть проблемы на самой защите. Тем более что нередко за такое «соруководство» с соискателя

49

неофициально (но для многих диссертационных советов в нынешней «псевдорыночной» России вполне реально) взимаются немалые деньги.

Ситуация нередко усугубляется тем, что так называемый «соруководитель» еще и начинает как-то оправдывать свой гонорарчик, например, после беседы с соискателем он обязательно обнаруживает «серьезные недостатки»

работы и на завершающих этапах буквально требует, чтобы работа была переделана. Несчастный соискатель и его «несолидный» научный руководитель вынуждены соглашаться с этим, поскольку защита вообще может не состояться...

Как действовать в этой ситуации — большой вопрос. К сожалению, коммерциализация науки вынуждает многих ученых искать дополнительные возможности для заработков. К сожалению, часть ученых используют для этого диссертационные советы, буквально выкачивая деньги из соискателей. Страдает от этого прежде всего сама психологическая наука, ведь на первое место выходит не научная ценность диссертационного исследования, а возможность соискателя оплачивать свою защиту. Страдает от этого и соискатель, поскольку хорошо понятно, с каким чувством он приобщается к науке психологии. Понятно также, что, скорее всего, став «настоящим российским ученым», он начнет отыгрываться на уже других соискателях, ведь он должен выполнять «правила игры» (здесь фактически срабатывает известный принцип «дедовщины», когда солдаты-«старички» отыгрываются за свои недавние унижения на «молодых» солдатах). Но по-своему страдают в этой ситуации и сами ученые-вымогатели, многие из которых в прошлом имели хорошую репутацию, заслуги перед психологической наукой, ведь они прекрасно понимают, во что они превратились... В общем, да здравствует «рынок» диссертационных услуг!!!

Что происходит в душе таких ученых-вымогателей — это отдельный этический вопрос. Ведь, по сути, речь идет о серьезной профессиональной и личностной деградации ученого (или преподавателя психологии). Но поскольку такая деградация

50

происходит постепенно и, соответственно, плохо осознается, то проблема еще больше усугубляется. К этому можно добавить вполне лояльное отношение к этому явлению со стороны властей и общества (да здравствует «рынок»!). А для части соискателей возможность «покупать» научные степени вообще «благо». Таким образом, проблема вымогательства при написании диссертаций, при всей ее деликатности, становится очень даже актуальной для развития отечественной науки (и не только психологической науки).

Хотя ситуация все-таки не так трагична. По нашим наблюдениям, даже в тех диссертационных советах, где принято «обирать» соискателей, иногда все-таки случаются настоящие и интересные защиты диссертаций. Как правило, это диссертации тех соискателей, которые уверены в результатах своего исследования и которые просто уважают самих себя. По сути, защита в нынешних условиях — это не только защита выдвигаемых положений, но и защита собственного достоинства. И иногда на таких защитах все-таки происходит чудо: те ученые-вымогатели, которые часто демонстрируют свою «принципиальность» (если им и палатят по негласной «таксе»), вдруг начинают восхищаться смелым и независимым соискателем, даже если им и не платят... К сожалению, это случается редко. Ведь основной расчет вымогателя от науки на то, что соискатель не уверен в научной ценности своей работы, тем более если вымогатель чувствует, что сама работа также выполнена (не соискателем) за деньги... И опять можно радостно воскликнуть: да здравствует «рынок» в науке!!!

Проблема «рыночного стукачества» при написании дипломов и диссертаций

Технология вымогательства у соискателя с угрозой последующего «стукачества» проста. Автор диплома или диссертации, конечно же, сильно волнуется (поскольку вложены колоссальные силы, средства, время, и все это может оказаться впустую), и ко всему прочему он понимает, что «идеальных

51

работ не бывает». Вымогатель (это может быть оппонент, рецензент или эксперт) обычно выискивает в работе соискателя слабые стороны и буквально размазывает ее по стенке, тем самым демонстрируя свою «научную принципиальность». После этого ошарашенному соискателю (а разговор обычно происходит с глазу на глаз) заявляется, что «такая работа не может быть защищена», но доработать в срок ее невозможно, и поэтому он будет выступать за отмену защиты. «Вот если я вам помогу ее доделать, то, может быть, вы ее и защитите, — говорит далее вымогатель. — Но это, естественно, не за «спасибо», это моя вам добрая услуга, которая должна быть оплачена так-то и так-то». Но потом вымогатель говорит примерно следующее: «Если же вы со своим научным руководителем все-таки попробуете эту работу защищать без моего участия, то я, естественно, выступлю

против и разнесу вашу работу в «пух и прах». А если даже комиссия (или совет) признают вашу работу удачной, я все-равно буду писать в вышестоящие органы (в ВАК и т. п.)». Фактически речь идет о вымогательстве с опорой на стукачество, то есть с угрозой «писать клеветы» и этим сильно осложняя жизнь соискателя. Как говорится, куда бедному соискателю деваться?!

Чтобы хоть как-то подстраховаться, соискатель стремится писать свои работы у «солидных» научных руководителей, с которыми вымогатель просто побоится связываться. Но и это не всегда помогает, так как солидный научный руководитель сам нередко начинает «пользоваться» своим учеником. Это может быть не только прямая взятка (как известно, существуют даже своеобразные негласные «таксы» на оплату труда руководителей, в зависимости от их формального и неформального ранга и веса в научном сообществе), но и использование значительной части теоретического и эмпирического материала соискателя в своих целях, или это могут быть так называемые совместные публикации, о которых уже говорилось выше, и т. п. Слава богу, что не все действительно солидные ученые становятся вымогателями, и

52

этим психологическая наука пока еще выгодно отличается от некоторых других отраслей научного знания.

Ситуация осложняется тем, что вымогатель обычно хорошо просчитывает свои ходы: 1) он взвешивает возможности соискателя и его научного руководителя (в плане «связей» и выгодных контактов с теми людьми, которые могли бы их защитить в высших научных инстанциях); 2) также он взвешивает свои собственные возможности, то есть оценивает, насколько его (вымогателя) «деловые связи» помогут ему запугать соискателя или «отомстить» соискателю и его научному руководителю, если они откажутся давать взятку. К этому можно добавить, что в основе «деловых связей» вымогателя лежит взаимная заинтересованность, то есть нередко от суммы взятки что-то перепадает (в виде подарков или других «благ») и покровителю вымогателя. Негодяи сильны тем, что они объединены и связаны круговой порукой (а лучше сказать, общим преступлением). И наоборот, порядочные люди часто не готовы объединиться, чтобы противостоять этой мерзости, тем более отвратительной, что она совершается под прикрытием «научной принципиальности» и «повышения строгости критериев к диссертационным исследованиям»...

Разновидностью вымогательства является склонение соискателей (точнее соискательниц) к сожительству, и здесь в очень сложном положении оказываются молодые, симпатичные девушки, осмелившиеся защищать свои работы (может, и не очень зрелые) в совете с «маститыми», но не очень порядочными научными «авторитетами». Правда, по нашим наблюдениям, в эпоху расцвета и легализации разврата более популярно вымогательство именно денег, на которые вымогатели со своими приятелями-покровителями вполне могут приятно развлечься и в баньках, и саунах, и все такое... Поэтому термин «рыночные стукачи» представляется вполне соответствующим духу времени.

Сталкиваясь с такими вымогателями (которые были, например, «экспертами» у некоторых наших соискателей), мы обратили внимание и на то, что для многих из них отказ соискателя

53

дать им взятку воспринимается как «личное оскорбление» и «занижение их заслуг перед психологической наукой»... Поэтому дело, конечно, не только в деньгах, но и в извращенном самоутверждении (этой самой страшной профессиональной деструкции для ученого). Печально, когда такими учеными-вымогателями становятся действительно неглупые люди, когда-то в прошлом хоть что-то сделавшие для психологии.

Мой учитель Е. А. Климов, до недавнего времени возглавлявший экспертную комиссию ВАК по психологии и педагогике, говорил: «С хапугами в науке надо бороться!..». Однако вопрос, как с этим бороться, пока остается открытым. С одной стороны, пока не будет существенно увеличена зарплата научным работникам, многие из них будут «соблазняться» идеей вымогательства (здесь лишь вопрос в размере вымогаемых сумм). С другой стороны, в сознании многих соискателей давно утвердилась мысль, что с помощью денег (или дорогих подарков) защищаться гораздо легче... Одним из лучших средств против «солидного» вымогателя являются уверенность соискателя и его научного руководителя в работе и демонстрация своей готовности действительно защищать ее, проявляя не только свою научную эрудицию, но и характер, и свои лучшие личностные качества психолога-исследователя.

Заметим, что именно морально-волевая готовность психолога, опирающаяся на благородную идею, является основой его профессионального успеха, то есть все-таки можно быть настоящим психологом даже в окружении «ученых» хапуг и ничтожеств!

На наш взгляд, само обращение к проблеме «рыночного стукачества в науке» (или к проблеме вымогательства), ее публичное обсуждение (на конференциях, в студенческих аудиториях, в неформальном общении психологов) уже само по себе является важным шагом в ее преодолении — это гораздо важнее всего остального, что сейчас с умным видом обсуждается в психологии... Хотя больших иллюзий мы здесь не строим, так как все это приобрело в российской науке

54

(в том числе и в психологии) просто глобальные масштабы. Поэтому крикнем еще раз дружно хором: «Да здравствует рынок в науке!!!». Ведь она (российская наука) еще не до конца разгромлена и унижена...

Наконец, можно обозначить еще одну грань «рыночного стукачества» в науке — это обращение в правоохранительные органы с тем, чтобы просто взять вымогателя с поличным. Но, по нашему опыту, само обсуждение такой возможности (с коллегами и студентами) многих даже возмущает, ведь «это даже неприлично — «закладывать» своих же коллег», «лучше поговорить с ними по-хорошему»... Здесь примечательно то, что в такой позиции чувствуется явное недоверие к правоохранительным органам, тем более что и среди вымогателей нередко можно увидеть людей в погонах (а мы даже сталкивались с вымогателями-генералами, у которых немало связей не только с психологическими корифеями, но и с государственными чиновниками). Получается, что сама попытка поставить вымогателя на место и тем более, наказать его по закону многими может быть воспринята как «стукачество» на «уважаемого ученого»...

К сожалению, и автор данных строк не может похвалиться мужеством и развитой гражданской позицией. Совсем недавно и у нашего соискателя вымогали крупную сумму денег в одном провинциальном университете (где-то по дороге из Москвы в Санкт-Петербург)... Мы и сейчас не можем набраться смелости и точно сказать, о каком университете идет речь, тем более что и ректор данного университета фактически поощрял одного профессора-вымогателя, ведь сам вымогатель преподносит себя как важную фигуру, имеющую множество сильных связей в столичной психологии. Более того, мы иногда даже подумывали, стоило ли нам отговаривать нашего соискателя от взятки: жил бы себе спокойно, а то ведь поволноваться его заставили весьма сильно, в том числе используя и разнообразные проволочки при оформлении документов. Здесь ведь работает четко отлаженная система!..

55

К сожалению, и председатель, и члены данного диссертационного совета, прекрасно понимая, что происходит, и даже осуждая вымогателя, кроме устных возмущений так ничего и не смогли сделать — у всех страх перед вымогателем и его покровителями в Москве. И мы не уверены, что при судебном разбирательстве они захотели бы выступить в качестве свидетелей, тем более что прямых доказательств взятки нет, ведь сам вымогатель — из генералов и действует достаточно умно и осторожно. Поэтому сказанное выше не является «заявлением» автора в соответствующие инстанции, а является лишь показателем того, что и мы имеем непосредственный опыт переживания данной проблемы, то есть наши рассуждения основаны и на личном вынужденном соприкосновении с той мерзостью, которая пока еще встречается (и даже процветает-благоухает) в отечественной науке. К сожалению, представления о профессиональной этике при защите дипломов и диссертаций пока еще далеки от совершенства, и благородства в этих представлениях явно не хватает, не говоря уже о реальном противостоянии этому позору.

До какой же степени страха не только перед вымогателем, но и перед неразвитым и извращенным общественным мнением (часто «с пониманием» относящимися к вымогателю) доходят далеко не худшие представители психологической науки! Поэтому мы еще раз утверждаем, что взятки и поборы — это важнейшая этическая проблема отечественной психологии, которая еще очень далека от своего разрешения, ведь многие просто боятся даже говорить об этом публично. Но в основе этой проблемы — унижительные зарплаты ученых, толкающие их на преступления и сделки с совестью.

Нынешняя этическая (точнее антидуховная, безнравственная) ситуация, сложившаяся не только в отечественной

психологии, но и в российском обществе в целом, просто удивительна по своим масштабам и дает пищу не только для размышлений по поводу профессиональной этики психолога, но и для серьезных переживаний по этому поводу...

56

Проблема авторского права психолога-исследователя

Конечно, надо уважать и поощрять авторов. Когда ученый-разработчик придумывает новую методику или даже психолого-педагогический прием, облегчающий решение каких-то практических или исследовательских задач, то он рассчитывает на вознаграждение (не только моральное, но и материальное). Правда, если это по-настоящему увлеченный исследователь, то главной наградой для него должны быть не «гонорарчики», а ощущение творчества или хотя бы признание и благодарность коллег. При этом ученый-разработчик должен знать, что далеко не всегда действительно ценные идеи и методы сразу становятся признанными (и хорошо оплаченными).

Поэтому настоящий ученый должен быть готов и к определенному непризнанию или, как иногда говорят, быть готов к тому, чтобы работать «за спасибо», писать что-то «в стол». В условиях рыночной науки это делать довольно сложно, тем более что идея авторского права сейчас очень популярна среди ученых-разработчиков, которые очень любят рассказывать друг другу байки (а иногда и реальные истории), как кто-то из их коллег сумел здорово заработать на своих разработках. При этом часто восхищаются не реальной научной или практической ценностью этих разработок, а умением автора «выгодно себя продать».

Идея авторского права имеет множество вариантов ее извращения. Один из наиболее распространенных вариантов извращения такой, когда автор, действительно что-то придумавший, все свои силы и таланты в дальнейшем прилагает для того, чтобы как можно дороже продать свою разработку. Он ищет покупателей, торгуется, часто завышает цену, и все это довольно сложно проделывать в условиях, когда рынок психологических услуг и разработок явно перенасыщен. В итоге вместо того, чтобы продолжать научный поиск, автор превращается в «торговца». Конечно, можно сказать, что таким образом автор стремится довести свои разработки до практики и до потребителя, но, на наш взгляд, это самооправдание

57

и самообман. Не лучше ли было бы после первых же неудач «выгодной продажи своего творчества» заняться чем-то другим, а свои наработки просто передать тому, кто в них реально нуждается. Кто-то здесь может возмутиться, это неправильно, каждый труд должен быть достойно оплачен и т. п. Но мы считаем, что лучшей наградой настоящему творцу будет не столько «гонорарчик», сколько ощущение полезности своей работы для клиентов или для своих коллег-исследователей.

К сожалению, имеется множество примеров деградации талантливых исследователей, которые все свои таланты растрачивают на то, чтобы «держать цену» на свои разработки. И в итоге их мало кто знает. Исключение составляют те ученые, которые уже имеют определенный авторитет и известность в психологии, но, по мере того как становится известна ориентация этих ученых на заработок, их авторитет реально уменьшается. Тем более что все больше появляется все новых и новых молодых исследователей, которые для приобретения авторитета иногда готовы почти бескорыстно передавать свои разработки пользователям.

Другим вариантом извращения идеи авторского права становится запрет некоторых известных преподавателей записывать свои лекции на диктофон или видеомаягнитофон. Заметим, что они имеют право сами диктовать свои условия слушателям, но иногда сами слушатели иронизируют и говорят, что следующим шагом, по логике вещей, должен быть запрет на написание конспектов столь ценных (точнее «бесценных») лекций, а дальше — и запрет на то, чтобы запоминать услышанное. И тогда слушателям останется лишь восхищаться талантом и обаянием такого «рыночного» преподавателя и выносить с лекций не научные идеи, а лишь восторг и радость от общения с гением, рассказывая окружающим, как там было интересно и здорово, соответственно, создавая дополнительную рекламу для таких преподавателей. А уж преподаватели не растеряются, ведь известно, что часто вместо того, чтобы обучать слушателей каким-то практически

58

ценным методикам, на лекциях лишь намекают, что эти методики необходимо осваивать в совершенно иных условиях и за совершенно другие деньги...

В итоге те методики, которые могли бы использоваться для решения многих проблем клиентов, не имеют должного практического распространения. Зато талантливый разработчик получает свое вознаграждение. Но не обманывает ли он самого себя в этом случае?.. Здесь не может быть каких-то обязательных требований к ученому-разработчику, это проблема его профессионального и личного выбора, проблема его совести...

Различные формы зависимости психолога-исследователя от «заказчика»

Работая по крупным денежным контрактам с «солидными» фирмами, часто приходится идти на целый ряд компромиссов. По разным причинам далеко не всегда удается убедить «заказчиков» в своей правоте и в необходимости проводить исследования в данной фирме совершенно иначе. А стремление работать по своим правилам (и согласно своим принципам) может закончиться тем, что «заказчик» быстро найдет себе другого, более покладистого «исполнителя». Условно можно выделить следующие формы зависимости психолога-исполнителя от «заказчика», представляющего богатую фирму:

1. *Финансовая зависимость*, когда психолог просто вынужден отрабатывать свои гонорары и идти на многие уступки.
2. *Моральная зависимость*, когда приходится проводить исследования, результаты которых, скорее всего, будут использоваться для ущемления прав персонала.
3. *Административная зависимость*, когда крупный контракт проходит по ведомству, в котором реально работает психолог и когда на него может быть оказано административное давление уже его непосредственными начальниками.

59

4. *Различные варианты унижений* перед богатым «заказчиком», когда ради «интересов дела» приходится сидеть на банкетах, участвовать в попойках, улаживать «заказчиков» и их приближенных «интересными» разговорами и т. п.

Проблема взаимоотношений «учителей» и их «последователей» в психологии

Данная проблема также является весьма сложной и деликатной. Нередко талантливый ученый обладает сложным характером, поэтому его ученики и «последователи» должны как-то приспосабливаться к этому, то есть терпеть выходки своего «учителя». Как «говорится, выдающимся людям многое прощается» (по крайней мере, со стороны тех, кто добровольно выбрал себе такого «учителя»). По мере обретения учениками самостоятельности (особенно после написания дипломных и диссертационных работ) может произойти их некоторое отдаление от своего «учителя». Заметим, что часто учителя не очень-то одобряют это и даже сердятся на своих бывших последователей.

Но самое страшное, что такое отдаление ученика от своего учителя происходит на фоне откровенной склоки, скандала и «припоминания» всех мыслимых и немыслимых «грехов» своего недавнего научного руководителя. К сожалению, таких примеров в отечественной психологии не так уж и мало.

Другой гранью проблемы является отношение к наследию «учителю», ушедшему из жизни, особенно если это был выдающийся психолог. Нередко его «последователи» долго потом выясняют отношения, обсуждая, кто лучше понял своего «учителя», кто лучше выполняет его «заветы» и т. п. Итогом таких разбирательств может быть то, что дело учителя превращается в догму и каждая попытка хоть немного продвинуться дальше в научном поиске будет резко осуждаться его ревностными «последователями» (которые к тому же знают работы своего «наставника» почти наизусть и кому угодно могут доказать, что только они являются

60

истинными продолжателями дела своего «учителя»)... Нередко именно так прекращают свое существование

перспективные научные школы.

Проблема использования студентов-психологов как «сборщиков» материала для «исследований» их научных руководителей

Эта проблема также достаточно распространенная. По нашим наблюдениям, чаще этим грешат молодые преподаватели и научные руководители, которым еще предстоит написать докторскую диссертацию и которым нужно «набирать статистический материал». Чуть реже этим занимаются ученые, стремящиеся опубликовать свои работы в солидных зарубежных исследованиях, где пока еще существует интерес к глобальным кросс-культурным исследованиям на российских выборках. Нередко студент идет на это, работая с уважаемым, чаще «модным» научным руководителем, — это как своеобразная плата за то, чтобы быть рядом с научным кумиром данной студенческой группы. Вероятно, не только преподаватель (или научный руководитель) стоят здесь перед нравственным выбором, но и сам студент. Хотя и здесь возможны ситуации, когда студента буквально обязывают проводить подобные исследования под страхом «непроставления зачета» или под предлогом того, что «студенту надо еще учиться и он должен делать то, что ему говорят»...

Если студента, участвующего в сборе таких данных, хотя бы упоминают в работе его научного руководителя, то этической проблемы в этом нет. Тем более что студент действительно приобретает опыт грамотного (по высшим требованиям) проведения подобных исследований. Проблема возникает тогда, когда о бедном студенте даже не упоминают, хотя работа им проделана большая, что в этическом плане совершенно некорректно.

61

7. Этические проблемы в преподавательской деятельности психолога

Настоящее преподавание предполагает не только передачу студентам основ данной науки, но и постоянную демонстрацию возможных рассуждений по поводу этих основ, а также демонстрацию возможностей самого научного метода при анализе и решении психологических проблем. Только тогда студент будет понимать, зачем вообще нужны научные знания и методы, и именно тогда у него будет развиваться настоящая учебно-профессиональная мотивация. Кроме того, настоящее образование предполагает не столько формирование знаменитых «профессиональных знаний, умений и навыков — ЗУНов», но формирование на их основе личности профессионала-психолога. Иными словами, нравственное начало, профессиональная совесть, понимание целей, для достижения которых и нужны ЗУНЫ, — вот что является сущностью подготовки психолога. При формировании личности профессионала-психолога обнаруживается огромное количество проблем, среди которых немало и этических проблем (см. *Пряжникова, 2001; Пряжников, Пряжникова, 2001*).

Проблема самоутверждения преподавателя в студенческой аудитории

Конечно, самоутверждаться преподавателю надо, только как и за чей счет? Если преподаватель — творческая личность и у него есть собственные научные представления, то нередко в аудиториях он проговаривает их наряду с другими точками зрения. И если студенческая аудитория воспринимает эти представления, то для самоутверждения преподавателя-исследователя это бывает не менее важно, чем признание его представлений в научной среде.

Преподавателю также важно самоутверждаться как мастеру педагогического процесса, которого не только уважают, но

62

и любят студенты. И это также является серьезным показателем его (преподавательского) профессионализма. И когда некоторые преподаватели хвалятся своим коллегам, как студенты их «обожают» и «любят», то часто под этим подразумевается, что студенты таким образом оценивают их мастерство.

Проблемы начинаются тогда, когда самоутверждение превращается в самоцель, то есть любовь и уважение пытаются достигать не за счет своих оригинальных (и в чем-то даже рискованных) рассуждений, а за счет дешевых приемов «обольщения» аудиторий или приемов «запугивания» бедных студентов, или за счет приемов

«подыгрывания» несформировавшимся вкусам и научным (а чаще — псевдонаучным) пристрастиям студентов. Например, вместо того, чтобы знакомить обучающихся с уже устоявшимися представлениями, преподаватель обходит эти «скучные» темы и сразу обращается к популярным (вернее популистским) темам, не имеющим ничего общего с серьезной наукой.

Одним из наиболее распространенных вариантов самоутверждения является организация «очень строгих» экзаменов и зачетов. Здесь преподаватель начинает буквально «свирепствовать», заставляя студентов воспроизводить массу совершенно ненужных и незначительных нюансов того вопроса, по которому они отвечают. При этом, естественно, в массовом порядке ставятся «неуды». И все это, по мнению таких «строгих» самоутверждающихся преподавателей и экзаменаторов, должно способствовать повышению «качества знаний» и статуса преподавателей в глазах студентов. При этом давно подмечена одна интересная закономерность: чем солиднее ученый, тем в меньшей степени он позволяет себе такие варианты самоутверждения. И наоборот, чем ничтожнее данный преподаватель, тем злостнее он свирепствует на экзаменах и зачетах. К сожалению, подобный вариант самоутверждения часто бывает характерен для молодых, начинающих ученых и для аспирантов: они как бы отыгрываются на простых студентах, к которым сами недавно относились. Как тут не вспомнить печально известную «дедовщину» в армии,

63

когда старослужащие также «отыгрываются» на новичках, как бы мстя им за свои недавние унижения (хотя при чем здесь новички?).

Надо помнить, что сам экзамен — это возможность для студента за короткое время продемонстрировать суть рассматриваемого вопроса. К сожалению, часто на экзаменах идет довольно неприличная игра в мучительное воспроизведение несущественных деталей, которые нормальный человек (ради сохранения своего психического здоровья и очищения памяти от всякого мусора) достаточно быстро просто забывает. В итоге мы получаем много студентов-отличников, которые какое-то время хорошо разбираются в несущественных деталях, но не понимают чего-то более существенного... И в немалой степени этому способствуют некоторые самоутверждающиеся на экзаменах и зачетах преподаватели.

Проблема самоутверждения преподавателей осложняется еще и тем, что нередко студенты с пониманием воспринимают неоправданную строгость преподавателей, да потом еще и с радостью вспоминают это уже после окончания вуза. Выше уже говорилось о том, что на этой основе какие-то бывшие выпускники вузов, когда они сами начинают преподавать психологию, начинают копировать поведение таких преподавателей.

Проблема коммерциализации преподавания психологии

Коммерциализация психологического образования имеет, помимо острых проблемных аспектов, еще и позитивные моменты, о которых для объективности рассмотрения также следует сказать. Во-первых, это возможность для талантливых выпускников школ, имеющих явно гуманитарную направленность, получить психологическое образование, минуя часто бессмысленные и очень трудные вступительные экзамены на многие факультеты психологии в государственных вузах (например, для сдачи экзамена по математике часто бывает необходимо основательно поработать с репетиторами

64

и за весьма приличные суммы денег просто «натаскать» себя на решение типовых экзаменационных задач...). Во-вторых, это возможность для преподавателей иметь дополнительный заработок, читая лекции в негосударственных вузах. Наконец, в-третьих, есть отдельные примеры достаточно серьезных коммерческих психологических вузов, факультетов или спецотделений, где стараются готовить настоящих специалистов-психологов, а не просто «делать немалые деньги» на подготовки психологов.

К сожалению, опыт 90-х годов выявил достаточно много негативных моментов, связанных с коммерческой подготовкой психологов:

— часто преподаватели, стремящиеся повысить свои «рейтинги», просто идут на поводу у студентов, например,

стараятся обходить темы, которые могут быть «слишком сложными для восприятия», или темы, которые могут просто «не понравиться студентам» (особенно темы, касающиеся этических аспектов будущей работы).

— Зависимость от методистов, организующих занятия и подбирающих команды преподавателей (которым сравнительно хорошо платят на выездных сессиях). Нередко методисты начинают подбирать преподавателей по своим симпатиям к ним, а отнюдь не по деловым и профессиональным качествам. Иногда доходит до того, что критерием включения преподавателя в команду является способность балагурить за вечерним столом, распевать песенки (со свечечками, под гитарочку) или элегантно целовать ручки таким методистам... К сожалению, всепонимающие студенты часто не могут изменить ситуацию, поскольку реально боятся таких методистов и прогибающихся перед ними преподавателями, например, опасаются, что за жалобы студентов те просто будут мстить им на зачетах, экзаменах и защитах дипломов (а пересдачи в коммерческих вузах, как известно, платные...).

— Иногда преподаватели, чувствуя свою безнаказанность, начинают буквально вымогать у студентов деньги и подарки, угрожая им «слишком строгим экзаменом», который

65

будет «очень трудно сдать, если...». К сожалению, иногда это происходит не только в негосударственных вузах.

— Часто преподаватели, стремясь хоть немного заработать денег в дополнение к своим мизерным официальным зарплатам в тех государственных вузах, где они имеют основное место работы, берут на себя слишком большую почасовую педагогическую нагрузку. Иногда такая нагрузка может достигать до 45—50 аудиторных и лекционных часов в неделю (автор данных строк также работал в подобном режиме и хорошо знает, что это такое). Это приводит не только к физическому и психическому истощению. К сожалению, у многих преподавателей просто не хватает сил, чтобы выполнять серьезные научные исследования, увлеченно писать книги (в лучшем случае интересные идеи просто выговариваются на лекциях и семинарах), нет времени для полноценного неформального общения со студентами и аспирантами и т. п. Самое печальное, что часть талантливых преподавателей просто начинает спиваться, чтобы хоть как-то компенсировать физическое и моральное перенапряжение.

Примечательно здесь высказывание одного из лучших преподавателей факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, живущего в скромной квартире-«хрущевке» на первом этаже: «Сколько бы я ни читал свои лекции и как бы ни любили меня студенты, я свои жилищные условия вряд ли смогу улучшить...».

— Нередко во многих негосударственных вузах отсутствует должная учебно-методическая база (отсутствуют доступные библиотеки, нет современных оборудованных лабораторий и т. п.). В итоге часто студент не имеет реальных возможностей для полноценной самостоятельной работы — этого важнейшего условия настоящего вузовского образования. Хотя именно во многих негосударственных вузах распространена очно-заочная форма обучения, где самостоятельная работа занимает основное время в учебных планах и программах.

— К сожалению, коммерциализация образования все больше захватывает сферу защиты кандидатских и докторских диссертаций. Все чаще за диссертации приходится

66

платить немалые деньги. В итоге психологи, работающие в государственных организациях и получающие нищенские зарплаты (например, в школах), с огромным трудом набирают необходимые суммы, часто занимая огромные деньги у своих знакомых. Нередко сами защиты, прохождение различных экспертных комиссий, беседы с оппонентами и т. п. превращаются в банальное выколачивание денег из трепещущих от волнения соискателей (о проблеме вымогательства у аспирантов и соискателей уже говорилось в предыдущем разделе). Технология здесь проста: в диссертационной работе находятся какие-то недостатки (а в любой работе они, естественно, имеются), и соискатель ставится перед выбором, либо он заплатит определенную сумму, либо у него могут возникнуть серьезные проблемы на защите... Часто это является простым блефом, рассчитанным на то, что соискатель от волнения теряет самообладание и соглашается на все... Здесь мы посоветовали бы проявить характер и не поддаваться на такие угрозы, тем более если вы уверены в своей работе. Но, к сожалению, иногда это бывает не только блеф, и тогда в более выигрышном положении оказываются соискатели-проходимцы, у которых, как известно, «лишние денежки» водятся в большом количестве.

Все сказанное выше не означает, что коммерческое психологическое образование полностью порочно. Мы считаем, что и оно имеет право на существование, только нуждается в серьезном совершенствовании.

Проблема чрезмерных нагрузок на студента и преподавателя

К сожалению, пока вузовское профессиональное образование идет скорее по интенсивному пути, через увеличение информационных нагрузок на студентов. Студентам приходится запоминать ненужные объемы информации, а преподавателям приходится пересказывать целые учебники. В итоге студенты превращаются в «переписывателей учебников» (под диктовку), а преподаватели, соответственно, превращаются

67

в «пересказывателей учебников», то есть в «говорящие головы». Давно подмечено, что когда механически переписываешь информацию, то часто плохо понимаешь смысл этой информации. В более достойном варианте преподаватель дает общую ориентировку в изучаемом материале, обозначает проблемные моменты, а большую часть времени просто пытается рассуждать вслух в присутствии студентов, демонстрируя им возможности тех или иных методов (или теорий) при рассмотрении проблемных вопросов данной науки. После чего студенты самостоятельно более подробно изучают этот материал в хорошо оборудованных библиотеках (см. *Пряжникова, 2001*).

Проблема оптимизации формальных и неформальных отношений преподавателей и студентов

Прелесть живого профессионального общения в том, что оно позволяет спокойно воспринимать какие-то слабости и трудности, связанные с подлинным творчеством в своей профессии. Когда студент видит преподавателя не просто как «говорящую голову», изрекающую правильные мысли, но в неформальной обстановке видит, что и преподаватель может в чем-то ошибаться, путаться, чего-то не знать и т. п., то он соприкасается с самой важной тайной творчества — тайной неизбежной ошибки. Напомним, что и в экспериментальной психологии неподтвержденная исследовательская гипотеза — это тоже положительный результат, учитывая который уже другие исследователи не пойдут по ошибочному пути (иногда говорят, что опыт ошибок оценивается выше, чем опыт успехов...).

Если между преподавателями и студентами складываются полноценные неформальные отношения, то это позволяет им учиться друг у друга в стремлении к истине. Но главное — такое взаимообогащение часто вселяет в студента больше уверенности в собственных силах (когда в чем-то он оказывается умнее своих учителей), а преподавателям

68

дает хорошую творческую подпитку (иногда даже вдохновение) от общения с более молодыми и не испорченными традиционными представлениями учениками.

Главная сложность таких отношений — сохранение межличностной дистанции между учителем и учеником, ведь если дистанция сокращается до неприличных размеров, то часто, соответственно, уменьшается и взаимное уважение друг к другу. Эта проблема стоит как перед преподавателем, который всегда должен помнить о своем главном предназначении (быть примером творческого поиска и профессионального достоинства), так и перед студентами, которые все-таки не должны относиться к преподавателям, как к приятелям (в таком «приятельском» отношении всегда будет какая-то фальшь). Естественно, это не исключает, что в дальнейшем неформальные отношения станут более приятельскими и даже дружескими (как отношения равноправных коллег).

Если же преподаватель лишь формально общается со студентами, не пытаясь проникнуть в их проблемы, в их внутренний мир, не пытается чему-то научиться у них, то само преподавание психологии сильно примитивизируется и опошляется, даже несмотря на значительную театрализацию и эстетизацию многих лекций и практических занятий. К сожалению, в эпоху неоправданных перегрузок в погоне за дополнительным заработком (эта проблема уже рассматривалась выше) времени на настоящие неформальные отношения остается все меньше и меньше. В итоге настоящего вузовского образования не получается, ведь у преподавателя даже нет возможности подсказать (и тем более показать), как можно было бы более интересно и продуктивно проводить

время, свободное от занятий.

Заметим, что элементы неформального общения могут быть и на самих занятиях (не только на семинарах, но даже на лекциях), когда, например, преподаватель просто делает небольшие «лирические отступления», позволяет себе больше высказывать собственную точку зрения даже по вопросам, не относящимся напрямую к читаемому курсу. Кстати,

69

именно так часто проводили свои занятия такие известные отечественные психологи, как В. П. Зинченко, В. В. Давыдов, П. Я. Гальперин и др.

Естественно, данную идею не следует доводить до абсурда и все занятие превращать в сплошное «лирическое отвлечение». Мы однажды столкнулись с ситуацией, когда в филиале одного коммерческого вуза, расположенного в отдаленном северном городе, преподаватель, читающий курс «Экспериментальная психология», решил сжалиться над студентами. Вместо того, чтобы познакомить студентов хотя бы с азами экспериментальной психологии, перед ними все время, отведенное для занятий, исполнялись бардовские песни (чтобы студенты хотя бы соприкоснулись с «атмосферой настоящего студенчества»). Можно понять благородный порыв преподавателя, но в результате студенты пришли на экзамен с пустыми тетрадями (а с библиотеками в отдаленных городах есть серьезные сложности). Конечно, все это можно было бы сделать за рамками занятий, и при желании для этого всегда можно было бы найти и время, и место.

Проблема интимных отношений преподавателей и студентов

Во-первых, и преподаватели, и студенты — это взрослые люди (естественно, за редкими исключениями), поэтому они вправе сами решать данные вопросы. Во-вторых, все, что происходит между преподавателями и студентами, находится под пристальным контролем со стороны «общественного мнения», которое имеется в каждом учреждении. В психолого-педагогических вузах эти отношения часто являются «примером для подражания» для будущих педагогов и психологов, когда они сами станут преподавателями и начнут работать в различных образовательных учреждениях. Поэтому преподаватель, вступающий в интимные отношения со студентами, должен всегда об этом помнить, помнить о своей, прежде всего, моральной (не уголовной и даже не административной), ответственности... Но поскольку, как говорят, «сердцу не

70

прикажешь», то следует хотя бы не выставлять напоказ эти отношения...

Проблема осложняется тем, что в период «рыночного образования» многие преподаватели сами начинают чрезмерно заботиться о своих «рейтингах» и «коммерческой популярности», излишне используя на своих лекциях и занятиях эмоционально-эстетические приемы (часто в ущерб содержательно-смысловой подготовке студентов). А сами студенты, не понимая до конца «рыночно-коммерческого» смысла «очаровывания» со стороны таких преподавателей, воспринимают их «привлекательность» как основу для того, чтобы влюбляться в них (хотя часто для «рыночного преподавателя» важнее, чтобы студент просто «платил» и просил администраторов «пригласить» его на следующие занятия). Нередко и сами «рыночные преподаватели» начинают убеждать себя в том, что для них «любовь студентов важнее денег»...

Проблема несогласия студента с преподавателем

Вполне возможны ситуации, когда студент считает, что преподаватель «не прав», высказывая на своих лекциях какие-то мысли. Во-первых, каждый, в том числе и преподаватель вуза, имеет право на свою точку зрения, даже если эта точка зрения не совпадает с мнением некоторых его коллег-психологов или даже с точкой зрения официальной пропаганды на острые общественные проблемы.

Во-вторых, и студент как самостоятельно мыслящий «субъект учебной деятельности» также может иметь свою научную или мировоззренческую позицию.

В-третьих, у преподавателя все-таки имеется фактическое преимущество: именно он ведет занятия, поэтому ему и

принадлежит «право первого голоса». Но если преподаватель — корректный специалист, то он все-таки должен дать несогласному с ним студенту хотя бы кратко обозначить свою точку зрения или сам заявить перед аудиторией иную позицию студента. Но сделать это лучше либо на перерыве,

71

либо на отдельном семинаре (тогда появится счастливая возможность сравнить и обсудить разные позиции), либо на другом занятии, предварительно подготовившись к ответной реакции на замечания студента (*Пряжникова, 2001*).

Далеко не всегда лучшим вариантом является «мгновенная», да еще и «остроумная» реакция преподавателя, которая не позволяет лучше осознать проблему, а лишь дает возможность преподавателю продемонстрировать свои «артистические» способности и ставит студента в позицию «легкого посмешища». Часто такие «остроумные» ответы очень нравятся студенческим аудиториям, которые очень любят такие внешне «остроумные» перебранки любимого «преподавателя-артиста» со «студентом-умником». Но если «артистизм» преподавателя вызывает сомнения у студентов, то их симпатии могут оказаться на стороне сокурсника.

К сожалению, главным здесь становится не содержание обсуждаемой проблемы, а различные сопутствующие моменты (так называемая «эстетика» занятия). Заметим, что само по себе остроумие преподавателя (или студента), а также различные декоративно-эстетические оформления лекции должны приветствоваться, но не доминировать над содержанием и смыслом самого высшего образования, самого «освоения метода научного познания» — этой главной цели университетского курса (по *С. И. Гессену*).

Проблема равноправной дискуссии студента с преподавателем

Вполне возможны ситуации, когда студент в каких-то вопросах разбирается лучше своего преподавателя-учителя. Поэтому совершенно естественны и взаимно полезны и дискуссии, и острые споры. Но главное правило здесь — предварительная подготовка к таким спорам и дискуссиям. Научный спор, в отличие от «миленькой болтовни» или спора невежд, должен проходить только на основе логически выстроенных и проверенных аргументов, а также на основе взаимоуважения спорящих. Одной из форм подготовки студента

72

к такому спору является «внутренний диалог» с преподавателем.

Например, чтобы быть более «естественным» и чтобы преподаватель все-таки поверил в вашу заинтересованность его лекцией, можно использовать один прием. Постарайтесь молча к чему-то «придраться» в его высказываниях. И, когда вы найдете слабое звено в рассуждениях преподавателя (а при желании это несложно сделать даже на лекциях признанных психологических авторитетов), попробуйте «про себя» поспорить с преподавателем или хотя бы послушайте, не станет ли сам преподаватель «опровергать себя» (иногда опытные преподаватели сначала подбрасывают провокационные идеи, а затем как бы сами с собой спорят). В любом случае несогласие с преподавателем — это прекрасная основа для диалога (в данном случае — для «внутреннего диалога»), который уже после лекции, на семинаре может превратиться в диалог реальный. Естественно, не следует извращать данный прием и всем своим видом показывать преподавателю, что вы его «презираете», что он «ничтожество» и т. п. Критика (особенно критика преподавателя) должна быть конструктивной и доброжелательной. Будущему психологу вообще противопоказаны «демонстративное презрение» к кому бы то ни было (с соответствующими «вытаращенными глазами» и «фыркающим ротиком») — это скорее признак «пациента», чем специалиста-человековеда...

Началом корректного спора студента с преподавателем является грамотно сформулированный к преподавателю вопрос, а также четко обозначенная собственная позиция студента, чтобы было ясно, что студент понял точку зрения преподавателя и сам знает, в чем именно он не согласен с преподавателем (*Пряжникова, 2001*).

Проблема поиска студентами научного руководителя

Иногда поиск хорошего руководителя может стать основой будущей успешной научной карьеры студента, но чаще

надежды на это не оправдываются (даже «хороший» научный руководитель не в состоянии «пристроить» всех своих учеников). Часто студент делает при этом следующие основные ошибки:

- 1) *ориентация только на «модных» и популярных преподавателей* (проблема в том, что у них достаточно много желающих стать их учениками и у них просто не хватает времени, чтобы по-настоящему «возиться» со всеми; кроме того, такие популярные преподаватели нередко становятся слишком заносчивыми и сами начинают определять для себя «любимчиков» и «бесперспективных», а то и просто «отверженных»);
- 2) *ориентация на «хороших» и «приятных в общении» преподавателей*, которые реально плохо разбираются в данном вопросе (в теме дипломника);
- 3) *ориентация на преподавателей, сильно поглощенных своими научными проблемами и мало внимания уделяющих заботам и проблемам самих студентов*; правда, если студент — достаточно самостоятельный начинающий исследователь, то ему будет найти взаимопонимание с таким преподавателем намного проще, и преподаватель будет уделять время хотя бы на обсуждение содержательных проблемных вопросов диплома, а вопросы, связанные с оформлением и прочими «бюрократическими» формальностями, студент должен уже решать сам;
- 4) *выбор научного руководителя как возможного «психотерапевта» и «няньки»*; в большинстве случаев преподаватели это не любят, хотя иногда студент находит то, что ищет; к сожалению, в этом случае из студента, «опекаемого» таким «руководителем», скорее всего, не получится настоящий самостоятельный исследователь...

Проблема «наведения порядков» в вузе со стороны студентов в их взаимоотношениях с администрацией

Во взаимоотношениях студента с администрацией основные проблемы сводятся к лучшей организации учебного процесса. Студент может высказывать свои претензии по

поводу неудачно составленного расписания, «плохих» преподавателей, устаревшего исследовательского оборудования и технических средств обучения (ТСО), по поводу отвлечения студентов на не относящиеся к учебной работе (раньше это были субботники и «картошка») и т. п. Часто такие претензии студентов, да еще в виде коллективных жалоб и выступлений, выливаются в настоящие конфликты. Заметим, что для многих студентов лучше выступать не «в одиночку» (тогда у студента обычно возникают сильные неприятности), а организовывать именно коллективные протесты, подключая к этому даже некоторых преподавателей.

Иногда претензии студентов к администрации и учебной части именно психологического вуза могут быть связаны с тем, что студент, воспринимающий психологию как науку об «астральных материях» и т. п., не удовлетворяет своих экзотических интересов. Об этом специально приходится говорить, поскольку некоторые наиболее «настойчивые» студенты не хотят мириться с тем, что их весьма неординарные интересы не находят понимания со стороны преподавателей, что может даже послужить причиной отсева таких студентов. Например, выдающийся ученый Г. Селье отмечал, что «из вузов часто уходят весьма талантливые и оригинальные мыслители, не желающие или не умеющие приспособиться к устоявшейся рутине учебного заведения», что «даже в лучших вузах некоторые курсы разработаны из рук вон плохо, ряд лабораторных работ просто не нужны, а экзаменационные вопросы глупы... но в любом случае студент, если он достаточно сильная личность, может приспособиться к своим преподавателям в той мере, в какой это необходимо, и не тратить время на роптания по поводу неизбежного... типичный «кандидат на отсев» не ленив, он просто негибок...» (Селье, 1987. — С. 53—54).

Поэтому главная проблема для студента, выясняющего свои отношения с администрацией вуза, — это понять для себя, что важнее, навести порядки в вузе (с учетом того, что это «вечная» проблема) или же получить качественное образование (приобщиться к научному методу познания) и получить

диплом (формальная, но очень важная для будущего профессионала цель). И если уж бороться за свои права, то, как уже было отмечено выше, лучше это организовывать коллективно (и с привлечением самих преподавателей) и

проводить в корректной (и даже уважительной по отношению к руководству вуза) форме. Если же такая «борьба» обречена на явную неудачу, то надо разумно взвесить свои возможности, соотнести их с более важными целями своего пребывания в вузе и напрасно не подставлять под удары ни самих себя, ни своих преподавателей...

Хотя сам факт «борьбы за свои права» может стать хорошей школой для формирования чувства собственного достоинства, что для будущего психолога очень важно, ведь ему нередко придется формировать такое чувство у своих клиентов и учеников (Пряжникова, 2001).

Однако в условиях современной России, когда на нужды высшего образования нынешние правители обращают явно недостаточное внимание, многие претензии к руководству психологических вузов могут быть просто несправедливыми... Все это требует и от студентов, и от преподавателей общего понимания сложившейся (явно антидуховной) атмосферы в обществе и направлять свои справедливые претензии более адресно.

Проблема учебной дисциплины и этикета (правил поведения) в конкретном психологическом вузе

Студент обычно сравнивает свое учебное заведение с другими вузами, особенно его волнуют реальные правила взаимоотношений, складывающиеся между самими преподавателями, между преподавателями и администрацией, между преподавателями и студентами, наконец, отношения между самими студентами. Осмысливающий эти правила студент нередко обнаруживает, что в чем-то в его «родном» заведении взаимоотношения «хуже», чем в других вузах (об этом студенты узнают от других студентов или из средств массовой

76

информации). Для формирования профессионального самосознания и просто для самоощущения себя студентом «хорошего» вуза все это оказывает отрицательное воздействие. Самое страшное, когда студент (да еще студент-психолог) видит склоки, неприязнь и откровенную зависть во взаимоотношениях между своими преподавателями (ну просто «замечательный» пример для подражания!)...

Как же следует студенту относиться к этому? Хуже всего, когда самого студента втягивают в выяснения отношений между преподавателями. Не менее печально, когда студенты наблюдают за этими сворами, как за «увлекательным спектаклем», как за очередной «развлекухой». Более достойная позиция — переживать и даже страдать из-за того, что в «родном психологическом вузе» происходят такие вульгарные вещи.

Заметим, что часто отрицательный пример имеет не меньшее воспитательное воздействие, чем примеры положительные (известный принцип «от противного») — и в этом заключается великий дидактический смысл «зла», «пошлости» и «невоспитанности». Как известно, в педагогике «отрицательные примеры» в воспитательных целях использовали еще в глубокой древности. В этой связи А. Н. Джуринский приводит ставший классическим пример, практиковавшийся в древней Спарте: «Легендарный законодатель Ликург, чтобы уберечь спартиатов от пьянства, устраивал своеобразные «уроки трезвости», когда рабов заставляли напиваться, чтобы спартиаты могли воочию убедиться, сколь непригляден и отвратителен пьяница» (Джуринский, 1999. — С. 44). Как говорится, «нет худа без добра», что относится и к слабостям некоторых преподавателей психологии, тем более что и они тоже являются живыми людьми...

Проблема содействия самоуправлению студентов

Это по сути — проблема меры взаимной ответственности студентов и администрации за поддержание элементарного порядка в вузе, за более «эстетическое» оформление учебных

77

аудиторий и различных помещений и т. п. К сожалению, сейчас иногда можно встретить такие высказывания, что школьники (и студенты) в школе должны учиться, а не заниматься различными хозяйственными работами (уборкой и ремонтом помещений, следить за порядком на прилегающих территориях и т. п.). В итоге часто можно наблюдать, как после занятий в аудиториях много мусора, хотя на следующей «паре» (на следующем по расписанию занятии) в этой же аудитории будет заниматься другая группа и т. п. А уборщиц явно не хватает, или они делают уборку помещений лишь в конце дня... Иногда грязь и беспорядок, царящий в российских вузах, просто

изумляют иностранных гостей... А ведь это тоже элемент чувства собственного достоинства, которое в этом плане у студентов часто не формируется...

Чтобы показать, что такое настоящее достоинство людей, считающих себя истинными аристократами и интеллигентами, мы приведем известный пример. В книге О. С. Муравьевой «Как воспитывали русского дворянина» приводится одна маленькая история, связанная с ситуацией, весьма далекой от быта великосветских салонов и престижных вузов, но, тем не менее, красноречиво свидетельствующей о сущности подлинного аристократизма. В конце 1940-х годов на одной из постоянных баз геологов был исключительно грязный общественный туалет. В состав одной из экспедиций на базу должен был приехать потомок древнего княжеского рода. «Мы-то ладно, потерпим, — шутили геологи, — но что будет делать Его светлость?!» Его светлость, приехав, сделал то, что многих обескуражило: спокойно взял ведро с водой, швабру и аккуратно вымыл загаженную уборную... Это и был поступок истинного аристократа, твердо знающего, что убирать грязь не стыдно, стыдно жить в грязи (цит. по: *Вульф, Иванов, 1997. — С. 271*).

Проблема автономности преподавателя

Вся история образования — это постоянная борьба школы за свою автономность: сначала от влияния церкви, затем — от

78

государства (см. *Джуринский, 1999*). В настоящее время все больше ощущается потребность в повышении независимости преподавателя от общественно-го мнения и от мнения своей профессиональной среды (профессорско-преподавательской «тусовки»). Примечательно, что в «Законе Российской Федерации об образовании» (1992) в статье 55, п. 7 говорится: «Преподаватель образовательного учреждения высшего профессионального образования, имеющий ученую степень по соответствующей специальности, имеет право безвозмездно читать учебный курс, параллельно существующему. Руководство образовательного учреждения обязано создать для этого необходимые условия».

С одной стороны, право на собственную точку зрения преподавателю дано, но, с другой стороны, далеко не все преподаватели это право реализуют. Спрашивается, почему это право часто не реализуется? Можно обозначить следующие возможные причины: 1) отсутствие собственной профессиональной (а часто и морально-нравственной) позиции преподавателя психологии по сложным проблемам общественной жизни; 2) сильное давление со стороны коллег-преподавателей и администрации; 3) неготовность части студентов воспринимать необычные точки зрения и т. п. Вероятно, за реальную автономность в преподавании психологии еще предстоит побороться.

Этический парадокс формирования личности студента-психолога

Ранее уже говорилось о том, что сущностью профессионального образования является не только формирование «знаний, умений и навыков — ЗУНов», а формирование на этой основе личности специалиста, где важнейшей характеристикой такой личности является профессиональная совесть. Парадокс в том, что именно личность мы часто не формируем (личность вообще должна формироваться сама, а задача воспитателей — лишь создавать для этого условия).

79

Мы не можем оценивать (особенно на формализованных процедурах экзаменов и зачетов), насколько продвигается студент в плане своего личностного роста, это никак не отражается в дипломе выпускника психологического вуза и т. п. И не дай бог все это начать формализовывать (вводить экзамены на «личность» и др.). Но, с другой стороны, это ведь самое главное в профессиональной подготовке и потому как-то должно отслеживаться.

Возможным выходом из данной (парадоксальной) ситуации могло бы стать формирование готовности к профессиональной рефлексии студента, к осознанию своего этического совершенства (или не совершенства). А преподавателям остается лишь наблюдать, каким образом им удалось своими рассуждениями и личным примером способствовать развитию самого главного в будущем психологе — его совести. Конечно, здесь в определенной

степени могли бы пригодиться различные «характеристики» (качественные оценки) студентов и выпускников, но, как это уже было раньше, и такие характеристики будут делаться «по шаблону», то есть и эта форма оценивания личностного роста, скорее всего, опять будет формализована.

Проблема чувства собственного достоинства преподавателя

Это одна из наиболее острых проблем преподавательской деятельности. Как уже не раз отмечалось, именно пример достойного поведения преподавателя является лучшим средством формирования полноценного специалиста-гуманитария. Естественно, имеется немало преподавателей психологии, которые такие примеры демонстрируют. Сложность вопроса в том, что одним из показателей достоинства работника является общественная оценка его труда, то есть реальная официальная зарплата. Как бы мы ни относились презрительно к деньгам (и зарплатам), но нельзя забывать, что это важнейшие элементы человеческой культуры: деньги — это одно из мощнейших средств регуляции

80

человеческих взаимоотношений (эта тема более подробно будет рассмотрена в главе 2 настоящего пособия).

Если психолог стремится сформировать ценностно-смысловое ядро у самоопределяющейся личности, например у подростка, то тогда спрашивается: а на какие «психологические тылы» при этом ему самому можно было бы опираться? По логике вещей, раз речь идет о формировании собственного достоинства, то лучшим «тылом» для психолога-практика было бы его собственное чувство достоинства. Постоянно демонстрировать свое достоинство — это лучший пример для подражания в учебно-воспитательном процессе и в психолого-педагогической практике.

Но, как известно, психологи и педагоги, работающие в сфере образования, влчат жалкое существование и демонстрируют скорее пример покорного смирения с неуважительным к себе отношением. Естественно, пример такого смирения в большинстве случаев не будет способствовать формированию у подростков чувства собственного достоинства. Скорее всего, подростки будут обращаться к другим примерам для подражания, то есть педагоги и психологи фактически не выполняют главную свою задачу — формировать достойных граждан достойной страны.

Идея гражданственности является важнейшей основой психолого-педагогической работы. В свое время первый нарком Советской России А. В. Луначарский писал о том, что маленькая Древняя Греция только потому побеждала страны-гиганты, что оказалась «удивительно педагогической страной» и «сумела поставить задачу гармоничного, прежде всего гражданского воспитания» на небывалую высоту» (*Луначарский*, 1976. — С. 229). Удивительно, но похожие мысли высказывает и бывший госсекретарь США З. Бжезинский, обосновывая свою идею «культурного превосходства» и анализируя источники могущества разных империй: «Имперская власть Рима, однако, также опиралась на важную психологическую реальность. Слова «Civis Romanus sum» — «Я есть римский гражданин» — были наивысшей самооценкой,

81

источником гордости и тем, к чему стремились многие» (*Бжезинский*, 1998. — С. 22). Как писал еще в свое время философ Ш. Монтескье, «надо сначала быть плохим гражданином, чтобы сделаться затем хорошим работником»...

Прекрасно понимая роль народного учителя, В. И. Ленин еще в тяжелом и голодном 1923 году призывал: «Не надо скаречничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний... Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не может стоять в буржуазном обществе. К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию, и главное, главное и главное — над поднятием его материального положения» (*Ленин*, 1946. — С. 814—815). К сожалению, во многом эти призывы так и остались красивыми декларациями.

В одном из первых законов свободной России — «Законе Российской Федерации об образовании» (1992) — в ст. 54, п. 2 сказано: «Педагогическим работникам образовательных учреждений минимальные ставки заработной платы и должностные оклады устанавливаются в размере, превышающем уровень средней заработной платы в

Российской Федерации», а в ст. 55, п. 1 говорится о том, что «работники образовательных учреждений имеют право... на защиту своей чести и достоинства»... Как говорится, без комментариев... «Да здравствует свобода!»

Кто-то может сказать, что главная награда для педагога и психолога — не деньги, а сознание того, что они выполняют благородное дело, а также — любовь и уважение детей. Для самих некоторых педагогов и психологов этого, возможно, и достаточно. Но, как уже не раз отмечалось, деньги — это важнейший элемент культуры, и пока в основном именно с помощью денег обозначается ценность того или иного труда и ценность самой личности работника... Когда ущемленный в своих правах педагог молчит, то он фактически совершает

82

страшную сделку с совестью, как бы расплачиваясь своим достоинством за спокойствие и мнимое благополучие. Принцип «лишь бы не было войны», то есть борьбы за свои права, подходит, скорее, для рабов, а не для тех, кто в силу своей профессии просто обязан постоянно демонстрировать свое достоинство...

Самое страшное, что факт ущемления педагогов и психологов в их праве чувствовать себя полноценными членами общества происходит на глазах уже «многое понимающих» детей. И если уж кому-то, действительно, хватает жалких учительских зарплат, то хотя бы ради детей, ради утверждения идеи справедливости учитель просто обязан показывать пример борьбы за свое достоинство.

Проблема использования нецензурных выражений и жаргонных слов в преподавательской деятельности

Естественно, ругаться «нехорошо», и с этим вроде бы нет смысла спорить. Студент, попавший в «храм науки», ожидает увидеть в нем высшие проявления культуры и воспитанности, и он нередко удивляется и даже разочаровывается (один из вариантов «кризисов разочарования», о которых мы уже много писали), когда слышит ругань из уст уважаемых преподавателей... Вопрос: как реагировать студенту на нецензурные выражения? Особенно остро эта проблема стоит в студенческих аудиториях будущих психологов, большинство из которых пока составляют девушки.

Но кто сумеет точно определить, где «нецензурное» выражение, где «жаргонное», а где — «простонародное» или «разговорное»?.. Например, можно ли считать «классикой» и «сокровищницей» нашей национальной культуры некоторые всем известные произведения А. Галича, В. Ерофеева, Э. Лимонова, И. Бунина и др.? И как относиться к тому, что называется «народным фольклором»? Кроме того, иногда «крепкое словцо» выражает личностную заинтересованность преподавателя и его своеобразное «доверие» к данной аудитории.

83

Часто «нецензурщина» является проявлением так называемого «профессионального эпатажа», что нередко встречается в среде творческих работников (деятели науки, культуры и искусства, среди артистов и т. п.). Наконец, трудно себе представить, чтобы кто-то запрещал ругаться на работе многим известным деятелям той же психологии и педагогики, хотя сами они в ответственные моменты (при разговоре со своими начальниками или с важными представителями власти) все-таки следят за своей речью.

Мы ни в коей мере не оправдываем невоспитанность некоторых преподавателей, которые своим дурным примером подрывают веру многих студентов в идеалы и образы «благородной» и «чистой» психологии, развеивают «миф» о «настоящем ученом», которому чужды «низкие» человеческие страсти и простонародные способы самовыражения. Но вот что пишет по этому поводу известный ученый Г. Селье: «Случайная оговорка, жаргонное словечко или грамматическая ошибка, встречающаяся в речи образованного человека, не повредят лекции, а, напротив, придадут ей живость и непосредственность» (Селье, 1987. — С. 345). Хотя мы не раз замечали, что нынешние студенты-психологи с гораздо большим почтением (почти «благоговением») слушают тех преподавателей, которые проводят свои занятия в меру артистично и грамотно («по-благородному») выстраивают свою речь. Вероятно, есть у многих студентов потребность хотя бы во внешней культуре и воспитанности в эпоху царящей вокруг пошлости и вседозволенности.

Заметим, однако, что будущему психологу часто придется встречаться в своей работе с невоспитанными людьми и ему (или ей) все-равно к этому себя придется как-то морально готовить... Если немного пофантазировать, то

можно было бы предложить специально читать в психолого-педагогических вузах спецкурсы, посвященные сквернословию, истории его возникновения и состоянию на сегодняшний день... Как известно, даже «клин клином выбивается» или хотя бы «нейтрализуется». Но, пока этого не делается, студенты-психологи

84

самостоятельно пытаются восполнить этот пробел в своей подготовке, иногда даже с помощью не совсем воспитанных преподавателей... Как все это ни покажется кому-то парадоксальным!

Проблема «примитивного» студента

В данном случае под «примитивностью» понимается неготовность студента выполнять элементарные нормы взаимоотношений с преподавателями и сокурсниками, а также его неготовность воспринимать оригинальные (в том числе и этические) рассуждения преподавателя. Возникает вопрос: вправе ли мы требовать от студентов, чтобы они были более «развитыми»? Вероятно, надо согласиться с тем, что существует определенная реальность, а именно то, что во многих школах выпускников так и не готовят к дальнейшему образованию (банальное «натаскивание» для сдачи вступительных экзаменов — это скорее извращение идеи среднего образования, хотя в нынешней ситуации и является «реальным способом» решения проблемы поступления в вуз). В итоге вузовские преподаватели вынуждены во многом исправлять недостатки школьного обучения, что часто заставляет их как-то корректировать читаемые курсы и свои взаимоотношения со студентами.

Условно можно выделить две разновидности «примитивного» студента: 1) те, кто фактически не виноват в своем «примитивизме», но уже осознает его и хочет преодолеть (таких студентов даже называть «примитивными» грешно — это скорее внешняя примитивность); 2) студенты, которые считают свою неготовность к настоящему обучению и творчеству вполне нормальным явлением и даже гордятся этим (например, тем, что «знают свое место» и «умеют не высовываться»), — с этими студентами намного сложнее, это подлинно «примитивные» люди. Но преподаватели вынуждены работать и с настоящими «примитивными» студентами (со второй группой по нашей условной типологии). Как и в работе с «примитивными клиентами»,

85

преподаватель никогда не должен исключать возможности, что в дальнейшем они все-таки изменятся, а для этого им необходимо дать возможность выбора дальнейших путей своего обучения и последующей работы по специальности. Этим студентов надо хотя бы «озадачить» проблемой выбора: можно оставаться нормальным и примитивным, а можно постараться хотя бы поискать иные, более творческие пути самореализации своих талантов в качестве студента-психолога или в качестве психолога-специалиста.

В каком-то отношении работа с такими «упорно примитивными» студентами — это реальная творческая ситуация для преподавателя, когда ему приходится из «ничего» делать «нечто». Может, это и есть настоящее чудо?! Но, к сожалению, чудеса происходят нечасто... Поэтому не следует судить несчастных студентов слишком строго, ведь не все же могут быть настоящими творческими личностями. Достаточно, если они хотя бы будут соответствовать «среднему уровню» требований в данном психологическом вузе и не подавлять своей массой действительно неординарных и творческих студентов.

Проблема «примитивного» преподавателя психологии

«Примитивизм» преподавателя, на наш взгляд (а вполне могут быть и иные точки зрения), заключается в том, что, имея возможность хотя бы затрагивать на своих занятиях самые сложные вопросы человеческого бытия, они ограничиваются лишь рамками официально утвержденной и одобренной программы. Но и здесь осуждать преподавателей было бы крайне неразумно, поскольку выход на такие сложные (прежде всего этические) проблемы предполагает внутреннюю готовность к этому, где само обращение к этим проблемам — это уже поступок (природа поступка более подробно будет рассмотрена в главе 2, вопросе 10).

Если преподаватель не готов к публичному обсуждению сложных вопросов, то лучше подождать, когда такая готовность

сформируется. При этом речь идет именно о публичных рассуждениях и обсуждениях. Наедине с собой преподаватель психологии все-таки должен стремиться к выходу на такой уровень осмысления и прочувствования проблем.

Но и здесь уместен вопрос: если преподаватель психологии является признанным специалистом в своей области знания (на уровне «знатока»), зачем ему выходить в какие-то иные проблемные пространства, тем более в область этики, ведь обходятся же без этики многие психологи? Конечно, и такие преподаватели заслуживают уважения, хотя бы как «знатоки», «накаченные» обширной информацией и умеющие доходчиво и красиво донести ее до аудиторий. Правда, многие авторитетные педагоги и психологи (С. И. Гессен, В. П. Зинченко, Г. Селье и др.) считают, что «пересказ учебников — это самый примитивный уровень преподавания». Но они все-таки не используют возможность более творческой самореализации в своей профессии. Хотя в этом тоже заключается их право выбора варианта реализации своего творческого потенциала.

Контрольные вопросы к главе 1

1. В чем заключается «этический парадокс» предмета и метода психологии и каковы основные варианты смягчения этого «парадокса»?
2. Почему неправомерен вопрос о полном отказе от манипуляции сознанием клиента? Приведите примеры неизбежной манипуляции сознанием клиента.
3. Можно ли формировать субъекта построения своей жизни или субъект формируется сам?
4. В чем заключается главный этический ориентир профессионального развития психолога?
5. Какие более конкретные проблемы являются следствием этического противоречия, когда, с одной стороны, человеку гарантируется право быть субъектом решения своих проблем, а с другой стороны, он сам признается в неготовности реализовать это право?
6. Чем различаются «семейственность» и «кастовость» в науке?
7. Раскройте смысл этического принципа «Не навреди!». Приведите примеры, когда психолог мог бы «навредить» клиенту.
8. Обсудите следующую ситуацию: «Как быть, если соискателя степени кандидата психологических наук буквально накануне защиты (когда уже вложены немалые силы и средства) ставят перед выбором:

87

либо он платит «эксперту», придравшемуся к некоторым незначительным оплошностям в тексте диссертации, некую кругленькую сумму, либо авторитетный «эксперт» сделает все, чтобы «завалить» соискателя на защите?».

9. Обсудите ситуацию: «Как лучше действовать, если научный руководитель (или строгий оппонент) склоняет симпатичную девушку-аспирантку к сожительству, угрожая в противном случае «завалить» ее защиту?».
10. Могут ли между преподавателем психологии и студенткой возникнуть какие-то интимные отношения? Почему?
11. Должен ли преподаватель психологии быть развитым этическим субъектом своего труда? Почему?

88

Глава 2

Основные уровни рассмотрения этических проблем

8. Нормативно-правовой уровень регуляции деятельности психолога

Смысл нормативно-правового уровня регуляции

На нормативно-правовом уровне четко формулируются правила поведения в конкретном обществе (в виде официально принятых законов, кодексов, конституций, положений, должностных инструкций и др.), а также определяется ответственность за нарушение этих правил. Человек, попавший в сложную ситуацию, может ориентироваться на данные существующие законы при условии, что он их хотя бы знает... Но, так или иначе, ориентация на законы также является важным регулятором этического поведения.

Психолог-профессионал в своей деятельности, как и любой гражданин, обязан выполнять существующие законы своей страны, а также хотя бы стремиться к выполнению норм международного права, тем более что во многих международных документах затрагиваются существенные аспекты психолого-педагогической помощи различным людям.

Основные международные и отечественные правовые документы, определяющие работу педагога и психолога: «Всеобщая декларация прав человека», «Конвенция о правах ребенка», «Закон об образовании РФ» и др.

Ниже представлены выдержки из основных нормативно-правовых документов, на которые должен ориентироваться психолог в своей профессиональной деятельности.

89

1. Конвенция ООН о правах ребенка (некоторые извлечения) — принята в 1989 г. Генеральной ассамблеей ООН; 13.06.90 — ратифицирована ВС СССР; вступила в силу для РФ 15.09.90.

Ст. 1: для целей настоящей Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста.

Ст. 6: 1) государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь...
2) государства-участники обеспечивают в максимальной степени выживание и здоровое развитие ребенка.

Ст. 7: 1) ребенок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет право на имя и на приобретение гражданства...

Ст. 14: ...уважают право ребенка на свободу мысли, совести, религии...

Ст. 17: ...обеспечивают... доступ к информации и материалам, которые... направлены на содействие социальному, духовному и моральному благополучию... С этой целью государства-участники: д) поощряют средства массовой информации к уделению особого внимания языковым потребностям ребенка, принадлежащего к какой-либо группе меньшинств или коренному населению.

Ст. 19: ...принимают все необходимые законодательства, административные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического и психологического насилия, оскорбления или злоупотребления...

Ст. 24: ...признают право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней и восстановления здоровья.

Ст. 27: 1) ...признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка.

Ст. 28: ... признают право ребенка на образование...

Ст. 29: 1) государства-участники соглашаются в том, что образование ребенка должно быть направлено: ...на развитие

90

личности; на воспитание уважения к правам и основным свободам, провозглашенным в Уставе ООН; на воспитание уважения к родителям... к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его

происхождения... на подготовку ребенка к сознательной жизни в свободном обществе... на воспитание уважения к окружающей среде.

Ст. 32: 1) ...признают право ребенка на защиту от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования либо наносить ущерб его здоровью, физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию.

Ст. 38: ...принимают все возможные меры для обеспечения того, чтобы лица, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях.

К сожалению, многие статьи Конвенции носят декларативный характер. Например, на территориях ряда бывших союзных республик серьезно ущемляются права «не граждан» и т. п., но международная общественность не очень-то реагирует на подобные нарушения.

В этой связи интересно ознакомиться хотя бы с некоторыми вопросами (а всего их было 126), заданными членами комитета ООН по правам ребенка делегации РФ (см. Начала новой этики, 1995. — С. 15—22):

- просьба указать, какая доля бюджета выделяется на здравоохранение и образование детей.
- Есть ли в РФ дети, которые не знают родного языка?
- Есть ли в России международные организации по усыновлению? Каковы их отношения с правительством РФ?
- Просьба указать, какие принимаются меры в целях предотвращения подкупа и торговли детьми в случае усыновления детей иностранцами и наказания подобных действий, а также в целях осуществления наблюдения и контроля за деятельностью учреждений, занимающихся вопросами усыновления.

91

- Оказало ли появление частных школ негативное влияние на государственные школы?
- Какие процедуры имеются по защите русских детей в странах бывшего Советского Союза?
- Каково положение детей-беженцев из национальных меньшинств?
- Что делается для защиты детей от вовлечения в пагубную коммерческую деятельность на улицах?

Отдельные выдержки из

Конституции (основного закона) РФ, принятой в специфических морально-нравственных условиях 1993 года.

Ст. 38.1. Материнство и детство, семья находятся под защитой государства.

2. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей.

Выдержки из «Закона РФ об образовании», принятого в 1992 году.

Статья 2. Принципы государственной политики в области образования. Государственная политика в области образования основывается на следующих принципах:

- а) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей... Воспитание гражданственности, любви к Родине (?);
- б) единство федерального культурного и образовательного пространства;
- в) общедоступность образования (?);
- г) светский характер образования в государственных, муниципальных образовательных учреждениях;
- д) свобода и плюрализм в образовании;

е) демократический, государственно-общественный характер образования, автономность образовательных учреждений.

Статья 5. Государственные гарантии прав граждан РФ в области образования.

92

3. Государство гарантирует гражданам РФ получение бесплатного общего и на конкурсной основе бесплатного профессионального образования в государственных, муниципальных образовательных учреждениях в пределах государственных стандартов, если образование гражданин получает впервые.

4. Затраты на обучение в имеющих государственную аккредитацию негосударственных платных образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы общего и профессионального образования, возмещаются гражданину государством в размерах, определяемых нормативами (?).

5. В целях реализации права на образование граждан, нуждающихся в социальной помощи, государство полностью или частично несет расходы на их содержание в период получения ими образования.

7. Государство оказывает содействие в получении элитарного (?) образования гражданам, проявившим выдающиеся способности.

Статья 14. Общие требования к содержанию образования.

1. Содержание образования является одним из факторов экономического и социального прогресса общества и должно быть ориентировано:

— на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации;

— на развитие гражданского общества;

— на укрепление и совершенствование правового государства.

Статья 26. Дополнительное образование.

2. К дополнительным образовательным программам относятся образовательные программы различной направленности, реализуемые:

— ...

93

— в образовательных учреждениях дополнительного образования (учреждениях повышения квалификации, курсах, центрах профессиональной ориентации (где и осуществляется помощь в самоопределении — в основном составляющем содержания образования — см. ст. 14, п. 1), музыкальных и художественных школах, школах искусств, домах детского творчества, станциях юных техников, станциях юных натуралистов и иных, имеющих соответствующую лицензию)...

Статья 50. Права и социальная защита обучающихся, воспитанников.

5. Выпускники государственных и негосударственных образовательных учреждений имеют равные права при поступлении в образовательные учреждения высшего уровня.

13. Органы государственной власти и управления могут создавать образовательные учреждения элитарного типа (?) для детей, подростков, молодых людей, проявивших выдающиеся способности.

Сверхнормативное финансирование таких образовательных учреждений осуществляется из бюджета учредителя.

Критерии отбора обучающихся в указанные образовательные учреждения определяются учредителями (?) и доводятся до сведения общественности.

14. Привлечение обучающихся, воспитанников в гражданских образовательных учреждениях без их согласия и согласия родителей к труду, не предусмотренному образовательной программой, запрещается.

15. Принуждение обучающихся, воспитанников к вступлению в общественные, общественно-политические организации, движения и партии, а также принудительное привлечение их к деятельности этих организаций и к участию в агитационных акциях не допускается.

Статья 54. Оплата работников образовательных учреждений.

2. Педагогическим работникам образовательных учреждений минимальные ставки заработной платы и должностные

94

оклады устанавливаются в размере, превышающем уровень средней заработной платы в РФ.

3. Размер средней ставки и должностного оклада работников образовательных учреждений устанавливается на уровне:

— для профессорско-преподавательского состава высших образовательных учреждений — в два раза превышающем уровень средней заработной платы работников промышленности в РФ;

— для учителей и других педагогических работников — не ниже средней платы работников промышленности в РФ...

Статья 55. Права, социальные гарантии и льготы работникам образовательных учреждений.

7. Преподаватель образовательного учреждения высшего профессионального образования, имеющий ученую степень по соответствующей специальности, имеет право безвозмездно читать курс, параллельно существующему. Руководство образовательного учреждения обязано создать для этого необходимые условия.

К сожалению, в реальных условиях современной России (РФ) многие положения Конституции и закона об образовании также декларативны. Остается только надеяться, что со временем они все-таки будут выполняться. Но психологи хотя бы должны знать эти положения и по мере сил стремиться к тому, чтобы уже существующие законы облегчали их работу с различными группами населения.

Но даже при строгом соблюдении правовых норм также могут возникать проблемные вопросы. Например, как быть в ситуациях, когда норма входит в противоречие с реальной жизнью (например, устаревает или, наоборот, опережает свое время)?.. Должен ли психолог руководствоваться такой нормой или здесь возможна более гибкая позиция?.. Вероятно, хотя бы внешне психолог (как и другие граждане) должен стремиться к выполнению даже этих норм (за исключением крайних случаев, когда зло, порожаемое несовершенством законов становится, очевидным), но при этом не успокаиваться

95

и легальными способами способствовать изменению ситуации, то есть быть полноценным гражданином.

9. Моральный уровень регуляции профессиональной деятельности психолога. Традиционно выделяемые этические принципы психолога

Смысл выделения морального уровня регуляции деятельности психолога в том, что он отражает существующие традиции, правила, нормы и даже предрассудки, определяющие взаимоотношения между психологами и клиентами, психологами и заказчиками, а также между самими коллегами-психологами. Особенность этих норм в том, что часто они не имеют обязательной силы (по крайней мере, ответственность за их нарушение не сравнима с ответственностью за нарушение норм официального закона). Заметим, что и эти (моральные) нормы также могут быть несовершенными, но психолог, работающий с реальными людьми, должен учитывать, на что большинство из них ориентируется, что они ожидают от профессионального поведения самого психолога. Как это ни

парадоксально, но приходится учитывать (в том числе) и некоторые ошибочные, неоправданные ожидания от психолога и в какой-то мере даже «подыгрывать» этим ожиданиям. Естественно, с разными клиентами поведение психолога также будет разным, но в любом случае он не должен навязывать только свое представление о правильном поведении, а все-таки быть более гибким во взаимоотношениях с разными людьми.

Самоочевидный («банальный») уровень этической регуляции деятельности психолога

Очевидный уровень можно обозначить такими правилами, как «не дерись с клиентом», «не плюй в клиента», «не

96

убивай клиента», «не наноси ему увечий», «не проводи консультацию в пьяном виде или в нижнем белье» и т. п. Такого рода правила являются само собою разумеющимися, и их должен выполнять любой воспитанный человек (в этом смысле данные правила являются даже «банальными»). Но, к сожалению, иногда и эти правила кто-то редко, но нарушает, поэтому их выделение все-таки правомерно. Например, некоторые психологи-практики, увлекающиеся мистическими психотехнологиями, иногда так экспериментируют над своими клиентами, что у них случаются не только явное недоумение, но и настоящие истерики.

Традиционно выделяемые этические принципы в психологии и необходимые комментарии к ним

К ним относятся:

1. Не навреди! Применительно к практике профессионального консультирования этот принцип относится скорее к очевидному уровню, это как само собой разумеющееся. Было бы странно, если бы профконсультанты отчитывались за свою работу тем, скольким людям они «не навредили»... Поскольку профессиональное самоопределение по сути своей конструктивно, в отличие от психиатрии и психотерапии, где успехом считается стабилизация заболевания, то для профконсультанта можно было бы сказать несколько иначе: *сделай лучше!*

2. Не оценивай! Поскольку вообще без оценок (в том числе и положительных) работать немислимо, иногда этот принцип уточняют: *не навешивай ярлыков!* Но можно было бы сказать еще проще: *не произноси отрицательных оценок вслух!*

3. Принимай человека таким, каков он есть! Этот принцип все-таки нуждается в особом комментарии. Л. А. Петровская, анализируя подходы К. Роджерса, пишет: «Когда у Роджерса речь идет о такой установке терапевта, как «безусловное позитивное принятие», следует иметь в виду, что она относится к

97

чувствам «клиента» и отнюдь не предполагает одобрения всего его поведения. Имеется в виду признание права на какую угодно гамму собственных чувств без риска потерять уважение психолога, терапевта» (Петровская, 1982. — С. 36).

4. Принцип конфиденциальности, то есть сохранения профессиональной тайны. В условиях работы профконсультанта в школе все-таки приходится сообщать какие-то результаты своей работы (самого общего плана) администрации, которая также имеет право знать, что именно делает психолог-консультант со вверенными ему учащимися. Но категорически запрещается сообщать сведения о школьниках, которые могут нанести им хоть какой-либо ущерб, даже тогда, когда сами школьники будут заявлять, что им «все равно, что о них будут рассказывать»...

5. Уважай своих коллег по работе, их право на профессиональное творчество и самостоятельный выбор методов работы. Критика и дискуссии должны проводиться аргументированно и тактично. Недопустимым является выяснение отношений между коллегами и сотрудниками в присутствии клиентов (тем более если это учащиеся). Чтобы лучше понять данный принцип, рассмотрим пример «от противного». Однажды мы были поражены воспитанностью одной студентки третьего курса, когда на занятиях мы постоянно ссылались на известную работу Э. Шостром «Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор» (1992) и постоянно говорили: «Э. Шостром сказал... Э. Шостром написал...». В конце лекции эта студентка подошла ко мне, извинилась и тихо, чтобы никто не слышал, сказала: «А вы знаете, что Эверет Шостром — это женщина...». Меня поразило то, что она могла бы не только

продемонстрировать на самих лекциях свою эрудицию, но и реально посрамить преподавателя перед своими сокурсниками. Но она этого не сделала, показав то, что у психолога должно цениться выше всяких знаний и владения методиками, — профессиональный такт и развитую человеческую этику.

98

6. Принцип профессиональной компетентности: не передавай сложные психологические методики неподготовленным специалистам и сам не используй методики, которыми в должной степени не владеешь.

7. Соблюдай меру взаимного откровения с клиентом, не позволяй ему рассказывать о себе самые сокровенные свои тайны (у каждого человека всегда должен оставаться хоть небольшой тайничок души, недоступный никому), а также сам сохраняй некоторую дистанцию с клиентом, иначе можно потерять его уважение и доверие.

8. Не отнимай у клиента права самому отвечать за свои права и поступки.

9. Не выставляй свои знания напоказ, стремись помогать клиенту сначала самостоятельно формулировать те или иные положения и выводы. Конкретно этот принцип может проявляться хотя бы в том, что психолог должен мгновенно замолкать каждый раз, когда клиент захочет что-то сказать, даже тогда, когда сам психолог «еще не договорил», и тогда, когда клиент хочет сказать «какую-то глупость»...

10. Принцип добровольности участия в психологических процедурах. Полная реализация данного принципа в условиях школы может привести к тому, что у обычного (не сверхталантливого!) психолога значительная часть учащихся просто не будет приходить на психологические и профориентационные занятия (слишком велик для школьников соблазн «добровольно» заняться чем-то другим, а дел у подростков, как известно, очень много). Поэтому этот принцип лучше немного уточнить: сочетай принцип добровольности (при проведении индивидуальных профконсультаций, личностных опросников, игровых и психотерапевтических форм работы) с принципом обязательности (при проведении общих семинаров и лекционных форм работы). Для самих школьников меньше будет терзаний по поводу того, куда «можно не ходить», а где быть обязательно. Естественно, что при консультировании взрослых клиентов принцип добровольности должен реализовываться более полно (за исключением

99

случаев обязательного прохождения собеседования с профконсультантом, где у клиента также остается право добровольно выбирать ту или иную степень откровенности и глубины консультации).

11. Уважай себя как человека и как специалиста! Часто можно услышать следующие красивые слова: «Главное средство работы психолога — это его собственная личность». Но личность является высшей ценностью, и поэтому она не должна выступать в качестве «средства». В качестве средства достижения каких-либо целей и человек, и его личность выступают лишь при извращенном понимании рыночных отношений, когда все что угодно (и личность, и любовь, и дружба) может быть товаром, средством для обогащения или для получения каких-то благ. Перефразируя фразу Э. Фромма «Я такой, какой я вам нужен», где человек самостоятельно берет на себя роль товара на «рынке личностей» (см. *Фромм*, 1990. — С. 153), можно было бы сказать так: «Моя личность будет такой, какой она нужна для решения ваших проблем, но... не такой, какой она нужна мне для собственного развития». Если специалист-человековед к самому себе относится как к «средству», то может ли он полноценно помогать другим людям? А в качестве средств все-таки должны выступать специальные психологические методики, в том числе и так называемые внутренние средства профессиональной деятельности психолога (его знания, опыт, вербальные и невербальные средства общения и др.). Уважая себя, мы начинаем лучше понимать и уважать наших клиентов!

Проблема этического «имиджа» психолога-практика

Данная проблема является очень непростой. С одной стороны, имеется множество примеров, когда учащиеся, а нередко и обращающиеся к психологу клиенты, вполне довольны, если преподаватель или консультант ведет себя не только бесцеремонно, но и манипулятивно, директивно внушая клиентам и ученикам, что и как делать в различных

жизненных ситуациях. С другой стороны, высшей степенью уважения клиенту и основой профессиональной этики психолога является создание такой ситуации, когда бы клиент сам (но с помощью психолога) решал свои проблемы. Здесь психолог мог бы постепенно заинтересовывать и ненавязчиво обучать клиента решению своих жизненно важных вопросов, да еще так, чтобы у клиента было ощущение, что в основном это он сам действует и сам принимает решения.

Но если клиент отказывается (или даже сопротивляется) думать самостоятельно, то перед самим психологом возникает сложный этический вопрос: какую позицию занимать в работе с таким «сопротивляющимся» клиентом? Реально возможны примерно следующие позиции: 1) идти на поводу у клиента (фактически это вариант неуважительного к нему отношения, так как психолог просто «не хочет с этим клиентом возиться»); 2) давление на клиента, когда психолог буквально заставляет его занимать позицию «субъекта» (такое давление также вряд ли назовешь этичным, так как получается «субъект из-под палки»); 3) активизация клиента, постепенное включение клиента в сам процесс совместных рассуждений через интересные, увлекательные консультативные процедуры.

Проблема имиджа психолога-консультанта тесно связана с проблемой «профессионального стереотипа». С одной стороны, такой стереотип помогает клиенту увидеть в данном психологе «настоящего консультанта» (или «настоящего психотерапевта»), ведь поначалу клиент пристально наблюдает за психологом, и он хочет увидеть в психологе то, что соответствует его ожиданиям, а не «замухрышку» какого-то. Таким образом, соответствие стандартным представлениям о «настоящем» психологе помогает самому психологу-практику быстрее установить с клиентом эмоционально-доверительный контакт и в каком-то смысле успокоить клиента. Но, с другой стороны, если постоянно оставаться в рамках данного профессионального стереотипа, то есть постоянно соответствовать ожиданиям клиента, то это будет сильно сковывать творчество

и импровизацию психолога, а значит, не будет способствовать развитию консультационного взаимодействия с клиентом.

Психолог должен с какого-то момента постепенно отходить от данного профессионального стереотипа, становясь самим собой, реализуя индивидуальный стиль своей профессиональной деятельности, показывая тем самым и клиенту пример освобождения от ненужных условностей. Заметим, что и клиент часто поначалу реализует что-то похожее на стереотип — стереотип «настоящего, правильного клиента», ведь и он заботится о своем «имидже»...

10. Нравственный уровень регуляции деятельности психолога

Проблема профессиональной совести психолога

Смысл совести, или подлинной нравственности, заключается в том, что человек в сложной этической ситуации берет ответственность за свои поступки на самого себя. При этом если на уровне нормативно-правового регулирования ответственность во многом перекладывается на существующие законы (от человека требуется лишь правильно их исполнять), если на уровне моральной регуляции ответственность перекладывается на общественное мнение (и здесь от человека требуется действовать в соответствии с существующими нормами поведения), то на уровне нравственной регуляции человек обращается к своей совести и уже сам несет ответственность за свои действия. Как писал М. Ганди, «в вопросах совести закон большинства не действует». А еще задолго до него Квинталиан говорил, что сама «совесть — это тысяча свидетелей»...

Проблема в том, что в обществе существуют также определенные представления о совести, но главное в них — ответственность самого человека, когда он становится по-настоящему этическим субъектом. Интересно, что иногда сам образ

Христа связывают с идеей совести, ведь Христос пришел в наш мир не для того, чтобы осуждать, карать или смеяться над людскими слабостями, а для того, чтобы страдать за человеческое несовершенство. Но страдание —

это и есть основа совести, ведь со страдания, с чувства вины, со способности стыдиться и начинается подлинная личность.

Существуют реальные сложности в реализации нравственной позиции психолога: 1) коллеги, клиенты, студенты могут не понять и даже осудить такого психолога: ведь нравственная позиция — это определенный вызов примитивному общественному мнению, когда «большинство молчит», а кто-то «осмеливается» выступить против зла; 2) необязательность профессиональной совести, ведь никто не вправе формально требовать от психолога, чтобы он был нравственным; 3) невозможность и недопустимость формализации нравственно-воспитательной работы, что привело бы к неизбежному опошлению самой идеи профессиональной совести.

Проблема нравственного поступка в психолого-педагогической деятельности

Для рассмотрения этических проблем психологии проблема поступка все больше становится важным отправным пунктом не только анализа реального поведения психолога, но и формирование у него готовности к каким-то действиям при решении практических, исследовательских и других проблем. М. М. Бахтин выделяет следующие основные свойства поступка:

- ◆ нетехнологичность (аксиологичность) поступка, обреченность на непонимание большинства окружающих, когда исполнение, техническая сторона — второстепенная, главное — сам факт поступка)...
- ◆ единственность поступка (по принципу «Это могу совершить только я и только в данное время»);
- ◆ ответственность за совершаемый поступок, то есть понимание того, что при самых благородных порывах души сами действия могут ухудшить ситуацию для других людей;

103

- ◆ со-бытийность поступка, то есть его включенность в реальную жизнь, а не чисто умозрительные рассуждения о благородстве (см. *Бахтин*, 1995).

М. М. Бахтин выделяет три основных варианта совершения поступка:

- ◆ ценность настолько глобальна, что противоречие с другими ценностями исключено (например, жизнь ребенка);
- ◆ поступок основан на индивидуальной системе ценностей (например, «крестьянская мудрость» и «здоровый смысл», позволяющие человеку вести себя достойно в сложных ситуациях);
- ◆ предполагается длительная внутренняя работа с ценностями, проведенная ранее или ведущаяся непрерывно. Именно «длящийся поступок» (по М. К. Мамардашвили) превращается в средство саморазвития личности, в том числе и личности самого психолога.

Например, в деятельности преподавателя психологии это могло бы быть смелое обсуждение тех реальных проблем, которые волнуют многих людей в обществе, но о которых пока еще большинство даже боится серьезно задумываться, а не то что обсуждать эти проблемы публично. Это может быть также открытое публичное осуждение поборов и взяток со стороны своих коллег-преподавателей, но на такой поступок пока еще мало кто способен (в том числе и автор этих строк), ведь многие могли бы воспринять это как явное «отклонение» от норм поведения «порядочного» психолога, а кто-то на этой основе вообще мог бы поставить такому смелому психологу «диагноз»... До чего же мы все дожили (типа докатились)?!

«Воодушевленность» как важное условие нравственно-воспитательной работы психолога

Сама личность педагога как и личности учеников — это определенные «волевые центры», считает Г. Мюнстенберг. «Когда мы входим в класс и заинтересовываемся учениками,

104

мы в их глазах являемся волей, а они являются волей в наших глазах», — пишет он (см. *Мюнстенберг*, 1997. — С. 44—45).

Интересны рассуждения Г. Мюнстенберга о главной задаче учителя: «Об учителе, сидящим за своим столом, точно также, как о священнике на кафедре, можно сказать, что, не имея веры в сердце, он осужден... воодушевленная вера в ценность человеческих идеалов — это самое лучшее, что ребенок может приобрести, сидя у ног учителя. В высшем смысле это самая полезная вещь, которая может быть усвоена в классе» (Мюнстенберг, 1997. — С. 307—309).

Таким образом, речь идет не просто о воодушевленности, а именно о воодушевленности благородными идеями. Но дальше возникает вопрос, где критерий «благородства» идей? Вероятно, здесь важен сам поиск благородной идеи, а не просто четкая фиксированность на благородстве, уже кем-то определенном. Но и в таком поиске важно учитывать опыт культуры, то есть от чего-то все-таки отталкиваться, а не начинать с «чистого листа». И здесь мы приходим к проблеме «общечеловеческих ценностей», о которых и пойдет речь в следующем вопросе.

11. Проблема общечеловеческих ценностей в работе психолога

Основные подходы к рассмотрению общечеловеческих ценностей

При совершении важных жизненных выборов и поступков человек может опираться на свои представления о «должном» и «справедливом», но если он не уверен в своих представлениях, то он неизбежно обращается к подобным представлениям, сложившимся в культуре, в частности к «общечеловеческим ценностям». Однако что именно представляют из себя «общечеловеческие ценности», четко и понятно сказать очень сложно.

105

Можно условно выделить следующие подходы к пониманию общечеловеческих ценностей:

1) **Религиозный подход.** Например, многим известно высказывание: «Христианские заповеди — основа общечеловеческих ценностей». Естественно, никто не отрицает роли христианства в становлении современной европейско-американской культуры. Но, во-первых, мало кто толком знает эти заповеди, а во-вторых, как быть с представителями других религиозных конфессий и с атеистами?..

2) **Правовой подход**, основанный на принятых и подписанных многими странами документах: «Всеобщая декларация прав человека», «Конвенция о правах ребенка» и др. Но и эти документы мало кто знает (особенно в современной России). И мало кто знает, что во «Всеобщей декларации прав человека» в ст. 23, пункте 2 записано: «Каждому человеку, без какой-либо дискриминации, гарантируется равная оплата за равный труд» — а нам уже успели внушить, что учитель должен зарабатывать в десятки и даже в сотни раз меньше, чем какой-нибудь пронырливый «акционер» бывшего народного предприятия... К сожалению, многие права в таких документах остаются чистой декларацией, то есть не могут считаться реальными общечеловеческими ценностями.

3)

Выделение различных уровней человеческих потребностей (например, в варианте, предложенном А. Маслоу). Но часто высшие уровни потребностей, связанные с идеалами добра, красоты, истины, справедливости и самосовершенствования (самоактуализации), совершенно безразличны для большинства людей. Их больше волнуют простые, понятные и полезные для жизни вещи, а высшие потребности — это лишь для избранных. Поэтому и данный подход не отвечает чаяниям большинства людей, то есть не может считаться «общечеловеческим».

И все-таки можно выделить ценность, на которую ориентируется большинство людей независимо от вероисповедания, от знания или незнания правовых документов и т. п., —

106

это деньги, и прежде всего доллары как самая главная валюта и общепризнанный символ жизненного успеха.

В своей книге «Тайное значение денег» Клу и Клаудио Маданес пишут: «Деньги — тема неприличная... Каждый понимает, что деньги часто оказываются причиной счастья или горя, однако почти во всех слоях общества существует всеобщее табу на любые разговоры о нашем личном отношении к деньгам... Деньги — это разновидность энергии, движущая сила нашей цивилизации... деньги тоже могут быть одним из элементов,

делающих возможными проявления духовности. Они позволяют нам сострадать, воздавать должное, «любить ближнего своего». Однако погоня за деньгами ради эгоистических целей противоречит духовным ценностям. Где проходит грань между любовью к себе и любовью к другим? (*Маданес, Маданес, 1998. — С. 5—12*).

А. Рэнд в своей работе «Концепция эгоизма» также рассуждает о роли денег в нашей культуре: «Любить деньги — значит понимать, что они пробуждают в нас лучшие силы и стремление обменять свои творения на творения лучших людей... Тот, кто проклинает деньги, заработал их нечестно, тот, кто ценит деньги, заслужил их... отношение к деньгам — барометр состояния общества» (*Рэнд, 1995. — С. 119—120*). Но при этом А. Рэнд отмечает: «В основе денег лежит право человека распоряжаться своим трудом и интеллектом... Люди должны обмениваться не страданиями, а товарами — и это нормальные взаимоотношения... Высшую награду получает человек, обладающий высочайшим творческим даром. Это моральный кодекс для тех, чьим инструментом являются деньги» (*там же. — С. 17*). Но, к сожалению, деньги часто порождают именно «страдания», а «высшие награды» получают далеко не самые достойные люди...

Также обосновывая преимущества капиталистических ценностей, Людвиг фон Мизес несколько более откровенно рассуждает о проблеме денег и справедливости: «Капиталистическая свобода рынка не предполагает вознаграждения человека согласно его «подлинным» заслугам, неотъемлемым

107

достоинствам и моральному совершенству. Не делает его процветающим и оценка его вклада с точки зрения «абсолютной» справедливости. Важна только оценка, даваемая его собратьями, которые, однако, применяют исключительно собственные мерки, исходя при этом из своих вкусов, желаний и целей. Именно в этом состоит особенность демократической системы рынка. Потребитель — превыше всего, а значит, он — полновластный хозяин. И он должен быть удовлетворен. В условиях рыночной экономики важно не научное определение ценности, а та реальная оценка, которую дают данной вещи люди, покупая или не покупая ее» (*Людвиг фон Мизес, 1993. — С. 174*). Следовательно, говорить о «высших общечеловеческих ценностях» не так-то просто, раз все зависит от мнения тех, кто готов или не готов за эти ценности платить. Но тогда уместнее говорить о «рынке общечеловеческих ценностей»...

Еще К. Маркс говорил о том, что деньги, капитал — это «опредмеченный, овеществленный труд», где «всеобщее богатство существует предметно, как действительность». В противоположность «опредмеченному, овеществленному труду» К. Маркс выделяет «живой труд» как «всеобщую возможность богатства, которая реализует себя в действии» (*Маркс., 1984. — С. 19—20*). При этом сами деньги (капитал) далеко не всегда показывают реальную заслугу данного человека в производстве общественно полезного продукта (К. Маркс прекрасно показал это на примере «отчуждения труда от капитала»). «Так как деньги в качестве существующего и действующего понятия стоимости смешивают и обменивают все вещи, — писал К. Маркс, — то они представляют собой всеобщее смешение и подмену всех вещей, следовательно, мир наизуворот, смешение и подмену всех природных и человеческих качеств...» (*Маркс., 1984а. — С. 16*).

Если деньги становятся для человека главной ценностью, то неизбежно происходит подмена его личности (как возможности создавать блага, включая и материальные, утверждая

108

этим свое достоинство) самими этими благами и, в частности, деньгами. «Скажи мне, сколько ты стоишь, и я скажу тебе, кто ты!», а также «Скажи мне, во что ты одет, в какой машине едешь, в каком доме, районе и стране живешь...» и т. д. — это все главные лозунги нынешнего времени, называемого нами «эпохой продажности». В таких лозунгах и мировоззренческих позициях проявляется главная идея — важна не твоя личность, а то, сколько она стоит на рынке личностей, то есть что ты, благодаря своей «личности», можешь «поиметь» с этого мира... В итоге человек (как личность) и деньги как бы меняются местами: не деньги, а сама личность превращается в разменную «монету» для приобретения сначала денег, а потом — блага, то есть получается «личность наизуворот», как сказал бы К. Маркс... Но деньги позволяют оперативно перераспределять блага между людьми, к сожалению, далеко не всегда справедливо, и, таким образом, также выступают в качестве важнейшего ориентира для стремящихся к утверждению собственного достоинства людей.

На наш взгляд, все-таки возможна более разумная и достойная схема взаимоотношений денег и личности. Согласно такой схеме, не вся личность, а только ее часть участвует в зарабатывании денег (как неизбежный внутренний компромисс), но другая часть личности должна быть ориентирована на деятельность, не ставящую ее в зависимость от «конъюнктуры» различных рынков, то есть должна быть свободна. Сами заработанные деньги (как плата за неизбежный, но частичный личностный компромисс) частью направляются на приобретение товаров и благ, но другой частью — на создание условий для личностного развития и, прежде всего, на создание «психологических тылов», расширяющих возможность личности быть свободной и независимой от различных «рынков личностей», где ее могут «купить» или вынудить заниматься тем, что самой ей чуждо. Самое страшное, что грозит самоопределяющейся и самореализующейся личности, — это тотальная неизбежность отдавать себя целиком зарабатыванию денег, и в

109

этом случае разница между личностью и деньгами действительно исчезает, так как человек сам превращается в «сплошную плату» за блага и свой жизненный «успех».

Как уже отмечалось, деньги — это важнейший элемент культуры, позволяющий оптимизировать многие человеческие взаимоотношения. Деньги — это частички души самых разных людей, поскольку аккумулируют в себе их труд, страдания, несостоявшиеся мечты и т. п. И одновременно деньги — это отличный «тест на вшивость», ведь с их помощью можно действительно творить добро, но можно использовать их и ради своих эгоистических целей. И в этом снова проявляется право выбора самоопределяющегося человека.

Еще Г. Мюнстенберг писал, что «чем большим почетом и уважением пользуется какая-нибудь деятельность, тем больше она освящена достоинством осуществления идеальных стремлений и тем более она может не считаться с рыночными ценами» (см. *Мюнстенберг*, 1997. — С. 309—310). Но, к сожалению, само зарабатывание денег любыми путями становится главнейшей деятельностью «осуществления идеальных стремлений» для большинства людей...

И все-таки деньги — это лишь средство, потенциальная возможность либо для возвышения своего достоинства, либо для личностной деградации. И именно идея денег (универсального «мерила», «линейки» для оценки жизненного успеха) создает «психологическую ловушку» для самоопределяющейся личности. Если человек, планируя свои жизненные перспективы, рассуждает так, что сначала ему нужно заработать много денег, а уж потом стать личностью, то он обречен так и остаться «машиной по зарабатыванию (или по «деланию») денег». Такой человек вынужден сразу же с головой включиться в «товарные отношения», и тогда он неизбежно сам превращается в «товар» на «рынке личностей» (по Э. Фромму), точнее — несостоявшихся личностей.

Если самоопределяющийся человек вообще отказывается от зарабатывания денег (или сводит свой заработок к «прожиточному минимуму») и даже не пытается расширить

110

материальную основу для своего личностного развития, то он опять себя обманывает, так как лишается возможности проверить свой дух деньгами. Интересно, что наиболее удачливые бизнесмены и предприниматели на первый план в системе своих ценностей обычно выдвигают не «максимальную прибыль», а сам «процесс» работы...

Но если человек не отказывается от идеи зарабатывания денег и все-таки находит в себе силы размышлять о своей душе, о том, как использовать эти деньги для благородных целей и реализовывать идеалы справедливости и личного достоинства, то о таком человеке можно сказать, что он подлинный субъект своей деятельности, так как способен рефлексировать и поступать неординарно, ломая стандартные представления о предпринимателе как о «торгаше», заботящемся только о своей «выгоде».

Интересную попытку разобраться в общечеловеческих ценностях с позиции психолога-профессиоведа сделал Е. А. Климов, которые выделил следующие их характеристики: 1) это постоянно улучшаемая репродукция себе подобных; 2) это ориентация на проектирование и улучшение предметного мира; 3) это уважительное и терпимое отношение к индивидуальному своеобразию каждого, его неповторимости, уникальности, творческой; 4) это взаимообогащение информацией, опытом, достижениями (*Климов*, 1994. — С. 132).

Несколько особый взгляд на проблему общечеловеческих ценностей имеет Б. С. Братусь, который рассматривает перспективы развития отечественной психологии и пишет: «Наиболее распространенная сейчас позиция — это ставка на так называемые общечеловеческие ценности, то есть ценности, идеи, установления, свойственные всему человечеству. Такая позиция, вполне подходящая, адекватная нравственному действию, психологически, энергетически оказывается, однако, нередко недостаточной, как бы вторичной для духовной сферы. Дело в том, что любая ценность, прежде чем стать «общечеловеческой», была «частночеловеческой», возникла в определенной культуре, в нее кто-то верил, за нее

111

кто-то страдал, свидетельствовал о ней, ее кто-то отстаивал, порой ценою жизни. В этом плане «общечеловеческая ценность» есть готовый, «снятый» результат живого культурного процесса. На костер люди восходили не за абстрактные общечеловеческие ценности, хотя их мужество и свидетельство имеет, конечно, общечеловеческий смысл. Духовная сфера такова, что для ее удержания как целого нужна напряженная, восходящая энергия личной веры, той самой индивидуальной религии, о которой говорил Э. Фромм...» (Братусь, 2000. — С. 67).

Сложность выделения однозначно понимаемых мировоззренческих ценностей и возможные психологические спекуляции по этому поводу

Получается сложная и противоречивая этическая ситуация, когда, с одной стороны, трудно выделить однозначно понимаемые общечеловеческие ценности, а с другой стороны, у каждого человека все-таки имеется свое понимание об этих (общечеловеческих) ценностях. Более того, по мере своего развития и общество в целом, и отдельный человек могут менять свои представления об общечеловеческих ценностях, что еще больше запутывает ситуацию. Здесь мы опять возвращаемся к идее этического творчества, основанного на собственной совести и соответствующей ответственности каждого человека.

Как только человек чувствует, что в основной своей деятельности он действует по давно отработанному стереотипу и даже не пытается изменить ситуацию, то это может привести его к профессиональной и личностной деградации (или деструкции). Правда, еще хуже, когда человек даже не чувствует, что попал в ловушку стереотипности. Но вырваться из колеса однообразия непросто, и требуется не только определенное воображение, но и мужество (мужество в преодолении самого себя). Проблема нравственного творчества актуальна и для самих психологов, пытающихся помочь различным

112

самоопределяющимся людям. Можно выделить некоторые общие моменты проявления творческой позиции при формировании у школьников и студентов чувства справедливости и «нравственного ядра» личности.

Во-первых, сам по себе факт обращения к нравственной проблематике — это уже своеобразный поступок психолога-преподавателя (или психолога-консультанта). Как уже отмечалось, нравственность имеет смысл тогда, когда существующих правовых и моральных норм недостаточно для достойного поведения в сложных ситуациях, предполагающих этический выбор. Нравственный вопрос — это такой вопрос, который еще не стал предметом всеобщего внимания, и само его обсуждение часто предполагает непонимание и недоумение аудитории... Нравственная проблема находится лишь в стадии «вызревания», когда многие люди как бы догадываются о ее существовании, но часто боятся даже подумать о ней, не то чтобы говорить вслух... Именно поэтому сам факт обращения к такой проблеме — это уже поступок со стороны преподавателя психологии.

Во-вторых, такой поступок (постановка перед клиентом или аудиторией нравственной проблемы) предполагает некоторую обреченность на неудачу в плане безусловного «принятия» или «понимания» со стороны клиента или аудитории. В этом случае важна не столько нравственная «истина», обозначенная психологом, сколько сам факт публичного поиска этой истины.

В-третьих, психолог не должен бояться обозначить свою собственную мировоззренческую позицию, ведь именно в практической психологии как нигде важно соединение личностного и профессионального. Естественно, свою позицию психолог должен обозначать как одну из возможных и ни в коем случае не навязывать ее в качестве

последней истины.

В-четвертых, психолога не должна пугать (или смущать) недостаточная «проговоренность», «отработанность», «исследованность» данной нравственной проблемы. Как уже отмечалось, суть нравственности в том, что пока об этом вообще

113

еще мало кто говорит и, естественно, нужные («правильные») слова еще не подобраны. О «нетехнологичности» нравственного поступка писал в свое время М. М. Бахтин. Разделяя «индивидуально-ответственный поступок» и «теоретическую (отвлеченную от воли автора) значимость суждения о долженствовании», М. М. Бахтин отмечал: «...безукоризненная техническая правильность поступка еще не решает дело о его нравственной ценности» (см. *Бахтин, 1995. — С. 23*). Более того, разговор о том, о чем еще не принято говорить, но что на интуитивном уровне уже беспокоит совесть большинства людей, видимо, и не должен быть «красивым», внешне эффектным. Скорее всего, такое откровение должно быть даже неуклюжим, а сам психолог при этом может восприниматься несколько нелепо (в отличие от психологов, «красующихся» перед аудиториями и произносящих многократно проговоренные и отточенные до совершенства «истины»). В этом случае правомерна даже постановка вопроса об особой «эстетике неуклюжести рефлексирующего этического субъекта».

В-пятых, обращение к настоящим нравственным проблемам предполагает, кроме понимания и прочувствования сложной этической ситуации, еще и определенное мужество, волю психолога. Как считал Г. Мюнстенберг, сама личность педагога, как и личности учеников, — это определенные «волевые центры»: «Когда мы входим в класс и заинтересовываемся учениками, мы в их глазах являемся волей, а они являются волей в наших глазах» (см. *Мюнстенберг, 1997. — С. 44—45*). При этом сама воля всегда предполагает выбор между двумя или несколькими противоположными возможностями, а осуществить такой выбор можно лишь имея определенные «цели», «идеалы» и «воодушевление» осмысленностью своей жизни и профессиональной деятельностью.

В-шестых, психолог, стремящийся рассматривать нравственные проблемы с учащимися, сам должен быть воодушевлен (одухотворен) смыслом, идеей, верой в человеческие идеалы. Вероятно, наличие у психолога своей идеи, своего

114

видения путей совершенствования общества и конкретных людей, желание сказать что-то миру (и ученикам) является важнейшим условием (и правом) для разговора с учащимися о нравственных проблемах.

В-седьмых, реализация нравственной позиции психолога-практика неизбежно ставит проблему его интеллигентности. Как известно, существуют разные точки зрения на сущность интеллигентности: интеллигент — это работник умственного труда; интеллигент — это носитель определенной нравственной идеи, находящийся в оппозиции ко всему антигуманному; интеллигент — это носитель нравственной идеи, опирающийся на свои знания и образование... Нам представляется важным следующее дополнение к пониманию интеллигентности: интеллигент прежде всего ответственен перед своим народом, перед тем обществом, культурой, благодаря которым он стал самим собой. Например, полученное интеллигентом образование зависит часто не только от его способностей, но и от целого ряда других факторов, среди которых существенными являются: воспитательные возможности его семьи, место жительства, среда общения и т. п. По совокупности таких факторов люди неравны, и тогда получается, что благополучие и образование одних людей (ставших интеллигентами) часто обеспечивается более бедственным положением других людей (быть может, не менее способных, но имеющих более скромные стартовые возможности). Настоящий (истинный) интеллигент обладает не только скромностью, но развитым чувством долга перед теми, кто в силу разных обстоятельств добился меньшего жизненного успеха. Проблема интеллигентности в деятельности психолога еще будет более подробно рассмотрена в пятой главе настоящего пособия.

Особенно важны такие скромность и чувство долга в условиях современной России, когда часть людей в большинстве случаев незаслуженно нажила себе огромные состояния и самодовольно «процветает», а другая, большая часть народа явно бедствует и даже не понимает, что их несчастья во многом определяются существующей и уже почти легализованной

в обществе несправедливостью, а также — ловкой манипуляцией их сознанием со стороны официальной пропаганды... Как отмечал еще в 50-е годы известный американский социолог Р. Миллс, «людей, живущих в обществе, превратившемся в инертную массу, не волнует ничего, кроме одолевающих их личных забот и невзгод, истинного смысла и источника которых они, однако, не сознают... Задача либеральных институтов, как и задача широкообразованных людей, заключается в том, чтобы постоянно превращать личные невзгоды людей в общественные проблемы и рассматривать общественные проблемы под углом зрения их значимости для жизни индивидуума» (см. *Миллс*, 1959. — С. 424—425).

Научить школьника рассматривать свои проблемы в контексте развития общества и всей культуры — это прежде всего сформировать у него иммунитет против манипуляции со стороны различных «официальных» идеологов и прежде всего со стороны современных средств массовой информации, которые, по мнению многих психологов, и формируют «стандартного человека», равнодушного к проблемам общества. Но сначала этому должны научиться сами педагоги и психологи, работающие со школьниками...

12. Проблема насилия над ребенком

Проблема физического наказания ребенка

В своей известной книге «Нестандартный ребенок» В. Леви писал: «Еще вопрос, что предпочтет ребенок: получить раз-другой в месяц пару шлепков или каждый божий день слушать бесконечный крик»... Таким образом, все-таки допускается сама возможность физического наказания, но при этом категорически не рекомендуется: 1) шлепать детей до 3 лет (все равно ничего не поймут); 2) шлепать ребенка старше 7 лет в присутствии посторонних; 3) шлепать девочек старше 10 лет и мальчиков старше 14 лет; 4) угрожать или наказывать

116

с помощью «орудия» (палки, ремня, линейки, сковородки, ложки...); 5) причинять боль с помощью щипков выкручивания рук, ушей (это из области садизма); 6) наказывать хладнокровно, без гнева и эмоций (не поймут...); 7) систематически угрожать наказанием (держат «в страхе»).

Ниже предлагаются проблемные вопросы, связанные с анализом фактов жестокого обращения с детьми (см. *Начала новой этики*, 1995):

1. Что такое жестокое обращение с детьми?
2. Каковы последствия жестокого обращения с детьми?
3. Тревожные признаки сексуального насилия.
4. Как я могу помочь ребенку рассказать о насилии?
5. Что мне делать, если меня обвинили в жестоком обращении с ребенком?
6. Как предотвратить насилие над ребенком в детском саду, школе, в детском лагере?
7. Как мне поговорить с ребенком, чтобы предотвратить жестокое обращение с ним?

Ниже представлены возможные ответы на некоторые из этих вопросов.

Основные формы жестокого обращения с детьми

Вопрос: что такое жестокое обращение с детьми, каковы основные формы жестокого обращения?

1. Физическое насилие: родители причиняют ребенку физическую боль, ранят или убивают его. Это может происходить в форме побоев, сотрясения, сдавливания, прижигания и укусов. Также сюда могут относиться ситуации, когда ребенку дают яды, неадекватные лекарства и алкоголь или происходит преднамеренное удушение

или утопление ребенка. В некоторых случаях чрезмерная сила может проявляться при кормлении или смене пеленок.

2. Сексуальное насилие: если дети (девочки и мальчики) используются взрослыми для удовлетворения их (взрослых)

117

сексуальных потребностей; взрослые строят свои отношения с ребенком, пробуждая и опираясь на его сексуальные потребности. Это могут быть ласки, половые сношения, мастурбация, оральный или анальный секс, а также демонстрация порнографии, включая видеофильмы. К сожалению, размах сексуального насилия над детьми просто колоссален, о чем свидетельствуют некоторые американские данные: «Каждая четвертая девочка и каждый десятый мальчик становятся жертвами подобных преступлений либо подвергаются другим истязаниям по достижении ими совершеннолетия»; «85% детей и подростков, ставших жертвами насильников и садистов, к моменту совершения преступления считаются пропавшими без вести»; «Более чем у 1,1 млн. детей и подростков в возрасте от 13 до 19 лет — то есть больше, чем у каждой из десяти девочек-подростков — ежегодно наступает беременность»; «Судя по опросам, 75% насильников сами подвергались в детстве истязаниям на сексуальной почве»... (см. Социальная работа. Вып. 3. — М., 1992. — С. 187—189). К этому можно добавить огромное количество фактов сексуального использования детей в различных обрядах и традициях, включая и ставший обычным явлением для некоторых народов инцест (см. *Ллойд Демоз*, 2000).

3. Эмоциональное насилие: если ребенок испытывает постоянную нехватку любви и душевного тепла, присутствуют угрозы, насмешки, крик. Все это может привести к потере ребенком уверенности в себе и самоуважения. Ребенок становится нервным и замкнутым. Он перестает доверять взрослым людям.

4. Небрежность (пренебрежение): если родители не удовлетворяют жизненные потребности детей, такие, как потребность в пище, одежде, тепле и лечении. Другой пример небрежности: родители оставляют детей без присмотра. Если родители лишают детей любви, то это эмоциональное пренебрежение (см. Начала новой этики. 1995. — С. 64—65).

5. Информационное насилие, которое, по нашему мнению, следует выделить отдельно и о котором ниже еще будет отдельный разговор. Суть информационного насилия в чрезмерных

118

учебных перегрузках детей (особенно в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте), когда их заставляют воспринимать (заучивать) информацию, которая просто не может быть полноценно усвоена в таких больших объемах. Творческий ребенок часто сопротивляется этим информационным потокам и начинает плохо учиться, за что его ругают учителя и родители. А там уже возникают и иные формы насилия...

Варианты организации беседы и помощи детям, подвергшимся жестокому обращению (насилию)

Еще один важный вопрос, связанный с анализом ситуаций жестокого обращения с детьми: как я могу помочь ребенку рассказать о насилии?

«Часто ребенок никому не рассказывает о совершенном над ним насилии просто потому, что ему не велели или насильник держит его в страхе. Ребенок может бояться причинить вред своей семье и чувствовать себя очень несчастным... Вы можете помочь ребенку открыть вам свои тревоги, если отношения между вами будут строиться на доверии. Важно, чтобы ребенок, рассказывая, чувствовал себя в безопасности... Если ребенок рассказывает вам о жестоком обращении, пожалуйста:

— верьте ему.

— Сдержите ваш ужас — ребенок не должен его почувствовать.

— Скажите ему, что его никто не обвиняет в том, что произошло.

— Скажите ему, что он не один и что вы защитите его.

— Скажите ему, что вы позаботитесь о том, чтобы насилие не повторилось.

— Убедите его в том, что вы верите ему, что вы его друг и вам можно доверять.

— Обратитесь за советом к специалисту и действуйте, защищая своего ребенка...» (см. Начала новой этики, 1995. — С. 67—69).

119

Проблема информационного насилия в современных условиях

Как уже отмечалось, суть информационного насилия в чрезмерной перегрузке ребенка ненужной информацией. Как это ни парадоксально, но в информационную эпоху важен не столько объем информации (ее и так много), а систематизация, осмысление информации, своеобразный перевод информационного количества в новое информационное качество. Ребенок и так потребляет достаточно много информации через самые разнообразные каналы, поэтому проблема ребенка не в том, что он «чего-то не знает», а в том, что часто он знает слишком много, но эти знания неупорядоченны — это скорее фрагментарное, «лоскутное» знание. Это своеобразные незавершенные гештальты, которые могут стать основой не только невротизации ребенка, но и искаженного образа мира, что может негативно повлиять и на последующее личностное развитие.

Заметим также, что одной из важных особенностей человеческой памяти является не столько способность запоминать всю информацию и удивлять всех своей «эрудицией», сколько способность самостоятельно находить нужную информацию в книгах, справочниках, библиотеках, через различные компьютерные средства. Именно этим человеческая память отличается от памяти животных, которые весь свой приобретенный опыт носят с собой. Память же человека носит опосредованный характер, когда книги, справочники, компьютер рассматриваются как своеобразные носители информации, тем самым высвобождая мозг и разум человека для решения более творческих задач, чем просто воспроизведение каких-то знаний перед восторженной публикой.

К сожалению, сейчас активно пропагандируется и через средства массовой информации внедряется в общественное сознание образ «всезнайки» с развитым «кроссвордным мышлением». Но к еще большему сожалению эта идея активно пропагандируется многими педагогами и психологами, особенно работающими со старшими дошкольниками и младшими школьниками. Суть многих инновационных программ

120

в том, чтобы за более короткий срок буквально «нашпиговать» детей новой информацией. И когда дети демонстрируют свои обширные, но в должной мере не осмысленные и не прочувствованные познания, то это очень радует их родителей, которые, естественно, желают своим детям добра. И именно на этом основано «репетиторство» (а по сути научно приукрашенный вариант вымогательства), которое процветает во многих школах.

Схема такого вымогательства проста: в разговоре с родителями педагог объясняет, почему их ребенок не успевает. При этом часто говорится, что именно в нашей школе дети работают по более сложной, инновационной программе и не все это выдерживают (а родителям очень хочется, чтобы их ребенок был не хуже других). Далее педагог говорит, что ребенку нужны дополнительные занятия (естественно, за отдельную плату) и желательно с репетитором из их же школы...

Здесь мы опять сталкиваемся с проблемой недостаточной оплаты труда многих педагогов и психологов, что вынуждает их искать дополнительные варианты заработка. Вместо того, чтобы реально работать с отстающими, такие педагоги и психологи опять же занимаются вымогательством, только ловко обосновывая это уже с позиций новых инновационных, да еще и информационных подходов в образовании.

Проблема информационного насилия над личностью имеет множество воплощений и в общественной жизни. Например, это всепроникающее рекламное воздействие, когда человеку буквально навязывается товар, который ему, быть может, и не нужен. При этом реклама проникает в такие сферы, где она буквально опешляет лучшие

достижения человечества.

Например, при демонстрации какого-то шедевра мирового кино на самом важном месте вдруг появляются счастливые дегенераты и начинают рекламировать жвачку, женские прокладки, чипсы, пиво и т. п. В итоге ломается художественный образ, а само художественное творение все больше воспринимается как некий «фон» для рекламы какого-то барахла, какой-то мелочи жизни, когда сама эта мелочь все больше

121

превращается в «фигуру» (если пользоваться понятиями «фигура» и «фон», известными в гештальтпсихологии, если даже не в гештальттерапии...). Понимают ли это психологи, работающие в области рекламы, и как там у них с профессиональной совестью?.. При этом мельтешащая на телеэкране информация чем-то напоминает мусор (здесь уместен образ пестрой, разноцветной мусорной кучи). Ведь известно, что когда чего-то становится слишком много, то это неизбежно превращается в отбросы и неизбежно опошляется, поскольку в основе пошлости — доведенное до абсурда количество. Но в итоге создается мусор и в голове человека, в его сознании и в его душе...

В целом проблема информационного насилия в информационном обществе стоит очень актуально. К сожалению, современный человек почти не может защитить себя от постоянно навязываемой ему информации. Более того, часто ему доходчиво объясняют, что «реклама — двигатель торговли» и что вообще «благодаря рекламе мы имеем такое замечательное телевидение, развлекательные программы и прочие приметы свободного общества».

Одним из возможных путей решения данной проблемы могло бы стать развитие самой рекламы, когда человек имел бы возможность оперативного доступа к обобщенной, систематизированной и, главное, доступной, бесплатной информации о нужных ему товарах и услугах. Но удивительное дело — такая информация предлагается, но часто именно на платной основе, а вот хаотичная и нередко лживая, навязчивая информация ему дается бесплатно... И есть в этом что-то очень непорядочное по отношению к человеку. Другим вариантом могло бы стать государственное финансирование хотя бы некоторых каналов телевидения, радио, когда журналисты стали бы достаточно свободны от того, чтобы прогибаться перед рекламодателями.

И к сожалению, и здесь есть оправдательный аргумент в пользу информационного насилия. Дело в том, что уже появляется не одно поколение, воспринимающее навязчивую

122

рекламу как обычное явление, поколение, для которого жизнь без рекламы начинает восприниматься как скучная и неинтересная... Получается, что отказ от такой рекламы кем-то может быть воспринят как ущемление его свобод и т. п. В любом случае проблема информационного насилия требует специального исследования и осмысления.

Контрольные вопросы и задания к главе 2

1. Чем вызвана необходимость выделения нравственного уровня этической регуляции деятельности психолога, помимо нормативно-правового и морального уровней?
2. Можно или нельзя физически наказывать ребенка?
3. В чем суть этического принципа «Не навреди!»?
4. В чем суть этического принципа «Принимай человека таким, каков он есть»?
5. Приведите возможные примеры нравственных поступков в научной, практической, преподавательской деятельности психолога.
6. Приведите пример реальной общечеловеческой ценности, которой должен руководствоваться психолог в работе с большинством клиентов.

123

Глава 3

13. Чувство собственного достоинства как высшая этическая ценность во взаимоотношениях психолога и клиента

Чувство собственного достоинства как «первичное благо» (по Дж. Ролзу)

Известный философ и социолог Дж. Ролз определяет самоуважение и чувство собственного достоинства как «первичное благо», которое лежит в основе всех человеческих стремлений и действий и которое необходимо учитывать при построении справедливого общества. Само чувство собственного достоинства (по Дж. Ролзу) включает два основных аспекта. Во-первых, оно включает «ощущение человеком своей собственной значимости, его твердое убеждение в том, что его концепция собственного блага, жизненного плана заслуживает реализации». Во-вторых, самоуважение включает уверенность в собственных способностях, поскольку во власти человека выполнить собственные намерения» (Ролз, 1995. — С. 385).

Таким образом, достойным может считать себя только тот человек, который «уверен в собственных способностях» и готов реализовать свою концепцию блага, то есть готов выступить субъектом построения своего счастья. Но человек живет в реальном обществе и взаимодействует с другими людьми, и у всех этих людей есть свои «концепции блага», которые часто

124

вступают друг с другом в неизбежные противоречия. И только в «справедливом обществе», отмечает Дж. Ролз, люди должны стремиться к тому, чтобы уравновесить свои интересы, то есть «договориться» и пойти на определенные уступки друг другу. А это означает, что даже в «справедливом обществе» неизбежны определенные уступки и внутренние компромиссы. Причем неизбежными становятся уступки и в самом главном — в чувстве собственного достоинства. Но только в этом случае, уступая даже в столь важном для себя, как в чувстве собственного достоинства, человек и все общество получают гораздо больший выигрыш — стабильность всего этого общества и его дальнейшее развитие, а значит, и расширение возможностей для самореализации каждого отдельного члена такого общества (см. Ролз, 1995).

И именно здесь человек превращается из «отдельно взятого индивида» в подлинную личность, сопричастную общественным интересам, и у человека появляется то, что «поздний» А. Адлер называл «чувством сопричастности с обществом» (от нем. Gemeinschaftsgefühl) и к чему призывал стремиться. На самом деле человек, ориентированный на интересы общества (а еще лучше — культуры), не столько «теряет» свое достоинство в неизбежных уступках интересам других людей, сколько возвышает его. В данном случае можно говорить, что достоинство проходит настоящую проверку — проверку значимости цели и смысла, ради которых человек живет и может вообще считать или не считать себя личностью, а самой высшей такой целью как раз и считается служение другим людям и обществу в целом.

Но, как сказал французский революционер и писатель Н. Шамфор, «слишком большие достоинства подчас делают человека непригодным для общества: на рынок не ходят с золотыми слитками — там нужна разменная монета, особенно — мелочь»... А это значит, что проблема для многих людей все-таки остается...

125

Основные характеристики «культуры полезности» и «культуры достоинства» (по А. Г. Асмолову и др.)

Главная мысль этого раздела — унижительность для человека становится «просчитываемым» объектом, который теряет главное свое человеческое преимущество — способность быть самим собой, что и лежит в основе его подлинной субъектности. Идея «просчета» и оценивания личности вступает в глубокое противоречие с идеей «уникальности», «самобытности», «неповторимости» личности. Но с помощью «просчета» личности можно оценить ее «полезность» применительно к какому-то делу, а также «пользу» человека для общества... Противопоставляя культуре полезности культуру достоинства, А. Г. Асмолов и М. С. Нырова пишут, что для культуры полезности характерен «культ всевидящего и всезнающего центра, задающего жизни планомерное и стабильное течение». «Культура полезности — это всегда спектакль с финалом, — пишут они далее. — Жизнь же — драма без финала, и культура достоинства тоже... Потому-то и невозможно оценить другого человека в культуре достоинства, где

нет готовых ответов на вопросы, где возможны разные ответы на один и тот же вопрос и где никто не знает, как надо...» (Асмолов, Нырова, 1993. — С. 7—8).

Но проблема в том, что далеко не все люди стремятся соприкоснуться с культурой достоинства, ведь намного проще, когда твоя жизнь протекает «планово» и «стабильно» и есть кто-то («всевидящий и всезнающий центр»), который готов за тебя принять важное решение и понести ответственность, если что не так... И нельзя упрекать людей за то, что они выбирают именно такой вариант своего счастья.

Более того, можно предположить, что большинство людей и не смогут ориентироваться на идеалы достоинства, ведь важнейшей операциональной характеристикой достоинства является феномен «просто так». «Есть такой детский мультфильм, — пишут А. Г. Асмолов и М. С. Нырова. — Культура достоинства начинается тогда, когда один зверек или человек, подходя к другому, протягивает ему цветок или любовь... — ни за что, просто так!.. Культура достоинства — изначально

126

диалогичная, неадаптивная культура, культура с установкой на понимание. Если в культурах полезности нас оценивают и судят, то в культурах достоинства — понимают и прощают...» (Асмолов, Нырова, 1993. — С. 10). Примерно о том же пишет известный отечественный драматург В. Розов, размышляя об особенностях русской души: «...русский человек в принципе не хищник. Хотя сейчас появилось хищников много. Но их и называют «новыми русскими». Русский человек не хищник. Ему нужен достаток. Есть у него достаток, он доволен. Если есть у него достаток, то подойдет к нему кто-нибудь и скажет: вот тебе тысячу баксов — как сейчас говорят, — пойдешь сделать то-то и то-то». А он — русский человек — в ответ: «Ты знаешь, я удить рыбу собрался, я пойду рыбу ловить». Это и есть русский дух... А «новый русский» — он не пойдет рыбу ловить, а пойдет за баксами, которые ему не очень нужны, но пойдет» (Розов, 1996. — С. 6).

«Новый русский» не способен поступить «просто так», он обязательно «просчитывает» все свои ходы и действует по принципу «потому что...», а в итоге — его самого легко «просчитать» и «спрогнозировать», то есть он во многом теряет свою подлинную субъектность. И даже тогда, когда «новый русский» (или мафиози) «гуляет» на «широкую ногу», то есть вроде бы «бессмысленно» транжирит огромные деньги, то и здесь он поступает согласно стереотипу «красивой жизни», то есть даже в «загуле» он не столько реализует себя, сколько действует так, «как положено» действовать в таких случаях и как действуют все подобные ему существа.

Как это ни парадоксально, но для стабильности и плановости общественной жизни больше «пользы» от «новых русских», от бандитов, проституток, мошенников, а также от массы обывателей и т. п., чем от действительно творческих людей, способных что-то делать «просто так», то есть максимально реализовывать свое достоинство и право выбора, то есть свое право быть субъектом. Ведь не случайно известный психотерапевт А. Менегетти написал: «Не удивляйтесь, если я скажу, что в социальную структуру входит и преступник.

127

Преступность — тоже одна из опорных точек системы. Попробуйте устранить вора из нашего общества...» (Менегетти, 1996. — С. 30).

Мы даже рискуем предположить, что соотношение в обществе людей, ориентированных на «полезность», то есть предсказуемых и «просчитываемых», в целом должно быть больше, чем подлинных субъектов своей жизнедеятельности. Иначе общество просто потеряет стабильность. Быть может, именно поэтому отношение к «предсказуемому» и «просчитываемому» преступнику или обывателю более терпимое, чем к человеку-революционеру, который осмеливается быть подлинным субъектом, да еще не имея с этого никаких «дивидендов», а «просто так!», понимаешь... Интересным подтверждением этому могут служить московские заборы в периоды обострения идеологического противостояния, когда лозунги оппозиции, пусть даже несколько грубоватые и примитивные, но все-таки призывающие к соблюдению норм социальной справедливости, быстро замазывались, тогда как рядом красующиеся матерные ругательства обычных хулиганов оставались нетронутыми...

На самом деле ситуация не так безнадежна. Даже у самого последнего обывателя есть хоть какие-то проявления настоящей субъектности, пусть даже не в основной работе, пусть об этом мало кто знает, но без которых человек

вообще перестает быть человеком. Например, на работе, в общественных местах, с друзьями и родственниками человек ведет себя так, как «положено», без каких-либо проявлений субъектности, но наедине с собой он — поэт, он — герой, он — мыслитель... И именно это дает человеку возможность не «продавать» свой труд на работе целиком, а также возможность оставаться хоть в чем-то «не просчитанным»... Но одновременно это создает возможность оправдывать себя в случае сделки с совестью, что выражается примерно в следующей позиции: «Ведь я не всего себя целиком продал, ведь что-то во мне еще сохранилось хорошее. Значит, не так все и страшно...». Особенно большие мастера в таких самооправданиях люди образованные, с гибким и даже

128

изворотливым интеллектом, склонные к рефлексии... А может, и к псевдорефлексии или к недорефлексии...

Личность и «мничность» (по В. В. Петухову)

Рассматривая перспективные линии развития человека, полезно обратиться к некоторым новым понятиям психологии личности. В частности, рассмотреть новый термин, предложенный В. В. Петуховым и Т. А. Нежной, — «мнимая личность» («мничность»), обозначающий неспособность человека к поступку в изменившейся социокультурной ситуации, когда требуется найти новые смыслы в существующих культурных нормах и запретах и, таким образом, сохранить преемственность культуры и свою целостность в ней.

Применительно к проблеме полноценного развития личности интересно привести некоторые рассуждения В. В. Петухова о «мничности» и «личности»: «Личность принимает жесткие обыденные законы, но, стремясь поступать, быть, как все, — «обыкновенным чудом», исключением из житейских правил. Мничность же, наоборот, стремится получить результат сразу, стать исключительной (личностью) — не как все, подчеркивая «самоосуществление» индивидуальности как условие и цель развития общества. Легко предположить, как она, разузнав, например, про черты самоактуализирующейся личности (по А. Маслоу), пожелает воспроизвести их на себе, гордо заявляя всем — «хочу быть честным, добрым, храбрым, а то и «хочу любить». Но ничего не выходит: вылезая из повседневности, мничность остается посредственной, тяжело переживая и пытаясь скрыть свою «обыкновенность...» (Петухов, 1996. — С. 72—73).

Поскольку и новые понятия также должны развиваться и быть в постоянном «движении», мы хотели бы несколько расширить исходное значение термина «мничность», увязав его с ориентацией человека на самые лучшие образцы своего развития (с элитарными ориентациями, о которых более подробно будет сказано в главе 4 настоящего пособия), все-таки не

129

желающего по-настоящему вырваться из обволакивающих сетей «массового сознания». Такой человек хочет стать лучше, но боится принимать ответственные решения, боится думать своей головой (вопреки «общественному мнению»), у него ничего не получается, вернее, получается только внешне (он может из себя что-то изображать и даже достигать определенного «положения в обществе», но в ответственные моменты смалодушничает, а то и «смалодумничает»). Такой человек «мнит» из себя что-то значительное (да еще нередко с претензией на свою исключительность, элитарность), но в итоге также получается — «мничность» (человек, который всего лишь «мнит» из себя личность...).

Духовный (эсхатологический) уровень развития личности (по Б. С. Братусю)

Рассуждая о полноценном развитии человека, о его ориентации на высшие уровни совершенства и самосовершенствования, ряд исследователей обозначают возможность даже для «обычного», «рядового» человека самому соприкоснуться с Богом, но при условии, что такой человек сможет реализовать себя как полноценная личность, то есть выйти на самый высокий уровень своего развития. Например, Б. С. Братусь, выделяя разные уровни личностного развития (эгоцентрический, группоцентрический, просоциальный — гуманистический и эсхатологический, то есть собственно духовный), пишет о том, что даже по сравнению с гуманистическим (просоциальным) уровнем, когда человек ориентирован на счастье других людей и всего человечества, только на высшем, духовном уровне появляется «ощущение связи с Богом и представление о счастье как служении и соединении с Ним» (Братусь, 1994. — С. 34). Рассуждая о развитии человека, В. И.

Слободчиков и Е. И. Исаев пишут о том, что основные нравственные и эстетические линии развития, определяющие отношения человека и мира, «объединены в религиозном отношении как созерцании Тайны» (Слободчиков, Исаев, 1995. — С. 363).

130

Однако другие выдающиеся мыслители несколько иначе смотрят на роль религии и самой идеи Божественного. Например, Ф. Ницше в своем «Антихристианине» пишет о христианстве как о «восстании пресмыкающихся по земле против всего, что стоит и высится», как о «заговоре... против здоровья, красоты и стройности, смелости, ума и духа, против душевной доброты, против самой жизни» (Ницше, 1990. — С. 63, 92).

«Если бы не было бога, его следовало бы выдумать», — писал Ф. Вольтер. «Существует только один бог — знания, и только один дьявол — невежество», — отмечал еще Сократ. Довольно оригинальное соотношение между «Богом» и «героем-победителем» (которого часто и соотносят с элитой), обозначил французский биолог и писатель Ж. Ростан: «Кто убивает человека, тот убийца. Кто убивает миллионы людей, тот победитель. Кто убивает всех, тот бог» (см. Энциклопедия афоризмов, 1998. — С. 49—51).

И все-таки довольно интересной представляется позиция Б. С. Братуся, который не просто призывает ориентироваться в своем развитии на Бога (через эсхатологический уровень), но и пытается разобраться, как соотносятся психология и религия. В этой связи он отмечает: «...чтобы не произошла подмена, смешение психологического и, скажем, теологического понимания, необходимо помнить о простом, но, тем не менее, фундаментально важном положении: психическое (восприятие, память, мышление, личность и т. п.) существует, действует не себя самого ради, а как аппарат, инструмент достижения человеческой сути. Этика, философия, богословие как адекватные способы, неслучайные, выверенные опытом языки выражения сути, предельных смыслов бытия составляют, таким образом, важнейшее ориентирующее, рабочее условие научных и прикладных разработок, ибо последние приобретают тогда масштаб и смысл в культуре, а первые — психологическое соотнесение и почву. Еще раз: душа во втором (духовном) понимании не входит, не вмещается в психологию, равно как не растворяет психологию в себе; религиозно-философский и конкретно-психологический уровни несводимы

131

один к другому, не подменяемы друг другом, но их взаимное признание, установление связи, соотнесение — условие и форма их адекватного понимания. Религия отражает вертикальную устремленность человека к высшему началу и в этом плане отвечает его насущной потребности поиска смысла жизни, неуничтожимого, неустранимого фактом физической смерти. Научная психология занята по преимуществу горизонтальной плоскостью — человеком как конкретным деятелем во времени и пространстве. Религия дает предельные ответы на вопросы «*в чем смысл?*», «*ради чего?*». Научная психология стремится ответить на «*как?*» и «*для чего?*», «*каковы механизмы?*» (Братусь, 2000. — С. 78).

К этому можно добавить, что даже человек, не ориентирующийся на традиционную религию, все-таки способен отвечать для себя на вопросы, связанные со смыслом своей жизни. Но для этого у него как раз и должна быть развита способность к совести. Как мы уже отмечали, смысл самой религии — это пример развитой совести высшего существа — Бога, который способен не только карать несовершенных людей, но прежде всего страдать за них и даже прощать их ошибки. Быть может, даже сам факт принесения Богом в жертву своего первородного сына — Христа, то есть принесение жертвы части Себя Самому Себе, — это пример торжества самой совести жертвенника, который взял на себя грехи людей? Хотя, естественно, у каждого человека здесь свое понимание сущности Бога и, соответственно, свое понимание совести...

14. Личность и эпоха

Проблема адаптации и/или внутреннего протеста против социальной несправедливости

Как уже отмечалось, для психолога ситуация современной России — это настоящий рай. Такого эксперимента над

132

огромной страной и ее разнообразным населением никогда еще не было, а может, и никогда не будет — только «открой глаза», ходи и наблюдай (подробнее о методе «открытых глаз» см. главу 6). И что же мы наблюдаем?

Во-первых, большинство людей, несмотря на издержки «демократических преобразований», просто счастливы. Одно из объяснений этому явлению заключается в том, что люди до сих пор не могут насладиться открывшейся возможностью использовать в обменных отношениях продажу своей совести и достоинства, а также продажу величия своей страны (Родины, как раньше говорили). Осмеянию подвергается почти все, что раньше составляло гордость России. И все это при почти полном одобрении основной массы населения. Получается почти в лучших традициях психоанализа: то, что раньше активно подавлялось старой идеологической системой (Супер-эго), сейчас выплеснулось наружу (Оно) и овладело сознанием большинства людей (Эго). Важной особенностью нынешней ситуации в России является и возможность оперировать «долларами», что также считалось раньше «антипатриотичным» и даже осуждалось.

Во-вторых, после первой эйфории «рыночных преобразований» многие люди вдруг обнаружили, что не смогли реализовать идею личностной продажности в полной мере. Даже несмотря на искренние усилия открыть свое дело, многие увидели, что гораздо более беспринципные и предприимчивые прохиндеи сумели нажать себе за короткое время огромные состояния. И очень часто их «успех» определялся не столько выдающимися способностями, а как раз отсутствием чувства собственного достоинства, когда на продажу выставлялось самое главное — совесть. Специалисты называют такой тип людей «авантюристами». Все помнят тип такого авантюриста, описанный еще в 20-е годы И. Ильфом и Е. Петровым в «Золотом теленке», — «подпольного миллионера Корейко», нажившего свое состояние на страданиях голодающих Поволжья. В наше замечательное время, в эпоху легализации продажности, такие миллионеры не прячутся,

133

они являются реальными героями телеэкранов и веселеньких газет. Известный журналист Ю. Щекочихин, рассуждая о катастрофическом развитии преступности в России, в передаче «Ситуации. Ждем-с» (от 17 апреля 1995 года) отмечал, что «скоро у них (у воров. — *Н. П.*) появятся визитные карточки: вор-домушник, вор-карманник... они скоро будут приходить в школу, как раньше приходили космонавты и писатели...».

Оценивая ситуацию, сложившуюся в постсоветской России, Л. Г. Ионин пишет: «...болезненнее всего гибель советской культуры сказалась на наиболее активной части общества... Наименее страдают в этой ситуации индивиды с низким уровнем притязаний, не ориентированные на успех, либо авантюристы, не обладающие устойчивой долговременной мотивацией... Для авантюриста жизнь состоит из отрезков, внутренне единых и плотных, но лишенных необходимой связи друг с другом... Авантюристы не имеют биографий. Их жизнь начинается заново с каждым новым приключением и вместе с ним заканчивается... Авантюрист как социальный тип — фигура, характерная и для России настоящего времени» (*Ионин*, 1995. — С. 124—125).

Получается, что для современной России характерны следующие основные типы людей: 1) те, кто сумел получить выгоды от ситуации «переходного периода» («авантюристы»); 2) те, кто никаких особых выгод не получил и постепенно начинает чувствовать себя обманутым (кому не удалось реализовать идею «личностной продажности», хотя они и мечтали об этом); 3) те люди, которые сумели и успеха добиться в основном деле своей жизни, и совесть свою сохранить (в каком-то смысле это достойный идеал для самоопределяющейся личности); 4) те люди, которые с самого начала отвергли идею продажи своей совести и которые, в большинстве случаев были высмеяны своими близкими и знакомыми как «белые вороны», как «лентяи», как «совки», как «лохи» и т. п. Применительно к последним можно сказать, что их главная проблема — осуждение, непонятость со стороны

134

большинства окружающих, это своеобразная плата за их собственное понимание ситуации. Таких людей редко ставят в пример, но ими начинают гордиться позже... Еще К. Г. Юнг писал, что «тот, кто достиг осознания настоящего», кому удалось «вырваться из-под власти бессознательного толпы», «неприменно одинок» (*Юнг*, 1994. — С. 294). А еще К. Г. Юнг написал, что «быть неисторичным — прометеев грех» и что наиболее высокая «сознательность — есть вина» за происходящее... (*там же*. — С. 295).

Пример попытки осознать сложившуюся в России ситуацию демонстрирует отечественный психолог Б. С. Братусь,

характеризуя современную ситуацию в стране словами, над которыми стоит задуматься: «...вся наша перестройка куплена слишком дорогой ценой: сколько людей сидело в лагерях, тюрьмах, психиатрических больницах!.. И вот наконец диктатура пала! И что? Поле битвы досталось мародерам... Мы живем в каком-то бандитском государстве... Россия — страна, в которой человек всегда чувствует, что его не уважают. Человеческое «я» здесь никак не охраняется» (см. Интервью с Б. С. Братусем, 1998. — С. 18). В такой ситуации, когда ущемляется важнейшее право человека — право на чувство собственного достоинства, главной этической задачей становится, как минимум, постоянное обращение к этой проблеме, а в перспективе, по возможности, помощь человеку в восстановлении этого самого важного чувства.

В-третьих, мы все-таки наблюдаем, что ситуация в России имеет тенденцию к изменению отношения к самой идее продажности. Даже те «выдающиеся» государственные деятели, которые в начале 90-х годов призывали «смело вступать в рынок», сейчас высказываются более осторожно и все больше призывают «не ущемлять интересы наиболее обездоленной части общества»... Можно даже предположить, что в ближайшие годы (или десятилетия) «эпоха продажности» может смениться «эпохой закрытого магазина» (или «эпохой прикрытого рынка личностей»). А потом, естественно, опять вспомнят о «рынке» и т. д.

135

Для самоопределяющегося человека важно научиться ориентироваться в конкретных ситуациях не столько для того, чтобы ловко подстраиваться под существующую (и часто меняющуюся) конъюнктуру «рынка личностей», сколько для того, чтобы не растерять в этой круговерти свое человеческое достоинство.

Проблема обвинения человеком «плохой» эпохи как вариант самооправдания (психологической защиты) «человека-неудачника»

Если мы рассматриваем самоопределяющегося человека как субъекта построения своего счастья, то это предполагает, что он готов взять на себя ответственность и риск. Если же он всю ответственность перекладывает на «время», на «эпоху» в которую ему посчастливилось жить (пусть это даже «эпоха продажности»), то он перестает быть «субъектом культуры» и превращается в обычный «культурный материал», то есть в объект воздействий и манипуляций, когда его просто «используют» другие люди, может, даже и для того, чтобы самим оставить свой след в культуре. Но в этом случае такой человек-объект («культурный материал») уже не может выступать и в качестве полноценного субъекта построения собственного счастья.

Творческий человек в любую эпоху сталкивается с необходимостью специально утверждать свое право на самобытность. «Обычно для новых идей не бывает рынка, — замечает Б. Жувенель. — Они разрабатываются и осуществляются за счет самого новатора или небольшого числа энтузиастов... Такие идеи должны предлагаться теми, кто убежден в их ценности и готов рисковать» (Жувенель, 1994. — С. 112). Рассуждая о ценностях и преимуществах рыночной экономики, Людвиг фон Мизес откровенно поясняет: «Если вы предпочитаете богатству, которого могли бы добиться, торгуя одеждой или занимаясь профессиональным боксом, удовлетворение от занятий поэзией или философией — ваше право. Но тогда, естественно, вы не заработаете столько, сколько

136

заработает тот, кто будет служить большинству. Ибо таков закон экономической демократии рынка» (Людвиг фон Мизес, 1993. — С. 174). Правда, один умный человек сказал по этому поводу: «Мерилом справедливости не может быть большинство голосов», а потом еще и добавил: «Что большинство? Большинство — безумие. Ум ведь у меньшинства!» (Ф. Шиллер). А другой умный человек высказался еще более резко: «Самый опасный враг для истины и для свободы — это сплоченное большинство» (Г. Ибсен). Вот такая получается «демократия» и «справедливость», если в основе лежит идея продажности...

И все-таки в любую эпоху можно стать личностью. Более того, в так называемые «трудные» эпохи проявить себя как личность даже проще, чем в эпохи благополучные (больше возможностей «испытать» и «закалить» свой дух, потому-то больше героев и появляется в тяжелые исторические периоды). Но, с другой стороны, благополучное время создает для творческой личности еще большие преграды, так как слишком много «соблазнов» и удовольствий, поэтому человек, сумевший преодолеть эти «соблазны» в благополучную эпоху, — еще больший герой...

Таким образом, риск быть непонятым, а также добровольное ущемление себя в определенных благах и выгодах более спокойного существования — это и есть плата за свою самостоятельность и творчество. И уже сам человек вправе решать, готов ли он на такую «жертву», чтобы стать подлинной личностью, и нет ли для него чего-то более важного и ценного, например, дорогая машинка-«иномарочка», или «бриллиантик», или престижное и выгодное знакомство, за которое надо расплатиться собственным телом или душой... а может, для него важно, чтобы его «просто никто не трогал» и он спокойненько «посасывал» свое «пивко» или наслаждался «телесериалами», как бы подсматривая в замочную скважину за жизнью «настоящих господ», сам при этом никого не трогая и ни во что не вмешиваясь...

137

Возражая против того, чтобы перекаладывать всю ответственность за несостоявшуюся жизнь на «время», Е. А. Климов пишет: «...на время я бы не пенял. Это просто уловка сознания: проекция нашего внутреннего беспорядка на что-то внешнее. Раньше пеняли на злых духов, на нечистую силу, теперь вот, вишь, — «время такое». Мир развивается через противоречия, и он в принципе был, есть и будет нестабилен. Психика для того и возникла у живых организмов Земли, чтобы они могли более или менее успешно барахтаться в своем уголке Вселенной. Сами разваливаем то, что строили, или позволяем разваливать; сами обесцениваем то, что ценили, или позволяем обесценивать» (Климов, 1997. — С. 109). И все-таки в какие-то эпохи появляется больше порядочных самоотверженных людей, а о каких-то эпохах говорят, что «пришло время негодяев»... Но в том-то и великий смысл «негодяйства», чтобы каждый смог проверить себя на «личностную вшивость».

15. «Рыночная личность» как психологическая реальность (по Э. Фромму)

Сущность и основные характеристики «рыночной личности»

Для начала есть смысл обратиться к культурно-историческим корням возникновения «рыночных ориентаций». Как известно, отношения обмена возникли почти одновременно с возникновением общения, где обмен товарами или деньгами — лишь одна из разновидностей того, что называют «человеческими отношениями». При этом сам обмен не может быть абсолютно эквивалентным: каждая из сторон, участвующих в обмене, получает свою определенную выгоду. Но часто бывает и так, что кто-то получает большую выгоду, а кто-то меньшую (в крайних выражениях это называется «воровством», «обманом» или «предприимчивостью»...). Интересно, что элементы обмана и воровства отмечаются даже у некоторых животных.

138

Известный этолог В. Р. Дольник пишет: «...программа воровства есть у многих видов животных. В трудных условиях она помогает выжить, особенно если животное находится на дне иерархической пирамиды в группе и его к пище не подпускают более сильные сородичи. У сытого же животного она проявляется в форме игры» (Дольник, 1994. — С. 54).

В человеческом обществе отношения обмена существовали всегда, но отношения к обмену и продаже менялось исторически (и, вероятно, еще не раз будет меняться). Например, в раннем христианстве ростовщиков и торговцев осуждали и не пускали в храмы, а выражение «продать за 30 сребреников» стало символом презрения к рынку, где продаются даже святыни. Но уже в эпоху Реформации (протестантской этики, ставшей основой современной европейско-американской культуры) рыночные отношения почти обожествляются.

Анализируя культурно-исторические корни изменения отношения к рыночным ценностям, Л. Г. Ионин пишет, что для протестантизма «именно мирская жизнь становится священной», «работник ощущает свою роль не как отчужденную по отношению к собственной личности, извне навязанную категорию, а как «призвание сверху» от Бога, и ее, этой роли, максимально усердное исполнение — как священный долг». Далее он отмечает, что «главная идея капитализма — это представления о профессиональном долге (Berufspflicht). «Идеал Америки — кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого — рассматривать приумножение своего капитала как самоцель, — этим определяется весь уклад жизни современного «цивилизованного» человека... Зарабатывание денег — это моя добродетель и источник моей гордости и уважения ко мне со стороны граждан», — пишет Л. Г. Ионин (см. Ионин, 1995. — С. 55—59).

Но коль скоро зарабатывание денег, рыночная ориентация становится главной общественной (и даже религиозной) ценностью, то получается, что сами по себе деньги перекрывают любую другую святыню. Из этого логически следует,

139

что в каких-то ситуациях могут быть измерены в деньгах и личность, и совесть, и достоинство... Сам факт распространенности в цивилизованном обществе вопроса «Сколько ты стоишь?» — это реальность, с которой приходится считаться, если мы действительно хотим понять специфику данной культурно-исторической ситуации, а также понять, что движет большинством людей в их стремлении к счастью.

Рассматривая различные типы ориентации, Э. Фромм достаточно подробно анализирует именно «рыночную ориентацию». Общая схема его рассуждений примерно следующая. Полноценная («неотчужденная») личность находит в деятельности личностный смысл для себя, она как бы слитна с деятельностью, что позволяет ей выступать субъектом по отношению к своей работе и ко всей жизни. Неполноценная личность с «отчужденным характером» выполняет свою работу скорее по необходимости, она и ее деятельность разъединены, «отчуждены друг от друга». В итоге человек не может воплотить себя в своей деятельности и, как правило, страдает...

А вот некоторые более конкретные характеристики «рыночной личности» по Э. Фромму: «Рыночное понятие ценности, превосходство меновой стоимости над полезной привело к сходному понятию ценности в отношении людей и, в частности, в отношении человека к самому себе... Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтобы стать ходким товаром... Поскольку человек не может жить, сомневаясь в своей идентичности, он должен при рыночной ориентации черпать чувство идентичности не в самом себе и в своих силах, а в мнении других о себе... Такая ситуация ставит его в полную зависимость от того, как другие воспринимают его, и вынуждает придерживаться роли, однажды уже принесшей ему успех. Раз я и мои силы отделены друг от друга, то, конечно, мое Я определяется ценой, какую за меня дали» (Фромм, 1992. — С. 75—76).

Э. Фромм рассуждает и о том, какое влияние такая ориентация оказывает на современное образование: «...цель

140

обучения состоит в том, чтобы накопить как можно больше информации, главным образом полезной для целей рынка. Студентам положено изучить столь многое, что у них едва ли остается время и силы думать. Не интерес к изучаемым предметам или к познанию и постижению как таковым, а знание того, что повышает меновую стоимость, — вот побудительный мотив получения более широкого образования» (там же. — С. 78—79).

Но если согласиться с такими целями образования, то тогда следовало бы отказаться от взглядов многих ведущих философов, педагогов и психологов на сущность образования. Например, известный русский педагог С. И. Гессен считал, что «первая задача учителя — в классе, в аудитории, в лаборатории — это мыслить научно, применять метод как живое орудие мысли» и что «никакие книги не могут дать того, что может дать хорошая школа» (Гессен, 1995. — С. 250—251). Куда уж здесь до прагматически ориентированного, дозированного «рыночного» образования! Психолог В. П. Зинченко считает, что «школа должна учить мыслить, в том числе мыслить о смысле», и что только так можно постепенно преодолевать «технократическое мышление», для которого характерны отсутствие души, неспособность к рефлексии и взгляд на человека как на «обучаемый программируемый компонент системы, как на объект самых разнообразных манипуляций, а не как на личность» (Зинченко, 1995. — С. 17—21). Но парадоксальность ситуации в том, что «рыночная личность» — это реальность, а красивые высказывания известных педагогов и философов — это скорее пожелания и декларации...

Продолжая дальше характеризовать личность с «рыночной ориентацией», Э. Фромм выделяет такую ее черту, как «изменчивость установок», и отмечает, что она как раз и «составляет единственное перманентное свойство такой ориентации». Далее Э. Фромм пишет: «При этой ориентации развиваются те свойства, которые можно пустить на продажу. Доминирует не какая-то одна частная установка, а пустота,

141

которую можно скорейшим образом наполнить желаемым свойством» (Фромм, 1992. — С. 79). Парадоксальность

этой характеристики в том, что в зависимости от конъюнктуры «рынка личностей» человек может быстро сориентироваться и приобрести такие качества, как респектабельность, хорошее здоровье (или хотя бы его видимость), доброта, оптимистичность, эрудиция, патриотизм и т. п. Но, к сожалению, все это лишь до того момента, когда конъюнктура рынка опять изменится...

«Личность-пустота», описанная Э. Фроммом, способна на определенные достижения и даже на поступки, но она не способна на главное, что определяет полноценного человека, — она не способна на постоянное нравственное напряжение, не способна на «длящийся поступок» (по *М. Мамардашвили*), который и обеспечивает длительную внутреннюю работу с ценностями и смыслами, личностный рост и «самостроительство».

Допустимость использования «экономических категорий» в психологии

Как правило, психологи «брезгают» или «стесняются» говорить о личности, о душе на языке «купли-продажи»... Хотя многие психологи, интуитивно понимая неизбежность отражения обменных (экономических) отношений, все равно используют категории и объяснительные схемы, так или иначе связанные с количественной оценкой личности человека и его «меновая стоимость» на «рынке личностей».

Например, Э. Берн, рассматривая эмоциональные предпосылки иллюзий и соответствующих им жизненных сценариев, говорит о специфических «психологических «купонах», которые являются своеобразной «валютой» транзакционного рэкета». При этом «психологические «купоны» чаще всего используются так же, как и коммерческие», — считает Э. Берн (*Берн, 1988. — С. 247*). «Те, кто ждет Санта Клауса, обычно собирают комплименты, подтверждающие их хорошее поведение или «муки», чтобы возбудить к себе сострадание, —

142

отмечает далее Э. Берн. — Те, кто ждет смерти, «коллекционируют» «купоны» вины, как бы играя со смертью, чтобы показать, что встретят ее с благодарностью. Иллюзии можно сравнить с магазинами, в которых обмениваются «купоны»... (*Берн, 1988. — С. 253*).

А. Менегетти, рассуждая о воздействии современной рекламы на личность, фактически также использует экономические категории: «...витрины обворовывают эстетический и духовный мир всех прохожих, они открыто провоцируют, призывая людей зайти и обменять на какой-нибудь товар часть своего достоинства» (*Менегетти, 1996. — С. 43*).

Как отмечала К. Хорни, «мы живем в культуре соперничества и индивидуалистичности», когда одной из задач психолога является «оценить ту личную цену», которую люди вынуждены платить за экономические и технические достижения нашей культуры (*Хорни, 1982. — С. 103*).

Другой исследователь — Дж. Хоманс — говорит о социальном поведении как об «обмене ценностями как материальными, так и нематериальными, например знаками одобрения или престижа», считая вполне возможным «приблизить социологию к экономической науке» (*Хоманс, 1984*). В частности, рассуждая о «статусной конгруэнтности» работающей группы, Дж. Хоманс говорит: «Заработная плата — это, ясно, вознаграждение; ответственность можно рассматривать, хотя это и менее очевидно, как стоимость» (*там же. — С. 89*).

Рассматривая психотерапевтические подходы к построению индивидуальной биографии для человека, находящегося «в середине жизни», Б. Ливехуд отмечает, что «эту ситуацию можно сравнить со вступлением во владение каким-либо делом», ведь в этом возрасте у человека уже накапливаются определенный опыт и проблемы («долги»). Построение перспективы будущего рассматривается как некое «предприятие», за которое пациент несет ответственность, и задачей психотерапии становится «разработка стратегии на последующие годы с помощью имеющегося капитала... и определенных долгов, которые должны быть погашены». «Получать прибыль,

143

завоевывать новое состояние — это важнейшая терапевтическая цель для данной группы пациентов», — пишет Б. Ливехуд (*Ливехуд, 1994. — С. 193*).

Е. А. Климов также фактически употребляет экономические категории, говоря о «психофизиологической цене» за

успешность и реализацию того или иного профессионального пути как об одном из важнейших критериев эффективности профконсультационной помощи (Климов, 1983. — С. 81).

В последнее время популярны различные концепции кадрового менеджмента, управления персоналом и т. п. Сама идея оценки денежной стоимости работника уже давно волнует разных исследователей. Например, родоначальник английской политэкономии В. Петти еще в XVII веке писал, что «ценность основной массы людей, как и земли, равна двадцатикратному доходу, который они приносят», и, по его оценкам, стоимость каждого жителя Англии составляла в среднем 80 фунтов стерлингов... В нашем столетии были присуждены две Нобелевские премии в области экономики за разработку «теории человеческого капитала» — Т. Шульцу в 1979 г. и Г. Беккеру в 1992 г. При этом их разработки активно используют и психологи (менеджеры по персоналу), работающие в солидных организациях. Сам «человеческий капитал» — это «имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций», а «инвестициями в него (в работника. — Н. П.) могут быть образование, накопление профессионального опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации» (см. Управление персоналом, 1998. — С. 106).

В своей книге «Тайное значение денег» Клу и Клаудио Маданес убедительно показывают, какое значение играют деньги в семейных отношениях, и как важно учитывать роль денег в оценке и психотерапии этих отношений. «Деньги — это разновидность энергии, движущая сила нашей цивилизации», — пишут известный семейный психотерапевт и его брат-экономист (см. К. Маданес, К. Маданес, 1998. — С. 9).

144

Наконец, психодиагностика также претендует на то, чтобы «объективно» оценивать человека и даже «просчитывать» его личность, выстраивая всякие «личностные профили», «портреты» и т. п. Правда, известно, что сами психологи не любят, когда кто-то пытается оценить их творческий потенциал с помощью тестов и опросников. А некоторые психологи откровенно сомневаются в эффективности тестовой оценки человека: «Я предпочитаю определять коэффициент интеллектуальности не с помощью теста, а по выражению лица, — пишет В. П. Зинченко, — несмотря на огромные усилия по установлению валидности тестов, многие из них так и остаются инвалидными» (Зинченко, 1995. — С. 15).

Таким образом, реальность такова, что не только обыватели, но и специалисты-психологи со всякими оговорками и «расшаркиваниями» стремятся определить «цену» тому или иному человеку. Да и сами люди часто интересуются, «сколько же они на самом деле стоят», «насколько годятся они к такому-то и такому-то делу»... и все это для того, чтобы, зная «себе цену», не «продешевить» на «рынке личностей»... Более того, у многих людей есть даже тенденция к «завышению» своей реальной «цены» (чтобы получить максимальный «психологический выигрыш»), как и в случае традиционного бизнеса, также ориентированного на максимальную прибыль... Но, слава богу, так рассуждают не все люди...

Типология «рыночных личностей»

Можно было бы воспользоваться существующими типологиями личности и просто соотнести те или иные личностные типы с видами деятельности, предполагающими обменные отношения (куплю-продажу в самом широком смысле). Но все это, скорее всего, приведет к еще большей путанице в понимании личности.

Исходя из главной проблемы данной книги — соотношения «субъектности» и «продажности», — можно было бы выделить главное основание для типологии: осознает ли (рефлексирует)

145

личность то, что вступила в отношения «продажности», или же не осознает, не рефлексирует, то есть не является полноценным субъектом таких отношений. Конечно, сразу же возникает вопрос: а правильно ли оценивает личность данные отношения как отношения «продажности», есть ли у нее объективный критерий «продажности»? Но в том-то и дело, что такой критерий должен быть субъективным: то, что для одного не является «продажностью», для другого — она самая и есть... И у человека всегда должно быть право выбора по-своему оценивать отношения «продажности», особенно когда он сам в них включен. Один из смыслов данной книги — лишь немного помочь ему сориентироваться в столь сложном выборе.

Другое основание для типологии — оценка (самооценка) того, насколько оправдана «продажность» в конкретной ситуации. В одном случае продажность — проявление трусости и примитивизма, а в другом случае — это может оказаться вынужденная или даже «благородная» продажность, когда ради высоких целей человек идет на определенные внутренние компромиссы. Но тогда возникает интереснейший вопрос: а можно ли такую «благородную» продажность вообще считать продажностью?..

Возможно и такое основание для типологии, как степень гордости или, наоборот, чувство стыда за совершенную продажность. Проблема в том, что немало людей (особенно в условиях нынешней пропаганды «псевдорыночных» отношений) считают, что «продаваться может все что угодно» и кто больше преуспел в этом, тот и есть настоящий «герой нашего времени»...

Можно выделить и такое основание для типологии, как степень соотнесенности с общественными, или научными, философскими, художественными и т. п. представлениями о «продажности». Но именно в психологическом плане наиболее интересным является первое из выделенных оснований — готовность или неготовность человека отразить свою «продажность» в случае вступления в отношения

146

«купи-продажи», то есть готовность человека оставаться субъектом (и личностью) в таких отношениях...

16. Проблема внутреннего компромисса как «возможного условия» успешной карьеры

Традиционные представления о путях к «успеху» и их возможные метаморфозы в ходе «взросления» индивида

В представлениях о путях построения успешной карьеры существует парадоксальная ситуация. С одной стороны, людям с детства внушают, что жизненный успех достигается усердием в учебе, честностью, уважением к другим людям и т. п. Но, с другой стороны, молодой человек быстро обнаруживает, что для «успеха» часто бывают полезнее прямо противоположные качества. Одно из возможных объяснений такого противоречия заключается в том, что родители и воспитатели, когда они непосредственно взаимодействуют со своим ребенком, часто сами бывают заинтересованы в том, чтобы он обладал набором «хороших» качеств, «чтобы хлопот с ним было меньше»... Но, когда ребенок вырастет и все больше пребывает в других местах, с другими людьми (с преподавателями, с коллегами, с начальством), родители часто «переориентируют» свое подростковое чадо на прямо противоположные качества и в подтверждение даже приводят соответствующие примеры достижения «успеха». Слава Богу, такое происходит не во всех семьях...

Реально многие люди, зная о разных путях построения жизненного успеха (о «честном» и «нечестном» пути), все-таки надеются втайне, что именно их пути окажутся более честными. Но часто самоопределяющийся человек понимает также, что вообще без каких-либо компромиссов и моральных уступок ничего в жизни не добьешься. И тогда проблема сводится к тому, как свести эти компромиссы и уступки к минимуму.

147

Само понимание «успешной карьеры» предполагает постоянное жестокое соревнование со своими конкурентами и соперниками. В. Берг, обращаясь к этимологии слова «карьера», пишет, что у древних римлян это слово означало «построенные в боевом порядке колесницы, а у французов «карьера» и сейчас означает «поводья, которыми лошадь пристегивается к повозке для того, чтобы она могла бежать в нужном направлении», то есть явная аналогия с соревнованием, с соперничеством. При этом сама упряжка рассматривается как «ваше профессиональное желание стать на ступеньку выше в служебной лестнице», — отмечает далее В. Берг (*Берг, 1998. — С. 63*).

Соотношение понятий «внутренний компромисс» и «сделка с совестью»

Осознать такие основания важно не только для оценки жизни какого-то уже зрелого человека, но и в работе с молодыми людьми, еще только планирующими свою жизнь и мучительно ищущими «критерии» жизненного и профессионального успеха. Можно выделить примерно следующие варианты таких оснований.

Успех оценивается по конкретным результатам (заработанным деньгам, купленным и построенным благам,

созданным шедеврам или сделанным открытиям, по полученным званиям, премиям и т. п.). Этот вариант прост и понятен для большинства людей. Он хорош тем, что если какой-то требовательный человек заявит, что это лишь внешняя сторона успеха, то на это можно ответить: «А вы спросите, другие люди уважают меня за эти достижения-результаты?». И конечно же, большинство других людей скажут: «Уважаем, потому что такой успех нам понятен!».

Другой вариант предполагает оценку успеха не столько по внешним результатам-достижениям, а по затраченным усилиям, ведь известно, что одни и те же результаты у разных людей имеют разную ценность. Например, если парень из

148

глухой деревни без связей и посторонней помощи сумел стать кандидатом наук, то это стоит большего, чем стать доктором наук, имея высокообразованных родителей да еще с престижными связями, со знакомствами и с определенным влиянием в обществе. Хотя и у таких влиятельных родителей дети далеко не всегда становятся докторами.

Часто при оценке жизненного успеха важно бывает понять, что пришлось заплатить данному человеку за свои достижения, ведь кому-то такие достижения достались слишком легко, а кому-то пришлось за них много заплатить. Но самое главное, что именно пришлось заплатить за свой успех. Может так оказаться, что за успех пришлось платить совестью, достоинством, интересами и благополучием своих близких людей... С одной стороны, можно сказать, что человек ради своих целей не пожалел самое дорогое, что у него есть, но, с другой стороны, что может быть дороже собственного достоинства?..

Быть может, главное искусство жизни и построения успеха заключается не в том, чтобы как в супермаркете покупать этот успех, платя за него своим достоинством, превращенным в «валюту», а в том, чтобы, достигая намеченных целей, еще и приумножать свое достоинство.

Даже в тех случаях, когда приходится идти на определенные внутренние компромиссы, человек должен сохранять свое достоинство. Более того, подлинная «жертвенность», когда человек отказывается от многих радостей жизни (но не от своего достоинства), неизбежна и предполагает настоящий личностный рост, так как, жертвуя второстепенным, человек фактически обогащается. Также такое обогащение возможно, когда человек не просто жертвует (отрывает от себя) какие-то свои блага, но именно добровольно делится ими с окружающими людьми, то есть опять же не продает, не меняет свою совесть в обмен на блага. Только вот как всего этого добиться не на словах, а в условиях реальной жизни?..

149

Внутренние компромиссы на разных этапах профессионализации и личностного развития

Попробуем показать на типичных примерах, на какие внутренние компромиссы приходится идти многим людям при построении своей профессиональной карьеры.

1. На этапе обучения в школе молодой человек может вдруг обнаружить, что его не столько приобщают к миру науки и культуры, сколько всего лишь «натаскивают» для поступления в вуз (нередко процент поступивших в вузы рассматривается как один из важных показателей эффективности школы). К этому можно добавить и ситуации, когда молодой человек вдруг осознает, что все его собственные старания в школе ничего не значат по сравнению с репетитором, который часто и обеспечивает поступление в престижное учебное заведение. И если молодой человек действительно собирается получить солидное профессиональное образование, то он вынужден смириться с такой ситуацией и внутренне преодолеть себя. Можно, конечно, «стать в позу» и заявить, что «я в этих играх участвовать не собираюсь», но тогда вообще можно остаться без образования. Но можно поступить и иначе: заставить себя дополнительно заниматься по собственной программе, обращаться за помощью не к репетиторам, а к своим любимым учителям и т. п. И если молодой человек успешно сдаст потом вступительные экзамены, то это станет отличной основой для его подлинного самоуважения. Но все ли молодые люди готовы к этому?

2. На этапе подготовки поступления в желанный вуз абитуриент может вдруг обнаружить, что некоторые «профилирующие» вступительные экзамены не имеют прямого отношения к той науке, которую он собрался изучать. Например, известно, что на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова таким экзаменом является математика, после которой отсеиваются около 40—50% поступающих... Или сочинение, при написании которого желательно не демонстрировать свою эрудицию и творческий подход, а надо лишь

150

поменьше делать орфографических ошибок и поближе придерживаться официального учебника... И вновь молодой человек вынужден преодолевать себя — то есть делать то, что ему чуждо (но ради высокой цели такой компромисс вполне оправдан...).

3. На этапе обучения в вузе студенты часто обнаруживают, что их представления о вузе были слишком далеки от реальности. Вот как описывает подобные ситуации известный ученый Г. Селье: «Некоторые студенты отказываются мириться с тем, что вызывает их презрение. Из вузов часто уходят весьма талантливые и оригинальные мыслители, не желающие или не умеющие приспособиться к устоявшейся рутине учебного заведения. Даже в лучших вузах толковый студент не может не заметить, что некоторые курсы разработаны из рук вон плохо, ряд лабораторных работ просто не нужны, а экзаменационные вопросы глупы... но в любом случае, если студент достаточно сильная личность, он может приспособиться к своим преподавателям в той мере, в какой это необходимо, и не тратить время на роптания по поводу неизбежного... типичный «кандидат на отсев» не ленив, он просто негибок, чужд чувства коллективизма или избегает принимать на себя полную ответственность за сложную работу» (Селье, 1987. — С. 53—54). Получается, что и здесь неизбежны определенные компромиссы и даже не все «талантливые» и «оригинальные мыслители» способны на эти компромиссы.

4. На этапе адаптации к новому месту работы молодой специалист может вдруг осознать, что более важны не его профессиональные знания и умения, а способность ладить с коллегами и начальством. Часто важную роль в успехе на этапе адаптации играет умение включиться в местную престижную социально-профессиональную группу — «тусовку», которая во многом подстраховывает своих постоянных членов и даже оберегает их от гнева начальства. Известно, что такие «тусовки» во многом формируют общественное мнение, и с ними вынуждены считаться даже самые строгие руководители. «Работник в тусовке» имеет гораздо больше

151

шансов на успех в данной организации. Но, чтобы быть принятым в такую «тусовку», человеку также приходится идти на определенные внутренние (и не только внутренние) компромиссы, ведь в каждой «тусовке» строго расписаны ролевые позиции и если молодой работник отказывается принять на себя какую-то роль, то в «тусовку» он, скорее всего, не впишется... Но принятие роли, то есть соответствие ожиданиям окружающих, уже само по себе во многом ограничивает творческое самовыражение личности. И далеко не все готовы на такую жертву. Но если даже человек, принятый в социально-профессиональную «тусовку», в дальнейшем захочет занять более творческую позицию, то это также потребует от него определенной платы (как известно, войти в «тусовку» стоит дорого, но самовольно выйти из нее — еще дороже), так как «тусовка» обычно не прощает самостоятельности и независимости...

5. В ходе самой работы человек неизбежно сталкивается с проявлениями склоки, травли, лени, непорядочности и т. п. И если на все это реагировать должным образом, то самой работы просто не получится: человек сам быстро втянется в подобные отношения и это станет основным смыслом его деятельности (а может, и всей жизнедеятельности). Вот как В. Берг с некоторой иронией рассуждает о том, что означает сделать успешную карьеру: «...это не счастливая случайность. Постарайтесь не попадаться на «зуб» сумевшим сделать блестящую карьеру «волкам» экономики и политики, а научитесь выть и охотиться вместе с ними. Почему бы вам самому не начать травить окружающих вас коллег? Станьте убийцей, пока не стали жертвой. Но при этом всегда следует помнить, что это вам слегка подпортит совесть» (Берг, 1998. — С. 8). Получается, что, с одной стороны, лучше не позволять себя втягивать в подобные отношения, но, с другой стороны, оставаться в стороне от этой мерзости — это тоже уступка совести... Но есть еще и третья сторона — самому начать травить коллег, а потом, опираясь на свой гибкий интеллект, быстро и весело оправдать любые свои неблагоприятные поступки. И опять мы вынуждены

признать, что за самим человеком сохраняется право выбора, иначе, если бы все было predetermined, то есть не было бы соблазна «мерзости» и «подлости», то не было бы и возможности личностного роста.

6. На этапе выхода на пенсию человек вновь сталкивается с необходимостью жестокого внутреннего компромисса. Вся общественная система буквально вынуждает пожилого человека смириться с тем, что от него уже нет «никакой пользы» и что он «никому не нужен», даже несмотря на богатейший жизненный и профессиональный опыт и еще сохранившееся здоровье, что характерно для многих пожилых людей. К сожалению, нынешняя мораль гласит, что «старикам должны уступать место молодым», даже если эти старики еще полны сил и замыслов... Хотя в более разумном обществе надо было бы для всех найти возможность для приложения их сил и талантов. В этой ситуации далеко не все старики способны противостоять такой морали и вынуждены идти, быть может, на самый страшный внутренний компромисс — хоронить себя заживо...

17. Проблема зависти и чувства справедливости в решении жизненно важных вопросов клиента

Общее представление о зависти

Почему-то великий мыслитель Б. Рассел как-то откровенно заявил, что «зависть — основа демократии»... Как известно, основой демократии является избирательное право (да и то не для всех, а только для свободных граждан!) и частная собственность, где главное — это право человека распоряжаться тем, что ему принадлежит по закону. Согласно этому праву, человек может продавать свое жилище, свои знания, таланты, свое авторское право, свою печень или скелет после смерти, он может заключать брачный контракт, продавать своих детей, свою невинность, свое здоровье, свои доброе

имя, принципы и идеалы, иногда кто-то продает свою родину и все что угодно... Количественным эквивалентом всему перечисленному служат деньги, а самым универсальным, «международным» эквивалентом являются именно доллары. Именно благодаря деньгам возможны различные обмены и взаимобмены между людьми.

Относиться к деньгам следует уважительно: деньги как бы аккумулируют в себе труд и счастье, надежды и беды многих людей, поэтому обладатель деньгами как бы обладает и частичками души множества людей, да и сам вкладывает в них часть своей души. Вот если бы главным мерил (эквивалентом) различных благ когда-нибудь стали не деньги, а затраченные душевные силы, тогда, возможно, и мир был бы иным, но пока такого четкого и понятного большинству эквивалента нет: каждый пытается определить ценность различных благ в соответствии с затраченными душевными силами лишь интуитивно и не у всех это получается...

Поскольку деньги (особенно доллары) — понятный для большинства людей эквивалент счастья, то каждому человеку достаточно легко соотносить себя с другими людьми и определять ценность своей жизни согласно этому универсальному «мерилу». И тогда оказывается, что большинство людей очень далеки от того, что называется «счастьем», выраженным в количестве денежных знаков. Вот здесь и рождается настоящая зависть.

Детерминанты и «парадоксальность» зависти

«В зависти всегда таится сравнение, — писал Ф. Бэкон, — а где невозможно сравнение, нет и зависти».

«Завидующий интерпретирует чужой успех как свое поражение, а не как выигрыш целого, частью которого он является», — отмечает К. Муздыбаев (см. *Муздыбаев*, 1998. — С. 88). «При этом возможности сравнения не беспредельны... Завистник, как правило, сравнивает свое положение, свои достижения со статусом близко стоящих на социальной лестнице. Поэтому и говорят:

«гончар завидует гончару», «король завидует королю», «низший завидует вельможе», — пишет К. Муздыбаев. — Уже Аристотель отмечал, что «...люди завидуют тем, кто к ним близок по времени, по месту, по возрасту и по славе, откуда и говорится: «родня умеет и завидовать» (цит. по *Муздыбаев*, 1998. — С. 88).

«Главным психологическим источником подверженности зависти является отсутствие уверенности в нашей собственной значимости, соединенное с чувством бессилия», — пишет Дж. Ролз (*Ролз*, 1995. — С. 464). Завидует обычно слабый человек, и слабый именно «отсутствием» собственного достоинства. И для такого человека достоинство часто не выступает в качестве личностной ценности, поэтому для достижения своих жизненных целей (в том числе, и по обладанию предметом, вызывающих зависть) он спокойно использует остатки своей совести и чести в качестве «разменной монеты» для приобретения вожаемых благ.

Зависть часто побуждает человека изменить свое положение, и в этом ее позитивное значение. Но при этом, в отличие от чувства справедливости, зависть заставляет человека не менять существующий несправедливый порядок распределения благ, а поскорее занять место того, кому он завидует, чтобы точно так же и ему потом все завидовали. И ради этого завистник готов пожертвовать очень многим, продавая и свое тело, и свою душу какому угодно дьяволу... Вот и получается, что зависть выводит человека на самый деликатный уровень рыночных отношений — торговлю своей совестью и достоинством (поэтому прав был Б. Рассел, заявивший, что именно «зависть — основа демократии»).

Ему вторит итальянский философ М. Унамуно: «Что же касается демократии, то был ли на свете народ завистливей афинян. Это они изобрели остракизм. Боги Древней Эллады завидуют счастливым смертным... Демократия завистлива. Именно зависть и побуждала демократические республики отменять титулы, почетные звания, ордена. Они очень гордятся этой отменой. Однако место графов и маркизов заняли генералы и

155

доктора наук» (*Унамуно*, 1981. — С. 255). Как пишет К. Муздыбаев, «...ряд доктрин, такие, как эгалитаризм (требование равенства), демократия (требование народовластия, свободы и равенства граждан), также питают свою силу из чувства зависти» (*Муздыбаев*, 1998. — С. 93)...

Правда, официальный отказ от громких титулов и званий сразу же порождает новое стремление получать другие, еще более громкие титулы. Особенно это проявляется в творческих профессиях, где общественное признание является часто важнейшим стимулом деятельности. Прекрасно сказал об этом выдающийся отечественный драматург В. С. Розов, который в беседе с бывшим министром культуры П. Н. Демичевым просил его «...прекратить раздавать навсегда эти ордена и звания. Это развращает людей, люди начинают завидовать друг другу... Есть имя. Если мы говорим Шаляпин, то совершенно неважно, какие у него были ордена... У человека есть его имя, и он должен украшать свое имя. Что за доблесть — я всю жизнь писал пьесы. Это мое призвание, это моя радость, за что меня награждать? Это желание находиться в кругу придворных, оно давно идет... У интеллигенции есть свои права и обязанности. Ей незачем быть при власти» (*Розов*, 1996. — С. 6).

К сожалению, в последние годы в России отмечается настоящий «бум наград и премий». Более того, чем меньше создается сколько-нибудь значительных художественных шедевров, которые отражали бы то, что волнует людей в столь непростое время, тем больше таких «наград» и тем более помпезно все это обставляется на различных «презентациях» и «номинациях»... И большинство «получателей» таких наград, видимо, расплачиваются за это своей совестью и своим добрым именем, ведь часто всех этих «лауреатов» власти используют потом для агитации на выборах, также эксплуатируя их популярность среди обывательского «электората»... Опять сплошная продажность получается.

156

Зависть и справедливость

В философии выделяются два основных подхода к проблеме справедливости: 1) традиционный, признающий незыблемость существующих порядков (Платон, Т. Гоббс, И. Кант); 2) более современный — релятивистский подход, предполагающий «отказ от универсальности моральных обязанностей» (Д. Дьюи, Д. Роулз, Р. Рорти) (см. *Степаньянц*, 1996. — С. 145).

В частности, известный философ Дж. Ролз противопоставляет классической утилитаристской концепции справедливости, предполагающей равную (среднюю) «полезность» для всех, свою концепцию «справедливости как честности», основанную на том, что конфликтующие стороны, имеющие отличные представления о

справедливости, все-таки находят некоторый компромисс на взаимовыгодных условиях. Это и обеспечивает социальную стабильность и реализацию конкретным индивидом своей концепции блага. Критикуя традиционные представления о справедливости, Дж. Ролз отмечает, что в классическом утилитаристском понимании справедливости предполагается, что все люди альтруисты, что все люди как бы сходятся в одну личность (почти как Господь Бог...). Но при этом у таких людей нет проблемы (свободы) выбора и риска, а значит, и возможности самоопределяться. И лишь в подлинном понимании справедливости, в «справедливости как честности» (по Дж. Ролзу) человек вправе выбирать и рисковать, то есть вправе быть личностью (Ролз, 1995. — С. 166—168). Сам Дж. Ролз выделяет два основных принципа справедливости: 1) равные права людей в отношении основных свобод и 2) неизбежные неравенства (различия) никого не должны ущемлять в чувстве собственного достоинства (Ролз, 1995. — С. 66—71).

Интересно, Т. И. Ойзерман считает, что несправедливость — это «...фундаментальный факт общественной жизни, истории человечества», что «борьба с несправедливостью — столь же фундаментальный факт, источник наилучшего

157

в человеке» и что «окончательное преодоление всякой несправедливости — вечная перспектива» (цит. по: Фролова, 1995. — С. 25—26).

Нередко выделяют два основных «слоя справедливости» (равенства): а) равенство возможностей, равенство перед законом, равенство старта — это должно обеспечить государство; б) равенство результатов, равенство на финише (интересно, Ж.-Ж. Руссо считал, что равенство возможностей должно завершаться равенством результатов, а Дж. Локк считал, что результаты на финише зависят уже от самого человека...).

Как отмечал американский психолог Дж. Адамс, справедливость — это соотношение между вкладом человека и получаемым им благом (Психологическое самообразование, 1992. — С. 73). Это близко к ст. 23.2 «Всеобщей декларации прав человека», где сказано: «Каждому человеку, без какой-либо дискриминации, гарантируется равная оплата за равный труд»...

Интересно, что в конце сороковых годов, перед принятием «Всеобщей декларации прав человека», группа американских ученых Американской антропологической ассоциации под руководством М. Герсковица выступила с меморандумом, подвергающим сомнению универсалистскую концепцию прав человека: «...стандарты и ценности имеют особенный характер в разных культурах, из которых они происходят, поэтому всякая попытка сформулировать постулаты, вытекающие из представлений или морального кодекса одной культуры, препятствуют распространению такого рода декларации человеческих прав на человечество в целом... В основу должны быть положены общемировые стандарты свободы и справедливости, базирующиеся на принципе, согласно которому... человек свободен в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе. И наоборот, нельзя представить себе эффективный мировой порядок, если он поощряет свободное

158

развитие личностей членов, конституирующих этот порядок сообществ» (цит. по: Ионин, 1995. — С. 35).

Таким образом, можно утверждать, что в более современной демократической общественной системе возможны разновариантные (индивидуально-уникальные) пути к лучшему, к элитному... Интересно, еще Ф. Ницше говорил устами Заратустры: «Чем благороднее, тем редкостнее» (Ницше, 1990. — С. 261).

Но тогда получается, что строгое уравнивание в правах и возможностях сильно ограничивает творческое самовыражение человека в его стремлении к лучшему. По этой причине не утихают споры вокруг идеи эгалитарности (от франц. *égalité* — равенство), проповедующей всеобщую уравнивательность. Рассматривая соотношение справедливости и зависти, Дж. Ролз обнаруживает их связь с проблемой эгалитаризма и, в частности, отмечает: «Конечно, могут быть такие формы равенства, которые проистекают из зависти. Строгий эгалитаризм, доктрина, которая настаивает на равном распределении всех первичных благ, явно происходит из этой склонности. Это означает, что эта концепция равенства была бы принята в исходном положении, только если

бы стороны были достаточно завистливыми... Различные концепции равенства, которые они определяют, признаются в предположении, что зависти нет» (Ролз, 1995. — С. 467).

Что вообще «согревает душу» эгалитаристу? На наш взгляд, это может быть и убежденность приверженца эгалитарных подходов в том, что именно он проповедует столь благородные идеи. Но тогда он неизбежно противопоставляет себя тем людям, которые проповедуют идеи неравенства, и становится как бы «умнее», «благороднее», «лучше» (а значит, и «элитнее») этих людей. В итоге мы опять получаем псевдоэгалитарность... Хотя, конечно, возможны и вполне искренние стремления, но, как показывает история, эти стремления живут лишь до поры до времени...

159

«Все попытки создать нестратифицированное (равное. — *Н. П.*) общество потерпели неудачу, — пишет М. А. Фролова. — Христианство начинало свою историю с попытки создать общество равных, но очень скоро оно имело уже сложную иерархию, огромную пирамиду с многочисленными рангами и титулами, начиная со всемогущего папы и кончая находящимся вне закона еретиком. Институт монашества был организован св. Франциском Ассизским на принципах абсолютного равенства; но прошло семь лет — и равенство испарилось. Все попытки самых ревностных уравнивателей в истории человечества имели ту же судьбу. Советская история — еще один пример в длинном ряду схожих экспериментов. Громадное потенциальное стремление к равенству у многочисленных уравнивателей становится сразу заметным, как только они оказываются у власти. В таких случаях, по мнению П. Сорокина, они демонстрируют большую жестокость и презрение к массам, чем бывшие короли и правители. Это регулярно повторялось в ходе победоносных революций, когда уравниватели становились диктаторами» (Фролова, 1995. — С. 13).

И все-таки эгалитарность существует в хотя бы короткие периоды свержения власти предшествующего правителя. Кроме того, эгалитарность существует как некая идея, воздействующая на умы сначала отдельных людей, стремящихся к справедливости, а затем и более многочисленных групп (масс), этими идеями вдохновленных. Но, к сожалению, окончательное торжество этой идеи невозможно. Скорее, приходится говорить об эгалитарности как о принципе (идее, образе) активизации сознания совестливого человека.

Кроме того, вполне возможно говорить об эгалитарности не «вообще», а применительно ко взаимоотношениям достаточно ограниченной группы людей. Дж. Ролз в этой связи пишет: «...именно статус моральной личности дает право на равную справедливость... равная справедливость распространяется на тех, кто имеет способность принимать участие и действовать в соответствии с публичным пониманием исходной

160

ситуации. Следует обратить внимание, что моральная личность здесь определена как некоторая возможность, которая обычно реализуется со временем. Именно эта возможность вводит в рассмотрение требование справедливости... неверно, что обоснование равенства через естественные способности несовместимо с эгалитарным подходом. Нам надо лишь выбрать некоторое ранжированное свойство (я буду так называть его) и дать равную справедливость тем, кто удовлетворяет этим условиям... Тот, кто может поступать справедливо, имеет право на справедливое к нему отношение» (Ролз, 1995. — С. 437—441).

Подытоживая различные взгляды на проблему справедливости, М. А. Фролова отмечает, что:

— существует естественное и социальное неравенство людей;

— само социальное неравенство определяется неравным доступом разных людей к таким благам, как деньги, власть, престиж;

— социальное неравенство и справедливость — это нормативные понятия морали;

— окончательное преодоление всякой несправедливости — вечная перспектива;

— понимание социальной справедливости связано с анализом социальной мобильности;

— социальная справедливость — это понятие конкретно-историческое, меняющееся на протяжении веков;

— в классовом обществе справедливость делилась на: а) распределяющую (политика) и б) уравнивающую (экономика и право);

— более современные подходы основываются на принципе равенства (по закону) и принципе пропорциональности (по заслугам).

«Сегодня социально справедливым считается то общество, — пишет далее М. А. Фролова, — в котором: а) люди имеют равные условия для реализации своих различных способностей; б) существует объективный, а не уравнивательный

161

подход к оценке результатов деятельности каждого индивида. Объективный (истинный) подход подразумевает оценку результатов деятельности с точки зрения интересов общества (его нормального функционирования)» (Фролова, 1995. — С. 37—38).

Зависть и ревность

С проблемой зависти и справедливости психолог может столкнуться и в работе с клиентами, например в ходе урегулирования взаимоотношений между супругами. Для этого полезно было бы в общих чертах разобраться, чем принципиально зависть отличается от справедливости. Завистник стремится контролировать абстрактные и материальные объекты (статус, деньги, репутацию...), а ревнивец — конкретных людей, значимых для него. Зависть рождается из диадического отношения: завидующий и объект зависти; а ревность — из триадического отношения: ревнующий, партнер и соперник, хотя иногда добавляется и четвертый элемент — наблюдающая за всем этим публика. Мы считаем, что роль публики очень важна, поскольку именно она ожидает от обиженного ревнивца определенных действий, которые он без такого пристального наблюдения и ожидания со стороны окружающих осуждающих, быть может, не всегда и стал бы совершать...

Между завистью и ревностью существует много общего: «...когда другие осознают нашу зависть, они, вероятно, станут ревновать свои благоприятные обстоятельства» (по Дж. Ролзу). Если супружеские отношения строятся на основе владения (где партнер — это «частная собственность»), то отношения ревности превращаются в отношения зависти, так как объект ревности (партнер) из живого человека превращается в вещь или в символ (см. *Муздыбаев*, 1998. — С. 90—92).

162

18. Глупость как «оправдание» и «самооправдание» личностной продажности

Этическая правомерность использования термина «личностная продажность» в житейской, научной и в научно-практической психологии

Продажность вполне может рассматриваться как «вечная» проблема. Как уже отмечалось ранее, идея продажности возникла, как только стали развиваться обменные отношения. У людей всегда возникал соблазн выменять какое-то благо не на эквивалентное благо, а на то, что считается многими людьми чем-то «даровым», в частности — обменять на собственное достоинство. Даже если представить себе совершенное общество, где все будут честными и благородными, то и там идея продажности получит свое воплощение. Ведь если у людей не будет возникать соблазна променять свое достоинство на какое-то благо, то невозможно представить себе и личностный рост человека. Лишь только пройдя это испытание соблазном, человек по-настоящему становится личностью.

В свое время Л. С. Выготский отмечал, что «если бы возрастные кризисы не были открыты эмпирически, то их следовало бы выдумать теоретически», иначе никак нельзя объяснить внутреннюю динамику развития ребенка. По аналогии можно было бы сказать, что соблазн продажи своего достоинства — это также разновидность внутреннего кризиса, и только в ходе разрешения (преодоления) этого соблазна возможно личностное развитие. Другая аналогия — существование «добра» и «зла» — как раз и позволяет закалять и возвышать свой дух, а если

бы в мире было бы только «добро», то человек просто не смог бы проверить себя на «личностную вшивость» — это ситуация, пригодная разве что для полных идиотов, ведущих животный образ жизни и не заботящихся

163

о своей душе. Именно поэтому идея «продажности» приобретает «вечный» смысл.

Для нас важно понять, в чем специфика личностной продажности в различные культурно-исторические эпохи, что, в свою очередь, позволит нам приблизиться к пониманию особенностей нынешней ситуации в современной («рыночной») России.

Как известно, исторический процесс характеризуется не только сменой различных эпох и представлений об общественном идеале, но и цикличностью этих эпох и представлений. Периоды демократии сменяются на более тоталитарные системы, затем опять наблюдается некоторое возвращение демократических идеалов и т. п. Современная жизнь интересна тем, что все эти процессы интенсифицируются, и тогда на протяжении жизни одного поколения общество, не успев выйти из одной эпохи, погружается в другую... Недаром один очень умный человек (Ст. Е. Лец) сказал, что «каждый век имеет свое средневековье». Особенно все это интересно для современной России.

Важной особенностью современной эпохи является и то, что понятия добра и зла, достоинства и продажности сильно перепутались. Они уже не существуют в «чистом» виде, как в более «простые» в нравственном отношении эпохи обострения социальных конфликтов и открытых войн, когда четко видно, где «враг», а где «друг»... Чтобы сохранить свою совесть во внешне «благополучную» эпоху, важно иметь мощный морально-волевой стержень, а также опираться на него в повседневной жизни. Именно в периоды такой нравственной «путаницы» и духовного «смятения», которые в истории также подчинены закону цикличности, особая ответственность ложится на тех, кто считает себя «гуманитариями»...

Анализируя исторический процесс с позиций социокультурного анализа, современные авторы часто выделяют два основных типа культуры: моностилистическую и полистилистическую культуры (см. *Ионин*, 1995). В моностилистической культуре преобладает строго нормированное, канонизированное

164

представление о стиле и образе жизни. При этом моностилистическая культура неизбежно предполагает единую «шкалу», «линейку» для оценки жизненного успеха, что позволяет не только оценивать «правильность» жизни того или иного человека, но и оформлять понятные для большинства требования к тому, какими должны быть люди. Все это значительно упрощает для них решение карьерных проблем и, главное, упрощает процедуру предложения своих услуг на «рынке труда» или на «рынке личностей», так как всем понятно, что требуется на этих рынках.

В полистилистических культурах, наоборот, проповедуется ценность индивидуальности и неповторимости, допускается разновариантное отношение к жизненному и профессиональному успеху и личному счастью. В такой ситуации человеку сложнее подстраиваться под конъюнктуру единообразного рынка, хотя сами «рынки» со своими специфическими требованиями к людям все-таки продолжают существовать. Но таких «рынков» достаточно много (в этом один из смыслов полистилистической культуры), что и позволяет человеку не столько самому подстраиваться к одному-единственному «рынку», сколько выбирать для себя наиболее подходящий, то есть реализовать свое право на свободу выбора.

Кроме того, в разные эпохи меняется само отношение к продажности. Например, в какие-то эпохи это осуждается (хотя люди все равно продают свои таланты, свои знания и т. п., только называют это другими словами), а в другие эпохи идея продажности легализуется, и тогда все называется почти своим именем... Таким образом, сама идея продажности сохраняется в разные культурно-исторические эпохи, но в обществе меняется само отношение к этой идее.

Но тогда возникает вопрос: а правомерно ли вообще говорить о какой-то особой «эпохе продажности»? Да, правомерно, и вот почему. С точки зрения исторической, экономической, этической и т. д., продажность

объективно существовала всегда и всегда будет существовать. Но с точки зрения психологической важно прежде всего субъективное

165

отношение к идее продажности, а это отношение меняется. Именно сейчас идея продажности в России не только легализована (РФ до сих пор еще «вступает в рыночные отношения»), но и получила в обществе «одобрение» и «признание» значительной части населения. «Эпоха продажности» — это прежде всего психологическая реальность, и можно предположить, что, согласно принципу цикличности, отношение к этой идее может и измениться, когда большинство людей «перебесятся», когда многие просто наиграются в «рынок» и начнут подводить итоги того, что они сотворили или... натворили за время этой эпохи. Наверное, таким людям будет о чем поговорить с психологом-консультантом...

Но коль скоро мы говорим об «эпохе продажности» как о субъективной реальности, то мы вынуждены признать, что для каких-то субъектов (на уровне их субъективного отношения к нашей жизни) никакой продажности и в помине нет, все не только хорошо, но и прекрасно. Или же такие люди назовут продажность другим, более благородным словом, например, скажут, что это «эпоха свободного предпринимательства», «эпоха расцвета частной собственности», «эпоха инициативных и творческих людей», «переходный период» и т. п. Никто не вправе осуждать таких людей за то, что они имеют свою собственную точку зрения. Проблема лишь в том, что если через некоторое время они изменят свой взгляд на противоположный, то не окажется ли это слишком запоздалым (личностным) раскаянием?..

При этом неизбежно возникает сложный вопрос: кто виноват в том, что человеку (личности) приходится идти на сделки со своей совестью, сам человек или «проклятое» время, эпоха, которая не обеспечила человека достойными условиями жизни и всем необходимым для того, чтобы постоянно ощущать свое достоинство? На наш взгляд, сам вопрос не совсем корректен, ведь его можно было бы и переформулировать: кто виноват в том, что человеку приходится постоянно укреплять свой дух в различных испытаниях? Во-первых, надо, наоборот, благодарить судьбу за саму возможность

166

таких испытаний, ведь только в них и происходит настоящее развитие личности и возвышение человеческого духа. Во-вторых, каждая эпоха предлагает свои испытания на «личностную вшивость», только одни люди смело откликаются на эти испытания, а другие быстро находят возможность адаптироваться к самым «страшным» условиям: предприимчивый негодяй быстро найдет свою выгоду и в период войны, и в период голода, и в тюрьме, и в фашистском концлагере. Ведь недаром В. Франкл писал о «лагерной элите», то есть о «старостах», «поварах, кладовщиках и «лагерных полицейских» и всех тех, кто быстро сориентировался и выгодно пристроился, «успешно компенсировал чувство неполноценности» и «наконец-то добился успеха» (Франкл, 1990. — С. 139).

В патриархальные, стабильные времена перед каждым человеком стоит выбор: либо спокойно жить по существующим законам (часто расплачиваясь за это нереализованным творчеством), либо стараться вырваться из оков и стереотипов «правильной», размеренной жизни (но расплачиваясь за это уже своим спокойствием и внешним благополучием)... Особым испытанием для личности являются эпохи внешнего благополучия, когда слишком много соблазнов отказаться от утверждения собственной личностной позиции. Известный философ Х. Ортега-и-Гассет писал по этому поводу: «Чрезмерное изобилие жизненных благ и возможностей автоматически ведет к созданию уродливых, порочных форм жизни, к появлению особых людей-выродков, один из частных случаев такого типа — «аристократ», другой — избалованный ребенок, третий, самый законченный и радикальный, — современный человек массы» (Ортега-и-Гассет, 1998. — С. 252).

«Психологический феномен дурака»

Вопрос, что такое «дурак», неразрывно связан с другим вопросом: а что же (или кто же) есть «умный»... Как и многие другие сложнейшие явления, и в этой проблеме одно связано с другим, не может быть рассмотрено и понято без своей

167

противоположности. Между тем еще Э. Фромм говорил, что «XX век блистает отсутствием образов достойного человека в достойном обществе... все сосредоточилось на критике», то есть мало продвинулись в понимании, что такое достойный и прекрасный человек (Фромм, 1992. — С. 84). Но как это ни удивительно, и в построении образа человека ничтожного (как противоположности человеку достойному и прекрасному) многие наши деятели искусства и науки психологии не очень-то преуспели. Все это еще раз свидетельствует о сложности проблемы.

И все эти проблемы приходится рассматривать в условиях современной России, когда коренным образом меняется вся общественная жизнь и когда происходит реальная «смена элит». В этой ситуации для немалой части людей открываются возможности за очень короткое время и часто без особых интеллектуальных и духовных усилий переместиться «из грязи в князи». Заметим, что немалая часть самоопределяющихся в этой ситуации людей, особенно молодых людей или людей среднего возраста, но с «претензиями» на свою исключительность, движима в своих поступках именно такой открывшейся возможностью — поскорее соприкоснуться с «высшим светом», стать не просто «новыми русскими», но «новой элитой»!

Проблема в том, не окажутся ли такие люди у «разбитого корыта» и что они успеют сотворить со страной в своих тщеславных устремлениях?.. Ведь сказал же в свое время Ж. Лабрюйер, что «раб зависит только от своего господина, честолюбец — ото всех, кто способен помочь его возвышению». «Тщеславные люди возбуждают презрение у мудрецов, восхищение у глупцов, становятся идолами паразитов и рабами своей собственной похвальбы», — писал Ф. Бэкон. Проблема дурака и личности, массы и элиты, особенно в переломные моменты истории, — это не только проблема самоопределения конкретного человека, не только проблема общества, но и проблема культуры во всей ее сложности и многообразии, поскольку человек самоопределяется не только в конкретном

168

социуме, но и в более глобальных, культурных системах. Почему-то именно в последнее время все чаще можно услышать слова «страна дураков», что требует от психологов особого отношения к рассматриваемому вопросу.

В культуре накоплено немало интересных мыслей о глупости, которые также могут служить отправными точками для анализа проблемы, хотя и не решают ее окончательно. Например, Ф. М. Достоевский говорил, что «дурак, познавший, что он дурак, это уже не дурак»... «Нет глупцов более несносных, чем те, которые не совсем лишены ума», — писал Ф. Ларошфуко. Писатель-антифашист Ст. Е. Лец говорил, что «интеллектуально независимы только гении и дураки». Еще древние еврейские мудрецы отмечали, что «жадность — родная сестра глупости, которую сама предваряет»... Таким образом, глупость и ум находятся в очень непростых и даже парадоксальных отношениях: оказывается, чтобы поумнеть, следует познать, что ты глуп (по Ф. М. Достоевскому), или то, что наиболее несносная глупость именно такая, которая не совсем лишена ума (по Ф. Ларошфуко), и уж особенно странно для современного человека слышать, что жадность предваряет глупость (согласно еврейским мудрецам), хотя многие убеждены, что именно жадность является основой предприимчивости и хитрости, которые якобы и составляют главные признаки ума, интеллекта.

Кстати, об «интеллекте». Проводя занятия со школьниками (с учащимися 10—11-х классов) различных московских школ, я вдруг случайно обнаружил, что в своих письменных работах более половины из них делают ошибки в слове «интеллект», а многие из них делают по две и более ошибок, хотя в слове «доллар» ошибок мною замечено не было, что лишний раз подтверждает актуальность проблемы «продажности» в нашем обществе. В качестве великолепного примера соотношения интеллекта и жадности (выражающейся в стремлении к деньгам) можно привести рекламу на кабельном телевидении, которую неоднократно показывали по кабельному телевидению в Северном административном округе

169

Москвы где-то в декабре месяце 1996 года (воспроизводится дословно, точнее — добуквенно): «Интеллигентный русский аспирант снимет однокомнатную квартиру»... А ведь телевизионная реклама стоит недешево, поэтому можно предположить, что у «интеллигентного русского аспиранта» денежки водятся, уж он то наверняка легко решил для себя проблему личностной продажности...

В обыденном сознании, в разговорной речи слова «дурак», «глупость» обычно связывают с недостатком или с

ущербностью ума. Например, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова «глупый» человек определяется как: «1. С ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый. 2. Не обнаруживающий ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности»... Однако даже на уровне обыденного сознания (при условии хоть сколько-нибудь серьезного воспитания) как-то не принято смеяться над людьми, которые действительно страдают определенными умственными недостатками.

В этом плане наука психология (и психиатрия) относится к дуракам и к глупости более корректно: эти понятия в психологических и медицинских науках просто не употребляются. Вместо этого используются специальные термины, например «невысокий коэффициент интеллектуальности», «задержка (всего лишь) умственного развития», «олигофрения» и т. п.

К сожалению, и в науках все эти понятия еще нуждаются в уточнении. Например, Э. Торндайк полушутя следующим образом определил «интеллект»: «...это то, чем Платон, Аристотель и Фукидид отличались от афинских идиотов своего времени», а Э. Боринг с не меньшей иронией говорил, что «интеллектом» можно считать то, «что измеряется с помощью тестов на интеллект» (цит. по: *Зинченко*, 1995. — С. 15).

В последние годы все больше сомнений появляется и по поводу выделяемых в клинической психологии «нормы» и «патологии», в том числе и применительно к умственному развитию. Исходя из принятого в гуманистической психологии понимания человека как «настоящего», «полного»,

170

развивающего себя, у которого ничего не отнято», В. В. Петухов пишет: «...гуманистические психологи по сути сказали: если в бихевиоральной терапии грань между нормой и патологией обязательна (как в традиционном обществе), а в психоанализе она уже оказывается размытой (как в переходные времена), то при настоящем личностном развитии никакой грани между нормой и патологией нет. Личность может быть или не может быть аномальной («не там борьба лежит»)» (*Петухов*, 1996. — С. 85). Таким образом, если рассматривать конкретного человека как личность, то следует признать за ним право иметь определенные отклонения («аномалии»). «Никаких «лишних людей» (или их «свойств») — нет. Обладать причудами — любыми (о, ужас!) — можно, а вот опереться на них, когда проблема становится собственной, нельзя — не выходит», — отмечает далее В. В. Петухов (1996. — С. 86).

Особенность психиатрического и психотерапевтического подхода в том, что в них совершенно отсутствует стремление как-то унижить, обидеть человека, имеющего проблемы с интеллектом. Ведь слова «дурак», «глупость» в немалой степени оценочны, оскорбительны, и именно так они используются в обыденной жизни. Но почему-то ведь используются! Вероятно, в культуре и в обществе по отношению к каким-то людям это все-таки оказывается необходимым, если рассматривать культуру и общество как они есть, то есть не как некие вымышленные образы культуры и общества, а как некие реальности, где наряду с высшими достижениями человечества есть и преступность, и жадность, и глупость, и зло... Ведь почему-то все это там тоже имеется...

Дурак — слово обидное, поэтому следует разобраться, можно ли иногда «обижать» человека ради его же блага? Большинство психотерапевтов, особенно имеющих гуманистическую ориентацию, отвечают однозначно: нет, ни в коем случае обижать клиента (точнее — пациента) нельзя! И действительно, если у человека имеются серьезные внутренние проблемы, если он находится на грани отчаяния (а то и самоубийства), то помощь ему должна основываться на добре и

171

эмпатии. В этих случаях принцип «Не навреди!» является основой для помощи отчаявшемуся человеку, страдающему различными психическими заболеваниями, переживающему низкий уровень своего интеллектуального развития... Стоп! Если человек уже «страдает», уже «переживает», то дополнительно обижать его просто бессмысленно, да и негуманно в высшей степени! Но, если человек даже не осознает своего дурацкого положения, воздействие на него с помощью эмоциональных средств может иногда оказаться благотворным.

Без переживания не может быть полноценного развития, особенно развития нравственного. Вероятно, кто-то

удивится, что интеллектуальное развитие (о котором мы и говорим) вдруг связывается и с нравственностью. Но отмечал же в свое время философ М. М. Бахтин, что «понять предмет — значит понять мое должностное отношение по отношению к нему (мою должную установку)... мою ответственную участность» и что по-настоящему понять предмет — это понять его «нравственный смысл» (цит. по: *Зинченко, Моргун, 1994. — С. 65*).

Как известно, часто главной движущей силой человека является стремление к преодолению чувства собственной неполноценности (по «раннему» А. Адлеру). Но само такое чувство уже предполагает переживание своей неполноценности, и именно такое переживание является основой для «мук творчества» по самосовершенствованию, в том числе, и по преодолению в себе «дурака»... По этому поводу Ст. Е. Лец верно заметил, что «миг, когда осознаешь себя бездарным, озарен проблеском гениальности».

Парадоксальность человеческой глупости

Чтобы приблизиться к пониманию глупости, рассмотрим похожие на глупость проявления человеческой деятельности, которые глупостью все-таки не являются. Если человек интеллектуально неполноценен и, например, ведет себя в обществе нелепо (он просто не способен понять, как надо себя вести), то смеяться над таким (большим) человеком

172

просто глупо, и воспитанный человек себе этого никогда не позволит.

Если клоун на арене цирка (или на эстраде) специально показывает «глупости», чтобы посмешить публику, то над этим умные люди обычно смеются. Известно, что через «шутовство», карнавальность, скоморошество проявляется часто высокая творческая активность личности, которая по-своему восстает против нелепости существующей жизни.

Если человек имеет высокие достижения в определенной сфере профессиональной или общественной жизни, но обладает одновременно и некоторыми странностями (дурными привычками, слабостями и т. п.), то называется это в целом не глупостью, а «заскоком». В своей знаменитой книге «История человеческой глупости» И. Пат-Вер пишет, что человек с заскоком «может быть абсолютно нормальным. Иногда самый большой гений находит в своих мозгах немного места для какой-либо странности (только не надо каждому человеку «с заскоком» считать, что он уже произведен в гении)» (*Pat-Ver, 1996. — С. 399*). Таким образом, умный (и даже гениальный) человек в мелких вопросах может позволить себе определенные «странности», но он гениален именно в главном деле своей жизни.

Если обычный, простой человек не владеет какой-то специфической информацией, которой владеют лишь ограниченное число специалистов, то называть такого человека «дураком» было бы в высшей степени несправедливо, но если специалист (уже после сданных экзаменов и полученного диплома) совершенно не умеет работать (использовать свои знания), то о таком человеке говорят, что он просто «дурак».

Если какой-либо профессор математики или экономики вдруг обнаруживает, что его крупно обсчитали в магазине или в коммерческом российском банке, то обычно о нем говорят, что он дурак. Правда, если этот профессор-математик искренне переживает о случившемся, то он уже перестает быть дураком.

173

Если человек, обладающий прекрасным образованием, позволяет себя дурачить по крупному, например, отдает все свои сбережения в сомнительные банки под подозрительно высокие (высочайшие) проценты, а потом еще и обижается на этот банк или на государство, которое его не защитило от проходимцев, то такой человек — дурак. Правда, если этот человек все-таки поймет, что надо думать и собственной головой, то можно сказать, что и у него промелькнул «проблеск гениальности».

Все это позволяет определить дурака как человека, который, обладая всеми необходимыми возможностями (интеллектом, прекрасным образованием и воспитанием и т. п.), все-таки совершает глупости, которых мог и не совершать, то есть дурак — это тот, кто не использует свои имеющиеся возможности.

При этом можно различать глупость применительно к обыденной жизни, применительно к различным

профессиональным сферам и даже глупость применительно к пониманию своего предназначения и смысла жизни. Нередко слово «дурак» употребляется полушутя, когда человек совершает какие-то незначительные странности. Но уже термин «круглый дурак» можно было бы отнести к чему-то более глобальному, например к жизни как некоему «кругу»... «Круглых дураков» можно представить и несколько иначе, для этого уместно вспомнить слова Ст. Е. Леца: «Из нулей легко сделать цепь»... Особенно обидно, если такими «нулями» являются люди образованные и занимающие важное общественное положение.

После такого уточнения оказывается, что в более сложном положении оказываются именно образованные люди, поскольку с них больше спрос в сложных вопросах бытия. Когда дурачат простого, обычного, необразованного человека, отягощенного своими повседневными заботами, то его можно понять и простить за вынужденное неведение. Но когда умный (образованный да еще интеллигентный) человек

174

позволяет себя обманывать по крупному, то это уже не смешно — это беда.

И только теперь, более или менее уточнив для себя сущность глупости, можно поставить главную проблему и, одновременно, главный парадокс глупости: поскольку именно образованные (интеллектуальные и даже интеллигентные) люди претендуют на то, чтобы называться «элитой», то остается неясным, что же ожидает нашу страну (Россию), когда даже лучшие ее многие граждане не используют своего интеллекта не только для процветания несчастной страны, но и для собственного духовного роста. Сама постановка такого вопроса не психотерапевтична: она для этого слишком резкая и даже обидная. Но мы надеемся, что данную книгу читают не только люди, нуждающиеся в психотерапевтичном «поглаживании» или «кокетничаньи», но и действительно стремящиеся что-то понять, а следовательно, и изменить себя к лучшему.

Нельзя себе представить более страшной (дурацкой) картины, когда пошловато-очаровательные телеведущие, телекомментаторы, известные комики и прочие мастера «личностной продажности» высмеивают трагичную историю нашей страны, а образованные (да еще с дипломами о высшем гуманитарном образовании) тетеньки и дяденьки подло подхихикивают этой вакханалии цинизма. Но при этом происходит интересное психологическое явление. Сам факт подхихикивания свидетельствует не о недомыслии этих тетенок и дяденек, а об их стремлении соприкоснуться с миром элиты, которую очаровательно-продажные телеведущие и знаменитые комики представляют. Коллективный смех над недавними святынями — это своеобразная «плата» за сопричастность к шикарному, но недоступному миру престижно-тусовочной богемы, политического истеблишмента и прочей «элиты».

И даже несмотря на высокое образование и воспитание этих тетенок и дяденек, можно с уверенностью сказать, что это истинные глупцы, поскольку они могли бы не позволить обращаться с собой как с невежественными дурачками, но

175

позволили. Они могли бы (в силу своего образования) хотя бы внутренне возмутиться фактом осквернения истории, но не возмутились, так как слишком силен оказался соблазн соприкосновения с недосыгаемой «элитой», за что им пришлось расплатиться частью своего достоинства и совести. В итоге получается, что они сами себя обманули. Но когда ты сам являешься обманщиком самого себя — это и есть высшая степень глупости.

Глупость как самооправдание и условие «отпущения грехов» (по Э. Роттердамскому)

В предыдущем разделе была обозначена парадоксальная ситуация: в наибольшей степени рискуют оказаться дураками именно образованные люди, у которых есть все возможности не быть дураками, но которые не используют эти возможности. Но именно у образованных людей (да еще с высшим гуманитарным образованием) эта ситуация еще больше усугубляется: именно благодаря своему образованию и более гибкому интеллекту они быстро находят оправдание любому своему неблагоприятному поступку, любому факту «личностной продажности»... «Как часто люди пользуются своим умом для совершения глупостей», — писал Ф. Ларошфуко. «Глупец тот, кого губит избыток ума», — писал Б. Грасиан и т. п.

В культуре имеются сильные традиции оправдывать свои грехи и духовное падение «неведением» и «глупостью».

В своей знаменитой книге «Похвала глупости» Э. Роттердамский прекрасно показывает это на многочисленных примерах прощения грешников: «Быть может, не следует упускать из виду и следующего довода: Глупость до такой степени угодна Всевышнему, что ради нее одной отпускаются все прегрешения, меж тем как ни один мудрец этого не удостоен... Итак, Аарон, сколько помнится, в Книге Чисел просит у Моисея помилования, говоря: «Господин мой, не поставь нам в грех, что мы поступили глупо и согрешили»... Равным образом и Павел писал к Тимофею: «Помилован я Богом потому, что так поступал по

176

неведению, в неверии... Но ведь «поступал по неведению» и значит действовал по глупости, а не по злобе душевной. Апостол «помилован» лишь потому, что прибег к покровительству Глупости» (Роттердамский, 1995. — С. 172—173). «В том же смысле разуметь должно и то, что Бог, сотворив мир, запретил вкушать от древа познания добра и зла, словно познание — смертельный яд для блаженства», — отмечает Э. Роттердамский (там же. — С. 172).

Таким образом, обращение за покровительством к глупости — прекрасный способ для образованного (и изощренного в своей хитрости) человека оправдать свое малодушие, свою трусость, свою алчность и т. п. Естественно, самооправдание глупостью носит очень избирательный характер. Человек, совершивший личностную продажность, никогда не назовет себя «вообще дураком», но он может сослаться на свое неведение по поводу чего-то конкретного. Хотя если нравственная слабость была проявлена в ответственной жизненной ситуации, то она неизбежно приобретает глобальный характер, и тогда обычная «избирательность» в самооценке такому человеку уже не помогает. Но в такой ситуации он придумывает новые хитрые ходы самооправдания, и все повторяется по кругу (как не вспомнить выражение «круглый дурак»). В итоге почти вся жизнь превращается в сплошной самообман, и со временем такой человек либо находит великолепные способы приглушить свою совесть, либо вообще стремится убрать ее из своей души (и забыть, что это такое — мечта многих начинающих негодяев), либо он все же преодолевает в себе соблазн «личностной продажности» и выходит на новый, более интересный уровень своего развития.

Единственное, чего не должен делать психолог, работающий с подобным человеком, так это форсировать события и тем более обязывать человека к личностному росту. Это слишком деликатный, постепенный и болезненный процесс, тем более в условиях, когда многие вокруг еще не насытились игрой в «продажу себя» на «рынке личностей».

177

Контрольные вопросы к главе 3

1. Может ли быть чувство собственного достоинства у ничтожного человека?
2. Может ли быть духовность не связана с религиозным чувством?
3. Что такое «рыночная личность» (по Э. Фромму)?
4. Правомерно ли с этической точки зрения «просчитывать» личность? Почему?
5. Чем отличается разумный внутренний компромисс от сделки с совестью?
6. Как соотносятся зависть и чувство справедливости?
7. Правомерно ли говорить о «плохих» и «хороших» эпохах? Почему?
8. Кого в обыденной жизни называют дураком? Может ли психолог использовать данный термин?

178

Глава 4

Проблема поиска идеала личностного и профессионального самоопределения

19. Элитарность как феномен культуры. Проблема «худших» и «лучших» людей

Актуальность специального рассмотрения элитарных ориентаций в психологии

К сожалению, элитарные ориентации пока еще не стали предметом серьезного исследования многих психологов, хотя наличие в стране элиты уже мало кем оспаривается. Речь идет о стремлении человека стать лучше, но проблема в том, что однозначного критерия, что есть лучшее, а что худшее, не существует. И тогда человек постоянно уточняет для себя образ лучшего, то есть фактически образ элитного. Но поскольку и философы, и психологи, и педагоги сами сильно путаются в этом, то дезориентированным оказывается и самоопределяющийся человек.

Эти проблемы впервые возникают в подростковом возрасте. Недаром Э. Эриксон писал, что главная проблема подростка — поиск «идеологии и аристократии в их самом широком смысле», и важно это, «чтобы не впасть в цинизм или в апатию» (Эриксон, 2000. — С. 251—252). А нерешенность данной проблемы приводит, по мнению Э. Эриксона, к тому, что случилось с Германией в период правления в ней нацистов: «В Германии того времени мы как раз и наблюдали капитуляцию высокоорганизованной и высокоразвитой нации перед образами идеологизированного юношества» (там же. — С. 335).

179

В дальнейшем уже взрослые люди, не нашедшие для себя достойных идеалов и образов, также рискуют оказаться жизненными неудачниками, ориентируясь либо на устаревшие образцы для подражания, либо вообще без каких-либо достойных целей, смыслов и идеалов. Отсюда помощь человеку в поиске достойных (а в чем-то и идеальных) смыслов становится важнейшей задачей психолога. Почему-то именно отечественные психологи очень болезненно реагируют на проблему элитарности, как будто им наносится личное оскорбление самой постановкой такого вопроса.

Между тем проблема элиты активно обсуждается не только философами и социологами, но и педагогами. Более того, в «Законе Российской Федерации об образовании» от 1992 года в статье 50, пункте 13 говорится о создании «образовательных учреждений элитарного типа», а ряд авторов уже исследуют представления школьников о своей будущей жизни исходя из того, где они обучаются, — в «школе массовой» или в «школе элитарной» (см., например, *Чередниченко*, 1996). Недооценка психологами проблемы элитарных ориентаций в формировании смысловой картины мира свидетельствует о непонимании роли таких ориентаций (прежде всего ценностно-смысловых ориентаций) в самоопределении подростков, ведь известно, что подросток в своем стремлении к лучшему, к идеалу так или иначе вынужден выстраивать в своем сознании определенные социально-психологические иерархии. Но если это ложные иерархии и, соответственно, ложные ориентации, основанные на подражании псевдоэлите, то и самоопределение будет неполноценным.

Естественно, было бы нелепо утверждать какие-то «правильные», «истинные» элитарные ориентации: главное — отметить необходимость специального обсуждения с самоопределяющимися подростками данной проблемы, тем более что у многих подростков в этом есть потребность.

180

Проблема «лучших» и «худших» людей

Сама проблема деления людей на «лучших» и «худших» является одной из центральных и одновременно одной из самых болезненных для формирования ценностно-смыслового и нравственного ядра самоопределяющегося человека. Конечно, проще было бы делать вид, что данной проблемы не существует (это очень «неудобная» для обсуждения проблема), хотя уже всеми признано, что абсолютного равенства между людьми быть не может. Некоторые психологи, признавая факт неравенства, считают, что людей надо делить не по принципу «плохой» или «хороший», а по принципу «все люди хорошие, но разные»... Однако и здесь самоопределяющийся подросток сталкивается в реальности с совсем иной картиной: кто-то лучше учится, кто-то — хуже, в подростковой любви предпочтения также определяются по линии «лучший (более достойный) — худший» (недостойный) и т. п. Идея одинаковой «хорошести» всех людей подходит скорее для работы с пациентами (в клинической и психотерапевтической практике), чем для работы со здоровыми молодыми людьми, ориентированными на

реальное (а не терапевтически-иллюзорное) самосовершенствование.

Некоторые психологи, понимая несостоятельность идеи одинаковой «хорошести», заявляют, что каждый человек обязательно «хорош» хоть в чем-то одном, но по другим характеристикам он может и уступать другим людям, то есть быть «хуже» их. Такая точка зрения представляется более разумной, хотя если для самого подростка ущербность по какой-то характеристике гораздо более значима, чем его же превосходство по другой характеристике, то переживаний для подростка от этого меньше не становится, то есть опять же он страдает... При этом само страдание часто и является важнейшим условием развития молодого человека, особенно условием его нравственного развития. «Место, занимаемое человеком на иерархической лестнице, определяется теми страданиями, которые он может вынести», — отмечал еще Ф. Ницше (цит. по: *Гарин*, 1992. — Т. 2. — С. 238). Известно, что сама идея возрастного

181

кризиса предполагает внутренние противоречия и даже определенные душевные метания (страдания) молодого человека, когда важнейшей психолого-педагогической проблемой становятся контроль за протеканием этого кризиса и направление его энергии в русло позитивного развития подростка, а затем и взрослого человека.

Образ элитарного идеала на уровне обыденного сознания

К «элитарному» в обыденном сознании может быть отнесено то, что вызывает зависть, страх, ненависть, преклонение, восхищение, но все это должно быть достаточно значительным, отличающимся от ценностей обыденной жизни, от ценностей и достижений обычной массы людей. Примечательно, что выдающийся философ современности Ортега-и-Гассет определяет элитарное как антимассовое и отмечает, что «лишь те, кто способен преодолеть предрассудок большого количества людей, — элита» (цит. по: *Гарин*, 1992. — Т. 2. — С. 475).

Как видно, феноменология элитарности достаточно сложная и противоречивая, что осложняет четкое определение элитарных ориентаций. Однако все-таки можно выделить следующие обобщенные характеристики «элитарности» как общественного феномена:

1. Престижный род деятельности или образ жизни.
2. Возможность влиять на сознание и на жизнь многих людей (власть, в том числе и власть над сознанием, над помыслами людей).
3. Труднодоступность данной деятельности или образа жизни (высокий социально-профессиональный статус, высокое место в общественной иерархии, а также трудность удержания уже достигнутого статуса, что порождает в среде элиты многочисленные склоки, амбиции, выяснения отношений и что вызывает особый интерес у представителей массы).
4. Таинственность, загадочность, непонятность элиты, связанная с особыми качествами (образованием, манерами поведения) людей, пребывающих в «высших слоях», и с особыми

182

правилами взаимоотношений между этими людьми. Нередко даже представители творческих профессий (артисты, журналисты) совершают «странные», вызывающе скандальные поступки для поддержания своего «профессионального эпатажа». Все это создает особый «ореол таинственности» элиты, особую «атмосферу» самого соприкосновения с представителем элиты.

5. Элита может позволить себе частично отступать от общественных и моральных норм, то есть позволить себе «запретное». Публика, представители массы относятся к этому с «пониманием», хотя в своей среде (обычных, нормальных людей) любые отступления от существующих норм поведения жестко пресекаются как на уровне закона, так и на уровне общественного порицания.

6. Известность, знаменитость элиты (это может быть не только «имя» человека, но и простое упоминание престижной социально-профессиональной прослойки, например «менеджер», «фотомодель», «продюсер»,

«юрист в коммерческой фирме»... а ранее — «физик-ядерщик», «геолог», «разведчик»...). Элита обладает привилегией «быть на слуху». Как писал известный американский социолог Р. Миллс, «большинство американцев воспринимают высшие круги преимущественно как известную группу знаменитостей» и что люди массы «испытывают платоническое удовольствие, когда читают и слышат о привилегиях богачей из мира корпораций, о ночных шалостях профессиональных знаменитостей и об угрюмо-счастливой жизни мультимиллионеров» (Миллс, 1959. — С. 460—461).

7. К основным характеристикам элитарности как общественного феномена можно добавить и высокие достижения в какой-либо области деятельности, и успешную карьеру (даже без особых достижений), и особые привилегии (в том числе и незаслуженные), и многое другое, что отличает простого человека от «избранного судьбой» (а может, и самостоятельно избравшего, построившего свою судьбу...).

183

И все-таки противоречивость и разнообразие характеристик «элитарного» не мешает многим людям выстраивать некий образ чего-то лучшего, чем они наблюдают в своей обыденной жизни. А непонятность (и даже непостижимость) элиты делает ее еще более притягательной. Элита нужна обывателю не только для того, чтобы восхищаться ею, но и для некоторой идентификации с ней (что проявляется в постоянном стремлении одеваться, говорить, переживать так, как это делают «господа»). Если бы элиты вдруг не стало, обыватель ее сразу бы выдумал, что и происходит повсеместно...

Различные уровни проявления элитарности

Если попытаться условно обозначить основные этапы видоизменения элитарности в обществе, то получается примерно следующее.

1. Начать анализ лучше с биологических основ элитарности. В мире животных на межвидовом уровне иерархические отношения во многом определяются реальной физической силой представителей тех или иных видов, отработанных в ходе длительной эволюции, которая и обеспечивает определенную «гармонию» природного мира и создает целые иерархически взаимосвязанные «экосистемы». На внутривидовом уровне отношения превосходства и подчинения складываются на основе реальной физической силы (а также агрессивности, инициативности) конкретных особей и главное — закрепленными на уровне врожденных биологических программ правилами поведения и взаимоотношения между особями в тех или иных ситуациях (во время совместной охоты, при спаривании, на отдыхе...). Биологический уровень элитарности сильно ограничивает возможности самовыражения и творчества особей, но являет собой очень «экологичный» и даже по-своему «гармоничный» вариант взаимоотношений.

2. В первобытном человеческом обществе элитарность также во многом определялась реальной силой членов племени (или общины), но все большую роль начинали играть

184

уровень развития интеллекта, определенные заслуги человека перед сородичами, сложившиеся социальные отношения, а также уровень специфически понимаемой порядочности и достоинства конкретных людей. При этом все большую роль начинало играть отношение к моральным нормам данного сообщества, которые во многом определялись начинавшими складываться верованиями и преданиями (отсюда — власть шамана в первобытном обществе). По сравнению с миром животных возможности для самовыражения (для проявления своей субъектности) значительно возросли, а само развитие элитарности приобрело более динамичный характер, поскольку уже не было закреплено врожденными программами. При этом усилился и творческий характер проявления элитарных ориентаций, а следовательно, возникло больше «непредвиденных» ситуаций (своеобразных нарушений установленных правил), что, в свою очередь, привело и к более жестоким формам выяснения отношений (вплоть до ритуального людоедства).

3. В рабовладельческих государствах стали возможными разные основания для развития элитарности. В тоталитарных рабовладельческих системах (Древний Египет, Вавилон, Персия) основой для элитного превосходства было как владение рабами, так и наследственное право на власть. Кроме того, важную роль играли

в древних иерархических системах служители различных религиозных культов (жрецы).

В ранних демократических системах (Древняя Греция, Древний Рим) власть опиралась на избирательное право, то есть на мнение народа (большинства свободных граждан). При этом мнения рабов (большинства народа) в расчет не принимались... Кроме того, существенными основаниями для элитного превосходства постепенно становилось имущественное неравенство (владение рабами), а также определенные таланты (в риторике, философии, военном искусстве и определенные спортивные достижения).

По сравнению с элитарностью в мире животных и в первобытном человеческом обществе значительно возросла

185

возможность для самовыражения (например, благодаря усилившемуся разделению труда человек уже мог выбирать сферу приложения своих сил и соответствующего самоутверждения в обществе). Но одновременно возросла и степень неопределенности при выделении более и менее «достойных» людей, что повысило вероятность нарушения устоявшихся правил и нередко приводило к коварству и жестокости на пути к элитному превосходству (борьба за власть, за известность и признание: чего только стоит «слава Герострата»...). И хотя уже в рабовладельческих государствах стали появляться первые правовые системы, но реально единое право работало лишь для массы (народа), а для элиты и их приближенных было иное, неписаное «право».

4. В эпоху феодализма все большую роль в стремлении к элитарному превосходству стал приобретать религиозно-культовый фактор (авторитет церкви в обществе был практически непререкаемым). Но постепенно на первый план стало выходить так называемое «наследственное право», освященное в большинстве случаев той же церковью (как право «наместника Бога на земле»). На более поздних этапах развития феодализма все большее значение стало приобретать имущественное неравенство (не только обладание финансами, но и частная собственность на появляющиеся мануфактуры, на различные средства производства). При этом больше возросла степень неопределенности в нормах взаимоотношений людей (проблема разных морально-правовых систем, для массы и для элиты и т. п.). Опять же, с одной стороны, стало сложнее определять, кого считать более достойным, а кого — менее, но, с другой стороны, возросла степень творческого самовыражения человека и нахождения для себя наиболее приемлемого варианта утверждения своего превосходства над другими или утверждение своих талантов и достоинств без ущемления самолюбия других людей (в более благородных случаях).

5. При капитализме основой для элитного превосходства, несомненно, стало имущественное неравенство. Естественно,

186

сохранили свою роль и иные основания для такого превосходства (и физическая сила, и религиозность, и наследственные права и др.), но именно владение капиталами или недвижимостью стало главным «мерилом» человека. Знаменитое «Сколько ты стоишь?» — это реальность. Но именно при капитализме активизировался поиск иных оснований для выделения более достойных человеческих ориентаций. Причем этот поиск был настолько активным, что нередко приводил к серьезным социально-политическим потрясениям (революциям, переворотам, войнам...). Именно при капитализме основания для выделения более и менее элитных людей стали наименее четкими, что еще больше расширило возможность для самоопределяющейся личности как для выделения своего элитарного идеала, так и для стремления к нему. Но остается вопрос: все ли люди реализуют эту возможность?

При капитализме приобрело особую значимость избирательное право, когда власть избирается и осуществляется «от имени народа». В отличие от древних демократий в голосовании участвуют не только «свободные граждане», а уже подавляющее большинство населения (за исключением детей, душевнобольных и др.). Но здесь возникает и другая проблема: способен ли каждый человек реально оценить избираемых кандидатов и вообще разобраться в обсуждаемом на референдуме вопросе? К сожалению, далеко не все голосуют осознанно, поскольку именно при капитализме появились великолепно работающие технологии (то, что называют, современные средства массовой информации, особенно электронные) по формированию общественного мнения и манипуляцией над общественным сознанием.

Особенностью капиталистического способа утверждения элитного превосходства является, с одной стороны, еще большая неопределенность при определении «самых достойных» (элиты), а с другой стороны, целая система советчиков-подсказчиков (манипуляторов) массой, которой через «референдум» предлагается выбрать уже заранее определенного лидера,

187

кумира и даже очередную эстрадную или театральную «звезду».

Видимо, прав был К. Маркс, когда говорил, что развившееся производство стало постепенно высвобождать свободное время самых разных людей (сначала — у элиты, позже — даже у простых работников) для размышлений над «непрагматичными» вопросами, связанными не с добыванием хлеба насущного (как в предшествующие эпохи), а со смыслом своего существования, с проблемами справедливости и т. п. В частности, можно сказать, что только человек, хотя бы частично освободившийся от повседневных забот, может серьезно задумываться и над «запретными» ранее вопросами, например, над вопросом об основаниях превосходства одних людьми над другими...

6. Некая другая, более совершенная, чем капиталистическая система общественных отношений. Например, если опираться на логику К. Маркса и В. И. Ленина, то следующими общественными формациями должны стать сначала социалистическая (как переходная), а затем и коммунистическая. Поскольку классиками марксизма предполагалось, что переход к этим формациям возможен лишь при изменении самого человека (большинства людей) в сторону их большей «гармоничности» и «разносторонности», то есть сопричастности ко всем разнообразным общественным процессам, то можно предположить, что возможности самовыражения и творчества при построении элитарных идеалов и стремлении к ним еще больше возрастут.

Примечательно, что В. И. Ленин в своей работе «Государство и революция» отмечал, что по своим конечным целям большевики близки к анархистам, которые стремились к уничтожению государства, препятствующего максимально свободному проявлению личности. Но в своей полемике с анархистами К. Маркс, а затем и В. И. Ленин говорили лишь о том, что сразу от государства отказываться нельзя, поскольку для этого должны созреть условия (прежде всего изменится

188

сам человек, чтобы он еще смог распорядиться предоставленной ему свободой-анархией) (см. *Ленин*, 1946)...

Таким образом, можно обозначить общую тенденцию в развитии элитарности как феномена общественной жизни: это — все большее возрастание возможностей конкретного субъекта для выбора и реализации своего элитарного идеала. Но это означает, что тогда очень сложно однозначно определить, что есть более достойное и что менее достойное. Это сложно определить применительно к конкретному человеку (в этом определенную помощь могут оказать и психологи-консультанты), но еще сложнее определить критерии элитарности в более широком (обобщенном) плане, то есть определить элитарность «вообще». Иными словами, раньше этот вопрос решался проще...

У конкретного социального субъекта (у конкретного человека или у определенных социально-профессиональных групп) нередко различные уровни и основания для построения элитарных взаимоотношений могут сосуществовать и необычным образом переплетаться. Каждый раз субъект деятельности (и, соответственно, субъект самоопределения) по-разному осознает в качестве значимых для себя факторы и условия элитарности, выбирает их и реализует в своем стремлении стать лучше (как это он сам себе представляет сообразно уровню своего развития). Например, человек может ограничиться только «силовым» представлением об элитарном (по принципу «Лучше всех значит, сильнее всех!») или представлением об элитарном как о законопослушном, добропорядочном...

Примечательно, что нередко условия и факторы элитарности более ранних и примитивных уровней вполне вписываются в деятельность (и в профессиональное самоопределение) вполне образованных людей. Если еще раз обратиться к аналогиям из мира животных, в частности к уже упоминавшемуся ранее стремлению приближенных вожака («шестерок») жестоко добывать поверженного недавнего соперника их вожака-доминанта, то сами этологи объясняют

это следующим образом: «...в неагрессивной по природе особи любого вида животных при длительном ее подавлении агрессивность ни на кого не переадресуется. Адресат агрессивности ясен — угнетатель, но особь не решается хоть как-то проявить ее в отношении адресата. Когда тот погибает, не только исчезает страх, но и снимается запрет причинить боль живому. И накопившаяся агрессивность изливается на адресата законного, но не живого. Заметьте, что люди, «пинающие мертвого льва», обычно довольно хорошие. Дно в этом не участвует. И как раз наоборот, именно дно и очень плохие люди травят, мучают и казнят низложенного живого правителя» (см. *Дольник*, 1994. — С. 152).

Но не действуют ли подобным образом и высокообразованные интеллектуалы, которые никак не могут насытиться «пинанием» несчастной поверженной страны и компартии, что и по сей день считается довольно «элитным» способом самоутверждения?.. Не является ли все это еще одним проявлением «психологического закона духовного единства толпы», выделенного еще Г. Лебоном (1995. — С. 161—162), только уже на уровне людей, считающих себя «лучшими представителями духовной элиты»?..

Таким образом, можно сделать вывод о том, что различные уровни рассмотрения элитарности сильно взаимосвязаны, взаимопроникают друг в друга и включают в себя особые психологические моменты, связанные с выбором субъектом самоопределения путей, условий и факторов, которые способствуют достижению специфически понимаемого этим субъектом элитарного идеала.

И тогда можно уточнить психологическую проблему, нередко возникающую (но редко осознаваемую) в практике профконсультирования: что избрать конкретному самоопределяющемуся человеку в качестве отправной точки для самоулучшения, для соотнесения успешности своей жизни с некоторым эталоном, то есть что и как может быть определено как «мой элитарный идеал»? Если с точки зрения массы элита — это то, что признается в качестве «наилучшего» подавляющим

большинством людей, то насколько сможет данный конкретный человек (например, консультируемый) рискнуть и взять за основания для построения своего идеала то что не воспринимается (или не понимается, осуждается) остальной массой? Таким образом, проблема выделения своего элитарного идеала — это не только чисто интеллектуальная проблема, но и проблема морально-волевая. Более подробно все это еще будет рассмотрено в других главах и разделах книги.

Проявления элитарных ориентаций в различных сферах обыденной жизни

В специальных работах мы подробно анализировали проявления элитарных ориентаций в преступной и «дедовской» среде, в быту, моде и светской жизни, в сквернословии и профессиональном эпатаже, в любви и интимных отношениях, в контексте проблемы смерти и бессмертия (см. *Пряжников*, 2000; *Пряжников*, 2000а). Элитарные ориентации проявляются в самых разных и самых неожиданных сторонах нашей жизни (почти везде). Например, молодой человек планирует свои профессиональные перспективы, и, конечно же, он очень часто хотя бы мечтает о том, чтобы занять более престижное (элитное) положение в обществе. Люди вступают в интимные отношения и очень часто, помимо чисто внешней привлекательности, для них важен и социальный статус своего партнера (начальника, знаменитости, просто лидера своей референтной группы или статус «приближенного» к этому лидеру...). Очень часто разговоры в различных компаниях и «тусовках» сводятся к обсуждению местных или общегосударственных (всемирных) знаменитостей: кто что сказал, кто с кем куда пошел, кто в чем одет... Одно из объяснений популярности «мыльных телесериалов» заключается в том, что простые люди просто идентифицируют себя с героями, которые из нищеты попадают в «высший свет» (типичный сюжет многих сериалов).

Если этих примеров реальности элитарных ориентаций недостаточно, то вспомните случай, когда вы на каком-нибудь дне рождения, в театре, или просто на отдыхе, или в купе поезда находились рядом с известным на всю страну человеком (у многих было что-то подобное). В подавляющем большинстве случаев человек остается

неравнодушным к такому «событию» и часто потом рассказывает (хвалится) о такой своей удаче. А смысл таких рассказов часто сводится к тому, что и «мы не лыком шиты», и «мы с элитой рядышком сидели» («рядом с золотом лежали»...). И это не должно никого обижать — это психологическая реальность.

Вопрос лишь в том, чтобы сделать такие элитарные ориентации, то есть ориентации человека на лучшее, предметом специального рассмотрения в психологии.

20. Элитарные ориентации в профессиональном и личностном самоопределении

Успехи в труде как основа чувства собственного достоинства

В профессиональной ориентации одним из важных факторов самоопределения является «престижность выбираемой профессии» (см. *Климов*, 1990). Все больше появляется теорий элитарности (социальной стратификации), где акцент делается на отношении к профессиональной деятельности, например, теория Дональда Дж. Треймана, где положение человека определяет престиж его профессии, или теория У. Ллойда Уорнера, где принадлежность к тем или иным классам зависит от знатности и его рода занятий (см. *Фролова*, 1995. — С. 13—16).

В последнее время психологи все больше говорят о новой интегративной науке акмеологии (от древнегреч. «акме» — вершина), связанной с высшими достижениями профессионального и жизненного развития. При этом, как отмечает Е. А. Климов, достижение вершины профессионального

192

развития «не есть статичная ступень — «дошел», «уселся» на нее, «достиг» — это «реальности функциональные», это не «окаменелости», а процессы; все время должна происходить деятельность по поддержанию, коррекции, оптимизации достигнутого состояния» (*Климов*, 1995. — С. 6, 25).

Сразу же возникает проблема выделения критериев наивысших профессиональных достижений (критериев «акме»). В этой связи А. А. Бодалев отмечает: «Признание или непризнание выдающихся достижений человека большинством людей, будь они даже специалистами в той области, в которой проявил себя этот человек, еще не означает, что он достиг или не достиг вершины в своем развитии... Показателем достигнутого уровня акме является все-таки практика: насколько свершенное человеком действительно работает или будет работать на социальный и технический прогресс, ...на преумножение ценностей жизни и культуры... на более глубокое постижение законов развития природы, общества и человека» (*Бодалев*, 1995. — С. 119).

В психологическом плане интересно как раз то, насколько сам человек осознает, ощущает, переживает и чувствует свою социальную значимость (значимость своего труда для окружающих или даже для культуры в целом). Идея «чувства сопричастности человека с обществом» лежит в основе преодоления чувства собственной неполноценности (например, в индивидуальной психологии А. Адлера).

Как уже не раз отмечалось, элитарность неоднозначна и противоречива. Чтобы лучше понять принципиальную разницу между подлинной элитарностью, связанной с высшими проявлениями человеческого духа, и мнимой элитарностью, больше ориентированной эгоистически, полезно рассмотреть эволюцию взглядов А. Адлера по проблеме развития у людей чувства собственной значимости. Условно можно выделить три основных периода в творчестве Альфреда Адлера (см. *Дрейкурс-Фергюсон*, 1995):

1) предполагалось, что органическая неполноценность не оказывает прямого воздействия на поведение (одни люди

193

обращают неполноценность в компенсирующие ее достижения, другие — становятся слабыми и пассивными).

2) Все меньше внимания обращалось на органическую неполноценность и больше — на чувство неполноценности. Предполагалось, что субъективное чувство не зависит от состояния органов тела (где чувство — это система взглядов и установок, а не только эмоции и ощущения). Большой акцент — на стремление человека к преодолению

чувства неполноценности. Главная движущая сила человека — стремление к власти, к превосходству; «отрицательные» чувства могут быть преодолены в результате стремления к приобретению «положительных» качеств...

3) Все меньшее значение придавалось стремлению личности к превосходству («вертикально ориентированный процесс»), а в качестве более важного выделяется стремление к содействию и равенству с другими («горизонтально ориентированный процесс»). Главная движущая сила — стремление быть принятым в обществе людей, найти себе место в нем и содействовать благополучию других. «Если человек не удовлетворен своим положением среди других людей и не может внести вклад в общее дело, он будет преодолевать чувство неполноценности стремлением к превосходству и исходить при этом из своих ошибочных представлений», — отмечает Е. Дрейкурс-Фергюсон, известный представитель неoadлерия, последовательница А. Адлера (*там же*. — С. 8).

«Индивидуальная психология» А. Адлера указывает на то, что личность является неделимым целым. «Жизненный стиль» — это единство личности, обеспечивающее такую целостность. Личность состоит из антагонистических частей, но при этом личность (по А. Адлеру) — это часть общества. Главное, в чем нуждается любой человек, — это потребность чувствовать себя принятым, найти свое место среди людей: «...каждый человек стремится стать значительным; но люди ошибаются, если они не понимают, что эта значительность может быть достигнута лишь благодаря их вкладу в жизнь других» (*там же*. — С. 12—13).

194

А. Адлер вводит понятие «чувство сопричастности с обществом», «чувство для общества» (от нем. — Gemeinschaftsgefühl). Это чувство включает и сознание, и эмоции, и отношение к обществу, его благополучию. Это чувство зарождается еще в детстве и требует постоянной заботы со стороны психологов и воспитателей, иначе целостной личности не получится.

«Мировоззрение и цели формируются у ребенка намного легче, чем у взрослого, поэтому детство — идеальное время для развития социальной заинтересованности... цель адлеровской психотерапии состоит в том, чтобы помочь ребенку углубить чувство социальной заинтересованности» (*там же*. — С. 16). Адлеровцы пытаются понять «личную логику» каждого человека и определить его индивидуальное восприятие и интерпретацию мира и себя в этом мире. Интерпретация воспринимаемых событий называется «апперцепцией», которая происходит на разных уровнях, в том числе и в межличностных отношениях (*там же*. — С. 26).

Данные рассуждения интересны в контексте рассмотрения проблемы так называемой ранней (детской) профконсультации. Е. Дрейкурс-Фергюсон пишет: «...индивид в детстве создает, составляет план, задает направление своей жизни — как к ней приспособиться, вырасти и решать жизненные проблемы... Ребенок уже в раннем детстве имеет простые планы и собственные цели... В дальнейшем оценки ребенком непосредственных обстоятельств начинают интегрироваться во «взгляд на жизнь». Вначале это «черновой вариант», но путем проб и ошибок он оформляется в связную концептуальную схему.

Таким образом, в возрасте 5—6 лет ребенок уже имеет жизненный стиль, который является способом его отношения к миру, поскольку содержит основную «Я»-концепцию, жизненные задачи, мировоззрение и модели поведения в ситуациях. Жизненный стиль остается относительно постоянным в течение всей жизни. Если учителя, психологи-консультанты и родители понимают логику развития ребенка и помогают ему обрести разнообразный позитивный жизненный

195

опыт, тогда ребенок и после шести лет будет способен изменять и совершенствовать свой жизненный стиль. Но когда ребенок не имеет подобного опыта и разнообразных альтернатив во время учебы в младших классах, он, скорее всего, усвоит жесткую систему взглядов и соответствующее мировоззрение» (*там же*. — С. 27—29).

Жизненный стиль как ядро личности обеспечивает единство, индивидуальность, связность и устойчивость психического функционирования. Отдаленная жизненная цель, «Я»-концепция и мировоззрение личности намечают план, по которому выстраивается «здание» его жизни (*там же*. — С. 29).

К сожалению, у немалой части людей еще с детства начинает формироваться иное представление о «выдающихся достижениях» в труде и, соответственно, иное представление о собственной значимости. Например, восхищение многих обывателей, а соответственно, и у воспитываемых ими детей, вызывают люди, сумевшие построить «карьеру» даже в том случае, если ничего полезного для окружающих (и для общества в целом) они не сделали. Нередко такое восхищение вызывают даже предприимчивые негодяи или удачливые преступники, которые на уровне обыденного сознания также часто воспринимаются как «люди успеха»...

Само понимание успеха (тесно связанное с представлением об элитарном) очень неоднозначно. Такая неоднозначность проявляется не только в этическом плане (что имеет общественную ценность, а что нет), но и в самом процессе профессионального самоопределения. Например, на ранних этапах развития субъекта труда многое определяется тем, насколько воспитатели и родители сумеют сформировать у ребенка позитивное отношение к честному и творческому труду. Для абитуриента успех нередко связан с поступлением в престижное (в его понимании) учебное заведение. Для студента на первый план выходит «успешная учеба», но также и учебно-профессиональные контакты с наиболее авторитетными и опять же «престижными» преподавателями. При этом и абитуриент, и студент уже начинают понимать,

196

что кроме реальных успехов, связанных с усвоением и демонстрацией своих знаний, существует еще и «успех», связанный с выстраиванием престижных и «выгодных» для дальнейшей карьеры межличностных отношений.

Условно построение таких взаимоотношений можно назвать вхождением в «социально-профессиональную тусовку», которая не только предоставляет своим «признанным» членам особые возможности для будущей профессионализации, но и является важным условием для развития чувства собственной значимости (для элитарного самоощущения). Все это позволяет лучше понять действительную психологическую сущность так называемого «элитного образования». Как известно, формально элитное образование предназначено для тех, кто сумел проявить «выдающиеся способности» (хотя выявить эти «выдающиеся способности» с помощью современных тестов очень непросто). Но фактически в привилегированные школы попадают не только ради получения более качественных знаний (хотя можно обозначить и проблему действительно «лучших» преподавателей), и не только потому, что за учащимися так, лучше присмотр. Главным образом в элитную школу стремятся потому, что там в основном учатся дети преуспевающих родителей (представителей элиты), и уже сами дети начинают устанавливать неформальные отношения между собой, что, несомненно, пригодится и при построении в будущем более успешной (элитарно ориентированной) карьеры.

Еще в большей степени понимание необходимости приобщения к социально-профессиональной «тусовке» приходит на этапе профессиональной адаптации и в ходе дальнейшего развития профессионала. «Специалист в тусовке» имеет особые преимущества по сравнению с обычным специалистом. Правда, принадлежность к таким «тусовкам» часто препятствует подлинной творческой самореализации. Поскольку работник вынужден постоянно оглядываться на ценности своей профессиональной группы и учитывать так называемое общественное мнение.

197

В целом у каждого работника есть выбор критерия самоуважения и профессионального самоощущения: либо это ориентация на ценность самого труда, либо это ориентация на мнение своих коллег по работе, то есть социально-профессиональной «тусовки». Либо работник может и хочет самостоятельно определять, что достойно и что не достойно его усилий, проявляя и в этом свое творчество, либо он идет на поводу у общественного мнения. Проблема такого выбора сильно обостряется в условиях так называемой «рыночной» экономики, когда, по словам Э. Фромма, фактически обесценивается ценность самого труда и на первый план выходит ценность продажи себя на «рынке личностей». В результате такая личность теряет свою целостность и становится «отчужденной» (от своего труда) «рыночной личностью» (Фромм, 1992).

Избирательность признания и тщеславия творца (по Г. Селье)

Как писал Г. Селье, «ученые тщеславны, им нравится признание, они небезразличны к известности, которую приносит слава, но очень разборчивы в отношении того, чье признание им хотелось бы добиться и за что им хотелось бы стать знаменитыми» (Селье, 1987. — С. 29—30). «Однако эта жажда признания не должна

превращаться в главную цель жизни», «ни один подлинный ученый не примет желанного признания ценой превращения в мелкого политика, вся энергия которого до такой степени поглощена «нажиманием на рычаги», что для науки уже не остается сил» (там же. — С. 169).

Таким образом, стремление к успеху, к тому, чтобы стать лучше, чтобы добиться выдающегося результата и благодаря этому приблизиться к ощущению собственной значимости в обществе и в своем деле, характерное уже не для обывателя, а для творческого человека (например, для настоящего ученого) отличается тем, что оно достаточно избирательное — это не элитарность любыми путями, а элитарность, признание в среде уважаемых, посвященных, значимых для ученого людей.

198

Но в творческой деятельности нередко случается так, что даже близкие коллеги и соратники могут не оценить по достоинству то или иное достижение. Наука и искусство принадлежат к тем сферам, где иногда приходится трудиться без надежды на быстрое признание, и тогда получается, что настоящий ученый и художник внутренне всегда должны быть готовы и к непризнанию. Более того, они должны быть готовы и к разрывам со своими учениками, если эти ученики пока еще не доросли до своего учителя. Возможна и ситуация, когда мыслитель все-таки поддерживает отношения с коллегами и учениками, но на довольно примитивном уровне, чтобы его совсем уж не считали сумасшедшим. В этом случае мыслитель вынужден хотя бы частично выполнять дурацкие исследования, писать примитивные статейки и вообще изображать из себя «настоящего» ученого. Хотя смысл науки — в поиске нового, парадоксального знания, в смелости взглянуть на ситуацию иначе, чем это принято даже в научных кругах...

Проблема нравственного выбора в профессиональном творчестве

Проблема многих представителей творческих профессий (включая психологов) заключается в том, на чье мнение им больше ориентироваться, на мнение невзыскательной массы или на мнение избранных и посвященных?.. Проблема такого выбора имеет много граней, например, приходится учитывать свои возможности, особенности ситуации, перспективы развития сознания тех, кого пока относят к невзыскательной массе и т. п. Но главное в таком выборе — это нравственная составляющая.

Еще совсем недавно интерес к новому фильму или спектаклю определялся не только его чисто художественными достоинствами, но и созвучностью тем общественным проблемам, которые волнуют думающих и переживающих людей. Зрители всеми правдами и неправдами пытались попасть на фильмы или спектакли, где в общий контекст были включены

199

лишь намеки на правду реальной жизни (или недавней истории страны). Но, удивительное дело, в современной России, когда о многих проблемах можно говорить свободно, почему-то нет выдающихся произведений искусства. Быть может, есть еще правда, которая даже на уровне интуитивной догадки пока еще не вырисовывается. Но настоящий художник (как и ученый, и другой творческий работник) первым должен эту правду хотя бы почувствовать.

Проблема настоящего художника или ученого не в том, что у него не хватает мастерства, а в том, что не хватает смелости, нравственного духа для того, чтобы отойти от общепринятых стереотипов в отношении к сегодняшним общественным проблемам. Для людей, пытающихся творить культуру, неплохо было бы вспомнить слова известного философа М. Мамардашвили о том, что «культура — это вечность в настоящем, в существующем», и она «нуждается в открытом пространстве и свободном слове», должны быть «живые точки коммуникации» (Мамардашвили, 1990. — С. 176). И эти «живые точки коммуникации» в первую очередь должны проходить через души поэтов, художников и ученых.

Анализируя судьбы и трагедии великих мыслителей и художников, И. Гарин отмечает: «Своей предсмертной судьбой Вагнер предвосхитил падение всех крупных художников, рано или поздно, рационально или иррационально ассимилированных индустрией культуры. Ибо что такое падение — Ницше, Шёнберга, Джайса, Элиота, Пикассо, Беккета? Падение есть усвоение тем лавочным миром, которому они бросили вызов. Падение и

вина — в независимости от собственной воли, от личного начала: все мы дети своего времени, а оно уж, будьте уверены, позаботится...» (Гарин, 1992. — Т. 1. — С. 731). Уместно напомнить, что «усвоение тем лавочным миром» очень беспокоило и В. С. Высоцкого, и многих других поэтов...

Для психологов, как представителей творческих профессий, эта проблема осложняется следующими обстоятельствами: с одной стороны, нельзя однозначно подыгрывать своим клиентам (или испытуемым) или «заигрывать» ради дешевой

200

популярности с аудиторией; с другой стороны, нельзя и однозначно ставить себя выше клиента или учебной аудитории (иначе не получится сотрудничества при решении его проблем и при постижении новых истин).

Есть еще одна грань проблемы, связанная с признанием таланта творца: действительно выдающийся и даже великий творец вполне может оказаться и негодяем в личностном плане. Например, представители той части нашей интеллигенции, которая «холуствует» перед властями, превратившими страну в позорище. Но возникает вопрос: как к такому «творцу» должен относиться простой смертный (его поклонник)?..

Происходит как бы раздвоение личности зрителя или читателя по отношению к такому творчеству: с одной стороны, признание объективной ценности созданного творцом шедевра (художественного образа, идеи, открытия), с другой стороны, неприязнь к примитивной нравственности данного творца. Конечно, возможен вариант, когда поклонники просто не задумываются о нравственности своего кумира (а некоторые «звезды» даже специально подогревают интерес к себе с помощью скандалов и сомнительных выходок), но в подсознании поклонников все-таки зарождается некоторое сомнение в подлинной «элитарности» такого кумира.

Творческие люди иногда неплохо чувствуют не только «конъюнктуру» на «рынке творчества», но и степень искренности восхищения собой другими людьми. Можно предположить, что у некоторой части творцов, совершивших сделку с совестью, также что-то может измениться в самооценке и в чувстве собственной значимости, то есть может измениться чувство элитарности.

Важно то, что при этом нарушается общая эстетика восприятия (или эстетика восхищения), поскольку происходит как бы «отчуждение» творческого труда от личности самого творца уже в сознании других людей. Но при этом и сам творец чувствует, что его не воспринимают как целостную личность, как единство личности и ее творений: личность творца сама по себе, а его дело, творчество — само по себе...

201

Вероятно, все это также не способствует полноценному ощущению значимости собственной жизни творца (полноценному ощущению элитарности), ведь для творческих людей все-таки важно, чтобы признавали не только их «дела», но и саму жизнь их личности как своеобразное произведение (научное или художественное)... Недаром некоторые авторы отмечают, что творческие люди часто и планируют свою жизнь, как будто пишут «поэму» о самих себе (Розин, 1992).

При формировании своего отношения к творцу (или исполнителю) очень важен еще и общий контекст конкретного восприятия творчества. Мы приводим личный пример, где нам удалось сравнить силу художественного воздействия при исполнении одного и того же произведения — известную песню «Варяг». В одном случае запись этой песни прослушивалась в квартире одного профессионального музыканта (в атмосфере аристократического восторга). Сам музыкант-хозяин был в восторге от исполнения этой песни одним из лучших хоров страны.

В другом случае песня была услышана в подземном переходе сразу же на следующее утро после заключения известных Беловежских соглашений зимой 1993 года. Ранним утром в переходе появился старик-ветеран, одетый во все чистое, с орденами и с шапкой на голове (а не на земле, как это делают многие подрабатывающие музыканты в переходах). Раньше этот старик никогда не выходил в переход со своим аккордеоном. Но в это утро он выше и играл, быть может, не очень хорошо. А мимо шли еще толком не проснувшиеся люди. Было такое ощущение, что это все «по-настоящему», что гордый человек, действительно, «не сдается» и что это его, быть может, самый главный в жизни бой... Больше этого старика я не видел. Признаюсь, что на работу (проводить

занятия с подростками в одном УПК) я приехал весь в слезах и сразу же направился к умывальнику...

Этот старик-ветеран, видимо, не только на меня оказал гораздо более сильное впечатление, чем все высокопрофессиональные варианты исполнения песни «Варяг» вместе

202

взятые, поскольку в данном случае известная песня была вплетена в контекст сложнейшей проблемы страны и ее не раз обманутого народа. Песня была соединено с нравственным поступком и потому была «настоящей». Ее эстетический уровень оказался намного выше всех других «высокохудожественных» исполнений именно потому, что подлинная эстетика во многом определяется нравственностью. Сам старик-ветеран вряд ли может быть назван элитой в традиционном понимании, но и обывателем его не назовешь. В каком-то смысле старик — святой, так как продемонстрировал «последний бой» самому страшному врагу — обывательскому безразличию, а это уже выходит за рамки привычного обывательского понимания элитарности.

Когда творец, стремящийся увековечить свое имя и стать «элитой», не понимает связи эстетического (как и научного, философского, сакрального) и нравственного, то он рискует выпасть из контекста культуры, довольствуясь лишь «признанием при жизни».

Проблема одиночества, непонимания, непризнания и ответственности творца

Частично проблема непризнания творца уже рассматривалась в данном вопросе (см. выше). В данном разделе будут затронуты наиболее существенные аспекты проблемы:

1. Опережение творцом своего времени, когда основная надежда возлагается лишь на признание потомков.
2. «Профессиональные секреты» творца, предполагающие «сокрытие» до определенного времени тех вопросов, над которыми в настоящий момент он трудится. Это могут быть секреты от коллег, от начальства, от родственников, а также — от клиентов и испытуемых (как, например, у психологов).
3. Неготовность самого творца найти способ выражения своих идей, найти понятный и выразительный язык, с помощью которого можно было бы донести до коллег и окружающих свои новые идеи, образы, духовные ценности. В итоге

203

творческий человек сам не стремится к тому, чтобы кто-то к нему как-то относился (признавал или не признавал).

4. Можно выделить и такой аспект, как соотношение таланта («божьего дара») человека и его целеустремленности, воли для реализации своих намерений. Как уже отмечалось, настоящий талант (и тем более гений) всегда реализует определенную нравственную позицию и здесь воля, а также устойчивость к нападкам, насмешкам и оскорблениям играют далеко не последнюю роль.

Особенно требуется воля в ситуациях, когда творчество (а тем более определенные результаты творческой деятельности) просто не замечаются, замалчиваются, как будто они и внимания никакого не заслуживают. Такие ситуации становятся все более распространенными, поскольку увеличивается общее число представителей творческих профессий (за всеми не уследишь и никого уже почти ничем не удивишь), а также увеличивается и число различных продуктов творческой деятельности (художественных полотен, книг, песен, кинофильмов, научных публикаций и др.).

Непризнание — это самое страшное наказание для творческого человека. Творцы нуждаются не столько в обязательной похвале, понимании и одобрении: им больше нужен сам факт внимания к своему творчеству. Они даже согласны на скандал вокруг своих произведений. Чтобы не отказаться от своего творчества (не «сломаться» в моральном отношении) творец должен иметь определенные «психологические тылы», которые обеспечили бы ему поддержание чувства собственной значимости (чувство элитарности) на достаточно высоком уровне.

Кто-то из великих сказал, что «настоящий философ начинается с того момента, когда он начинает писать в стол».

По этому поводу другой известный философ М. Мамардашвили сказал, что «это не так просто — для работы «в стол» нужны мужество и терпение, особая моральная закалка», а также «особая экстерриториальность собственного положения — завоеванная и выстраданная», что даже создает ситуацию, когда у истинного мыслителя может и не быть учеников, которые

204

должны были бы разделить со своим учителем непонимание и изгнанничество (*Мамардашвили*, 1990. — С. 177). В этом смысле ученый несет определенную ответственность и перед своими учениками. Особенно если сам этот ученый не обладает достаточным авторитетом и влиянием в своей отрасли. Если его идеями увлекаются студенты и аспиранты, да еще начинают основывать свои исследования на «не признанных» в данном научном сообществе идеях, то получается, что они подставляют самих себя и, в какой-то степени, подставляют и своего учителя, лишний раз напоминая всяким Диссертационным советам, что есть и иные точки зрения...

Нередко творец, не находящий реального понимания и поддержки среди реальных окружающих людей, а тем более «не замечаемый» своими коллегами, вынужден бывает создавать в своем воображении других людей, другие ситуации, в которые он как бы экстраполирует результаты своего труда.

По этому поводу любопытное и поучительное для будущих ученых откровение сделал в предисловии к своей книге известный ученый, основатель физиологической теории стресса Г. Селье, обращаясь к своему воображаемому другу — Джону: «Я люблю тепло семейной жизни... Но наиболее характерные для меня чувства удовлетворения и соучастия обязаны своим происхождением определенному рода резонансу с общими законами Природы. А они слишком грандиозны, чтобы вызвать иное чувство, кроме восхищения (если только не разделять полностью их понимание с другими людьми). Такое взаимопонимание дается не всегда. Чем дальше продвигаешься в глубь неизведанного, тем меньше попутчиков остается рядом с тобой... Ты, Джон, для меня символ того, кто в этот момент будет рядом со мной. Вот почему я ищу тебя всю жизнь... Как часто в науке начинаешь понимать, что абстракции бывают в такой же или даже в большей степени реальны, чем осязаемые конкретные факты. Вот я и создал тебя, Джон, своим младшим духовным братом и последователем, с которым я могу обо всем потолковать. Ибо кто брат мой? Человек моей крови — даже если у нас нет больше

205

ничего общего — или человек моего духа, с которым нас связывает теплота взаимопонимания и общих идеалов. Я продолжаю надеяться, что где-нибудь когда-нибудь ты материализуешься» (*Селье*, 1987. — С. 14).

К этому можно добавить, что помимо воображаемого всепонимающего «духовного брата» творец должен быть готов и к созданию в своем воображении своеобразного «духовного оппонента», способного к конструктивной критике. Еще неизвестно, что продуктивнее для творческого «вдохновения».

Таким образом, получается, что непонимание и даже непризнание — это естественное состояние для творчески ориентированного человека. При этом одной из существенных характеристик творца является готовность не просто «мучительно переживать» такое невнимание к своему труду, но и готовность находить иные смыслы в своем творчестве, выстраивая свой внутренний мир («психологический тыл»), независимый от презрения невежд и отношения так называемых «профессиональных тусовок».

21. Психологический анализ элитарных ориентаций

Психологические условия возникновения и развития элитарных ориентаций

Элитарные ориентации берут свое начало еще в мире животных. Для многих высших животных (особенно стадных) смысл существования часто сводится не только к тому, чтобы насытиться или удовлетворить свои половые инстинкты, но прежде всего, чтобы повысить свой статус в стае, а потом всеми силами его удерживать (см. *Дольник*, 1994). Даже домашние собаки постоянно играют в самую свою любимую игру — «кто главней в семье», поэтому опытные собаководы часто предупреждают: «Собаке сразу надо определить место в семье — самое последнее место (!), иначе она быстро станет настоящим диктатором...».

Как известно, уже с ранних лет в воспитании ребенка важную роль играют сказки. Но сюжет многих сказок также ориентирован на определенные элитарные идеалы: бедный герой (или героиня) благодаря чудесным событиям превращается в прекрасного принца (или принцессу). В современных сказках герой в фантастических, невероятных приключениях из обычного (небогатого) человека становится сказочно богатым, то есть опять же попадает в мир желанной и недоступной «элиты». Таким образом, идея перемещения «из грязи — в князи» заложена во многих из нас еще с пеленок.

Вся история человечества — это постоянная смена элит. При этом даже наблюдается постоянная закономерность: каждая новая элита обычно сильно критикует «привилегии» старой элиты, но, как только приходит к власти, сама начинает создавать для себя привилегии, да еще и обосновывает их с помощью различных идеологических институтов. По мнению П. Л. Белкина, уже в первобытном обществе основными «стратегическими ресурсами» являются родовые, магические (психологические по своей природе. — *Н. П.*) силы «могущества» и «превосходства». В дальнейшем эти силы преобразуются лишь по форме. «Там, где буржуазия стремится к получению прибавочной стоимости, а дворянство — к присвоению земельной ренты, вожди-аристократы собирают «дань уважения», — пишет П. Л. Белкин. — Престиж в рамках так называемой престижной экономики есть не что иное, как «прибавочная личность» (цит. по: *Афанасьев*, 1996. — С. 11—12). Рассуждения о престиже, об элитарных ориентациях вновь позволяют нам обратиться к проблеме личностной продажности, к проблеме «прибавочной личности» (по П. Л. Белкину).

Основные составляющие элитарных ориентаций

При определении своего уважительного (или неуважительного) отношения к элитному человеку может быть использована

207

несложная модель, включающая следующие основные составляющие (основания):

1) наличие внешних атрибутов элитарности (дорогой и модной одежды, эффектных манер поведения, богатства, связей с «сильными мира сего», известности-знаменитости, реальной власти и влияния, высокого официального статуса и должности, престижного образования, престижного места проживания и т. п.). При этом очень важно понять получены ли эти атрибуты путем самостоятельных усилий человека, и тогда интересно понять, чем пришлось человеку «расплатиться» за такой успех — совестью или своими талантами.

Атрибуты элитарности просто достались человеку в готовом виде (например, в виде наследства или при счастливом стечении обстоятельств), и тогда спрашивается — можно ли уважать такого человека (или уместнее было бы просто завидовать ему)?

2) Внутренние, более сущностные характеристики элитарности (творчество, интеллектуальная и этическая смелость в постановке таких вопросов, о которых обычные люди рассуждать побаиваются, организаторские, интеллектуальные, эстетические, этические, технические и другие способности и т. п.). Здесь также можно выделить разные проявления сущностных характеристик элитарности:

таланты, ориентированные на «добро», на поддержание и развитие у самого себя и у других людей чувства собственного достоинства и социальной справедливости;

таланты, ориентированные на «зло», имеющие эгоистическую природу (здесь также интересен вопрос: на какие сделки с совестью пошел человек ради развития в себе этих талантов и их реализации).

3) Харизматический образ элитного человека — уважение к человеку со стороны окружающих (или какой-то группы людей), независимо от его реальных внешних атрибутов элитарности и творческих возможностей (заметим, что многим

208

людям очень нужны «харизматические идола» и часто такие идола создаются искусственно, но психолог должен понимать, что и искусственный «элитарный идол» — это тоже реальность).

Психологическое «пространство» элитарности

В целом психологическое «пространство» элитарности позволяет рассматривать подлинные элитарные ориентации, связанные с проявлениями творчества, добра и собственного достоинства, а также псевдоэлитарные ориентации, связанные лишь с внешними признаками «настоящей» элиты (внешним видом, манерами поведения и т. п.). Люди, у которых ориентация на высшие идеалы сочетается с внешней яркостью, условно могут быть названы «элитой элиты». Люди, для которых важна лишь внешняя похожесть на настоящих «господ» и «аристократов», условно могут быть названы «массой элиты» (о них настоящие господа обычно отзываются довольно презрительно, ведь это лишь фон для того, чтобы по настоящему блистала настоящая элита). Люди, которые достигают высот в своем творчестве и проявляют свое истинное благородство, но которые не обладают богатством, изысканностью и прочими атрибутами внешнего успеха, условно могут быть названы «элитой массы» (примеров таких людей множество, часто на них даже не обращают внимания при жизни, а нередко они так и уходят со своими талантами в неизвестность...). Наконец, люди, которые смирились со своим жалким положением и в плане творчества, и в плане внешней яркости, условно могут быть названы «массой массы». Выделение таких ориентаций важно для формирования у самоопределяющегося человека готовности различать подлинные и мнимые идеалы.

Также обозначенное психологическое «пространство» позволяет определить «верхние» и «нижние» границы понятия элитарность. На крайних «полюсах», ограничивающих «пространство» элитарности, обозначены: представление о Боге (обычно Бога уже не считают «элитой», он располагается

209

«выше»), откровенное слабоумие (слабоумные не могут претендовать на «элитарность» в силу ущербности своего интеллекта, но, с другой стороны, считается, что их устами говорит иногда Сам Господь... что в чем-то даже сближает их...), а также границы элитарности очерчивает все, что выходит за рамки обычного понимания (совсем «непонятное» может скорее испугать, но к элитарности вряд ли может быть отнесено).

Психологические механизмы перераспределения чувства собственного достоинства; различные варианты взаимообмена чувством собственного достоинства

В целом элиту можно определить как группу, имеющую определенные преимущества (привилегии) по сравнению с другими людьми. Часто элита позволяет себе жить по своим законам, тогда как обычные люди вынуждены жить либо по нормам официального права, либо более строго придерживаться норм морали. Например, всем известно, что если представитель элиты даже совершает преступление, то благодаря связям и дорогому адвокату, его скорее всего оправдают или назначат гораздо меньшее наказание, чем обычному человеку... То, что позволено элите (и псевдоэлите), не позволено простому смертному...

Сказанное относится и к подлинной элите, ориентированной на творчество и достоинство, ведь, например, только настоящий мыслитель позволит себе рассуждать о том, о чем простые смертные даже подумать боятся, так как скованы существующими моральными нормами и предрассудками... И не дай Бог, если таких настоящих мыслителей будет большинство: в обществе просто начнется хаос... Но без таких мыслителей общество обречено также и на стагнацию. Важно разумное соотношение между настоящей (подлинной) элитой, псевдоэлитой и довольными собой жизнерадостными обывателями...

210

Интересной особенностью псевдоэлиты является и то, что она обладает возможностью перераспределять чувство собственной значимости в свою пользу. Например, если представитель элиты ведет паразитический образ жизни (просто «прогуливает» доставшееся ему наследство), то общественное мнение все равно будет относиться к нему более уважительно (точнее, завистливо, но все равно признавая такого человека «элитой»), чем к настоящему труженику, который еле сводит концы с концами (см. *Пряжников*, 1997. — С. 176—178). Существующие (и существовавшие ранее) идеологические системы ловко обосновывают привилегии элиты и поддерживают в

общественном сознании уважительное к ней отношение. А общественное сознание с радостью принимает такие обоснования, поскольку не может жить без элиты и часто даже «видит в элите отражение своих потаенных чаяний и надежд», хотя еще в христианских заповедях сказано: «Не сотвори себе кумира...».

Правда, одновременно идеологическая система обосновывает и «преимущества» жизни «простого человека» (идея эгалитаризма), но все-таки при этом подразумевается, что элитой быть немного лучше... Кроме того, в большинстве развитых стран, где с помощью умелой рекламы создается «образ счастливого обывателя», уровень жизни достаточно высокий по сравнению с остальным миром и, поэтому, средний обыватель реально чувствует свое превосходство над большинством населения Земли (а это уже псевдоэгалитаризм).

Уточнение психологического понимания «элитарных ориентаций»

Анализ сущности элитарных ориентаций позволяет выделить их интересную особенность. Многие люди, реально оценивая свои возможности, стремятся не столько сами стать «элитой», сколько просто приблизиться к ней, почувствовать самим и рассказать окружающим о своей сопричастности к элите. Этому возможно следующее объяснение. Если простой человек переходит на следующий уровень социальной

211

иерархии (попадает в более элитную группу), то он неизбежно сталкивается с тем, что межлюдские отношения значительно для него усложняются (известно, что чем престижнее «тусовка», тем в большей степени проявляются в ней «волчьи законы», основанные на зависти и интригах). Попав в более престижную среду, такой человек, скорее всего, вынужден будет довольствоваться довольно скромной социальной ролью, и ему придется сильно постараться (в том числе и пойти на определенные внутренние компромиссы), чтобы занять в этой группе более привилегированное положение. И далеко не все на это способны (в элитных группах происходит довольно жесткий естественный отбор).

И тогда многим людям гораздо проще бывает, лишь соприкоснувшись с элитной группой (просто «отметившись» там), вновь вернуться в свою прежнюю, менее престижную группу, и занять в ней если и не самую главную, но все равно довольно приемлемую для него социальную роль, постоянно напоминая всем о том, что он «избранный», что его «приняли» в более престижной «тусовке» и, естественно, получать с этого определенные психологические выигрыши.

Возможность стать настоящей элитой многих просто пугает. Следует заметить, что лица, занимающие самую высокую иерархическую ступеньку (например, царь или сам Господь Бог) с элитой обычно не отождествляются, поэтому многие даже в мыслях себе не могут представить, что могут стать «самыми лучшими из лучших». Примечательно, что в качестве «нижней границы» элитарности можно выделить откровенное слабоумие, когда вообще нет никаких претензий быть «лучше, чем ты есть на самом деле». И в этом смысле (в смысле непривлекательности для большинства) верхняя иерархическая ступенька и самая нижняя как бы сливаются. Поэтому когда кто-то заявляет о своей претензии стать «самым-самым», то о нем говорят, что он, видимо, просто «свихнулся»... И тогда обычный человек готов даже много «заплатить», чтобы его, не дай Бог, кто-то не поставил на более высокую иерархическую ступеньку...

212

Быть самым лучшим — это значит взять на себя огромную ответственность и выступать образцом совершенства. Но для многих людей (включая и представителей различных элит) важно сохранить за собой право на несовершенство (на различные слабости и пороки, от которых трудно отказаться). Быть просто сопричастным элите очень выгодно, так как от ее имени и под ее покровительством можно решать множество вопросов. Но при этом человек неизбежно сознательно ставит себя ниже некоего более высокого существа, под покровительством которого он действует. Для кого-то такое положение уже является фактом ущемления собственного достоинства, а для кого-то это вполне нормальное состояние. Но о последних почему-то принято говорить как о «холуях», как о «придворных», как о «слугах», как о «шестерках» и т. п., то есть как о людях, не имеющих своего лица и своего мнения... И это тоже их плата за «успех».

22. Элитарные ориентации в ценностно-нравственном развитии личности.

«Экологический принцип» и «экологический парадокс» в психологии

Элитарное как антимассовое (Ф. Ницше, Ортега-и-Гассет и др.)

В работе «Век толп» С. Московичи пытается выявить главное отличие обычного человека от представителя элиты. Обычный человек не хозяин самому себе, он «тотален» в том смысле, что для него главное — это «любовь других» (такой человек зависим от тех, кто его любит или не любит). В итоге такой человек «чувствует себя единой душой» и в этом плане более «уязвим». Представитель настоящей элиты сознательно контролирует свои поступки и инстинкты, при этом он как бы «разделен двумя противоположностями» — любовью и

213

идентификацией (как Фауст, раздираемый своими двумя душами). В итоге элита более диалектична, имеет больше возможностей для развития и менее уязвима (поскольку менее тотальна и понятна для окружающих) (Московичи, 1996. — С. 380—381).

О двухплановости развитой личности и ее самопроявлении как «чуде» пишет известный философ А. Ф. Лосев: «Итак, в чуде встречаются два личностных плана: 1) личность сама по себе, вне своего изменения... личность как идея, как принцип... как неизменное правило, по которому равняется реальное протекание, и 2) самая история этой личности, реальное ее протекание и становление» (Лосев, 1991. — С. 142—144). Примечательно, что еще Ф. М. Достоевский видел подлинную жизнь личности в точке «несовпадения человека с самим собой».

Примечательно, что А. Маслоу, рассуждая о самоактуализирующейся личности, отмечает и характерные для нее недостатки: «Обычная ошибка, которую делают писатели, поэты и журналисты, состоит в изображении человека таким хорошим, что он становится карикатурой, никому не хочется на него походить... Совершенных людей не существует. Можно найти хороших, даже великих людей. Существуют творцы, святые и реформаторы. Это должно вселять в нас надежды на будущее, пусть даже таких людей и немного. Однако эти люди временами бывают эгоистичны, раздражительны, гневливы и угрюмы. Чтобы избежать разочарования в людях, надо избавиться от иллюзий» (Маслоу, 1996. — С. 446—447).

Интересны рассуждения об аристократах и аристократизме Г. К. Честертона, который в своей книге «Вечный человек» писал: «Аристократия — не класс; она — порок, обычно не слишком тяжкий. Трудно устоять перед естественным искушением, и вот одни — важничают, другие — восторгаются ими. Это очень легко и очень обычно... Европа может гордиться: с тех пор как она стала христианской, она всегда в глубине души считала аристократию слабостью — чаще всего простительной. Если вы не верите, выйдите за

214

пределы христианства, в другую среду. Сравните наши сословия с индийскими кастами. Там аристократия куда ужасней — она связана с умом, с ценностью. Там верят, что одни касты действительно лучше других в священном и таинственном смысле. Христиане — даже самые испорченные и темные — никогда не считали, что в этом духовном смысле маркиз лучше мясника. Даже самые странные христиане не считали, что принц застрахован от преисподней... в христианских странах к дворянину относились чуть насмешливо, хотя в великих походах и советах он обретал иногда право на почтение. По сути своей мы, европейцы, не воспринимали аристократов всерьез... Короче говоря, я — как обычно, очень медленно — додумался до утопии равноправных; и, как обычно, обнаружил, что Церковь опередила меня» (Честертон, 1991. — С. 445—446).

Р. Миллс писал о сущности элиты: «Ядро властвующей элиты состоит прежде всего из людей, которые свободно переходят от командных ролей в верхах одной из господствующих иерархий к подобным же ролям в другой иерархии» (Миллс, 1959. — С. 397). Заметим, что все это очень похоже на парт- и демономенклатуру в СССР и в РФ (!). Р. Миллс выделил следующие важные характеристики «властвующей элиты»: 1) совпадение объективных интересов экономических, военных и политических кругов; 2) сходство происхождения и общественного положения; возможность перехода из одной сферы в другую на руководящие посты в конкретных иерархиях; 3) всеобъемлющее влияние, оказываемое людьми, которые являются профессиональными организаторами крупного размаха, свободными от демократических традиций и получивших выучку в политических партиях» (Миллс, 1959. — С. 407—408). По Р. Миллсу получается, что существует тенденция к монополизации социальной

власти (его концепцию иногда называют концепцией «единой элиты»).

Характеризуя «массовое общество», Р. Бредбери писал: «Люди ни о чем не говорят... Сыплют названиями — марки автомобилей, плавательные бассейны — и ко всем прибавляют:

215

«Как шикарно!». Произведения классиков сокращены до пятнадцатиминутной радиопередачи... Как можно больше спорта, игр, увеселений — пусть человек всегда будет в толпе, тогда ему не надо думать... Слово «интеллектуальный» стало бранным словом» (цит. по: *Ашин*, 1966. — С. 149—150). Примечательно, что бэрчисты (крайне правые полуфашисты — «Общество Дж. Бэрча») сожгли в свое время дом Р. Бредбери... И, видимо, не зря Рей Бредбери написал следующий эпитафия к своему знаменитому рассказу «451° по Фаренгейту»: «Если тебе дадут линованную бумагу — пиши поперек»...

Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» (1930) отмечал, что главная черта современной социальной жизни — ее «омассовление». Современные массы — это не прежние социальные «низы», а продукт именно индустриального общества, порождающего особый тип «массового человека». Основные характеристики массового общества (по Ортега-и-Гассету):

- потребительский паразитизм;
- воинствующий примитивизм (право на вульгарность);
- нигилизм (право на безнравственность).

К этим характеристикам мы могли бы добавить и следующие:

- стандартность идеалов и ценностей, которая задается с помощью «единой шкалы» для оценки жизненного успеха (в виде денег и представлений о престиже), формируемых с помощью современных СМИ;
- недопустимость иных вариантов счастья, кроме того, которое пропагандируется СМИ. Иногда по отношению к тем, кто осмеливается быть «счастливым по-своему», проявляется настоящая агрессия, чем-то напоминающая агрессию начальника или какого-то иного вождя-лидера, когда кто-то в его присутствии просто смеется или как-то иначе демонстрирует свое большее «счастье». В современном мире самым счастливым «положено быть» тому, чей образ умело рекламируется через политическую, художественную или товарную рекламу...

216

- цинизм образа стандартного счастья, выражающийся в том, что такой образ пропагандируется на фоне самых красивых разговоров о свободе, демократии, культуре, истине и т. п. В итоге очень быстро самые благородные понятия не только обесцениваются, но и меняют свой смысл на противоположный, то есть «количество» частого и неоправданного употребления сводит на нет и само «качество», смысл этих понятий. Происходит то, что называется «опошлением» святынь...

Вопрос для практических психологов: что лучше — помочь человеку вырваться из массового сознания или, наоборот, формировать у него массовое сознание (как реальный гарант счастья)?..

Еще во второй половине прошлого века Г. Лебон с тревогой предупреждал о наступлении «эры масс», когда «сознательная деятельность индивидов» будет заменена «бессознательной деятельностью толпы» (*Лебон*, 1995. — С. 145—150). В своей знаменитой работе «Восстание масс» философ Х. Ортега-и-Гассет писал: «...все, что делает человек массы, он делает не совсем всерьез, «шутя»... Он играет в трагедию именно потому, что не верит в реальность подлинной трагедии, которая разыгрывается на сцене цивилизованного мира... Этот новый тип человека — «человек самодовольный» — воплощенное противоречие самой сущности человеческой жизни. Поэтому, когда он начинает задавать тон в обществе, надо бить в набат и громко предупреждать о том, что человечеству грозит вырождение, духовная смерть» (*Ортега-и-Гассет*, 1998. — С. 254—256).

Но когда идея массового сознания культивируется государством и становится основой его идеологии, то

неизбежно появляется фашизм (или неофашизм). «Фашизм — типичное движение масс», — отмечал Ортега-и-Гассет (*там же*. — С. 268). При этом сами массы вполне сознательно и даже восторженно воспринимают идею тотальности, стандартности и недопустимости иных вариантов построения счастья. «Ни один диктатор не приходит без согласия масс», — пишет А. Менегетти (*Менегетти*, 1998. — С. 25). «Добровольные рабы производят больше тиранов, нежели тираны — рабов», —

217

отмечал французский политик О. Мирабо (*Энциклопедия афоризмов*, 1998. — С. 49).

Таким образом, массовое общество по многим своим характеристикам близко фашизму. Правда, в современных условиях точнее говорить о неофашизме, отличающемся от традиционного (германского, итальянского) фашизма лишь внешней атрибутикой, но сохраняющем свою сущность — ориентацию на единую для всех (заданную кем-то) шкалу жизненного успеха и однозначно понимаемых ценностей. Но поскольку самая понятная для современного («массового») человека шкала связана с деньгами, то правомерно говорить о «рыночном фашизме» (РФ).

Очень точно характеризует массовое сознание Ф. Ницше, фактически называя его сознанием «стадного» существа (*Ницше*, 1994. — С. 108). Человек в массе (в стаде) готов принимать любые правила; он «предпочитает лучше подчиниться существующему закону, чем создавать таковой для себя»; он готов терпеть, потому что «боится» осуществить свое собственное право; он готов уподобляться другим, чем быть самим собой; он даже готов быть хладнокровным, стремясь быть «объективным», то есть фактически находиться в стороне от принятия важных решений и т. п. Человек в стаде идет на поводу у большинства. Но он вполне готов идти и за вожаком стада. Но поскольку вождь должен выражать интересы большинства, то он фактически превращается в «слугу стада», и это вполне устраивает большинство (*там же*. — С. 108—109).

«Идеальный раб («хороший человек»). Тот, кто не может мыслить себя как «цель» и вообще из себя создавать цели, тот склонен к морали самоотречения, — пишет Ф. Ницше. — ...Дело идет не о том, чтобы идти впереди (этим путем можно в лучшем случае стать пастухом, то есть верховной и настоящей потребностью стада), а о возможности идти самому по себе, о возможности быть иным» (*Ницше*, 1994. — С. 139).

На основании этого можно несколько развить метафору «стада», что позволило бы лучше понять антипод массы-стада,

218

да, то есть лучше понять элиту (или просто людей, стремящихся стать лучше, чем они есть). Можно выделить различные варианты стада:

1. **«Естественное» стадо.** Здесь фактически действуют законы природы: кто кого первый скушает, тот и молодец. На этой основе возникает «естественная» иерархия, основанная на грубой и примитивной силе. Фактически и у многих людей отношения строятся на такой «естественной» основе: кто-то — лев, кто-то — заяц, кто-то — молчаливая рыба... При этом, в отличие от мира животных, люди поглощают не материальную плоть друг друга, а «отторгают» друг у друга чувство собственного достоинства, о чем уже говорилось выше... Хотя они отторгают друг и друга и много вполне материальных благ, но этим ущемляя прежде всего человеческое достоинство своих жертв.

2. **«Искусственное стадо»** возможно в двух основных вариантах:

1) «домашние животные», то есть люди, прирученные для определенных функций. Например, различные трудовые коллективы, общины, семьи... При этом какие-то другие люди (их начальники, работодатели, владельцы...) буквально пасут их, примерно так же, как пасут коз, коров и т. п. Любопытно, что и в мире животных есть аналоги эксплуатации других особей, например, некоторые виды муравьев «пасут» тлю и даже кормят их листвой, а потом в нужный момент поедают (но не делают ли то же самое люди по отношению к коровам, уткам и прочей живности?..). Заметим, что рабство также является разновидностью «искусственного стада» по варианту «домашних животных», но не все рабы добровольно мирятся с таким унижительным для себя положением, что иногда и провоцирует восстания (да и некоторые животные в результате жестокого обращения с ними готовы

укусить своего хозяина...). Таким образом, вариант «домашних животных» в свою очередь может подразделяться на насильственный и добровольный.

219

2) «Общественные животные». Этот образ предполагает, что существуют люди массы и элита. При этом элита (а реально — псевдоэлита) фактически самоутверждается за счет массы, но и масса вполне добровольно принимает такие правила игры, ведь человеку массы крайне важно кем-то восхищаться, и он даже готов отказываться ради этого от части своего достоинства.

В человеческих взаимоотношениях все большую роль в обосновании деления людей на тех, кто управляет, и тех, кто подчиняется своим господам, играют средства массовой информации (СМИ), цель которых сделать так, чтобы человек осознанно включался в эксплуататорские отношения.

Проблема аристократизма и наследования благ

Проблема справедливости, о которой уже говорилось в предыдущих главах, имеет еще одну интересную и трагичную грань — проблему наследования (в том числе и наследования элитарности). С одной стороны, каждый имеет право быть собой (включая и право на откровенное «холуйство», и унижение перед сильными мира сего). Но, с другой стороны, у людей появляются дети-потомки, и тогда возникает вопрос: что же они наследуют, виноваты ли эти дети в том наследстве, которое они получают от своих родителей?..

Если кто-то получает в наследство хорошее здоровье родителей, их капиталы и связи с влиятельными людьми, наконец, хорошее образование и воспитание, то другие дети получают в «наследство» болезни и пороки родителей, отвратительное воспитание и т. п. При этом происходит самое страшное: родившийся не в «той» семье человек лишается часто возможности не только полноценно реализовать свой потенциал, но и возможности развивать этот потенциал.

Естественно, имеются исключения, когда такой человек все-таки преодолевает эти ограничения самореализации и развития, с трудом вырываясь в более «элитные» слои общества,

220

но эти исключения лишь подтверждают трагичность положения остальных изначальных изгоев общества.

Получается, что в несправедливом обществе кто-то изначально превращается в презираемых и отверженных (соотносимых с безликой «массой»), а кто-то только потому, что он родился в богатой, культурной семье или в «престижной» местности с особыми возможностями проживания и получения образования, изначально оказывается в более привилегированном («элитном») положении.

Некоторые авторы считают, что именно сама идея наследования обеспечивает «преемственность элиты», в частности, В. Кормер, рассматривая причины деградации элиты в период Советской власти, пишет: «...многие наши беды оттого, что мы не можем завещать детям того, чем владеем сами. Например, умрет кто-нибудь из номенклатуры, смотрите: нередко отбирают ведь и квартиру, и дачу!.. Преемственность элиты нарушается!.. А отсюда и нехватка политической культуры, перебои в сфере демократии» (Кормер, 1997. — С. 147).

Но вот что пишет об идее наследования (а фактически — о психологии наследника) известный философ Ортега-и-Гассет: «Существо, которое сейчас встречается везде и всюду, проявляет свое внутреннее варварство, и впрямь баловень человеческой истории. Это наследник, который ведет себя именно и только как наследник. В нашем случае наследство — это цивилизация со всеми ее благами: изобилием, удобствами, безопасностью и т. д. Он одно из уродливых порождений роскоши, когда та влияет на человеческую натуру... Сейчас достаточно напомнить неизменно повторяющуюся трагедию каждой наследственной аристократии. Аристократ наследует, то есть получает готовыми, условия жизни, которых он не создавал, то есть такие, которые не находятся в органической связи с его личностью, с его жизнью. Он видит, что с колыбели без всяких личных заслуг обладает богатством и привилегиями. Сам он ничем с ними не связан, он их не создавал... К чему это приводит? Какой жизнью будет жить наследник —

своей собственной или своего высокого предка? Ни той, ни другою. Ему суждено представлять другое лицо, то есть не быть ни самим собой, ни другим. Его жизнь неизбежно утрачивает подлинность и превращается в пустую фикцию, стимуляцию чужого бытия... Результатом этого и становится тот особый идиотизм старых дворянских родов, который не имеет подобий» (*Ортега-и-Гассет*, 1998. — С. 251—252).

Людей, которые получают все в готовом виде, то есть всего лишь наслаждаются благами «массового общества», Ортега-и-Гассет называет «маменькиными сынками»: «Этот новый тип человека — «человек самодовольный» — воплощенное противоречие самой сущности человеческой жизни. Поэтому, когда он начинает задавать тон в обществе, надо бить в набат и громко предупреждать о том, что человечеству грозит вырождение, духовная смерть... Он явился на свет, чтобы делать только то, что ему хочется, — типичная психология «маменькиного сынка» (*там же*. — С. 254).

Проблема «маленького человека»

Само обращение к образу «маленького человека» важно для лучшего понимания того, что же является элитой. Как писал А. Менегетти, «когда возникает желание удостовериться в великой идее, надо внимательно отнестись к маленькому человеку» (*Менегетти*, 1996. — С. 28). Исходный вопрос: что является антиподом, то есть противоположностью, элиты? Самые простые ответы сводятся к тому, что это человек, занимающий самую последнюю иерархическую ступеньку в определенной системе, или что это человек, которого все не уважают, даже если он занимает и высокий формальный статус... Более того, возможны ситуации, когда какой-нибудь «деятель» волею судьбы оказался на самом вершине общественной иерархии, но так и не сумел воспользоваться возможностью сделать что-то значительное для других людей.

«Воображать себя великим вследствие чина и богатства — это воображать, что пьедестал делает героя», — верно заметила

222

французская писательница М. Лещинская. «Не считай себя великим человеком по величине твоей тени при заходящем солнце», — предупреждал еще Пифагор (*Энциклопедия афоризмов*, 1998. — С. 68). Но в психологическом плане многое осложняется тем, как сам человек (субъективно) оценивает свое положение, ведь есть и такие ничтожные «маленькие люди», которые все равно считают себя полубогами...

Иногда образ «маленького человека» связывают с «масштабом» его жизни и деяний. Размышляя о «масштабах смысла жизни», В. Э. Чудновский пишет: «Проблема смысла жизни — это прежде всего проблема «качества» жизни, а не ее масштаба. Привыкший к «вселенскому» масштабу героических дел, человек нередко стремится занять место в «руководящих органах», превращаясь в технического исполнителя чужой воли, а порой отдавая этой воле собственную совесть и честь. И парадокс заключается в том, что «маленький человек» был неизмеримо выше «по качеству» своей жизни... Очень простая мысль: истинный «масштаб» смысла жизни составляют простые и вечные ценности — посадить дерево, вырастить детей, прожить жизнь порядочным человеком, внести свой, пусть небольшой, вклад в дело улучшения и обновления мира» (*Чудновский*, 1997. — С. 103). Однако следует согласиться с тем, что многим людям (особенно в молодости) свойственно в глубине души мечтать и о более «великом», и, видимо, если «великое» отсутствует хотя бы в мечтах, то такого человека все-таки можно назвать «маленьким»...

Но мечтать мало, необходимо хотя бы пытаться что-то изменить в своей жизни, ведь самое страшное для творческого, уважающего себя человека — это смириться с существующим положением. «Чти тех, кто хотя бы пытался совершить великое, даже если им это и не удалось», — писал Сенека (*Энциклопедия афоризмов*, 1998. — С. 68).

Проблема «маленького человека» имеет свои корни еще в животном мире. Этолог В. Р. Дольник пишет, что у животных унижение перед более сильным потенциальным противником часто является единственной возможностью сохранить

свою безопасность и жизнь: «...Маленький, согбенный, безоружный противник не страшен. Страх покидает победителя, а вместе с ним кончается и агрессивность. Многие животные падают и переворачиваются брюхом вверх — унижают себя как можно сильнее. Человек выражает разные степени покорности, опуская голову, кланяясь, падая на колени, падая ниц и, наконец, валяясь в ногах. Если проигрыш стычки ясен заранее, животное может при встрече с более сильным противником сразу принять позу подчинения...» (*Дольник*, 1994. — С. 139).

На основании этого можно сделать и такой вывод: «маленького человека» характеризуют не столько внешние символы элитарности (многие знают реальную «психологическую цену» этим символам!) и даже не столько ощущение «состоявшейся» жизни (как известно, это может оказаться и самообманом, и не дай Бог как-то «прозреть» такому человеку!), а именно «успокоенность», «чувство смирения» со своей судьбой и с четко отведенным для него (кем-то, но не самим человеком) местом в общественной системе. И дело даже не в том, какое именно иерархическое место занимает такой человек, а в том, что человек занял пассивную жизненную позицию как лично приемлемую для себя и в итоге смирился с тем, что кто-то более «сильный», «умный», «могущественный» решает за него его сущностные жизненные проблемы, то есть смирился с тем, что им манипулируют.

Более того, у «маленького человека» даже могут быть определенные достоинства, но его беда (а может, и счастье, ощущение внутреннего спокойствие) в том, что он не умеет их использовать. Но, чтобы применить свои достоинства, человеку нужно еще уметь искать проблемы, которые при желании (и развитом чувстве справедливости!) можно обнаружить в жизни в великом множестве... Как писал Ж. Лабрюйер, «люди маленькие часто бывают отягощены множеством бесполезных достоинств; им негде их применить» (*Энциклопедия афоризмов*, 1998. — С. 145).

Нередко «маленький человек» внешне все-таки проявляет некоторую активность по «приближению» к более элитным и благополучным социальным группам. Это выражается в стремлении хоть в чем-то им подражать, в одежде, в манерах разговора и поведения и т. п. Но это лишь внешняя «похожесть» на элиту, что уже было обозначено как «псевдоэлитарность». Это может быть обозначено и как «частичная элитарность», когда человек, не являя собой образец подлинного достоинства, лишь «частично» воспроизводит некоторые черты более «благополучных» людей и становится при этом еще более жалок и смешон...

Проблема «маленького человека» перекликается и с другими близкими проблемами — проблемой «внутреннего рабства», проблемой «холуйства», проблемой человеческого «ничтожества». «Нет рабства позорнее, чем рабство добровольное», — писал Сенека. «Ничтожный человек тот, кто нуждается в негодях» (арабское изречение). «Никто не повинен в том, что он родился рабом; но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и приукрашивает свое рабство... есть внушающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам», — достаточно резко и очень точно подметил В. И. Ленин (см. *Энциклопедия афоризмов*, 1998. — С. 335, 449).

Таким образом, «маленький человек» — это человек, который смирился со своим бедственным и униженным положением и который не только не проявляет никакой активности для изменения своего положения, но еще и «эстетически» обосновывает и приукрашивает его.

Правда, здесь возникает естественный вопрос: должен ли человек обязательно стремиться сам стать «господином»? Здесь право выбора за самим человеком (даже такое стремление лучше, чем откровенное «смирение» и «рабство»), но следует помнить и о том, что «добровольный раб только потому и раб, что рано или поздно рассчитывает стать господином» (см. *там же*. — С. 449).

Основные характеристики элиты, псевдоэлиты и человека массы, а также проблема взаимоотношения между ними

Если попытаться выделить общий психологический закон, то мы неизбежно столкнемся с огромной сложностью и

даже невыполнимостью такой задачи, поскольку все зависит от постоянно меняющегося представления о том, что такое вообще элита. Как уже неоднократно отмечалось, у каждого человека (и у каждой социальной группы) есть по этому поводу свои соображения, обусловленные не только социокультурными обстоятельствами, но и уровнем общего развития конкретных членов этих социальных групп. Напомним, что само представление об элите (об элитарном идеале) постоянно меняется и развивается вместе с развитием личности человека. Поэтому было бы более скромным говорить лишь о некоторых психологических закономерностях, позволяющих хоть как-то анализировать взаимоотношения массы и элиты. При этом возможны различные варианты таких закономерностей.

При более упрощенной модели люди делятся на тех, кто производит впечатление и повышает в итоге уровень ощущения своей значимости (элита), и тех, на кого производят впечатление и кто, соответственно, понижает уровень ощущения значимости собственной жизни (представители массы). Но в таком случае очень скоро обнаружилось бы, что элита — это непременно счастливые люди (перенасыщенные изъятим у других счастьем), а неэлита, массы — непременно несчастны (все их достоинство и счастье перешли бы к элите).

В реальности все обстоит несколько иначе. Все дело в том, что само ощущение собственного достоинства (и собственной элитарности) производится в успешном труде, в деятельности и жизнедеятельности. Причем производят его и представители элиты, среди которых немало настоящих талантливых тружеников, и представители массы, причем в людской массе элитарность производится в гораздо большем разнообразии и масштабах (иначе не было бы проблемы «отторжения» элитой ощущения значимости у простых людей: у

226

элиты и так бы хватало этого ощущения, но почему-то не хватает...).

И хотя производятся эти ощущения разными людьми, но именно элита, благодаря имеющимся в ее распоряжении средствам (социально-психологическим механизмам), имеет возможность перераспределять это ощущение собственной значимости в свою пользу, то есть перераспределять несправедливо (несообразно реальному труду).

Здесь можно вновь провести определенную аналогию с деньгами и капиталом, которые так же, как и ощущение элитарности, создаются трудом различных людей, но которые так же несправедливо перераспределяются между теми, кто умело использует экономические законы рынка, и теми, кто может лишь хорошо трудиться, то есть всего лишь создавать результаты труда и «прибавочную стоимость». Осуществляется такое несправедливое перераспределение через механизмы «отчуждения труда от капитала», прекрасно проанализированные еще К. Марксом (*Маркс*, 1984, 1984а).

В итоге более совершенная модель взаимоотношения массы и элиты предполагает разделение всех людей на тех, кто имеет доступ к механизмам несправедливого перераспределения ощущений собственной значимости (традиционно понимаемая элита), и тех, кто не имеет доступа к таким механизмам, даже если эти люди и способны к общественно полезному, творческому труду (традиционно понимаемая масса).

На основании этого можно выдвинуть еще одно предположение: для элитарно ориентированного человека часто важно не само ощущение собственной значимости (как нечто достигнутое, как результат), сколько именно процесс перераспределения этого ощущения в свою пользу. Более того, можно также предположить, что для многих людей важно само предвкушение участия в этом процессе, то есть предвкушение наслаждения от того, что кто-то на глазах превращается из человека гордого в человека менее гордого, чем вы...

Проблема взаимоотношения массы и элиты на психологическом уровне сводится к рассмотрению специфических

227

механизмов взаимообмена ощущениями элитарности, при которых именно элита оказывается в более выгодном положении. Быть может, раскрытие таких механизмов и составляет психологическую сущность проблемы элитарности. Представленное выше более реалистичное, на наш взгляд, понимание модели взаимоотношений массы и элиты допускает и даже предполагает ситуации, при которых в определенные периоды отдельные люди (представители неэлиты) будут намного более счастливыми, чем так называемая элита. Это означает, что элита просто не может существовать без подпитывающей (и даже больше — питающей) ее массы. Без массы элита

теряет свой смысл.

При этом возникает интересный вопрос: если элита не может обойтись без массы, то может ли масса существовать и процветать без элиты? Вероятно, пока не может, чем и объясняется преклонение многих людей перед различными кумирами, искусственно созданными «звездами», «харизматичными» идолами, а то и просто перед удачливыми («предприимчивыми») негодьями, олицетворяющими для многих их несостоявшиеся мечты.

Но и в наше довольно конформистское время, когда сложно иметь свое собственное мнение и мировоззренческую позицию, все-таки находятся люди, способные не идентифицировать себя ни с безликой, но всесильной массой, ни с «общепризнанной», стандартной, типичной элитой. Именно такие люди, независимо от формального образования и социального положения, и составляют настоящий «элитный фонд» данной страны и ее народа.

Прежде чем выделить более конкретные закономерности и правила взаимоотношений массы и элиты, следует заметить, что все это во многом определяется позицией самих людей, участвующих в подобных взаимоотношениях. Именно в этом заключается психологическая сложность вопроса, определяемая прежде всего субъективным отношением различных людей к самой идее неравенства и справедливости. А отношение, как известно, бывает не только разное, но и

228

меняется в ходе развития каждого человека или социально-профессиональной группы, к которой он осознанно или неосознанно принадлежит. В целом можно обозначить примерно следующие типичные закономерности и правила взаимоотношений между элитой и массой:

1. Принятие (или непринятие) самой идеи «неравенства». Даже в том случае, если человек отказывается принимать такую идею, реально он все равно (в той или иной мере) задействован в отношения, предполагающие, что кто-то «лучше», «главнее», «влиятельнее», а кто-то всем этим обладает в меньшей степени (эта проблема уже рассматривалась в главе 4, в вопросе 18).

2. Принятие идеи «оптимума элитарности». Как уже отмечалось, элитарные отношения в чем-то сродни денежным отношениям, а деньги, как известно, обладают ценностью лишь тогда, когда они циркулируют в строго ограниченном количестве (если денег печатается неограниченно много, то происходит девальвация). Аналогично и с чувством элитарности: если слишком многие обладают этим чувством, то оно также обесценивается («девальвируется»). Все это способствует тому, что за чувство элитарности идет настоящая борьба (при этом возможны разные формы такой борьбы, от «отторжения» чувства элитарности у других людей — до поиска «единомышленников» с целью приумножения такого чувства при взаимной выгоде всех друзей-единомышленников...).

3. Важным условием возникновения элитарных ориентаций является выбор своего критерия элитарного, то есть того, что можно было бы считать настоящей «элитарной ценностью». Как уже отмечалось, таких критериев может быть достаточно много (в идеале, каждый человек выстраивает свою систему ценностей). Но реальность такова, что многие люди, устав от поиска образа «настоящей элиты», обращаются к уже существующим образцам «достойного» и «элитного». В этом таким людям помогают различные пропагандистские системы; в современном мире это средства массовой информации и различные формы рекламы (политической,

229

духовной, культурной, потребительской, образовательной и т. п.).

4. Наличие разновариантных критериев элитарного часто позволяет людям, отчаявшимся добиться «успеха» в рамках определенной иерархической системы, компенсировать свое чувство собственного достоинства в другой системе. Именно благодаря такой «компенсации» большинство людей не очень-то страдают оттого, что кто-то (желательно не из близких родственников или бывших друзей) добивается в жизни значительного успеха и перемещается на высокие ступени общественной иерархии, так как вместо того, чтобы «умереть от зависти», такие люди добиваются определенного признания в своих конкретных социально-профессиональных группах или разнообразных «случайных» межличностных отношениях. Кроме того, как уже отмечалось, наличие у

взаимодействующих людей (или групп) разных критериев элитарного фактически осложняет возможность утверждения своего «элитного превосходства» (например, трудно разобраться, кто «элитарнее» — роскошная валютная проститутка, обслуживающая «настоящих» современных «господ» с долларами, или скромный профессор российского вуза эпохи «демократических преобразований»...).

5. Нередко человек, добившийся успеха в своей конкретной социально-профессиональной группе, стремится расширить возможности для повышения чувства собственного достоинства. И тогда часто наблюдается обратная приведенной выше закономерность: человек стремится добиться успеха по более универсальному критерию элитарности, применимому не только к своей («родной») социально-профессиональной группе, но и к большему числу групп, а еще лучше — к группам, которые на уровне широкого общественного мнения занимают весьма престижное положение. Например, добиться признания не только на уровне своего класса (или даже школы), но затем и на уровне какого-то престижного вуза или другой «видной» и «солидной» организации.

230

6. Принятие идеи взаимобмена чувством элитарности (см. подробнее главу 14). Сама идея взаимобмена чувством элитарности предполагает серьезный нравственный выбор, так как возможны разные варианты. Это может быть, например, откровенное «оттягивание» чувства элитарности в разнообразных «психологических дуэлях», когда люди выступают по отношению друг к другу в роли своеобразных «элитовампиров» и фактически только этим и живут (для них это самое главное в жизни).

Но это может быть и стремление к реальной духовной близости с другим человеком, когда осуществляется «совместная радость», обогащающая всех единомышленников, и когда сама идея «отторжения» («оттягивания») у кого-то его достоинства воспринимается как самое страшное преступление... Возможна, правда, и равнодушная позиция по отношению к чувству собственного достоинства какого-то конкретного человека, хотя трудно себе представить, что такое «равнодушие» возможно вообще ко всем людям. Наверное, это было бы близко к личностной патологии, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, утверждение собственного достоинства является чуть ли не главным смыслом для многих людей, а сама полноценная рефлексия своего достоинства возможна только во взаимоотношениях с другими людьми.

7. Исходя из представленной выше закономерности (а заодно и правила взаимоотношений между массой и элитой), можно выделить и такую важную особенность этих взаимоотношений, как часто встречающееся у представителей элиты стремление очаровывать представителей массы, а у самих представителей массы — желание («жажду») быть очарованными. Заметим, что во взаимоотношениях элиты и массы возможны и такие ситуации, когда сама масса «очаровывает» своего кумира (как бы «кокетничает» с ним и призывает к взаимности) или, наоборот, сам кумир начинает «ломаться» перед массой (особенно в ситуациях, когда он сильно зависит от мнения массы).

231

8. Очень часто такое взаимное «очаровывание» и «жажда обольщения» выражаются в стремлении многих людей эстетизировать свои взаимоотношения по выяснению и утверждению своего чувства собственного достоинства. В одних случаях это попытка придать «приличный вид» отношениям откровенного произвола или личностной продажности. В других случаях это может быть искренняя попытка облагородить интимно-личностные отношения между возлюбленными или доверительно-уважительные отношения между учителем и учеником и т. п.

9. Наконец, важно, чтобы взаимодействующие люди принимали существующие правила поведения по выяснению (или подтверждению) чувства собственного достоинства и своей сопричастности к однозначно (или почти однозначно) признаваемым элитным ценностям. Естественно, если человек реально (осознанно или неосознанно) не включается в такие взаимоотношения, то ему сложно самоутвердиться и повысить чувство самоуважения. К сожалению, нередко возникают ситуации, когда человек, даже помимо своей воли, вынужден включаться в разнообразные «психологические поединки» по выяснению того, кто «лучше», а кто «хуже» (см. *Берн*, 1988; *Харрис*, 1993 и др.)

10. И тогда высшим искусством самоопределения явилась бы готовность человека пойти на определенные внутренние компромиссы (например, просто подыграть какому-то «элитовампире») и в итоге получить более

важный выигрыш (например, решить сложную проблему, завершить общественно или личностно значимое дело и т. п.). В этом случае человек как бы сознательно становится выше этих игр. Быть может, это и есть настоящее проявление элитарности — быть «выше» обывательской возни, но не путем открытого противоборства (здесь легко увлечься и потерять чувство меры) или путем демонстративного «игнорирования» этой возни, а путем разумного «компромисса» и даже подыгрывания тем, кто в силу своей ограниченности иначе и не представляет себе человеческие отношения... Как верно

232

подметил известный английский писатель и философ Т. Карлейль, «величие великого человека обнаруживается в том, как он обращается с маленькими людьми».

Правда, иногда возникают ситуации, когда человек настолько «зажат обстоятельствами», что ему просто необходимо настоящее человеческое общение, но достойных друзей нет... И тогда такой человек просто вынужден «дружить» с теми людьми, которые только и делают, что доказывают друг другу свое «элитное» (или псевдоэлитное) превосходство... Но и в этом случае есть достойный выход, например, создать себе воображаемого друга или, если воображения недостаточно, обратиться к Богу...

Как пишет Б. С. Братусь, именно обращение человека к Богу позволяет ему понять не только самого себя, но и другого человека «как образ и подобие Божее» и что именно в этом случае у человека «появляется ощущение связи с Богом и представление о счастье как служении и соединении с Ним» (*Братусь*, 1994. — С. 34). Как уже отмечалось ранее (см. главу 3), такой уровень личностной самореализации назван эсхатологическим, или духовным. Этот уровень отличается от предшествующих ему эгоцентрического уровня (с его ориентацией только на личное благополучие), от группоцентрического уровня (с ориентацией на благо той группы, с которой идентифицирует себя человек) и даже от просоциального, или гуманистического, уровня (с ориентацией на благо всего человечества). Именно на эсхатологическом уровне, по мнению Б. С. Братуся, происходит формирование главной основы нравственного облика личности (*там же*. — С. 34—35).

Но тогда возникает естественный вопрос: не получится ли так, что человек, обратившись к Богу, да еще и «уподобившись ему», сам не станет претендовать на то, чтобы считать себя Богом?.. И не будет ли это проявлением самой сильной элитарной ориентацией и претензией на самую высшую иерархическую ступень, которую только можно помыслить? Некоторым «успокоением» здесь может служить то, что каждый

233

человек (особенно, обладающий творческим воображением) создает в своей душе свой, неповторимый образ Всевышнего, ведь сказано, что «у каждого свой путь к Господу»...

Личность в развивающейся экологической системе

Развивающаяся экологическая система — это система, важнейшим условием сохранения «равновесия» и «гармонии» которой является не застывшее (например, «достигнутое») состояние, а постоянное движение, поиск новых, все более совершенных форм взаимодействия с меняющейся окружающей средой (или со всем окружающим и также меняющимся миром в целом), при этом само «равновесие» предполагает некоторую «несостыковку» составляющих этой системы, примерно так же, как в искусстве «асимметричность» и некоторая «диспропорция» расцениваются как одно из условий красоты и даже одухотворенности художественного творения. Экологическая система вообще может быть только «развивающейся», иначе теряется сам смысл ее существования, и она обречена на стагнацию и исчезновение. «Вечное равновесие — цель, принципиально недостижимая», — отмечает А. В. Хазен (*Хазен*, 1998. — С. 47).

Поскольку важнейшим условием системности и самой организации (упорядоченности) мира является его иерархичность, то это также позволяет нам говорить о том, что есть какие-то более совершенные (организованные и упорядоченные) образования, а есть — менее организованные социальные и природные образования. Следовательно, самоопределяющийся человек просто вынужден соотносить себя с такими уровнями организации мира (прежде всего социального мира), то есть рефлексировать свои элитарные ориентации.

Само развитие и в природной, и в социальной среде понимается многими авторами как преодоление хаоса, беспорядка. Как пишет М. Элиаде, само сотворение мира рассматривается в различных религиях и в культуре как «преодоление хаоса»,

234

где сам «хаос» понимается как «зло», «змей», которого следует «обезглавить» (*Элиаде*, 1994. — С. 41). При этом даже развитие самих религий (как и других областей знания) рассматривается как постепенный переход от «аксиом без участия логики», то есть без должной упорядоченности, когда разные природные и общественные процессы имели своих отдельных богов, ко все большему «возрастанию логических построений» и упорядочиванию представлений о мире, когда появился единственный Бог (см. *Хазен*, 1998. — С. 71).

Пытаясь выделить общие закономерности развития различных экологических систем и всего мира, А. М. Хазен пишет о том, что «принципиальная особенность всех форм жизни — расточительное превышение производства энергии (в обобщенном смысле) над оптимальным минимумом, который был бы при другом строении организмов» (*Хазен*, 1998. — С. 9). Благодаря такой «расточительности» в развивающейся системе постепенно накапливаются «излишки», своеобразный «мусор», «отходы», которые в экологическом смысле «загрязняют среду». Но при этом «в природе нет неограниченно растущих процессов». «Размножающиеся клетки хаотически, но под контролем условий взаимодействуют между собой, — пишет А. М. Хазен. — Их количество увеличивается. Они меняют окружающую среду. Для них возникают экологические проблемы. Они ограничивают рост и определяют наблюдаемую форму сообществ клеток. Например, формируют стебель листа, его прожилки, структуру поверхностей» (*Хазен*, 1998. — С. 16).

Проводя некоторые аналогии мира природы с человеческим обществом, А. М. Хазен пишет далее: «...нам кажется, что микроб, крокодил, человек — это самопроизвольный, вопреки законам природы, рост упорядоченности. Но в действительности все наоборот. Это иерархический рост хаоса, ограниченный специфическими внешними и внутренними условиями... и рост, и распад живых структур диктует одно требование — увеличение беспорядка (физики говорят — рост энтропии)... чем больше мусора, тем совершеннее общественный строй.

235

И так во всем, что связано с живыми организмами, их сообществами и взаимодействиями» (*там же*. — С. 17).

Этот парадоксальный, на первый взгляд, вывод (о «росте мусора» как условия совершенства) А. М. Хазен подкрепляет и таким общеизвестным фактом: «Если сравнивать между собой существующие на Земле формы жизни, то по способности создавать беспорядок — превращать все в мусор — человек превосходит всех. Это создает некое подобие обоснования постулата о центральном месте человека во Вселенной» (*там же*. — С. 72). Но в том-то и заключается принцип развития, что благодаря появившимся «излишкам», образовавшим некоторый хаос, появляется возможность перейти на новый, более высокий иерархический уровень. Как пишет сам А. М. Хазен, «на каждой ступени иерархии действует в своей, присущей ей форме закон аккумуляции избыточной энергии», когда хаос, порождаемый этими избытками, создает основу для последующего роста и развития системы, которая со временем накапливает новые «избытки» и т. д.

Можно обнаружить многочисленные аналоги этому процессу и в человеческой культуре. Рассуждая о периодичности в смене стилевых ориентаций, выдающийся поэт и теоретик культуры П. Валери говорит: «Всякий классицизм предполагает предшествующую романтику... Сущность классицизма состоит в том, чтобы прийти после. Порядок предполагает некий беспорядок, который им устраним» (цит. по: *Петров*, 1998. — С. 258).

Ранее (см. главу 18) уже приводились примеры, где уважаемые теоретики культуры (М. М. Бахтин, А. Ф. Лосев), анализируя творчество Рабле, подчеркивали такую особенность гротескного смеха, как высмеивание обанкротившихся ценностей через отождествление их с «низом», «тазом», «испражнениями» (см. *Рюмина*, 1998. — С. 234—237). Но, как уже отмечалось, различные варианты смеховой культуры как раз и выявляют, обнажают несовершенство существующей реальности, призывая искать пути к чему-то более возвышенному и достойному. Здесь мы фактически опять имеем

236

дело с уже «культурными отбросами», которые требуют своей переработки («аккумуляции избыточной энергии» — по А. В. Хазену) и переводу системы (общества) на более высокий иерархический уровень своего развития...

Если все-таки согласиться с тем, что вышеприведенные рассуждения справедливы и по отношению к человеческому обществу, то возникает очень интересный вопрос: какую роль в понимаемом таким образом процессе общественного развития должна была бы играть элита и псевдоэлита, а также какая роль отводится для традиционно понимаемой массы?

Сравнивая процессы развития обычных живых организмов и человека, А. В. Хазен отмечает: «Законы природы существуют независимо от воли человека. Но законы своего общества человек сам должен выдумать, изобрести, интуитивно подражая природе... Заботиться о том, чтобы беспорядок не навредил человеку, может и должен сам человек» (Хазен, 1998. — С. 18, 45). В человеческом обществе таким «мусором» может быть и неорганизованное свободное время. Еще К. Маркс подметил закономерность: чем лучше развиваются производительные силы общества, тем больше высвобождается свободного времени для развития самих людей (Маркс и др., 1984. — С. 103 —113). Но проблема заключается в том, что, во-первых, при капитализме свободное время одних классов (эксплуататорских) часто создается за счет ущемления в свободе других классов (пролетариата), а во-вторых, проблема усугубляется тем, что многие люди не знают, как лучше использовать свое время для развития, и в итоге растранижают его понапрасну.

Особенно остро проблема бессмысленной траты свободного времени (как главного условия развития личности — по К. Марксу) встала в период господства «массовой культуры», когда человеку предлагаются уже готовые «образцы» траты своего свободного времени. Получается, что не сам человек является субъектом своего самоопределения и развития, а

237

кто-то другой (законодатель мод, общественный манипулятор) определяет, как и зачем ему тратить свое самое главное богатство — свободное время. Эта ситуация чем-то напоминает ситуацию в армии, где любят повторять: «У солдата не должно быть личного, то есть свободного времени. Личное время — это «лишнее» время»... Но в армии многие солдаты хотя бы осознают, что их ущемляют в самом главном — в праве распоряжаться своим временем, тогда как в «свободном» гражданском обществе многие люди, замороженные очаровательной рекламой, даже не догадываются о том, что, ориентируясь на уже готовые «образцы» счастья, сами обворовывают себя...

Если Э. Фромм писал в своих работах об «отчуждении человека от труда, от своего дела», когда человек вынужден заниматься незначимым для себя делом, то в данном случае можно говорить об «отчуждении человека от своего свободного времени», то есть о снижении своих возможностей для подлинного развития. И тогда получается, что контролируемая рекламой (СМИ) трата большинством людей своего свободного времени, все-таки создает в обществе определенный «порядок» (люди тратят свое время «как положено»), но все это дезорганизует саму возможность подлинного (свободного) личностного самоопределения таких людей. Если большинство людей реализуют почти одинаковый жизненный сценарий, то они фактически теряют свою индивидуальность, и вместо самобытных личностей образуется та самая (почти однородная) «масса», которая сама по себе превращается в «мусор», то есть в существ, лишенные своей индивидуальности, а значит, и своей совести. В итоге возникает ситуация, когда простое «количество» (однородная масса) еще не перешло в свое «новое качество» (в сообщество свободных и неповторимых личностей).

По мере своего распространения такая «масса» даже начинает угрожать окружающей среде, так как снижает степень разнообразия и иерархичности мира, когда легче распознаются прекрасное и уродливое, добро и зло и т. п., когда

238

человек легче осознает свое несовершенство и знает, к чему стремиться. Если же ценности «массы» становятся тотальными, то есть социальный мир перестает быть сообществом подлинных индивидуальностей, между которыми существовали бы сложные взаимоотношения, то именно здесь наступает настоящий хаос — хаос

однородных «элементов», связанных друг с другом лишь формальными, лично незначимыми, неглубокими связями. Основная же проблема заключается в том, чтобы не допустить полного контроля «массовой культуры» над всеми людьми и хотя бы каким-то людям подсказать, как использовать свое время для полноценного (свободного) развития.

Но, как это ни парадоксально, слишком большое количество «свободных членов» социальной системы также могут дезорганизовать общественную жизнь, особенно в ситуациях, когда представление о «свободе» одних людей вступает в явное противоречие с представлениями о «свободе» других людей. Такая ситуация приводит систему не только к хаосу, но и к риску самоуничтожения. Видимо, уровень подлинной свободы для всех (или для большинства) членов общества еще должен быть выстрадан, а сама общественная система еще должна «созреть» для такой «роскоши». Получается, что в условиях незрелой социальной системы избыток свободных, творческих членов сам может рассматриваться как своеобразный «мусор», на который система (в лице массы или олицетворяющий ценности массы псевдоэлиты) реагирует своими санкциями в отношении своих членов, осмелившихся в своем стремлении к свободе нарушить «экологическое равновесие». И тогда таким творческим людям (с подлинными элитарными ориентациями) приходится до поры до времени скрывать свои стремления и вести как бы «двойную» жизнь: одну, видимую жизнь — для пристально наблюдающей за ними массы и псевдоэлиты (чтобы «не высовывались!», чтобы «были как все!»), а другую, истинную, но скрытную жизнь — для самих себя, а также для того же общественного развития.

239

Мы предполагаем, что в человеческом обществе именно элита (подлинная элита) берет на себя основную ответственность за то, чтобы превращать неизбежный и даже необходимый «культурный мусор» в условие для последующего общественного развития. Таким образом, получается, что именно элита (подлинная элита) должна осознавать и переживать (через свои неизбежные страдания, на которые способна только она) неизбежность накопления в обществе социальных, экономических и прочих проблем («отбросов»), которые ей надо как-то упорядочить (переработать, «аккумулировать» энергетический запас этого «мусора») и перевести общественную, а значит, и экологическую систему (систему ноосферы) на новый иерархический уровень своего развития.

В каком-то смысле можно сказать, что главным принципом реализации такой своей миссии для подлинной элиты могли бы стать несколько грубые, но откровенные и точные слова: «Говно и слезы... и действие, и непонятная для самодовольного обывателя особая радость творчества, когда из всего этого — из «культурного навоза» — вырастают новые розы... А затем, когда прекрасные розы вновь начнут увядать, то есть превращаться в мусор из-за частого употребления («культурного опошления»), все опять повторяется сначала, но уже на следующей «спирали» своего развития...». При этом сама элита также может участвовать в «производстве» этого «мусора», но помня о том, что «во всем должна быть мера». Основным же производителем «культурного мусора» является масса, действующая часто неосознанно, движимая общественными законами своего функционирования, а также иногда вдохновляемая и организуемая «псевдоэлитой». Видимо, не случайно в различных престижных заведениях и организациях наиболее «яркие» и «эффективные» псевдоэлитарные «тусовки» часто организуются на лестничных клетках, в коридорах, туалетах, курилках, то есть поближе к «мусору», но при этом представители таких «тусовок» всем своим видом демонстрируют особую изысканность и

240

аристократизм (престижные интонации, «утонченные» разговоры, пресловутый оттопыренный пальчик с сигаретой и т. п.).

Люди массы и тем более представители псевдоэлиты, конечно же, хотят участвовать в культурно-историческом процессе, но они не способны, во-первых, понять и увидеть производимый собой «мусор», а во-вторых, даже если кто-то и понимает, что «мусорит», то он не захочет «марать свои чистые руки об этот «мусор». И в итоге разбираться с реальными проблемами, то есть «чистить», перерабатывать (стыдливо и мучительно переосмысливать) этот «мусор», должна именно элита. При определенных условиях настоящая элита может даже организовать массы на совместное решение этих проблем. Но самая сложная работа, когда требуется сделать первый шаг к осознанию проблемы, которую наслаждающееся жизнью большинство и не воспринимает как проблему, все равно придется сделать ей, подлинной элите.

При этом ни масса, ни псевдоэлита ни в коем случае не должны быть осуждены за свое непонимание более глобальных, то есть надвременных и надситуативных общественных процессов. Просто с экологической точки зрения у каждой социально-профессиональной группы своя культурная (или экологическая) миссия, то есть каждая группа приносит «свою» специфическую пользу. Свою особую роль играет каждый человек, даже воспринимаемый на уровне общественного сознания как полное «ничтожество». Как писал Б. Шоу, «природа никогда не ошибается, если она порождает дурака, значит, она этого хочет» (см. В поисках смысла, 1998. — С. 33).

Другое дело, что для каких-то конкретных людей было бы приятнее ощущать, что они хоть как-то сопричастны к осознанному переходу общества на более высокий уровень развития, а для кого-то приятнее было бы держаться от этого подальше (как все «нормальные» люди, которые «знают свое место»). Чтобы каждый человек чувствовал

241

свою значимость, важно признать и право соответствующих социально-профессиональных групп на эмоционально-эстетическое оформление своей значимости и даже своего особого места в мире. Но если кто-то захочет перейти в другую группу и быть ближе к действительно решающим процессам развития, то он должен понимать, что часто такой переход будет для него сопряжен с определенными жертвами, самая страшная из которых — осуждение и непонимание со стороны своих недавних («таких веселых» и «благополучных») социально-профессиональных «тусовок».

Трудно представить ситуацию, когда все люди (человечество) в едином порыве решат свои проблемы. Например, П. Шарден считает, что один из важнейших векторов развития человечества — это переход от «элементарной гоминизации, достигающей своей наивысшей точки в каждом индивиде», к «коллективной гоминизации — гоминизации всего человеческого вида». Но при этом П. Шарден оговаривает, что при появлении такой «коллективной гоминизации» («конвергентного универсума»), «универсальный центр объединения» никоим образом не возникает из слияния и смешения элементарных центров, которые он объединяет, а должен рассматриваться как предсуществующий и трансцендентный» (Шарден, 1987. — С. 232—235). При всей привлекательности такой перспективы развития человечества, все равно трудно себе представить, что вдруг не станет людей, которые лишь в «гордом одиночестве» будут осознавать и переживать реальные общественные и экологические проблемы, трудно представить, что не останется людей, непонятных ни для «конвергентного универсума», ни для «универсального центра»...

Возникает даже парадоксальная ситуация: получается, что люди не должны все поголовно быть самыми умными и достойными, иначе наступит настоящий хаос, с которым не разберется никакая «элита». Человеческое общество, особенно основанное на уважении к личности, по сути своей

242

должно быть неодинаковым. Правда, как уже отмечалось ранее (см. главу 13), у всех людей должны быть равные возможности для реализации своих прав, но сама реализация также связана с особенностями конкретных людей, которые по своим способностям различаются. В этой связи А. Менегетти пишет даже, что реально люди неравны и перед законом: «Первое фундаментальное оскорбление, которое закон наносит человеческому интеллекту, заключается в утверждении: «Перед законом все равны». Это истинно для закона, но не для жизни. В жизни все мы различны; жизнь есть результат непрерывной гениальности, которая может позволить себе роскошь создавать всех людей непохожими друг на друга и по-своему заботиться о каждом... личности удается выжить благодаря пронизательности ума, выходящей за рамки закона» (Менегетти, 1996. — С. 13).

Но тогда это означает, что необходимо даже поощрять человека не только стремиться к мировоззренческим высотам, но и поощрять его становится обычным «нормальным человеком», демонстрируя ему «выгоды» и такой позиции. С психолого-педагогической точки зрения важно при этом обеспечить «полную ориентировку» в возможных вариантах поиска смыслов жизни и построения своего счастья, чтобы дать человеку возможность выбрать (а в ходе жизни и постоянно уточнять) тот вариант, который в наибольшей степени позволит реализовать ему собственное представление о достоинстве. Но для человека, стремящегося по-настоящему реализовать себя как личность, для человека, который избрал для себя образцы бескорыстного общественно полезного творческого труда, соблазн стать «нормальным благополучным человеком» был бы самым важным испытанием.

Да здравствует разнообразие довольных собой «Хомо сапиенсов»!.. И зачем при этом становиться какими-то там странными и чем-то недовольными «рыцарями-одиночками», какими-то там «донкихотами несчастными»?

243

23. Массовые манипуляции как социально-психологическая проблема

Роль СМИ в формировании социально-профессиональных стереотипов самоопределяющейся личности (Ф. Ницше, Ортега-и-Гассет и др.)

«Изобретение братьев Люмьер, — пишет французский историк и новеллист Ги Бретон в книге «Лукавые истории из жизни знаменитых людей», — породило новый вид Дон Жуана: Дон Жуана кинематографического. Того, кого любят, зная лишь по экрану, того, кто, не прилагая никаких усилий, покоряет два-три миллиона сердец в год» (цит. по: *Таранов*, 1996. — С. 354).

Современные средства массовой информации (СМИ) являются мощным средством воздействия на сознание самоопределяющейся молодежи (и не только молодежи). В идеале СМИ могут выступить в качестве союзника психологов и педагогов, позволяя через циклы телепередач, через специальные рубрики в периодической печати и т. п. в интересной и дискуссионной форме рассматривать важные проблемы профессионального и личностного самоопределения перед широкой аудиторией. К сожалению, СМИ могут во многом и перечеркивать усилия педагогов и психологов, направленные на формирование полноценного, социально активного субъекта самоопределения, формируя в итоге «стандартного человека», ориентированного на ценности «массового общества».

Как отмечает известный итальянский журналист Дж. Кьеза, «...средняя плотность дураков постоянна в любом достаточно многочисленном человеческом конгломерате», но «факт таков, что журналисты — категория наиболее «опасная»: и потому, что сами они подвержены опасности, и потому, что являются источником опасности для других (ибо влияют на множество других индивидов)» (*Кьеза*, 1997. — С. 83—84).

244

С. Московичи говорит даже о наступлении нового этапа капитализма — «символического капитализма, который базируется уже не на машинах или деньгах, а на коммуникации» (*Московичи*, 1996. — С. 251). Интересно в этой связи высказывание известного социолога и философа Г. Тарда: «...просматривается что-то вроде закона: это всеувеличивающийся разрыв между числом вождей и числом ведомых. 20 ораторов или вождей... в античные времена управляли городом в 2000 граждан. Между прочим, соотношение 1 к 100. А в наше время 20 журналистов, проданных или купленных, управляют иной раз 40 миллионами человек: соотношение 1 к 200000» (цит. по: *Московичи*, 1996. — С. 251).

По мнению С. Московичи, уже давно сформировался особый тип человека — «человек публики», и уже давно необходимо создать «психологии публики». Человек публики, в отличие от традиционного «человека массы» или «человека толпы», не участвует в уличных акциях (как «быдло какое-нибудь»..), он тихо и «мирно» сидит в своей уютной комнатке перед хорошим, «фирменным» телевизором и слушает, что ему «растолковывают» очаровательные телекомментаторы... «Организация превращает натуральные толпы в толпы искусственные, — пишет С. Московичи. — Коммуникация делает из них публику. Сразу отметим различия. Организация поднимает интеллектуальный уровень людей, находящихся в массе. Коммуникация понижает его, погружая их в толпы на дому...» (*Московичи*, 1996. — С. 241).

Вслед за Г. Тардом С. Московичи говорит о «законе поляризации» современных СМИ, согласно которому «число лиц, между которыми распределены эти средства, имеют тенденцию уменьшаться» и, напротив, «число лиц, на которых они могут оказывать влияние, непомерно возрастает» (*Московичи*, 1996. — С. 250). И далее С. Московичи делает интересный вывод: «Вдумаемся. Не невозможность для части населения иметь доступ к этим средствам, а, напротив, возможность всех к ним приобщиться есть причина неравенства» (*там же*. — С. 250). Именно обилие информации, в

245

которой простому обывателю сложно самостоятельно разобраться, заставляет его безоговорочно «отдаваться» в сладкие (и высокопрофессиональные) объятия различных телекомментаторов и телеведущих.

Рассуждая об имидже многих телеведущих, Р. Гарифуллин пишет: «К сожалению, часто имидж ведущего не соответствует его истинному облику. В жизни они не такие умные и не такие бедные, какими «прикидываются» в своих передачах. Это стереотипы восприятия. Многие из них стали уже господами и не являются частицей народа, как это было в начале их карьеры» (*Гарифуллин*, 1995. — С. 33). Говоря о современном телевидении как о фабрике «оживления грез», П. С. Таранов отмечает: «Есть люди, внешняя броскость которых почему-то заметна не вблизи, а на расстоянии. Причем последнее следует понимать вовсе не пространственно, а исключительно социально... Их ролевое предназначение — символичность. Они люди-кумиры, они герои грез человеческих» (*Таранов*, 1996. — С. 354—355).

Современные СМИ уже давно приобрели культурно-историческое значение и стали реальной общественной силой (это уже далеко не «четвертая», а именно «первая» власть). «Массмедиа непрерывно изменяют отношения между социальными общностями, — пишет С. Московичи. — ...С этого времени человек имеет тенденцию скорее принадлежать к публике, чем к общественному классу или церкви... Массификация означает, что все классовые конфликты превращаются в конфликты массовые, в конфликты страстей и идеологий. Это цель, преследуемая ее классическими построениями: превратить классовую борьбу в борьбу масс, которую можно выиграть психологическими средствами. В их числе фигурируют средства коммуникации, занимающие первое место» (*Московичи*, 1996. — С. 247). «Демократия не может существовать, если она не возьмет под контроль телевидение», — писал известный философ и поборник либерализма К. Поппер (цит. по: *Кьеца*, 1997. — С. 181).

Как известно, конформизм, социальная апатия и даже боязнь творчески подходить к построению собственной судьбы

246

в современных условиях проще всего формируются с помощью средств массовой информации. Вот как пишет известный американский социолог Р. Миллс о роли средств массового общения в жизни современного общества: «Массовые средства общения (СМИ. — *Н. П.*) проникли не только в область нашего познания внешней действительности, они проникли в область нашего самопознания... 1) само представление рядового человека о себе внушается ему массовыми средствами общения, они дают ему образцы и мерки, с помощью которых он судит о себе; 2) они подсказывают ему, каким он хотел бы быть, то есть формируют его стремления; 3) они подсказывают ему, как этого достигнуть, то есть внушают ему пути и способы осуществления желаний и 4) они... дают ему забвение в иллюзии. Это — формула ложного мира, созданного и поддерживаемого массовыми средствами общения» (*Миллс*, 1959. — С. 421—422). Как пишет Р. Гарифуллин, «телезрители желают обманываться», и поэтому «благодаря блефу на телевидении можно самого бедного человека сделать самым богатым» (*Гарифуллин*, 1995. — С. 32—33).

К сожалению, и в современной России не изжиты полностью рецидивы цензуры и ограничения свободы слова. Вот что говорит известный отечественный кинорежиссер С. Говорухин о современных российских СМИ: «Кстати, сейчас должны знать все наши блюстители гласности: живого эфира для нас уже не существует, в живой эфир ни слова правды не попадает. Прямой живой эфир — для проституток, для клоунов. Ни один человек из оппозиции выйти в прямой эфир уже не может. Все идет лишь в записи» (*Говорухин*, 1996. — С. 3). Согласно данным мониторинга Европейского института СМИ, по трем всероссийским каналам в ходе президентской избирательной кампании 1996 года, систематически говорили хорошо только о Б. Н. Ельцине (за две недели до выборов из 247 раз — «все время упоминался положительно» и «ни разу отрицательно») и, наоборот, о другом претенденте — коммунисте Г. А. Зюганове — говорили только плохое (из 241 раз — упоминали о нем «только в отрицательном свете» и «ни разу положительно»). Директор

247

данного института Бернхард Петер Ланж вынужден был откровенно заявить: «Отсутствия существенных процедурных нарушений недостаточно, чтобы назвать выборы честными и свободными. Поведение СМИ запятнало демократический процесс» (цит. по *Кьеца*, 1997. — С. 191—192).

Приведенное выше высказывание известного и уважаемого человека, депутата Государственной думы, а также заявление директора Европейского института СМИ свидетельствуют о том, что средства массовой информации превратились в реальную силу, способную формировать не только «общественное мнение», но и «мнения» конкретных людей, причем не только в плане политических выборов, но и в плане выбора образа жизни и построения своей судьбы.

«Людей, живущих в обществе, — пишет Р. Миллс, — превратившемся в инертную массу, не волнует ничего, кроме преодолевающих их личных забот и невзгод, истинного смысла и источника которых они, однако, не сознают; людей же, живущих в условиях активной общественности, волнуют общественные проблемы, лежащие в основе их личных забот и трудностей, и они имеют представление о содержании этих проблем. Задача либеральных институтов, как и задача широкообразованных людей, заключается в том, чтобы постоянно превращать личные невзгоды людей в общественные проблемы и рассматривать общественные проблемы под углом зрения их значимости для жизни индивидуума» (Миллс, 1959. — С. 424—425).

Критикуя американских педагогов, Р. Миллс приводит рассуждения, которые могли бы быть полезными и для современных российских педагогов и психологов, особенно для тех, кто непосредственно связан с проблемами профессионального и жизненного самоопределения подростков: «...поспешные отсталые педагоги приспособили свои представления о содержании и практике педагогической деятельности к требованиям воспитания стандартных людей. Они не являются активными глашатаями норм и образцов высокой культурной жизни и интеллектуальной разборчивости.

248

Вместо этого они часто преподносят учащимся различные пустяки и пошлости, относящиеся к ловким приемам достижения успеха на профессиональном поприще и к искусству «приспособления к жизни», то есть к растительной жизни стандартных людей. «Демократическая школа» нередко оказывается в основном и главным рассадником умственной посредственности, узкопрофессиональной сноровки и националистических приверженностей» (Миллс, 1959. — С. 426).

Но как быть психологу-консультанту, который помогает человеку самоопределиться в данных, реальных условиях, когда успех, построение карьеры и в идеале — проникновение в элитные слои общества скорее достигаются именно непорядочными способами? Проблема здесь в том, что обычные люди хотят хорошо жить и — главное — быть признанными, иметь ощущение собственной значимости в данное время, со всеми его недостатками, каким бы сомнительным в этическом плане оно ни было... При этом большинство из них ориентируются именно на общепринятые образцы построения счастья, то есть на то, на что ориентируется основная часть общества, масса..

Здесь мы можем вновь обратиться к вопросу, может ли человек при всех неблагоприятных (не элитных) объективных условиях все-таки почувствовать себя отличным от безликой толпы, от массы и ощутить свою неповторимость, особенность, а в идеале — и элитарность? Да, может, но при условии, что он сумеет преодолеть в себе чувство общности, духовного единства с массой. Примечательно, что еще К. Г. Юнг писал, что человек, вырывающийся за рамки коллективного бессознательного, в осознании настоящего, нередко платит за это непониманием со стороны окружающих и одиночеством (Юнг, 1994. — С. 294).

Рассуждения К. Г. Юнга характерны и для сознания определенных социально-профессиональных групп и самых разных слоев общества, независимо от образования и положения в общественной иерархии (если человек вырывается за

249

рамки коллективного бессознательного, то данная группа его просто отвергает)... Получается, что вырваться из-под власти толпы, коллективного бессознательного для обычного человека очень непросто... Но особенно сложно это бывает сделать, когда общая ситуация зла и общественного маразма искусно (слащаво, вкусно) приукрашивается ложью, особенно эстетически оформленной с помощью современных СМИ ложью. «Страшен кляп, намазанный медом», — писал известный антифашист Ст. Е. Лец (Ларец острословов, 1991. — С. 465).

Проблема для психолога: должен ли он способствовать тому, чтобы люди действительно научились поскорее

превращать личные невзгоды людей в общественные проблемы и рассматривать общественные проблемы под углом зрения их значимости для жизни индивидуума (по Р. Миллсу) или лучше не «нервировать» их, не создавать для них лишние внутренние проблемы, тем более что многие, действительно, не готовы их решать?

Интересный вопрос: стремятся ли многие люди к тому, чтобы по-настоящему разобраться в реалиях сложного мира, чтобы построить «смысловую картину мира» (по А. Г. Асмолову)?.. Не проще ли для таких людей создавать в своем сознании «иллюзорный мир», где добро и зло перемешаны, где бесправие называется справедливостью и где с телеэкрана ему ласково улыбаются очаровательные манипуляторы.

Для того чтобы хотя бы понимать сам факт манипуляции, важно знать основные приемы, используемые современными «мастерами» СМИ. В своей работе «Энциклопедия блефа» Р. Гарифуллин выделяет достаточно много таких приемов (см. *Гарифуллин, 1995. — С. 27—33*):

1) приемы скрытой рекламы («неосторожные» высказывания ведущих, искусственно организованный скандал и т. п.);

2) приемы одностороннего и избирательного освещения информации (вырывание из контекста и т. п.);

3) распространение слухов и «уток» (обычно последующее «опровержение» бывает неэффективным);

250

4) прием искусственно организованных писем и жалоб, когда знакомые и единомышленники пишут и звонят «со всех концов страны»;

5) умелый монтаж, компоновка материала, основанная на особенностях человеческого восприятия, когда «белое» представляется «черным» и наоборот;

6) прием представления догадок в виде «фактов»;

7) приемы заказных материалов (оплаченных заинтересованными партиями и фирмами в ходе их соперничества);

8) прием заказных «социологических исследований», направленных на формирование общественного мнения (социологические данные в этом случае бывают недостоверными и некорректными);

9) прием подкинутых материалов (неким «анонимным» человеком);

10) прием заблуждения, направленный на создание определенного имиджа газеты или телеканала (например, «независимой», «бесстрашной» или, наоборот, «тенденциозной»);

11) ссылка на некомпетентные источники (но при этом не указывается, что источники «некомпетентные»);

12) предоставление материалов прошлого как «настоящих»;

13) приемы «жареных фактов» (основан на броском, вульгарном и грубом искажении действительности — как раз то, что нравится «публике»);

14) цитирование несолидных изданий (районных, деревенских, ведомственных и т. п.) с целью вызвать общественный резонанс;

15) лживая информация и ее «опровержение» (прием «двойного смысла»);

16) прием «промелькнувшей информации» (например, при опровержении информации, чтобы такое «опровержение» никто и ни не заметил);

17) прием «взорвавшейся бомбы» (здесь СМИ как бы опережают и подталкивают события по принципу «раздувания из мухи слона») и др.

251

Рассуждая о современной пропаганде, Г. Блуммер пишет: «В сфере общественной дискуссии и общественного обсуждения пропаганда функционирует с целью формирования мнений и суждений не на основе достоинства данного предмета, а главным образом играя на эмоциональных установках и чувствах» (Блуммер, 1998. — С. 562).

При этом выделяются следующие основные «процедуры пропаганды»: 1) простая подтасовка фактов и предоставление ложной информации; 2) использование внутригрупповых и внегрупповых установок, когда стремятся заставить людей отождествить пропагандируемые взгляды с внутригрупповыми настроениями, а противоположные взгляды — с их внегрупповыми установками: «Именно наличие этого внутригруппового/внегруппового антуража и объясняет исключительную эффективность пропаганды во время войны», — отмечает Г. Блуммер; 3) использование эмоциональных установок и предрассудков, которыми люди уже обладают и именно это, по мнению Г. Блуммера, является «самым замечательным методом пропагандиста»: «Мы часто наблюдаем использование этого приема в современных дискуссиях, — продолжает Г. Блуммер. — Делаются попытки отождествить предметы спора с такими благозвучными стереотипами, как демократия, спасение Конституции и индивидуальная свобода, а противоположные утверждения с такими стереотипами, как коммунизм и антиамериканизм» (Блуммер, 1998. — С. 563—564).

Можно сформулировать важный вопрос: чем подкупают телезрителя-обывателя современные СМИ? Благодаря чему они достигают такой высокой манипулятивной эффективности? Ответ, на наш взгляд, не так уж и сложен. Во-первых, пестротой информации («иллюзией свободы»), когда можно говорить почти обо всем, особенно о шалостях и развлечениях элиты. Правда, многие забывают, что именно пестрота информации порождает несвободу, так как нормальный человек в этом информационном хаосе самостоятельно разобраться не сможет, если, конечно, не станет «утруждать» себя

252

всякими там размышлениями и нравственными терзаниями (от которых у нормального обывателя обычно и голова болит, и времени для этого не хватает, так как «деньги зарабатывать надо»...

Во-вторых, высокая манипулятивная эффективность современных СМИ достигается благодаря доступности «запретных тем», то есть того, о чем раньше было говорить нельзя: о проблемах секса, о преступлениях предшествующих политических режимов (чтобы на этом фоне показать хаму-обывателю, насколько хорош нынешний режим), наконец, это обычные сплетни из жизни знаменитостей и т. п.

В-третьих, эффективность СМИ объясняется специально созданной возможностью для телезрителя-обывателя хотя бы в воображении «соприкоснуться с миром элиты», ведь недаром современное телевидение и называют фабрикой «оживления грез» и «ложным миром». И именно за это телезрители готовы променять СМИ на ценности реального мира, чем многие и занимаются в свободное время, просиживая все свое свободное время у телеэкранов... Вероятно, последнее обстоятельство и является главным условием высокой притягательности и эффективности современных (высокотехнологичных) СМИ, когда мир элиты чуть ли не «сам входит» в простую и убогую квартиру «осчастливленного» обывателя...

И наконец, в-четвертых, современные СМИ обычно очень удачно, почти безошибочно учитывая примитивные вкусы публики, выбирают сам стиль повествования. Именно этим объясняется популярность многих так называемых «бульварных», «желтых» изданий и соответствующих телепередач. Причем профессиональный «успех» многих журналистов и телекомментаторов может быть объяснен их собственной интеллектуальной и стилевой близостью к той публике, которую они так мастерски очаровывают. А поскольку такие «мастера» СМИ часто работают в хорошо слаженных «командах-тусовках» и при этом очень ценят свои «тусовочные» отношения, то у зрителя или читателя

253

легко создается впечатление, что выступают перед ними люди «незаурядные», «творческие», «внутренне свободные» и проч. Но зрителю-обывателю («человеку публики» — по С. Московичи) большего и не нужно... тем более что «мастера» манипуляции часто используют не свои собственные, а уже давно кем-то апробированные коммуникативные технологии, то есть обыватель на самом деле восторгается не столько конкретными людьми, сколько «технологиями» манипуляции его, обывателя сознанием. В итоге каждый получает то, чего желает.

Можно обозначить общую объяснительную схему высокой манипулятивной эффективности современных СМИ. Если согласиться с тем, что у большинства людей (людей публики) имеется тяга к чему-то элитарному, то надо признать, что многие люди толком не знают, что такое настоящая элита (у них есть об этом лишь общее, смутное представление), то первым основанием для манипуляции как раз и является возможность спекуляции на неопределенности элитарного идеала. И тогда обывателю вместо образцов подлинной элитарности предлагаются легковоспринимаемые и упрощенные эрзац-образцы, то есть образцы псевдоэлитарности.

Следующим основанием для манипуляции является стремление обывателя хоть в чем-то соприкоснуться с элитой, услышать от нее хоть несколько добрых слов. И здесь великолепно срабатывает механизм лесты. «В наши дни лезть почитается чем-то постыдным, но так судят лишь те, для которых названия вещей имеют больше значения, нежели сами вещи, — с иронией писал еще Э. Роттердамский. — Они полагают, что лезть несовместима с верностью; но они заблуждаются — даже животные служат примером обратного. Кто лезливее пса? И кто его вернее?.. Поглядите, как услужливо два мула почесывают друг другу спины. Не в этом ли состоит главная задача красноречия, еще в большей степени медицины и всего более поэзии? Лезть — это мед и приправа во всяком общении между людьми» (*Роттердамский*, 1995. — С. 94—95).

254

Другим важным условием эффективности манипуляции современных СМИ является использование знаменитых и авторитетных в обществе людей (особенно в периоды избирательных компаний и референдумов). Здесь следует заметить, что возможность лишней раз показаться на телеэкране для каждого деятеля искусства очень значима, ведь не секрет, что одной из существенных особенностей творческих профессий как раз и является тщеславие. Здесь как бы встречаются два потока неудовлетворенного тщеславия: первый — со стороны массы телезрителей, в глубине души мечтающей «соприкоснуться» с элитой и второй поток — от представителей самой элиты, еще в большей степени движимой тщеславием. Но, как удачно сказала М. Ж. Шарлотта (М. Тиру д'Аргувиль), «соблазняют лишь тех, кто уже соблазнился» (*Энциклопедия афоризмов*, 1998. — С. 522).

О взаимосвязи современной политики и «массовой культуры» говорит С. Московичи: «Средства коммуникации, как мы только что видели, баснословно увеличивают власть вождя, поскольку они концентрируют авторитет на одном полюсе и преклонение — на другом. В то же самое время они создают новый тип вождя, а именно тот, который овладевает искусством прессы, — публицист... У сегодняшних политических звезд есть необходимость только в представительности их голоса по радио и в телегеничности. А это не предполагает ни культуры, ни литературного дарования, ни воображения, достаточно лишь некоторых элементов актерского мастерства» (*Московичи*, 1996. — С. 252—253).

А для психолога вновь возникает важный вопрос: вправе ли мы (психологи) осуждать большинство людей за их стремление хотя бы соприкоснуться с элитой (или с псевдоэлитой), ведь изначальные помыслы их чисты и даже по-своему благородны (все-таки соприкоснуться с элитой хотят)? И если психолог сам себе дает утвердительный ответ, то тогда справедливы и слова известной детской песенки: «На дурака не нужен нож, ему немного подпоешь — и делай с ним, что хошь...». Проблема в том, что часть людей, особенно очень

255

образованных и даже интеллигентных, то есть склонных к похвалам, сами очень хотят, чтобы хоть кто-то им подпевал и подыгрывал...

«Жажда обольщения» в психологической практике и в общественной манипуляции

Все больше авторов признают явную «феминизацию» современных средств массовой информации (СМИ). Еще в 30-е годы С. Чахотин, борющийся с нацистской пропагандой, писал, что «внушающая пропаганда, естественно, находит благодатную почву в среде женщин» (цит. по: *Московичи*, 1996. — С. 150). Как отмечает сам С. Московичи, «... в массовом обществе женщины стали главной мишенью публицистики, пропаганды и других средств убеждения» (*там же*. — С. 150). Об «эротически соблазнительной форме фашизма» говорит В. Райх и по-своему обосновывает стремление масс обожать своего вождя неудовлетворенной в обыденной жизни сексуальностью: «...Гитлер завоевывает власть, отвергая статистику и используя сексуальную тревогу» (*Райх*, 1997. — С. 207—208).

Примечательно, что по итогам одного опроса основную массу подписчиков и читателей самого популярного (и демонстративно «аполитичного») на данный момент в России еженедельника «Спид-инфо» составляют именно женщины... Как здесь не вспомнить высказывание известного немецкого писателя И. Зейме: «Не только страх рождает рабство, но также доверчивость и беззаботность» (Энциклопедия афоризмов, 1998. — С. 449). Как отмечает Г. Шиллер, конечная цель манипулирования массовым сознанием — пассивность масс, их инертность и снятие с них всякой ответственности (*Шиллер*, 1980. — С. 47).

Пытаясь понять успех фашистов в обольщении масс, В. Райх находит несколько необычное, даже шокирующее объяснение и пишет о том, что тоталитаризм подавляет сексуальное влечение и вся нереализованная любовь («оргонная

256

энергия», направляется на вождя (или на членов его «свиты», или его «идеологов», добавили бы мы).

«Не нужно быть психологом, чтобы понять, почему эротически соблазнительная форма фашизма доставляет, пусть искаженное, удовлетворение сексуально разочарованным женщинам из мелкобуржуазной среды, которые ни разу не задумывались о социальной ответственности, или молоденьким продавщицам, у которых социальное сознание не сформировалось в силу интеллектуальной неразвитости, обусловленной сексуальными конфликтами, — пишет В. Райх, — ...необходимо ознакомиться со скрытой от глаз людских жизнью вышеупомянутых «аполитичных», социально угнетенных мужчин и женщин. Это невозможно понять на основе статистических данных... А между тем Гитлер завоевывает власть, отвергая статистику и используя сексуальную тревогу» (*Райх*, 1997. — С. 206—209).

Примечательно, что в нынешних условиях России секс фактически легализован и, казалось бы, проблема переключения нереализованной «оргонной энергии» на «вождя» сама собой должна бы сниматься. Но реальность такова, что для большинства людей (для массы) по-прежнему существует множество запретов, особенно в сексуальном плане, чего не скажешь об элите, любовные похождения и сексуальные шалости которой постоянно смакуются «желтой прессой». По сравнению с предыдущими периодами ситуация даже осложнилась, так как легализация секса привела к тому, что это породило для обывателей (массы) еще больше «соблазнов», которых раньше почти не было. В итоге нереализованная любовь (или сексуальная энергия) с еще большим остервенением направляется на такие социальные и политические «объекты», о которых без содрогания и говорить не хочется...

Подчеркивая «женское начало» очаровываемой толпы, С. Московичи приводит высказывания известных диктаторов: «У меня только одна страсть, одна любовница — это Франция. Я ложусь с ней» (*Наполеон*), «Толпа любит сильных мужчин. Толпа как женщина» (*Б. Муссолини*), «Народ в своем

257

огромном большинстве обладает столь женскими чертами, что его мнения и действия направляются в значительной степени впечатлениями чувств, чем чистым разумом» (*А. Гитлер*) (цит. по: *Московичи*, 1996. — С. 149).

Рассуждая о «психологическом строе толпы», С. Московичи отмечает, что, с одной стороны, как бы по вертикали имеется «любовь к вождю», а с другой стороны, как бы по горизонтали — идентификация людей друг с другом. «Все любят вождя и идентифицируют себя со своим соседом», — пишет С. Московичи (1996. — С. 345). При этом можно говорить о встречном желании обольщения как со стороны вождей, так и со стороны массы, что позволило С. Московичи выделить два основных типа конформизма: «...один спускается сверху — от меньшинства, а второй снизу — от большинства. Между обоими идет постоянная борьба... цель конфликтов, терзающих общество, не составляет исключительно и преимущественно власть, которую берут или теряют соответственно расстановке сил. Эта цель — влияние, поскольку оно приобретается или утрачивается согласно тому, какой из двух типов конформизма возобладает над другим» (*Московичи*, 1996. — С. 48—49).

К сожалению, массовая манипуляция порождает стремление определенных групп общества к тотальному контролю за чувствами и мыслями основной массы населения. Но это фактически приводит к фашизму (или к неофашизму, о чем еще будет сказано чуть ниже).

«Моностилистическая культура» (по Л. Г. Ионину), или «культура полезности» (по А. Г. Асмолову), неизбежно выдвигает единое мерило успешности человеческой жизни. В современном мире таким универсальным мерилом стали деньги (доллары). И тогда получается ситуация, что многие люди как бы смотрят в одном направлении — ориентируются на зарабатывание

258

этих денег, думают одни мысли — как лучше и быстрее это сделать, а потом еще и соображают, как лучше их потратить (здесь им успешно помогает реклама, ловко формирующая образ счастливого и правильного потребителя) и т. п.

В итоге общество как бы превращается в единый «пучок», «связку» с одинаковыми ценностями и стереотипами поведения. Как тут не вспомнить о фашизме (от итал. — fascio), который и переводится как «связка», «пучок», «объединение» людей, живущих одной идеей (или «фикс-идеей»?). Многих часто сбивает с толку внешняя атрибутика немецкого фашизма — свастика, черные или коричневые одежды, бритые затылки агрессивных дегенератов, специфические выкрики и приветствия и т. п. Но при этом упускается суть фашизма, которую можно выразить в принципах: «Мы вместе! Мы едины! Мы не допустим иной точки зрения! За утверждение своей правоты мы готовы на все!..».

Многие забывают о том, что фашизм, как и любое другое глобальное явление, также имеет тенденцию к развитию и даже адаптации к существующим условиям, меняя при этом свою внешнюю атрибутику и некоторые лозунги, но сохраняя свою суть — идею массовости, стандартности понимания счастья и смысла жизни, что в принципе не допускает никакого инакомыслия. Исследователи фашизма отмечают, что «в современных условиях фашистские силы принимают новое обличье, стремясь отгородиться от скомпрометировавших себя фашистских движений прошлого», поэтому, «говоря о современном фашизме, чаще всего употребляют термин «неофашизм» (см. *Философский энциклопедический словарь*, 1983. — С. 714). Если традиционный (или «классический») итальянский и немецкий фашизм исходил из идеи национально-расового превосходства (хотя на самом деле стремился лишь к переделу мира), то в основе нынешнего фашизма (неофашизма) лежит идея обогащения за счет тех, кто менее предприимчив, или за счет тех стран, которые не

259

могут оказать должного сопротивления экономическим и моральным притязаниям.

При этом меняется также стратегия и тактика утверждения своего превосходства. Рассуждая об американском «мировом господстве», бывший госсекретарь США З. Бжезинский пишет, что «Америка делает акцент на кооптацию с поверженными противниками — Германией, Японией и затем даже — с Россией» и «широко полагается в этом на косвенное использование влияния на зависимые элиты» (*Бжезинский*, 1998. — С. 37). Обосновывая свою концепцию «культурного превосходства», З. Бжезинский откровенно отмечает далее: «...в области культуры, несмотря даже не ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, — все это обеспечивает США политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира... Культурное превосходство является недооцененным аспектом американской глобальной мощи» (*там же*. — С. 36—38). То, что традиционные фашисты пытались сделать силой оружия, неофашисты, также стремящиеся к «глобальному мировому господству», просто добились иными средствами.

Но «массовая культура» как раз и основана на идее общепризнанного, стандартного и понятного для большинства образа «счастья» и «успеха», которые легко можно выразить с помощью денег (долларов), а также с помощью эффектных примеров быстрого перемещения человека из бедности в более престижные (элитные) и, главное, более обеспеченные слои общества. Как отмечает А. Менегетти, современный мир с помощью «потребительских марок» и шаблонов жизненного успеха культивирует «рабов внутренних», а многочисленных «специалистов», работающих в области рекламы, называет «сетью работоторговцев» (*Менегетти*, 1996. — С. 41).

Именно поэтому особую роль в современной глобальной культуре играют так называемые «раскрученные

рекламой» эстрадные или спортивные «звезды». В свое время наиболее яркими, талантливymi и «успешными» такими «звездами»

260

были простые ребята из группы «Битлз», которые быстро стали не только фантастически знамениты, но и сказочно богаты, то есть добились высшего «успеха». Почитателей-фанатов группы «Битлз» называли «битниками» (или «биксами»). Нынешних почитателей многочисленных «звезд-кумиров», а также «почитателей» всего того, что ловко пропагандируется рекламой и за что приходится чем-то постоянно расплачиваться, можно было бы назвать «баксоидами» (от слова «баксы» — доллары), так как сами деньги («баксы») являются количественным выражением стремления человека утвердить свою значимость через престижные (рекламируемые) вещи... Заметим, что и многие нынешние политики все больше напоминают таких «звезд», олицетворяющих успех, знаменитость и т. п., как бы позволяя не просто любоваться собою обывателю, но и позволяя ему в чем-то идентифицироваться с ним. Ведь, по большому счету, система ценностей у большинства обывателей и их «звезд-кумиров» (эстрадных, спортивных или политических) одна и та же, только у «звезд» реализация этих ценностей более яркая, эффектная и представлена в количественном выражении (через деньги и соответствующие предметы роскоши или власти).

Не случайно А. Менегетти говорил о поддавшемся на призыв рекламы человеку, что он покупает, обменивает престижный товар на «часть своего достоинства», а саму рекламу называл «обменом интенциональностями», когда влечение к престижной вещи (со стороны покупателя) обменивается на стремление (уже со стороны продавца) заполучить деньги или часть достоинства соблазненного рекламой покупателя (*Менегетти*, 1998. — С. 43—52). «Истинным объектом рынка любого стереотипа, типа поведения, вида культуры, захватывающих сегодня лучшую часть молодежи, является обезличивание личности», — пишет А. Менегетти (*там же*. — С. 44).

Глобальность идеи массового, всеобщего стандартного счастья и успеха, пропагандируемого современной рекламой, выходит за рамки одной страны и приобретает наднациональный и даже исторический характер. Особенностью

261

нашего времени является то, что для пропаганды определенного стандарта счастья и поведения используются самые современные средства массовой коммуникации (радио, телевидение, роскошно оформленная пресса, международные сети типа Интернет и т. п.). Как пишет З. Бжезинский, «американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка, язык «Интернета» — английский, и подавляющая часть глобальной компьютерной «болтовни» — также из Америки и влияет на содержание глобальных разговоров» (*Бжезинский*, 1998. — С. 38).

С. Московичи в работе «Век толп» говорит о наступлении нового, «коммуникационного капитализма», основанного на манипуляции общественным сознанием и формирующего еще более страшное, чем толпа явление — «публику», когда каждый сидит перед своим телеэкраном и, будучи не в состоянии разобраться в потоке информации, верит каждому слову очаровательного и очень «убедительного» телекомментатора (*Московичи*, 1996. — С. 241—251).

И самое страшное, что в этот момент уже не тысячи, а десятки миллионов людей думают одинаково, да еще будучи уверены, что к этим мыслям они пришли самостоятельно, ну, разве что с небольшой подсказкой «умного» и «очень приятного» телеведущего. Это пострашнее обычной толпы, собирающей разве что десятки тысяч людей, которые лишь на время охвачены какой-то безумной идеей, согласно «психологическому закону духовного единства толпы», выделенному еще Г. Лебоном (см. *Лебон*, 1995. — С. 161—162). Тогда как «люди публики» воспринимают рекламируемые и пропагандируемые идеи прочно и надолго, да еще таким образом, что эти идеи постепенно захватывают сознание и даже совесть десятков миллионов людей. Это ли не высшее проявление тоталитаризма и... фашизма?

Именно так создается «рынок общественного мнения», где и происходит постоянная продажа человеческого достоинства и права быть «субъектом», то есть отказ человека массы (а точнее — «человека публики») от возможности самостоятельно

ориентироваться в сложном мире и не позволять собой манипулировать как «объектом».

Еще во второй половине прошлого века Г. Лебон с тревогой предупреждал о наступлении «эры масс», когда «сознательная деятельность индивидов» будет заменена «бессознательной деятельностью толпы» (*Лебон, 1995. — С. 145—150*). В своей знаменитой работе «Восстание масс» философ Х. Ортега-и-Гассет писал: «...все, что делает человек массы, он делает не совсем всерьез, «шутя»... Он играет в трагедию именно потому, что не верит в реальность подлинной трагедии, которая разыгрывается на сцене цивилизованного мира... Этот новый тип человека — «человек самодовольный» — воплощенное противоречие самой сущности человеческой жизни. Поэтому, когда он начинает задавать тон в обществе, надо бить в набат и громко предупреждать о том, что человечеству грозит вырождение, духовная смерть» (*Ортега-и-Гассет, 1998. — С. 254—256*).

Но когда идея массового сознания культивируется государством и становится основой его идеологии, то неизбежно появляется фашизм (или неофашизм). «Фашизм — типичное движение масс», — отмечал Ортега-и-Гассет (*там же. — С. 268*). При этом сами массы вполне сознательно и даже восторженно воспринимают идею тотальности, стандартности и недопустимости иных вариантов построения счастья. «Ни один диктатор не приходит без согласия масс», — пишет А. Менегетти (*Менегетти, 1998. — С. 25*). «Добровольные рабы производят больше тиранов, нежели тираны — рабов», — отмечал французский политик О. Мирабо.

Обосновывая ценности капиталистического мира и идею неизбежного перераспределения благ, Б. Жувенель честно пишет: «...люди стремятся стать членами корпорации или поступить туда на работу, ведь при этом они приобретают права, которых лишены как частные лица, что представляет собой явное неравенство. Таким образом, в наши дни существует тенденция к возрождению средневековой ситуации: nul homme sans seigneur (нет человека без сеньора). Здесь уместно вспомнить, что так называемые «темные века» средневековья

начались со стремления попасть под покровительство феодалов или капитулов, конец же им наступил, когда человек снова ощутил преимущества самостоятельности. Мы живем в такое время, когда все благоприятствует тому, чтобы человек был помещен в загон» (*Жувенель, 1994. — С. 106*). Получается, что даже такая традиционно демократическая ценность, как частная собственность, постепенно уступает место другой ценности — чувству сопричастности определенной корпорации, общественной группе или союзу, которые дают возможность пользоваться более широким набором благ (служебными машинами, пансионатами, дачами, различными оплачиваемыми корпорацией льготами и т. п.). В чем-то это опять напоминает идею «общественной собственности», которая легко извращается (к сожалению, легче всего, действительно, извращаются благородные идеи) и преобразуется в фашизм или... в неофашизм, как это уже случилось в истории.

Но «загон», о котором говорит Б. Жувенель, часто как раз и выражается в зависимости человека от политической партии, от своей фирмы или корпорации, от «общественного мнения» или конкретных господ-благодетелей — это и есть основа фашизма, когда человек теряет свою самостоятельность и становится лишь рьяным и покорным «исполнителем», «винтиком» более глобальной машины (тоталитарной системы). Неужели тенденции превращения общества в новую тоталитарную систему столь глобальны и мы просто обречены на неофашизм?

В этой связи интересны рассуждения известного отечественного писателя Ю. Н. Нагибина: «Откуда берется фашизм? Да ниоткуда он не берется, он всегда есть, как есть холера и чума, только до поры не видны, он всегда есть, ибо есть охлос, люмпены, городская протерть и саблезубое мещанство, терпеливо выжидающее своего часа. Настал час — и закрутилась чумная крыса, настал час — и вырвался из подполья фашизм, уже готовый к действию... Фашизм — прекрасный строй... он снимает с души ответственность, освобождает от мук совести и от самой совести, он всю ответственность

берет на себя». «Фашизм родился от жадности и тупости одних, от коварства и трусости других», — пишет другой известный писатель И. Эренбург...

К сожалению, фашизм (неофашизм) слишком глобален и, вероятно, психологам еще придется решить для себя проблему, как помогать самоопределяться личности в эпоху, в которой культивируется идеал стандартного, обезличенного человека, ориентированного на пошловато-примитивное стандартное счастье и при этом очень самодовольного. Прав был Ортега-и-Гассет, когда писал: «Каждая жизнь — это борьба за то, чтобы стать самим собой» (Ортега-и-Гассет, 1998. — С. 252).

Все сказанное позволяет несколько уточнить название современной эпохи. Можно было бы назвать ее «эпохой баксизма», когда главной ценностью становится доллар. Можно говорить об «эпохе СШАизма», когда американский образ жизни, опять же основанный на идее обогащения, стал основой «культурного превосходства» единственной оставшейся сверхдержавы (по З. Бжезинскому). Можно говорить о «рыночном фашизме» — РФ, основанном на обмене и продаже чувства собственного достоинства вместо рекламируемых престижных товаров, дающих человеку ощущение собственной значимости (по А. Менегетти). А можно говорить и об «информационно-рыночном фашизме», когда формируется «рынок общественного мнения» и появляется «человек публики», позволяющий манипулировать своим сознанием (по С. Московичи). Но нам представляется, что термин «эпоха продажности» не менее удачен и, кроме того, несет определенный эмоционально-оценочный смысл, что не всегда бывает плохо (хотя бы для лучшей рефлексии того, что на самом деле со всеми нами происходит).

Для личности, самоопределяющейся в условиях фашизма (или неофашизма), сложная этическая проблема выражается в вопросе: противодействовать ли тоталитарной системе или просто приспособиться к ней? Ведь можно жить (и даже неплохо жить) в любых условиях. Как известно, кто-то неплохо устроивался и на территориях, оккупированных

265

фашистами... Для психолога, работающего с личностью, самоопределяющейся в условиях тотальной системы (фашистской или неофашистской), этический вопрос заключается в том, что для разных людей — разное счастье, и для кого-то счастьем как раз и является позиция раба или холуя... И дело даже не в терминах. Мы даже можем допустить, что в определенных условиях, а за примерами далеко ходить не надо, откровенные подонки могут быть объявлены чуть ли не национальными героями, да и сами обвинительные термины могут приобрести прямо противоположный смысл (например, термин «эсэсовец» на некоторых территориях бывшего СССР стал чуть ли не комплиментом, да и к самому термину «фашизм» отношение среди определенных групп молодежи тоже стало почти восторженным...)

А выходом из такой этической ловушки (когда считается, что у каждого свое счастье) является все-таки собственная нравственная позиция психолога, то есть его профессиональная и человеческая совесть.

Проблема «продавцов» и «покупателей» чувства собственного достоинства

Можно сразу же обозначить проблему: а возможна ли вообще «покупка» совести, достоинства, чести? Можно ли купить любовь, привязанность, Родину?.. По этому поводу хорошо сказал писатель И. Н. Шевелев: «Родину продают, но купить Родину — нельзя»... Таким образом, неизбежным становится парадокс: есть продавцы своей совести и достоинства, различных святынь (включая и такую святыню, как Родина), а вот покупатели с самого начала как бы сами себя обманывают.

Но почему же так много желающих иметь дело с «продавцами» своего достоинства? Вероятно, таким людям важно не столько приобретать чужое, сколько утверждать свое собственное, более убогое представление о достоинстве. Можно приводить множество примеров, когда человека, пытающегося проявить свою независимость и гордость, тут же ставят

266

на место. Ему быстро объясняют, что он не так одет, не так живет, что он говорит не с теми интонациями, что он не о том мечтает... И если такой человек оказывается слабым в морально-волевом плане, то он соглашается со своей «ущербностью». Этого-то и надо тем, для кого невыносимо чужое счастье и достоинство. В других случаях человек сам предлагает продать то, что недавно было для него свято, и тогда потенциальные «покупатели» чужого достоинства также самоутверждаются в мысли, что их представление о собственной значимости (как

правило, более примитивное) оказалось для такого «продавца» важнее его святынь и идеалов, то есть «покупатели» утверждают в мысли, что живут правильно, ориентируясь не на какие-то высокие материи (и святыни), а на саму идею продажности.

Даже тогда, когда «продавец» вынужденно отказывается от своих святынь (быть может, совершая акт «благородной» продажности), «покупатель», злорадствуя, делает для себя вывод: «Значит, не так важны для тебя твои святыни, раз ты продаешь их за какие-то блага... Значит, блага, которыми я обладаю, важнее твоих святынь»...

Есть еще одна удивительная особенность взаимоотношений «продавцов» своего достоинства и «покупателей-пользователей» — очень часто они как бы меняются местами. Известно, что если хочешь проверить человека на «личностную вшивость», то часто бывает достаточно просто намекнуть ему, что вы готовы перед ним унизиться (выступить в роли «продавца»), и если он с радостью воспримет такой намек (захочет стать «покупателем-пользователем»), то, исходя из этого, уже можно судить о его собственном уровне нравственного развития и наличии достоинства. В таких случаях даже небольшие намеки-соблазны провоцируют некоторых людей самоутверждаться за чужой счет, а нам позволяют быстро освобождаться от иллюзий в отношении этих людей. Например, просто вежливое (не наглое, не «предприимчивое», а всего лишь вежливое) поведение на приеме у большого начальника, у чиновника или в различных бухгалтериях и

267

конторах, где так и норовят «унизить» посетителя, быстро позволяет определить, кто является настоящим человеком (личностью), для которой унижение другого человека равносильно самоунижению, а кто только и ждет подходящего случая и легко поддается на подобные провокации.

Интересно, что часто смысл общения по-настоящему воспитанных людей сводится не к обмену информацией (это легко можно сделать и без общения), а к постоянному наслаждению от того, что они друг друга не перебивают, не доказывают своего превосходства, наслаждению от того, что каждый стремится продемонстрировать свой интерес к проблемам другого и т. п. Такое уважение друг к другу — настолько большая редкость, что этим, действительно, можно наслаждаться. И поскольку даже в среде образованных людей это все встречается редко, то люди ищут такое человеческое внимание и уважение у специалистов, в частности, обращаются к прекрасно понимающим это психотерапевтам, но уже за деньги ... В итоге человек вновь возвращается к отношениям «купли-продажи»... Тем-то и ценны подлинные человеческие отношения, что люди бескорыстно дарят друг другу лучшее, что у них есть — открытую для общения душу, и, в итоге, не только ничего не теряют при этом, но еще и взаимно обогащаются, утверждая свое подлинное достоинство.

Условно можно выделить следующие основания для типологии «покупателей-пользователей» чужого достоинства.

Первое основание — степень выраженности у «покупателя-пользователя» стремления силой заставить человека отказаться от своих святынь. Еще Э. Берн прекрасно показал, что многие люди всю жизнь играют в коммуникативные игры, пытаясь утвердить свое превосходство (Берн, 1988). Это можно было бы образно назвать «оттягиванием чувства собственной значимости, чувства элитарности», а людей, стремящихся к этому, — «элитовампирами», которые весь смысл своей жизни видят в том, чтобы доказывать всем свою большую близость к «сильным мира сего» и то, что они «лучше» устроились в этом мире (Пряжников, 1997).

268

При этом возможны разные проявления самоутверждения за чужой счет:

1) *более активное, даже агрессивное стремление*, когда очередной «жертве» буквально навязывается коммуникативный «поединок» по выяснению того, чьи ценности важнее;

2) *молчаливое соучастие* в унижении другого человека, когда наблюдающий за актом «купли-продажи» человеческого достоинства также получает определенные психологические выигрыши (хотя бы в том плане, что это «не его пока заставляют отказываться от своих святынь»). Сколько таких примеров можно наблюдать в престижных, склочных организациях, где все друг друга боятся, а также... в местах лишения свободы.

Второе основание — степень осознанности (субъектности) участия в акте унижения другого человека. Здесь также возможны варианты:

1) *осознанное унижение* другого человека, основанное часто на преднамеренном нарушении существующих норм взаимоотношений. Человека как бы ставят в неизбежное положение, когда он, уже привыкнув к определенному к себе отношению, вдруг видит, что на самом деле относятся к нему значительно хуже, чем он думал. При этом он часто бессилён что-либо изменить и вынужден идти на компромисс (или на сделку с совестью)...

2) *неосознанное унижение* другого человека, когда его унижают не потому, что кому-то так захотелось, а потому, что «положено унижать», потому, что «иначе нельзя»... Ярким примером здесь служит армейская «дедовщина», когда молодых солдат унижают не потому, что они плохие, а потому, что в армии такой порядок. Молодых даже успокаивают тем, что «когда вы сами станете «дедами», то так же будете унижать других новичков, потом и отыграетесь на них за наши унижения»... Более того, если какой-то «дед» отказывается участвовать в выполнении ритуалов унижения, то его товарищи могут подвергнуть его остракизму... Нужна большая воля и нравственная сила, чтобы сохранить в такой ситуации

269

человеческое лицо и отказаться от соблазна унижить другого человека и таким образом «самоутвердиться».

Третье основание — степень осознанности поведения (субъектности) самого «продавца» собственного достоинства. Для определения оснований типологии «покупателей-пользователей» важно то, что позиция «продавцов» во многом определяет и тип «покупателя-пользователя». Здесь возможны варианты:

1) сам «продавец» сознательно стремится продать свою совесть или доброе имя, считая, что для него появились более важные вещи. При этом он может поступать «вынужденно», расставаясь со своим достоинством с сожалением, а может действовать с полным удовольствием и даже злорадством (по принципу «Наконец-то я освободился от оков своей совести»...);

2) «продавец» может быть просто наивным, когда убежден, что ничего страшного он не делает, он действует так, как «положено» и т. п. Например, в условиях уже упоминавшейся «дедовщины» некоторые молодые солдаты спокойно и даже с «пониманием» относятся к унижениям в свой адрес, ведь «скоро они сами станут «дедами» и «отыграются» на молодых»... Проблемы для таких людей возникают тогда, когда они вдруг осознают, что их по-настоящему унизили. Но как с большим сожалением заметил один умный человек, «некоторые просыпаются в разное время со своей совестью» (Э. Севрус)...

Четвертое основание — готовность человека страдать или не страдать, когда он осознает (рефлексирует) факт собственного унижения:

1) если человек страдает от осознания своего унижения, то это еще не безнадежный случай. Такое страдание, как уже отмечалось, может стать основой для настоящего личностного роста. «Страдание — это побуждение к деятельности», — писал в свое время И. Кант. Правда, и само страдание может наступить позже момента унижения, что не снижает его значения для размышляющей о себе личности;

270

2) если человек осознает, что его унизили, но не страдает от этого, то это может свидетельствовать о притупленном чувстве собственного достоинства. Итогом такой позиции может стать и деградация личности. «Кто боится страданий, тот страдает от самого этого страха», — заметил М. Монтень.

Различное сочетание этих оснований позволило бы выделить, описать и исследовать основные типы «покупателей-пользователей» чужого достоинства. Специальное выделение, описание и исследование этих типов является отдельной задачей, которую мы не стали решать в рамках данного пособия и которая должна стать предметом специальной работы. Тем более что традиционно больше внимания обращают на «грешников» (тех, кто «продает» свое достоинство), считая, что те, кто присутствует при совершении «грехов» (или молчаливо пользуется их «плодами»), не заслуживают интереса. Но как раз-то они и являются тем «фоном», который часто

определяет саму «фигуру» продажности. Если провести некоторую аналогию между проблемой «личностной продажности» и проституцией, то уместно вспомнить слова В. Франкла: «Как психологическая проблема проституция является в той же мере делом проституток, как и их «клиентов» (Франкл, 1990. — С. 265).

Задачей настоящей работы является постановка проблемы специального исследования тех людей, которые провоцируют личностную продажность, но сами часто как бы остаются к этому «непричастными»...

24. Проблема «эстетических деформаций» элитарно ориентированного сознания

Контроль за чувствами как основа манипуляции

Часто именно «эмоциональное заражение» позволяет человеку обрести для себя определенный смысл. По мнению М. Пажа, в основе групповой связи лежит неясный, часто

271

бессознательный «эмоциональный опыт отношений», а сама жизнь группы — это «не что иное, как постоянный диалог, направленный на то, чтобы уяснить этот опыт, приобретаемый совместно всеми членами группы» (цит. по: Робер, Тильман, 1988. — С. 124).

Когда у человека спрашивают, чем ему нравится какой-то другой человек или какая-то группа людей, то искренние ответы редко бывают «вразумительными» и «логически обоснованными» (нравится «потому-то» и «потому-то»...). Но если человека попросить уточнить свое отношение не с помощью «внятных» слов, а как-то еще, то нередко это бывает обоснование именно на уровне чувств. Даже вспоминая самые прекрасные моменты своей жизни, человек не просто «логически», содержательно воссоздает ситуацию, а пытается вспомнить запахи, звуки, дуновение ветра или какие-то едва уловимые интонации разговора, которые и будят в памяти души его чувства.

К этому можно добавить то, что многие люди вообще воспринимают только эмоциональный стиль взаимодействия, лишь только внешне демонстрируя свою заинтересованность в содержании общения. В этом случае сам эмоциональный фон как бы становится смыслом и содержанием взаимоотношений с другими партнерами. Люди хотят «чувствовать», что их уважают, что на них обращают внимание, что с ними считаются, и ради этого они готовы пойти даже на определенные компромиссы, неизбежные в групповом взаимодействии. Таким образом, помимо того, что содержание групповой деятельности может порождать чувства, сами чувства часто порождают новое содержание.

Мы предполагаем, что важнейшим смыслом обращения человека к той или иной группе является его неспособность в одиночку решить возникающие перед ним внешние и внутренние проблемы. Образно можно представить это как уход из одной реальности (где человек не обнаруживает для себя подлинного смысла) и поиск другой реальности вместе с такими же несчастными людьми, как он сам. Но поскольку

272

эта утрата смысла часто переживается человеком, то важнейшую роль приобретают чувства и эмоциональные регуляторы его поведения, среди которых особую роль играет ущемленное чувство собственной значимости (или чувство собственной неполноценности). И здесь группа (престижная или не очень престижная) помогает человеку обрести для себя смысл, заключающийся в признании за ним права быть «оцененным по достоинству» и даже «любимым»... Интересные признания бывшего последователя религиозной секты Муна приводит Э. Лисовская: «Вдруг я понял, что они хотят от меня. Их роль в том, чтобы дразнить меня своей любовью, пытаюсь проучить меня, перестав выказывать ее, когда сочтут это нужным» (Лисовская, 1998. — С. 510).

Нередко сообразительные лидеры-манипуляторы заранее организуют «контекстуальное оформление» своей манипуляции над группой. В этой связи Е. Л. Доценко выделяет следующие основные условия такого «контекстуального оформления» манипуляции: 1) физические условия (особенности окружения, «декорации», место воздействия и т. п.; 2) культурный фон (особенности ситуации общения, учет стереотипов социального восприятия и т. п.; 3) социальный контекст (распределение ролей в ходе общения и т. п.) (Доценко, 1996. — С. 117 —118)

Для многих людей привлекательным является не только «элитарный» образ данной группы, но и непосредственное включение в ее деятельность, когда общий ритм, стиль жизни и взаимодействия буквально захватывает человека и он уже не может вырваться на свободу. Описывая распорядок, стиль жизни и дня в «экзотических» религиозных сектах (Харе Кришна, Семья любви, Церковь единения и др.), Э. Лисовская отмечает, что «день в подобных коммунах распisan так, чтобы верующий ни на минуту не оставался наедине с собой», что усугубляется «постоянным недосыпанием, скудным питанием» и неожиданными «ночными собраниями». В этих общинах руководители «стремятся поставить под свой контроль все переживания, раздумья, интересы своих подчиненных,

273

вмешиваясь в их самые интимные отношения» (Лисовская, 1998. — С. 508). Все это как раз и позволяет не только контролировать активность рядовых членов, но обращать остатки их энергии на любовь к лидеру секты, а также на саму секту, которая «пробудила» в них эту любовь.

Обсуждая стилевые особенности поведения человека, В. Петров высказывает интересное предположение: «...быть может, эпоха «подбирает» людей, подходящих к ее стилю, и возвышает их, а остальные вынуждены довольствоваться прозябанием на нижних этажах социальной иерархии?» (Петров, 1998. — С. 252). Мы считаем, что высказанное предположение справедливо и по отношению к привлекательности пребывания человека в группе, когда можно было бы сказать, что группа, сам стиль ее жизни «подбирает» и «захватывает» человека, предоставляя ему особые преимущества перед теми, кто не сумел «вписаться» в данный стиль...

Во многих современных элитарно ориентированных «тусовках» явно просматриваются и элементы «карнавальности», когда «спектакль напоказ» захватывает своим действием всех присутствующих. Но такой «спектакль» заставляет многих участников (если не всех!) играть определенные роли и как бы надевать на себя «карнавальные маски» веселья. И тогда получается то, о чем пишет М. А. Рюмина, рассматривая средневековые карнавалы: «Засилье маскоподобных физиономий отвечает карнавальному мироощущению: бурлящая безликая масса поглощает отдельную личность» (Рюмина, 1993. — С. 212). Но еще М. М. Бахтин говорил о том, что «карнавализация сознания» — это «предшественница крупных катастроф», когда начинается «хаос ценностей», «всеобщее безумие» и когда вместо «лица» может оказаться «зад», а вместо «верха» — «низ» (там же. — С. 222).

И все-таки важнейшим условием притягательности данной группы является общая идея (или иллюзия этой идеи). В качестве «отправной точки» для анализа массового сознания С. Московичи берет принцип «Толпу объединяет идеал!» и отмечает, что «массы являются носителем идей, отличных от тех,

274

что имеются у отдельных индивидов, их составляющих и более интенсивных эмоций» (Московичи, 1998. — С. 86). Связь идеи и эмоций для «цементирования» толпы, массы и различных социальных групп признают многие авторы. Например, Л. Я. Гозман и Е. Б. Шестопал в качестве важного условия существования диктатур выделяют эмоциональные механизмы постоянного подкрепления любви подданных к данному государству. Особенно это проявляется при жестких диктаторских режимах: «Диктатура, существование которой полностью противоречит интересам подданных, не может выжить без любви и священного трепета — только влюбленный может не замечать бьющих в глаза пороков своей избранницы... В наиболее жестких диктатурах контроль за чувствами является чуть ли не основным делом органов безопасности» (Гозман, Шестопал, 1996. — С. 272—274).

К этому можно добавить, что на службе таких режимов часто оказывается вся мощь пропагандистского аппарата, умноженная на талант различных деятелей культуры и искусства. Ревностно отработывающих свои гонорары «во славу» очередного правителя. Но то же самое можно сказать и в отношении обычной престижной группы, когда лидер, часто не являющийся так называемой «эмоциональной звездой», пользуется услугами этих «звезд» для утверждения своего влияния в группе. Важную роль при этом играют различные эмоциональные символы, как раз и позволяющие «эстетизировать», доводить до уровня настоящего искусства такого рода манипуляции.

О неразрывной связи эстетики и идеологии пишут разные авторы. Например, М. С. Каган считает, что «ни одна эпоха не владела абсолютной эстетической истиной», поэтому «прекрасное всегда исторически относительно, исторически изменчиво» (Каган, 1997. — С. 149). Пытаясь осмыслить и познать различные системы ценностей

ориентаций, искусство избрало два основных пути: первый — теоретически-публицистическое осознание ценностных ориентаций общества, класса, партии (на этом пути рождаются разные формы идеологии)

275

и второй путь — художественно-образное осознание ценностных ориентаций (см. *Каган*, 1997. — С. 261).

Смех и ирония как вариант «эстетического оформления» манипуляции

Как уже отмечалось выше, важнейшим средством манипуляции общественным сознанием являются средства массовой информации — СМИ. Вот как оценивает современную российскую прессу Б. С. Братусь: «Наша пресса заражена сегодня губительной бациллой насмешки над всем и над всеми. Это носит какой-то болезненный характер. Не давая возможности разобраться в происходящем, людей втягивают в это всеобщее осмеяние и насмехательство» (см. Интервью с Б. С. Братусем, 1998. — С. 15).

Если выразиться образно, то, к сожалению, «силы зла и разложения» уже давно взяли на вооружение смех, юмор, иронию и, следует признать, используют их весьма искусно для манипуляции общественным сознанием, особенно в среде молодежи. Вопреки старым представлениям, смех не всегда побеждает зло: сам смех может быть злым и даже болезненным... Отмечая особую роль смеха в развитии человеческой культуры, Л. В. Карасев в своей работе «Философия смеха» все-таки замечает: «Смеясь, мы подчиняемся чужой воле — воле смеха... Не мы свободны, а смех. Это он волен распоряжаться нами, подчинять своей власти, навязывать свои иллюзии и надежды. Смех перед опасностью — смех сильного, однако и он не должен обмануть нас. «Мера» смеха для каждого человека различна, но неизменным остается главное — самостоятельность смеха и его власть над нами» (см. *Карасев*, 1996. — С. 199—200).

Смех оказался прекрасным средством для подавления воли людей, особенно тех людей, которые боятся своих собственных мыслей и чувств и стремятся быть ближе к «сильным» (смеющимся) личностям. Между тем существует изначальная связь между смехом и страхом. Как отмечает Л. В. Карасев, животное не умеет смеяться, «животное — существо, постоянно

276

боящееся», а вот у человека перед лицом опасности «возник не еще больший ужас, а смех» (см. *Карасев*, 1996. — С. 205)... Но, быть может, у неуверенного (у несомоопределившегося) человека все-таки проявляются рудименты страха, но уже в виде стремления постоянно все осмеивать?.. Примечательно, что не смеются не только животные, но и Бог: «Животное еще не смеется, Христос уже не смеется, ибо не нуждается в этом» (см. *Карасев*, 1996. — С. 203).

При этом важнейшей антитезой смеху (особенно патологическому смеху неуверенного в себе человека) оказывается чувство стыда: «Смех ориентирован на другого. Стыд — на самого стыдящегося... В этом смысле смех и стыд легко меняются местами: и если высшая точка смеха — это смех над собой, то вершиной стыда — будет стыд за другого... Нельзя пережить стыд вдвоем или коллективно. Поэтому стыдящийся принципиально одинок и беззащитен» (см. *Карасев*, 1996. — С. 68).

Исходя из этого, пробуждение нравственных чувств у учащихся и у самого психолога-практика предполагает не отказ от смеха вообще, но перевод его на более высокий уровень (смех над собой), а также формирование готовности к чувству стыда как важному условию нравственного развития учащегося, где высший уровень проявления чувства стыда — это стыд за другого человека, который в силу своего образования и общественного положения мог бы сделать что-то значительное для своей страны и народа, но не сделал, то есть стал «дураком» (как уже отмечалось, наибольший риск стать профессиональным и личностным «дураком» имеется у специалистов с высшим гуманитарным образованием)... Но все это, в свою очередь, предполагает и формирование у самоопределяющегося человека определенного мужества и воли перед возможными «беззащитностью» и «одиначеством».

Именно с помощью смеха человек (или целые группы-«тусовки») часто не только преодолевают страх бессмысленности своего существования, но и утверждают свое превосходство над другими, часто такими же

группами. Любую угрозу своему коллективному чувству собственной значимости группа обычно рассматривает как зло. В отличие от примитивных (грубых) способов победы над таким «злом», многие группы, особенно претендующие на «элитарность», используют более изощренное средство — смех и иронию. «Для того, чтобы рассмеяться, глядя в глаза злу, необходимо суметь увидеть его взглядом отстраненным, увидеть не только со стороны, но и сверху... — пишет Л. В. Карасев. — Надо прозреть существо и меру зла и тем самым, примерившись к нему, показать свое нравственное превосходство... Смешное — это осознанное, побежденное — хотя бы в уме — и потому прощенное зло» (Карасев, 1996. — С. 33).

При этом интересно выделить главное отличие смеющегося (осмеивающего) и осмеиваемого. Как отмечает Л. В. Карасев, осмеянный часто и совершенно искренне не понимает, почему над ним смеются, «ему не хватает главного, того, чем с самого начала обладают насмешники — взгляда со стороны» (Карасев, 1996. — С. 72). Но здесь возможны совершенно удивительные и парадоксальные ситуации, когда, например, сама группа, утверждающая свое превосходство с помощью смеха (насмешки) выглядит нелепо («перегибает палку», использует «затасканные» штампы высмеивания), то есть сама становится нелепой и смешной. Такой группе также может не хватать «взгляда со стороны». Сам смысл высмеивания нередко состоит в том, чтобы вызвать у своей жертвы (осмеиваемого) чувство стыда (там же. — С. 72). И если группа, претендующая на элитарность, вдруг почувствует свою нелепость, то есть почувствует, что над ней самой можно смеяться, то спасением для нее будет сначала смех над самой собой, а затем и стыд за собственные действия.

Но, как уже отмечалось, часто именно «группы-тусовки», в наибольшей степени претендующие на свою «исключительность» (группы образованных людей, реально приближенных к элите), быстрее всего находят способы (в основном эмоционально-декоративные, эстетические) для самооправдания своей нелепости и в итоге обращенного на самих себя чувства

стыда в них не возникает. Но тогда сомнительным становится и развитие этих групп, и их претензия на подлинную элитарность. Здесь мы вновь сталкиваемся с проблемой иллюзорного мира, в частности с иллюзорной элитарностью (псевдоэлитарностью).

Механизм использования смеха для утверждения своего превосходства предполагает не только свой собственный смех, но и спровоцированный, вызванный смех своего противника. «Рассмешить» потенциального (или реального) носителя опасности — это признак (способность) личности или группы, которых обычно отождествляют с элитой, так как в этом случае человек, которого мы рассмешили сам перестает воспринимать нас как угрозу для себя, становится более доверчивым и подпадает под еще большую зависимость от нас — зависимость добровольную. В этом плане интересен эскимосский миф о похитителе внутренностей (души). Отчего похититель внутренностей пытается рассмешить тех людей, которых наметил себе в жертвы? Оттого, что смех — это открытый рот, а открытый рот — это отверстие, через которое можно достать внутренности. Поэтому похититель ходит и повторяет одну и ту же магическую фразу: «Он улыбается» или «Она улыбается»... (см. Карасев, 1996. — С. 110).

Важная роль смеха заключается в том, что с его помощью создается множество иллюзий, которые позволяют человеку не только на время «отрешиться» от забот повседневной реальности, но и утвердить в своем сознании образ иной, более совершенной реальности, которая в большей мере дает ему возможность реализовать свое достоинство. Первая иллюзия, о которой уже неоднократно говорилось, — это создание новой (психологической) реальности. М. А. Рюмина пишет в этой связи: «Полный уход от реальности — эта такая неадекватность, которая в перспективе ведет к гибели, но есть «адекватные» формы, так сказать, «ухода с возвращением» — игра, искусство, смех... И смех, и искусство в целом имеют в своем глубинном основании игровое удвоение мира — на одну реальность накладывается еще одна — воображаемая... суть человека проявляется

в способе его жизни как культурного существа... Самую сердцевину культуры, ее творческий принцип, удваивающий

мир, выражает искусство, которое призвано культивировать этот принцип в чистом виде. Самую суть искусства — его активный творческий характер по удвоению мира — выражает эстетический смех — комическое, поскольку его сущность заключается в активном созидании удвоенной видимости. Круг замкнулся, его ядро — создание иллюзии, которая становится действительностью. Такова сущность человека и такова сущность смеха» (Рюмина, 1993. — С. 111).

Соотнося трагическое и комическое, М. С. Каган пишет, что если трагическое отражает поражение идеального в столкновении с реальностью, то комическое, наоборот, «от имени» идеала побеждает реальность (антиидеальное) с помощью своей «насмешки, иронии, сарказма, оценивающей ее ничтожество улыбки». Поэтому М. С. Каган, вслед за М. М. Бахтиным, отмечает «особую идейно-психологическую нагруженность смеха», который позволяет взглянуть на мир по-новому и, главное, почувствовать возможность совершенно иного миропорядка, что часто и порождает «радостное возбуждение, смех, специфически карнавальное мироощущение» (Каган, 1997. — С. 175—176).

Заметим, что во многих претендующих на элитарность «тусовках» основная активность как раз и направлена на высмеивание мира, а также других групп или конкретных людей с иными взглядами, которые, с точки зрения большинства членов этой «тусовки», рассматривается как зло или угроза их достоинству. Проблема возникает тогда, когда на первое место ставятся только эгоистические интересы и не учитываются ценности тех, кто становится объектом насмешек.

Обнажая и высмеивая несовершенства существующей реальности, смех (смеющаяся «тусовка») обесценивает и разрушает эту реальность, создает из нее хаос и превращает эту реальность в «отбросы» истории. Анализируя смех «гротескного реализма» в произведениях Рабле, М. А. Рюмина, вслед за М. М. Бахтиным и А. Ф. Лосевым, выделяет такую

280

его особенность, как постоянное обращение к теме «телесного низа», «зада» и «испражнений», когда снижение значимости (высмеивание) окружающего мира понимается как отождествление этого мира с чем-то «низменным». Но, как писал А. Ф. Лосев, «при таком условии эстетическая характеристика раблезианского смеха получает свое окончательное завершение», превращаясь в «сатанинский смех», поскольку жизненное зло в этом случае смакуется и фактически получает одобрение (см. Рюмина, 1993. — С. 234—237).

Но не оказываются ли в таком же положении и многие престижно ориентированные «тусовки», способные лишь высмеивать окружающий мир (смаковать его «низменность»), но не предлагать ничего более совершенного и возвышенного, кроме иллюзорных образов мира, где утверждаются только свои эгоистические ценности (или такие же эгоистические ценности более глобальных социальных слоев, которые данная «тусовка» часто представляет) и совершенно не учитываются интересы других групп и социальных слоев. Видимо, прав был Ф. Бэкон, остроумно заметивший, что «человек и впрямь похож на обезьяну: чем выше он залезает, тем больше он демонстрирует свою задницу» (В поисках смысла, 1998. — С. 53).

Исследуя выдающихся людей, которых с полным основанием можно отнести к «элите» человечества, А. Маслоу выделил такую важную их черту, как «философское, невраждебное чувство юмора». Характеризуя таких людей, он писал: «Они не любили враждебный смех (смех над причинением вреда другому человеку), смех превосходства, смех протеста против власти... Их юмор может быть назван реалистическим, поскольку он состоит большей частью из высмеивания реальных человеческих недостатков... Если судить чисто количественно, то наши испытуемые могут показаться менее юмористичными по сравнению со средним уровнем. Анекдоты, розыгрыши, шутки встречаются у них значительно реже, чем осмысленный философичный юмор... Он всегда спонтанен и чаще всего не может быть повторен

281

в другой ситуации. Неудивительно, что средний человек, привыкший к комиксам и анекдотам, считает таких людей серьезными и мрачноватыми» (Маслоу, 1996. — С. 440—441). Но для псевдоэлиты, любящей внешние эффекты, такой «философичный юмор» не подходит, как не подходит он и большинству людей, привыкших к яркой, веселой, в чем-то «пошловатой», то есть повторяющейся, но, главное, эстетически «понятной» для большинства атмосфере

«тусовки». И обвинять в этом людей было бы неразумно.

Некоторые авторы считают, что в современной культуре все больше увеличивается разрушительная сила смеха. «В смехе все злое собрано вместе, но признано священным и оправдано своим блаженством», — писал в своей книге «Так говорил Заратустра» еще Ф. Ницше. «Тайный смех мой, — говорит Заратустра, — я угадываю, вы бы назвали моего сверхчеловека — дьяволом» (цит. по: Рюмина, 1993. — С. 247).

Таким образом, одним из вариантов преодоления деструктивности «смеющегося зла» может быть обращение к духовным и, в частности, религиозным ценностям. Но, с другой стороны, общество и культура развиваются через мучительное преодоление противоречий, которые как раз и обнажаются смехом. В немалой степени смех, раздвигая культуру и создавая иллюзорные миры, сам в немалой степени порождает хаос и деструкцию, да еще эстетически облагораживает этот хаос, делая его более привлекательным для обывателя.

И тогда возникает новая проблема — как перейти от хаоса (на фоне страдающих насмешников и веселящейся «публики») к новым, более совершенным (идеальным) мирам и человеческим взаимоотношениям. В контексте темы данной книги проблема звучит так — какова роль элиты, способной высмеять реальность и даже разрушить ее, и какова роль массы («публики») в осуществлении перехода от хаоса к совершенству...

282

Трагедийность и иные варианты «эстетического оформления» манипуляции

Помимо комического отношения к жизни (как важнейшего способа самоутверждения), элитарно ориентированные «тусовки» нередко используют и другие варианты эмоционально-эстетического «оформления» своей исключительности и превосходства. Важное место в ряду таких вариантов занимает трагедийность. Чтобы проиллюстрировать значимость такого (трагедийного) варианта, достаточно вспомнить, с каким трепетом многие люди наблюдают за «сложными судьбами» героев различных телесериалов, книг, фильмов. Герой часто именно потому оказывается интересным для публики, что его судьба трагедийна, что он познал «несчастье», и когда он достигает уже самого «счастья», то такое достижение воспринимается как «заслуженное».

Как отмечает М. С. Каган, трагическое порождается столкновением «идеального представления о человеческой жизни», которое, сталкиваясь с «пошлой, низменной, уродливой реальностью, терпит поражение», и именно «это поражение идеала становится трагедией» (Каган, 1997. — С. 171). Однако важнейший смысл трагедии заключается не только в этом, но и в том, что она утверждает «веру в возрождение героя после смерти», и является по сути «оптимистической интерпретацией трагизма человеческого бытия» (там же. — С. 173).

«Суть трагедии не в роковой развязке, а в поведении героя», — отмечает Ю. Б. Борев (Борев, 1997. — Т. 1. — С. 142). В трагедии отражается «разлад чувства и долга», когда нужно «жертвовать одной из сторон жизни во имя торжества другой» (там же. — С. 148). «Центральная проблема трагедии — расширение возможностей человека, разрыв исторически сложившихся границ, ставших тесными для пассионарных (наиболее смелых и активных) людей», — пишет Ю. Б. Борев (там же. — С. 161).

Публика, наблюдающая за перипетиями судьбы трагических героев, часто идентифицирует себя с ними. Для большинства это особенно важно потому, что в реальной жизни у

283

них не хватает мужества самим стать реальными (трагическими) героями. В трагедии (в идентификации с трагическим героем) мы вновь сталкиваемся с построением иллюзорного мира, где «зритель» (публика) получает возможность хотя бы в воображении осуществить полноценную личностную самореализацию. Понимая это, лидеры престижно ориентированных групп могут эксплуатировать такое стремление наблюдающих за ними обывателей и использовать элементы трагедийности в эмоционально-эстетическом оформлении взаимоотношений в группе или своих взаимоотношений с окружающим миром (например, постоянно подчеркивать, что их «не признают», «не понимают» и т. п.).

Рассматривая общие корни комедии и трагедии, М. А. Рюмина пишет о том, что «принцип создания видимости,

иллюзии и ее разрушения восходит в своей глубине к ритму-схеме жизни как умирания и воскрешения», а роль сюжетной опоры в трагедии и комедии выполняет знание, его потеря, отсутствие и обретение, движение к нему» (Рюмина, 1993. — С. 173). По сути, обретение и потеря знания является своеобразным «психологическим механизмом» преподнесения трагедии публике, а также и восприятия (узнавания) трагедии со стороны публики.

О том, что идея трагедийности занимает важное место в человеческой жизни, хорошо сказано в работах Э. Берна, который даже выделяет «трагические сценарии», которыми некоторые люди руководствуются в течение своей жизни. Например, один из наиболее распространенных таких сценариев — «Золушка» (см. Берн, 1988. — С. 305—313). Как известно, сам Э. Берн призывал «понимать» природу сценариев и стремиться «вырваться из-под их власти» (там же. — С. 316).

Но далеко не все люди хотят расставаться со своими сценариями и сказками о собственной жизни, особенно расставаться с трагичными сказками и сценариями. Именно в трагичном сценарии «слишком велико значение неотвратимой судьбы, воли богов, необходимости, то есть всего того, над чем человек не властен» (Рюмина, 1993. — С. 172). Быть может,

284

именно ощущение зависимости от неких «высших» и «могущественных» сил (зависимость от «воли богов») придает многим людям смысл их существования (раз сами боги как-то влияют на их судьбу) и делает трагичность жизни особенно значимой. Но причиной нежелания расставаться с трагичным жизненным сценарием может быть и обычный страх взять на себя ответственность за противодействие судьбе.

Для людей творческих трагичность является обязательным компонентом планирования своей жизни. Символисты, по описанию Ходасевича, осознанно разрушали свою жизнь, искали несчастий, но не потому, что их вел «магический» скрипт, а потому, что при построении своей судьбы они руководствовались художественными, эстетическими критериями, которые требовали конфликтов, трагедийности, кульминации, требовали вовремя окончить драму, поставить точку» (см. Розин, 1998. — С. 172). Но у большинства людей жизнь проходит достаточно буднично («бесконфликтно» и «бессюжетно»). Как отмечает М. Розин, обычные люди нередко осознают никчемность такого существования и стремятся хотя бы в рассказах о своей жизни как-то приукрасить ее. Но «врать нехорошо», и тогда «выход находится в передаче абсурдности происходящего», когда бывает «достаточно чуть-чуть заинтриговать вначале и тут же оборвать рассказ — ведь и в реальности произошло событие, которое ровным счетом ни к чему не привело...» (там же. — С. 179).

Получается, что, не сумев (или не осмелившись) выстраивать свою жизнь по творческому (в чем-то трагедийному) образцу, обыватели вновь обращаются к теме выделения «абсурдности происходящего», то есть опять обращаются к смеху над окружающим миром. Здесь даже можно перефразировать известное высказывание и сказать: «От трагичного (неудавшегося) до комичного — один шаг»...

Смех и трагедийность являются основными вариантами создания эмоционально-эстетического «фона» элитарно ориентированных групп и «тусовок». Но существует большое множество промежуточных и просто иных вариантов, позволяющих

285

таким группам демонстрировать свою особую ценность. Например, это может быть подчеркнуто грубовато-примитивный стиль общения, характерный для армейских, спортивных, криминальных и т. п. «элит», а также для многочисленных групп их последователей.

Это может быть подчеркнуто безличностно-деловой стиль общения, характерный для некоторых социально-профессиональных групп, умеющих «делать деньги» (или «выполнять план», или «выдавать продукцию»...), когда само человеческое общение превращается в ритуализированное «общение масок».

Это могут быть и подчеркнуто «гуманные отношения», основанные на демонстративной «эмпатии» и «сюсюканье», характерном для членов некоторых «тусовок», начитавшихся «гуманистической литературы» и считающих, что чисто внешней демонстрации своей «доброты» достаточно для того, чтобы оправдать свое равнодушие к

действительно болезненным проблемам общества, часто и порождающим настоящее зло.

Так или иначе, но эмоционально-эстетическое оформление значимости своей «тусовки» во многом зависит от общекультурного уровня большинства членов этих групп, а главное — от понимания ими самого смысла своего существования.

Примеры эстетических деформаций элитарно ориентированного сознания

Рассматривая проблему понимания и формирования эстетического вкуса, М. С. Каган отмечает слабость существующих психологических подходов: «Что касается «психологической эстетики»... то она... оказывается ограниченной в двух отношениях: во-первых, в том, что сосредоточенная на рассмотрении своего предмета, не видит его места и функции в целостной жизни психики... а во-вторых, изучая эстетическое восприятие как форму психической активности, психологическая (экспериментальная) эстетика абстрагируется

286

от того культурного контекста, в котором восприятие это реально осуществляется» (Каган, 1997. — С. 187).

Для психолога рассмотрение проблемы переживания творца и публики, столкнувшихся с эстетической деформацией и осознавшей ее, должно, вероятно, выражаться не только в использовании традиционных методов исследования, но и в ходе непосредственного наблюдения и прочувствования этих эстетических деформаций (о методе «открытых глаз» более подробно — см. главу 21). Чтобы немного продемонстрировать возможности такого непосредственного понимания страданий творца и публики, осознавшими эстетическую деформацию, можно привести один типичный пример — пример разделения творчества и самой личности творца.

Великолепный, гениальный бард, к сожалению, не очень разбирающийся в общественно-политических процессах, происходящих в стране (фамилию, естественно, не называем), оказывается втянутым в политические игры. Его фактически используют для обоснования (точнее — для оправдания) конкретных преступлений с настоящими жертвами, кровью, изнасилованиями... И в итоге гениальный бард публично заявляет: «Я наслаждался этим зрелищем» — и даже подписывается под благодарственным письмом человеку, организовавшему эту бойню... Налицо явное противоречие: прекрасные (правда, в основном лирические) песни и мелодии, действительно порождающие добрые чувства, с одной стороны, и одобрение зла, а фактически и молчаливое соучастие в этом зле, с другой стороны... Поскольку бард уже в годах, то сам он так не осознал этого противоречия. А если бы осознал?..

Но в еще более сложном положении оказывается поверившая в него публика. Например, человек, который искренне считает такого барда гением и одновременно осуждает преступление, одобренное его кумиром, сам начинает страдать. Когда он слышит песни любимого барда, то вместо того, чтобы наслаждаться ими, он неизбежно вспоминает, что написал их человек, оказавшийся сопричастным злу. Нормальный человек с развитым чувством справедливости и собственного достоинства

287

абстрагироваться от этого уже не сможет... В результате такой человек вынужден будет относиться к гениальному творчеству своего прежнего кумира рационально, то есть всего лишь понимать, что «объективно» песни прекрасны, но на уровне чувств они уже не вызывают эстетического восторга (если даже не вызывают омерзения). И как следствие человек лишается важной эстетической, а может, и духовно-смысловой опоры всей своей жизни. К сожалению, и прекрасный поэт может оказаться палачом. Здесь мы опять убеждаемся, что эстетическое (как и комическое) далеко не всегда отождествляется с добром, то есть мы опять сталкиваемся с раздвоением мира, потери им гармонии.

Конечно, можно сказать, что приведенная выше проблема надуманная и все гораздо проще, ведь другие люди по-прежнему воспринимают барда и искренне наслаждаются его творчеством. Но это потому, что они не понимают (или не хотят его понимать, как бы интуитивно предохраняя себя от «ненужных» переживаний и не обедняя для себя мир прекрасного) более глобального культурно-исторического контекста не только творчества самого барда, но и творчества восприятия его «шедевров» со стороны почитателей этого барда.

Другим примером, показывающим сложные отношения творца (творца «элитной атмосферы» группы-тусовки) и публики, может стать ситуация, когда творец все-таки вкладывает свою душу в построение прекрасных внутригрупповых отношений, но потом вдруг обнаруживает, что эти отношения, действительно, многим окружающим «нравятся», и тогда их начинают в массовом порядке (но без души, как это делал творец) воспроизводить в других группах, «тиражировать» и неизбежно опошлять (без души-то...). И тогда у творца возникает сомнение, а стоило ли демонстрировать эти отношения, да еще стремиться к тому, чтобы быть для кого-то примером для подражания? Не лучше ли было бы сохранять (и развивать) внутригрупповые отношения как некую «тайну», доступную лишь для посвященных? Но элитарно ориентированная «группа-тусовка» и ее лидеры как раз на это

288

согласиться не могут, так как тогда исчезнет возможность демонстрировать свое превосходство над остальными, что и позволяет ее членам самоутверждаться.

Похожая проблема возникает, когда творец (поэт, художник, бард) вдруг осознает, что его выстраданные темы стали «темами лавочного мира», когда эти темы многократно «воспроизводятся» в ритме ресторанного «гоп-стопа» самодовольными уголовниками и «предприимчивыми» жлобами под визгливое хихиканье (подхихикивание) их холуев и проституток, что случилось, например, с творчеством В. С. Высоцкого. С одной стороны, творец может сказать, что его песни «поет народ»... но, с другой стороны, эти песни неизбежно «опошляются», а значит, «опошляется» и само имя творца... И вновь мы имеем дело с раздвоенностью личности творца.

Таким образом, человек в стремлении к чему-то лучшему (элитному) часто обращается к другим людям, включается в групповые взаимоотношения, надеясь если и не в одиночку, но с такими же «несчастливыми», как он сам, обрести (или повысить) чувство собственного достоинства. Элитарно ориентированная группа («тусовка») часто использует для этого смех и иронию как наиболее эффективные средства эмоционально-эстетического утверждения своего превосходства, пытаясь с их помощью осудить реальный мир, где члены «тусовки» не смогли самоутвердиться в полной мере и создать новый, иллюзорный мир, где они чувствуют себя более значимыми. Вместо того, чтобы утверждать себя в мире реальными делами, «тусовка» всего лишь заявляет о своей значимости и, главное, эстетически оформляет это заявление, да так, что кто-то в это начинает верить, то есть «тусовка» фактически творит новую психологическую реальность. В итоге получается, что «тусовка» тем в большей степени может считать себя приближенной к элитарному, чем в большей мере ей удалось эстетически «охмурить», «очаровать», «обмануть» окружающих, заявляя о своей исключительности и значимости.

289

Конечно, это не распространяется на все подряд группы и даже «тусовки» (слава Богу, есть где-то и по-настоящему творческие коллективы и группы, и бескорыстные, и просто прекрасные люди и отношения), но в той или иной мере стремление именно таким образом утвердить свою исключительность в мире можно обнаружить в очень многих группах, претендующих на свою близость к настоящей элите.

Контрольные вопросы к главе 4

1. Насколько правомерно делить людей на «худших» и «лучших»? Почему?
2. Приведите примеры элитарных ориентаций людей в различных сферах общественной жизни.
3. Каковы «границы» психологического пространства элитарности?
4. Каково содержание понятия «маленький человек» и насколько вообще правомерно говорить о «маленьком» или «большом» человеке?
5. Как соотносятся понятия «элита», «псевдоэлита» и «масса»?
6. Что такое «жажда обольщения» в манипуляции массовым сознанием?
7. Что понимается под фашизмом и неофашизмом? В чем особенности «рыночного фашизма» (РФ)?

8. Каким образом ирония и смех могут быть использованы для манипуляции массовым сознанием? Приведите примеры.

9. Должен ли творец ориентироваться на вкусы примитивной публики или он должен задавать более высокую эстетическую планку, рискуя вообще быть не понятым публикой? Но не будет ли такое презрение к «примитивной» публике этической ошибкой? И какое отношение все это может иметь к работе психолога-практика, также стремящегося «эстетизировать» свои отношения с клиентом (или с группой)?..

290

Глава 5

Этические аспекты развития личности психолога

25. Психолог как возможное связующее звено между самоопределяющейся личностью и человеческой культурой

Схема взаимоотношений человека с различными субъектами оказания ему помощи в самоопределении

Рассмотрим данный вопрос на примере психолога-профконсультанта, помогающего решать самоопределяющейся личности весьма сложные и ответственные проблемы. В самом упрощенном варианте профконсультант может рассматриваться как «посредник» между подростком и миром профессий. Но, как это уже отмечалось, самоопределяющегося подростка собственно профессия часто волнует лишь как средство для нахождения своего места в обществе построения жизненного успеха (лишь со временем смысл может быть найден в самой профессиональной деятельности). Поэтому профконсультант реально выступает посредником между подростком и социумом, а также между подростком и более конкретными социальными институтами.

Например, профконсультант может быть «посредником» между человеком и конкретной организацией, например предприятием, фирмой или учебным заведением. В этом случае психолог помогает человеку найти свое место в данной организации, но часто при этом он соблюдает интересы этой организации в ущерб интересам самоопределяющейся

291

личности, так как организация платит психологу деньги, рассчитывая в перспективе получить от данного кандидата на работу высокую прибыль или реализовать какой-то иной свой интерес, часто отличающийся от интересов развития личности данного человека, ведь известно, что даже в вузах стремление к высоким показателям успеваемости (или «качества знаний») нередко достигается за счет ограничения возможностей личностного развития обучающихся...

В другом случае профконсультант может выступать «посредником» между человеком и определенной социально-профессиональной группой. Например, после проведения психологических занятий со школьниками большая часть класса вдруг начинает выбирать профессию психолога. Скорее всего, любящий свою профессию профконсультант просто сагитировал всех на нее. В иных вариантах это может быть просто «подыгрывание» школьникам, ориентирующихся на «модные» и «престижные» для данного момента профессии и профориентация именно на эти профессии. Здесь также происходит не столько выбор данной профессии, сколько ориентация на образ жизни данных профессионалов. Заметим, что для конкретных подростков привлекательной может оказаться не только «престижная» профессия, но и любая другая, иначе «непрестижные» профессии вообще никем бы не выбирались. Во всех этих примерах также проявляется стереотипизированное отношение к построению профессиональной перспективы.

В каких-то случаях профконсультант может выступать «посредником» между человеком и конкретной государственно-административной системой. Например, это может быть агитация непременно заниматься «бизнесом» (в условиях построения «рыночно-базарной» экономики) или агитация осваивать военные специальности и готовиться к войне (в условиях милитаризованного государства). Здесь также самоопределяющегося человека приобщают к чему-то конкретному, часто не давая сориентироваться в более глобальной социокультурной ситуации. Хотя, несомненно, в случае реальной

угрозы войны определенная агитация и патриотическое воспитание должны осуществляться более активно.

Наконец, в каких-то отдельных случаях профконсультант может выступать «посредником» между человеком и всей культурой, постепенно приобщая его к высшим идеалам и ценностям, созданным человечеством. Лишь только «осознав» или хотя бы «почувствовав» величие культуры, можно полноценно искать свое призвание в более конкретных жизненных ситуациях. Лишь в этом случае каждая конкретная профессиональная деятельность, как и любой жизненный поступок будут пронизаны высоким смыслом, а не просто желанием «побольше заработать» и «попрестижнее устроиться»...

Одним из результатов такого «посредничества» может быть формирование «активного субъекта культуры», который не только соприкасается с ее величием, но и стремится что-то привнести в нее, сделать свой сознательный личностный вклад в культуру. В противном случае, человек все равно не может оставаться вне культуры, но здесь, скорее, культура «захватывает» его в свое «пространство» и «использует» в своих целях всего лишь как подсобный материал. Видимо, как и в природе, в культуре есть свои «органические и неорганические химические элементы», свои «флора» и «фауна», а есть и свои активные субъекты (например, человек как уникальная личность). Поэтому можно сказать, что, если человек не стремится стать уникальной личностью, то он просто превращается в «культурный материал». Правда, в культуре, как и в природе, важны не только «активные субъекты», творящие и развивающие данную систему. Каждый вспомогательный элемент (подсобный «культурный материал») тоже имеет свой смысл для существования данной системы.

Если самоопределяющийся человек находит смысл своего существования «вне культуры», то тогда сама культура находит для него смысл — смысл его пребывания в данном обществе и в культуре. Но каждый самоопределяющийся человек имеет право ориентироваться не на высшие ценности

культуры, а, например, на примитивные («земные») радости. Профконсультант может лишь познакомить консультируемого подростка с самой возможностью нахождения более интересных, но одновременно и более сложных жизненных смыслов — смыслов активного вхождения в культуру.

Можно вспомнить и такой вид «посредничества», когда главным становятся личные отношения между профконсультантом и клиентом. В этом случае для профконсультанта важна не реальная помощь человеку в нахождении своего места в мире профессий, в обществе или в культуре, а самоутверждение за счет клиента. Например, профконсультант просто занимается банальным «самокрасованием» (внешне это выглядит часто как длинное и выразительное повествование о своих достижениях или о «величии» своей «любимой» психологии и т. п.), или «очаровыванием» клиента, или «гневым обвинением» и даже «запугиванием» клиента в том, что он «совершенно неправильно представляет себе будущую жизнь» и т. п. Хотя еще Е. А. Климов говорил, что «минимальным позитивным эффектом профконсультации должно быть формирование оптимистичного отношения оптанта к своей профессиональной перспективе» (см. *Климов*, 1983)... Конечно, в этих случаях профконсультанту далеко от того, чтобы считать себя «посредником» между подростком и культурой.

Проблема готовности психолога выступить в роли посредника между человеком и культурой

Главное, что у профконсультанта (как и у многих других психологов-практиков) есть возможность помочь человеку сориентироваться не только в ограниченном смысловом «пространстве» данной профессии или в конкретной организации (что также по-своему важно), но помочь самоопределяющемуся человеку понять свое место в этом мире, в культуре... К сожалению, при попытке реализовать такую возможность возникает масса сложностей:

1. Не все профконсультанты хотят быть такими «посредниками» (и это их право: самое страшное, если ориентация на ценности культуры будет проводиться в «обязательном порядке»; в том-то и ценность такой ориентации, что она добровольная!).

2. Не все клиенты охотно откликнутся на такое «посредничество» (у подростков еще необходимо сформировать потребность по-настоящему понимать мир, в котором они живут; сложность здесь в том, что постижение мира — это не только «радость открытия», но и «огорчения» и даже «страдания» от неизбежных разочарований; здесь также все должно осуществляться только на добровольной основе!).

3. Возможно и противодействие различных администраторов, заказчиков и коллег-психологов, которым сам факт выхода на ценности культуры может показаться бессмысленным, непрагматичным и даже вредным для психологической профконсультации (по принципу «Зачем это нужно, когда нет времени и для более важных дел?»...).

В итоге профконсультант сам оказывается перед сложным профессиональным и личностным выбором: оставаться «хорошим», «удобным для всех» и «правильным» специалистом (например, исследовать у клиентов память, мышление и т. п., выдавая банальные рекомендации о «пригодности» или «непригодности» к такой-то профессии) или стремиться максимально реализовать свой шанс помогать самоопределяющимся подросткам приобщаться к высшим ценностям культуры и, в идеале, помогать им находить для себя смыслы в этом мире...

26. Интеллигентность как возможный ориентир профессионального развития личности психолога

Психолог как представитель гуманитарной профессии

Обычно с интеллигенцией и интеллигентностью отождествляют то лучшее (а мы бы сказали — «элитное»), что есть у

295

данного народа (или в данную культурно-историческую эпоху). Даже на уровне обыденного сознания слово «интеллигент» обычно связывалось с более высоким образованием, с определенным уровнем воспитанности и достоинства. К сожалению, время, различные социально-экономические и культурно-исторические испытания все больше дискредитируют это понятие, вплоть до того, что сами интеллигенты уже говорят об «интеллигентности» с иронией.

Например, В. Кормер считает, что только в России отчужденность от судьбы своего народа и своего государства достигла высочайшей степени, что и явилось основой для постоянной нравственной рефлексии образованного русского человека второй половины XIX — начала XX веков. Но далее автор пишет, что в этом смысле «многие талантливые русские люди, Толстой, Достоевский, та же Марина Цветаева, не были интеллигентами, хотя элементы интеллигентщины, конечно, в них были» (Кормер, 1997. — С. 217).

Но, как считает отечественный философ А. Ф. Лосев, интеллигенция — это не столько образование, какая-либо выдающаяся способность, это не столько происхождение и не принадлежность к какой-то общественно-политической или профессиональной прослойке, но это «та или иная жизнь личности» или «функция личности» (Лосев, 1988. — С. 314). В качестве подтверждения того, что интеллигенция — это не только русское явление, можно привести слова Ортеги-и-Гассета: «Именоваться интеллигентным человеком может лишь тот, для кого собственная душа стала открытой книгой. Ведь культура обязывает нас уважать в себе личность, свято чтить свое право на независимую внутреннюю жизнь» (Энциклопедия афоризмов, 1998. — С. 212).

Так или иначе, но главная черта интеллигентного человека — это готовность к нравственному переживанию судеб своей страны и своего места в культурно-историческом процессе. Об «одержимости» интеллигентного человека «некоей нравственной идеей» говорит и В. Кормер (Кормер, 1997. — С. 216). Получается, что именно нравственная рефлексия

296

является важнейшей характеристикой интеллигента. При этом сам «феномен рефлексии» связывается многими психологами с центральным понятием как субъектность, в частности, В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев пишут, что «центральным феноменом человеческой субъективности» является «феномен рефлексии», а саму субъективность рассматривают как «предмет психологии человека» (Слободчиков, Исаев, 1995. — С. 71—78).

Но тогда получается, что именно интеллигенция, являясь, в своем исконном понимании, постоянно рефлексировавшей группой населения любой страны, с психологической точки зрения может быть отождествлена с «душой» (психикой, субъектностью) данной страны и ее народа. Но такое право (быть «душой» народа) нужно не только единожды заслужить, но и постоянно подтверждать своей жизнью и своими страданиями, чего, к сожалению, не скажешь о современном состоянии многих людей, называющих себя «интеллигентами»...

Мы считаем, что сам характер деятельности, а также решаемые им (гуманитарные) задачи психолога уже обязывают его быть интеллигентом. Но это не зафиксировано ни в каких нормативных документах, этого нет в должностной инструкции и т. п. Это проблема его человеческой и профессиональной совести.

История возникновения и варианты определения интеллигенции

Само возникновение интеллигенции как самостоятельной социальной группы иногда связывают с необходимостью своеобразного «посредничества» между властью и эксплуатируемыми трудящимися — народом (см. *Барбакова, Мансуров*, 1991. — С. 20—24). Таким образом, изначально управленческая функция интеллигенции в немалой степени пересекалась с функцией власти.

297

Еще в конце прошлого столетия Н. К. Михайловский писал: «В Европе интеллигенция, за редким исключением, была в полном единении с буржуазией. Таким образом, ни в каком термине «интеллигенция» не было надобности, интеллигенция совпадала с буржуазией и утопала в ней. Теперь в Европе дела обстоят, разумеется, иначе» (цит. по: *Барбакова, Мансуров*, 1991. — С. 75). Прогнозируя развитие интеллигенции в конце XIX—XX вв., М.

Мандельштам выделяет три этапа: 1) интеллигент представляет собой явного или замаскированного капиталиста, что связано с развитием капитализма и необходимостью новых высококвалифицированных специалистов с особым положением и привилегиями; 2) интеллигент превращается и в капиталиста, и в пролетария (при постепенном насыщении производства специалистами); 3) интеллигент постепенно становится только пролетарием, также продавая свой труд капиталисту (см. *Барбакова, Мансуров*, 1991. — С. 84).

Однако при этом ряд исследователей отмечают, что интеллигенция не осознает единство экономической сущности своей и пролетариата, отождествляя свои интересы с интересами буржуазии, поэтому часть интеллигенции превращается в активных сторонников власти буржуазии, поскольку «надеется на получение всех моральных и материальных благ в рамках буржуазного общества» (см. *там же*. — С. 105). В этой связи уместно привести высказывание Ж. Лабрюйера: «Раб зависит только от своего господина, честолюбец — от всех, кто способен помочь его возвышению» (*Разум сердца*, 1990. — С. 248).

Но при этом существует и другая, действительно лучшая (подлинная) часть интеллигенции, для которой нравственные начала стоят выше узкопрофессиональных. На примере России интересно кратко проследить эволюцию интеллигенции как символа самого лучшего в их взаимоотношениях с властью, что есть в нашем народе.

Людей достойных в России было достаточно во все эпохи (благодаря чему страна до сих пор считается одной из величайших

298

мировых держав), но многие исследователи считают, что именно Петр I заложил основы современной отечественной интеллигенции, начав систематическую подготовку высокообразованных специалистов в самых разных отраслях, а также когда он, по словам П. Н. Милюкова, собрал «кружок самоучек — интеллигентов, призванных помогать ему при насаждении новой государственности». В это время интеллигенты были «помощниками власти в государственном строительстве» (см. *Барбакова, Мансуров*, 1991. — С. 65, 160). При Екатерине II интеллигенция делается оппозиционной, но эта оппозиция даже в самых радикальных своих проявлениях никогда не является антигосударственной (*там же*. — С. 160).

Определяя интеллигенцию как «образованную и мыслящую часть общества, создающую и распространяющую общечеловеческие духовные ценности», Д. Н. Овсяннико-Куликовский выделяет следующие группы российских интеллигентов, которые противостояли господствующей системе своими мыслями, стремлениями и действиями:

а) «чаадаевцы» со скорбными мыслями об окружающей действительности, о национальной немощи; б) плеяда «лишних людей», для которых характерны плохая психическая организация человека и разлад между личностью и средой; в) люди типа Чацкого, для которых характерно уже стремление действовать, осознанно выражать свой протест против умственной тьмы и светобоязни, против нравственной слепоты и духовного уродства мира; г) разночинцы 40-х годов России XIX века, для которых нравственное право личности реализовывалось лишь на уровне слова, но не дела; д) народники конца XIX века, складывающиеся из «кающихся дворян» (см. *Барбакова, Мансуров*, 1991. — С. 80—81).

Русский историк-эмигрант Г. П. Федотов в своей работе «Трагедия интеллигенции», написанной еще в 1926 году, отмечал, что сначала российская интеллигенция «целый век шла с царем против народа» (1825—1881), затем — «с народом против царя» (1905—1917), но за период с 1906 по 1914,

299

изменяя революции, интеллигенция забыла о народе... (*Федотов*, 1990. — С. 421, 438). Известно, что значительная часть интеллигенции не приняла Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года. Одним из вариантов объяснения этого может быть ущемленное ощущение элитарности, когда перед интеллигентами обозначилась реальная перспектива (или опасность для тогда еще довольно привилегированной группы интеллигентов-господ) «уравнивания» в правах с простолюдинами, с «быдлом»...

Еще Ф. Ницше отмечал: «В своем отношении к народу, служение которому ставит своей задачей интеллигенция, она постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями — народопоклонничеством и духовным аристократизмом. Потребность народопоклонничества в той или другой форме вытекает из самих основ интеллигентской веры. Но из нее же с необходимостью вытекает и противоположное — высокомерное отношение к народу как к объекту спасительного воздействия, как к несовершеннолетнему, нуждающемуся в няньке для воспитания «сознательности», непросвещенному в интеллигентском смысле» (цит. по *Гарину*, 1992. — Т. 2. — С. 261).

После Октябрьской революции 1917 года «повсюду: в городе и в деревне, в высших слоях еврейского НЭПа, в разлагающемся коммунизме и в предприимчивой крестьянской молодежи — царит один и тот же дух: накопления, американизма, самодовольства», — отмечает Г. П. Федотов. «Гибель коммунизма, можно думать, не только не остановит, но еще более подвинет этот рост буржуазного сознания. Интеллигентские «идеи» находят свою настоящую (не псевдоморфную, религиозную) почву: в новом мещанстве» (*Федотов*, 1990. — С. 441). Сам Г. П. Федотов достаточно пессимистично оценивал перспективы интеллигенции в России, отмечая, что: «...интеллигенция, уничтоженная революцией, не может возродиться, потеряв всякий смысл» и что «теперь это только категория работников умственного труда или верхушка образованного класса» (*там же*. — С. 441).

300

Примечательно, что, по последним исследованиям, среди чиновников государственного аппарата (то есть среди высшей административной элиты) распространено убеждение, что вместо законов и обсуждений стране нужны «несколько опытных и сильных руководителей» (персон), хотя больше половины опрошенных все-таки не согласилось с этим утверждением, разрыв между «законниками» (55%) и «персоналистами» (45%) оказался большим (*Афанасьев*, 1996. — С. 150—151).

Тем не менее, и среди интеллигентов, и среди высшего чиновничества, и особенно, среди простого населения тяга к вождю, кумиру, харизматическому лидеру очень сильна в России, где еще только формируется гражданское демократическое общество...

В коренным образом изменившейся по сравнению с прошлым столетием ситуации подозрительность и возмущение масс направлены не против капиталистов или вообще богатых людей, а против привилегированных представителей интеллигенции, пишет Дж. Гелбрейт. Старая классовая борьба отмирает, нарождается новая — «кастовая борьба», где в качестве арены социальной борьбы выступает уже не фабрика, а университетский городок, отмечает К. Керр. По мнению Г. Шельского, интеллигенция свое всевозрастающее влияние превращает в новую форму религиозного воздействия на массы, благодаря которому она господствует над ними в своих интересах (см. *Барбакова, Мансуров*, 1991. — С. 106—107).

Если согласиться с представленными выше высказываниями о том, что «ареной социальной борьбы» постепенно становится «университетский городок», то для современного интеллигента (особенно российского) гораздо страшнее оказывается не официальная власть, а та социально-профессиональная и достаточно престижная (элитная) интеллигентская «каста», к которой он себя относит.

Это означает, что внешне выступая к каким-то силам в качестве критика и оппонента, современный российский интеллигент внутренне нередко сам оказывается в сильнейшей зависимости от господствующего мнения своей «касты». Не

301

этим ли объясняется достаточно единодушное одобрение существующей системы, сделавшей несчастными миллионы людей и фактически развалившей великую (хотя и явно нездоровую) страну и такое же единодушное осуждение тех, кто пытается хоть как-то противостоять духовному развалу? Но особенно проявляется такое «единодушное» и весьма нелицеприятное осуждение по отношению к тем немногим интеллигентам (истинным интеллигентам), кто осмеливается думать своей головой (или чувствовать своим сердцем) вопреки «общепринятому мнению» той «касты», к которой он должен был бы принадлежать согласно своему социально-профессиональному статусу и прошлым заслугам.

Иными словами, если ранее интеллигент метался в своих симпатиях-антипатиях к власти (или к массам — народу), то сейчас постепенно появляется другая линия оппозиции — по отношению к давлению на его сознание (и на его совесть) мнения своей «касты», давлению, перед которым далеко не каждый человек может устоять, когда на первый план выступают не образование или обладание наиболее свежей информацией из жизни верхов («светские сплетни» и т. п.) и даже не ориентация на некие общечеловеческие ценности, а нечто совершенно иное — собственная обоснованная (осознанная, осмысленная) нравственная позиция.

К этому можно добавить, что именно в России особенно развит институт так называемых «клиентарных отношений», основанных на «личной преданности» и «покровительстве» как в высших властных структурах, так и в обществе в целом (Афанасьев, 1996. — С. 151—154). Опрашивая госслужащих и анализируя роль различных факторов на карьере отечественного чиновника, М. Н. Афанасьев отмечает: «В ответах прослеживаются следующие закономерности. Женщины больше разочарованы в том, как оценивается их исполнительность: каждая четвертая сотрудница отмечает, что исполнительность практически не влияет на карьеру. В отличие от мужчин женщины в аппарате чаще усматривают значительное влияние на служебные продвижения семейно-родственных связей;

302

мужчины же гораздо чаще обращают внимание на зависимость карьеры от идеологических убеждений и национальности. Пожалуй, самая показательная зависимость — от стажа административной работы. Опыт службы в аппарате сказывается на оценке «веса» различных факторов: воздействие исполнительности и повышения квалификации уменьшается, а сила связей родства и личного покровительства растет» (Афанасьев, 1996. — С. 151—154).

Традиционно выделяются два основных подхода в понимании интеллигентности. Первое понимание связано с социально-профессиональной принадлежностью человека, с занятием умственным трудом (интеллигент как работник умственного труда). Второе понимание связано с этической, нравственной устремленностью человека, с его творческой ориентацией на лучшие образцы и идеалы общечеловеческой культуры.

Проблема подлинно интеллигентного человека заключается в том, чтобы соединить в себе умственный, духовный труд с достойной ценностно-нравственной творческой устремленностью, направленной не столько эгоистически, сколько на делание добра другим людям и всему человечеству. Для подлинного интеллигента характерны масштабность реальных деяний и помыслов и одновременно скромность в плане пользования благами за эти деяния.

Многие исследователи, определяя интеллигенцию, связывают ее с «оппозиционностью ко всему антигуманному, независимо от того, кто является носителем антигуманизма — власть или ее оппозиционеры» (см. Барбакова,

Мансуров, 1991. — С. 7). «...Интеллигентен тот, кто блюдет интересы общечеловеческого благоденствия, — пишет А. Ф. Лосев. — Интеллигент живет и работает в настоящее время так, как в будущем станет жить и работать человек в условиях общечеловеческого благоденствия» (Лосев, 1988. — С. 315). При этом А. Ф. Лосев особенно отмечает: «Интеллигент, который не является критически мыслящим общественником, глуп, не умеет проявить свою интеллигентность, то есть перестает быть интеллигентом... подлинная интеллигентность всегда

303

есть подвиг, всегда есть готовность забывать насущные потребности эгоистического существования; не обязательно бой, но ежеминутная готовность к бою и духовная, творческая вооруженность для него» (там же. — С. 318).

В целом можно выделить следующие подходы к пониманию (определению) интеллигенции:

1. Интеллигент — это работник умственного труда. Хотя если такой человек оказывается негодяем (например, отличным профессионалом с высшим образованием), то вряд ли его можно назвать интеллигентом.
2. Интеллигент — это воспитанный, обаятельный человек, знающий, как вести себя в приличном обществе. Но сколько в мире обаятельных, изысканных и «хорошо пахнущих» ничтожеств.
3. Интеллигентность — это определенная нравственная позиция, это оппозиционность всему антигуманному, это равнодушие ко всему, что происходит в обществе, это человек, которого А. Ф. Лосев называл «критически мыслящим общественником» (см. выше). Но если человек с развитой нравственностью не обладает образованием и элементарно не воспитан, то его также сложно назвать интеллигентом.
4. Интеллигент сочетает в себе прекрасное образование и воспитание с активной нравственной позицией, то есть он не равнодушен к тому, что происходит в обществе и во всем мире. Настоящему интеллигенту не только «до всего есть дело», но он, в силу своего образования и положения в обществе, может хоть как-то повлиять на ситуацию и хотя бы попытаться улучшить ее. Такое понимание интеллигентности представляется нам пригодным для дальнейшего анализа, но есть и еще один взгляд на интеллигентность (см. п. 5).
5. Интеллигентность как развитое чувство долга перед своим народом, перед обществом. Такое чувство — результат понимания несправедливости в стартовых возможностях разных людей. Например, кто-то рождается в хорошей семье, в культурном центре, ходит в специализированные («элитные») школы и т. п., а другой рождается в семье алкоголиков,

304

вдали от культурных центров, с детства погружен в атмосферу злости и насилия... Естественно, у первого гораздо больше возможностей получить качественное образование и занять определенное положение в обществе, а второй человек, скорее всего, такого образования и воспитания не получит, и его положение в обществе будет не самым завидным.

При этом второй человек (с менее удачной профессиональной судьбой) будет даже приносить пользу обществу и часто в ущерб создавать возможности для того, чтобы кто-то с более благоприятными стартовыми возможностями получил образование и стал «интеллигентом». К сожалению, часто благополучие одних людей строится на относительном неблагополучии других людей, а всякие рассуждения том, что каждый является «кузнецом своего счастья», справедливы лишь для отдельных случаев. И если интеллигент не понимает своего долга перед теми, за счет кого он выстроил свой профессиональный успех, то это уже не настоящий интеллигент (например, образованный и воспитанный человек заявляет, что «он никому и ничего не обязан» и «ему наплевать на тех, кто не сумел добиться успеха», надо, мол, «меньше жаловаться и больше работать, да еще... «засучив рукава»). Еще А. Блок писал, что «одно только делает человека человеком — знание о социальном неравенстве».

Но понимать мало: надо еще стремиться хоть что-то сделать для того, чтобы у всех людей расширились возможности и для получения хорошего образования и воспитания, и для сокращения социального разрыва между «благополучными» и «менее благополучными» слоями общества, и для возможности как можно большего числа

людей к ценностям культуры...

Проблема «узкой специализации» интеллигенции в творческих профессиях и ее последствия в условиях тоталитарных и псевдодемократических режимов

Именно в последнее время приходится говорить об особой ответственности интеллигенции. Это обусловлено следующими

305

обстоятельствами: резко снижается авторитет интеллигенции, то есть общество остается без выразителей своих интересов; если само общество вновь обратится к интеллигенции за советом, то не окажется ли она в растерянности, сможет ли мобилизовать свой нравственный и интеллектуальный потенциал перед лицом глобальных проблем; наконец, это ответственность перед собственной совестью и за уже совершенные ошибки, и за уже продемонстрированное малодушие.

Поскольку именно в последние годы часть интеллигенции приобрела значительную власть над средствами массовой информации, которые, как известно, считаются «четвертой (если не «первой») властью», то возникает реальная возможность еще большего разрыва части интеллигенции с народом (с простыми тружениками) и участия этой части интеллигенции в новом перераспределении благ и привилегий. Как и в начале века, полном надежд и иллюзий по поводу «всеобщего равенства» и «свободы», и в период тоталитаризма (эпохи «новых господ», «господ диктатуры пролетариата»), так и сейчас, в эпоху «демократических реформ» и стремления к «свету в конце туннеля», когда реальностью стала фигура «нового русского» со своими холуями и подпевалами, перед представителями интеллигенции вновь возникает проблема, стоит ли поддаваться искушению «возвыситься» над массой, продавая свой труд и таланты вновь появившимся «новым господам» («новым русским» и поддерживающей их власти), или все-таки следует не оставаться равнодушными к лишениям и страданиям основной массы людей.

Еще Данте в свое время писал: «Самые раскаленные места в аду предназначены для тех, кто во времена великих моральных испытаний хранил нейтралитет» (Энциклопедия афоризмов, 1998. — С. 323)... Самый простой путь уйти от проблем нашего времени — это не замечать их, но, как отмечал А. Швейцер, «спокойная совесть — это изобретение дьявола» (Афоризмы., 1990. — С. 18). Интересно, что «хаос» и «аморфность», то есть «нечто не проявившееся», М. Элиаде

306

отождествляет с образом «змея», олицетворяющего во многих религиях самое страшное «зло» (Элиаде, 1994. — С. 41).

Обращаясь к теме пессимизма современной интеллигенции, М. Элиаде связывает это с тем, что «интеллектуальные элиты все более вырываются из границ традиционной религии» и не способны более понять «циклическое космическое Время». В итоге «десакрализованное время» не обнаруживает больше таинственного присутствия богов, теряет смысл и «начинает наводить ужас». И только философская и религиозная элиты (например, индийские мыслители) способны были «чувствовать безысходность перед этим повторяющимся циклическим временем, так как это вечное возвращение предполагало для них «возврат к существованию благодаря карме, универсальному закону причинности». С другой стороны, само время уподоблялось для них «космической иллюзии», а вечный возврат к жизни обозначал бесконечное продление страданий и угнетений. В этой ситуации «единственной надеждой для религиозных и философских элит было невозвращение к жизни, устранение кармы, иными словами, окончательное освобождение, предполагающее вознесение из Космоса» (Элиаде, 1994. — С. 70—72).

Рассуждая об «аполитичности обычного интеллигента», В. Райх объяснил это «отказом нести социальную ответственность» и выделял при этом два основных типа таких «интеллигентов»: 1) тех, у кого политика ассоциируется с идеей насилия и поэтому физически опасна (это страх многих «интеллигентов» реально взглянуть на жизнь); 2) тех, у кого социальная безответственность опирается на личный конфликт и чувство тревоги (особенно сексуальной тревоги). У таких людей тормозится рациональное мышление, возрастает «тяга к

иррациональному», на основе которой произрастает и «жажда вождя, фюрера» (Райх, 1997. — С. 206—208).

Таким образом, «аполитичность» образованных слоев общества создает прекрасную основу для фашизма (ранее) и неофашизма (в наше время). Уместно здесь вспомнить и предостережение Ст. Е. Леца, бывшего узника концентрационного лагеря,

307

много сделавшего для борьбы с фашизмом: «Те, кто надел на глаза шоры, должен помнить, что в комплект входят еще узда и кнут» (см. Ларец острословов, 1991. — С. 469).

В этой связи перед педагогами и психологами возникают непростые вопросы: психолог — это интеллигент или его профессия позволяет быть просто «образованным человеком»? Должен ли психолог быть «критически мыслящим общественником», как призывал философ Лосев? Не будет ли психолог, увлеченный экзотическими (и, естественно, очень «аполитичными») направлениями психотерапии, повышать степень агрессивности у людей, если попытается раскрыть им глаза на реальные процессы, происходящие в обществе? А достаточно ли сам психолог разбирается в этих процессах? А не помешает ли ему, дипломированному специалисту с высшим гуманитарным образованием (!!!), такая позиция «критически мыслящего общественника» самому зарабатывать деньги («баксы»), ведь «хорошо жить» и психологам хочется? И т. д. и т. п.

И самое интересное, что ответы на эти вопросы каждый психолог должен искать для себя сам. Мы живем в удивительное время, когда сама культурно-историческая ситуация являет собой прекрасный «тест на вшивость», поэтому подсказанные ответы — в высшей степени безнравственны, поскольку лишают каждого (но особенно, образованного) человека радости самому сделать выбор, и этот выбор тем интереснее, чем выше степень ответственности за ошибку... Ведь, как писал А. Франс, «зло так же необходимо для добра, как тень для света; вся добродетель кроется в усилении, и если не надо будет больше бороться с дьяволом, то святые останутся столь же праздными, как и грешники» (Энциклопедия афоризмов, 1998. — С. 196).

Известно, что на смену нэпу в России пришел сталинский тоталитаризм. Можно предположить, что ожесточенность сталинизма в немалой степени также объясняется ущемленным чувством собственной значимости уже применительно к новым «хозяевам жизни», которым приходилось

308

долго терпеть демонстративную мелкобуржуазную роскошь «непманов». Именно в этот период было совершено, как считает Б. Васильев, самое «гениальное» преступление Сталина: «отечественная интеллигенция была сведена к «узким специалистам», когда наспех подготовленные «выдвиженцы» — эти «решающие все кадры» вытеснили старую интеллигенцию с ее ориентацией на общечеловеческие ценности (см. Барбакова, Мансуров, 1991. — С. 148). Напомним, что еще К. Маркс предостерегал об узкой специализации, превращающей работников в «профессиональных кретинов».

Главной особенностью русской интеллигенции советского периода, считают К. Г. Барбакова и В. А. Мансуров, является «поведенческое двуязычие», когда на работе, на людях человек говорит и делает одно, а дома, в кругу друзей — совершенно противоположное: «Умным человеком можно назвать того, кто понимает двойственный характер советской реальности и ведет себя соответствующим образом... очень важно для советской интеллигенции освоить правила поведенческого двуязычия, чтобы выжить» (Барбакова, Мансуров, 1991. — С. 165).

На данном этапе трудно провести черту между советскими властями и интеллигенцией, поскольку правящий класс пополнялся тогда из слоя интеллигенции, между ними даже существуют определенный альянс, взаимная забота и своеобразные «рыночные отношения». «Можно даже предположить, что большинство представителей интеллигенции даже испытывают чувство благодарности властям за то, что они обеспечили их работой за довольно щедрое вознаграждение». Главное условие такого альянса интеллигента с властями — это «молчание, чтобы выжить...» (там же. — С. 167).

Тем не менее те же авторы отмечают, что даже несмотря на тоталитарную власть «русские поля продолжают

регулярно приносить богатые урожаи в искусстве и науке» (*там же*. — С. 169). К сожалению, последние годы в России (в эпоху уже демократического «стремления к свету в конце туннеля») характеризуются поразительным творческим бесплодием, что

309

позволило известному драматургу В. Розову говорить о них как о «нетворческом времени»... (*Розов*, 1996).

О «двойном сознании» русского интеллигента советского периода пишет В. Кормер: «...это такое состояние разума, для которого принципом стал двойственный взаимопротиворечивый, сочетающий взаимоисключающие начала этос, принципом стала отвергающая самое себя система оценок текущих событий, истории, социума... Поэтому, оставаясь непреодоленным в разуме, разлад, тем не менее, преодолевается экзистенциально, в особом рода скептическом или циничном поведении... Психика, таким образом, делается чрезвычайно мобильной; субъект непрерывно переходит из одного измерения в другое, и двойное сознание становится гносеологической нормой» (*Кормер*, 1997. — С. 226—227).

Как отмечают Л. Я. Гозман и Е. Б. Шестопал, в условиях тоталитарной системы у человека было три основных варианта «реагирования на эту кафкианскую жизнь»: 1) возможность восстать против нее, но это был «путь немногих героев»; 2) осознание преступного режима без каких-либо попыток изменить ситуацию: «принимать мир таким, каков он есть». Но для того, чтобы все принимая и понимая как неизбежность, продолжать жить, работать, воспитывать детей, «требовалось мужество не меньшее, чем для бунта, нужен был уровень личностного развития, доступный лишь немногим избранным»; 3) определенные искажения в восприятии мира с тем, чтобы сделать его менее пугающим и более благополучным — это «наиболее естественный для рядового человека, а значит, и наиболее распространенный» вариант (*Гозман, Шестопал*, 1996. — С. 282—284).

И именно для третьего варианта особенно «эффективно помогают органы массовой информации, которые при любой диктатуре делают все от них зависящее для того, чтобы подданные научились не обращать внимания на все, что буквально бьет в глаза на каждом шагу, — пишут Л. Я. Гозман и Е. Б. Шестопал. — Необходимые искажения в восприятии мира легче осуществлять не на когнитивном уровне, отрицая какие-то аспекты

310

реальности или придумывая то, чего нет, а на аффективном, меняя не столько свое восприятие, сколько свое отношение к действительности» (*там же*. — С. 284—285). Но если считать, что суть тоталитарной системы в том, что это «сюрреалистический мир, где тебе не принадлежит ничего» (*там же*. — С. 282), то только при реализации первого и второго вариантов можно сказать, что человек воспринимает мир без иллюзий, именно как «тоталитарный». Например, при реализации как первого, так и второго вариантов человек все-таки видит мир реальным, хоть и отвратительным, и лишь при реализации третьего варианта он с «помощью» СМИ воспринимает мир как некую «иллюзию».

При этом возможна ситуация, когда человек, реализующий себя по первому, «героическому» варианту, создает в своем воображении образ псевдототалитарного общества и тогда он начинает бороться с псевдопроблемами (бороться с «псевдо-драконом», о чем уже говорилось ранее). Таким образом, можно дополнить три варианта реагирования на тоталитарную систему, выделенных Л. Я. Гозманом и Е. Б. Шестопалом, — четвертым вариантом, когда человек, даже искренне стремящийся осознать ситуацию, ошибается в ее оценке и в итоге борется с псевдопроблемами (побеждает «псевдодракона»).

Для некоторых образованных людей гораздо проще имитировать интеллигентность, чем отыскивать и решать настоящие проблемы. Как уже отмечалось, главная проблема таких «интеллигентов» — это не столько боязнь слабой и уже давно обанкротившейся власти, сколько панический страх перед «общественным мнением», перед мнением своей социально-профессиональной «тусовки». Возможно, эта изначально нравственная проблема постепенно может превратиться и в проблему интеллектуальную, так как основана на самообмане...

Мы считаем, что можно выделить и пятый вариант реагирования на тоталитарную систему, когда образованный человек все прекрасно понимает и чувствует (и на когнитивном, и на аффективном уровне), но, фактически соучаствуя

в преступлении, например потворствуя преступникам своим молчанием, пытается обмануть свою совесть различными оправданиями и самооправданиями (благо для таких оправданий у образованного человека имеется гибкий и даже веселый, остроумный интеллект). Это как раз тот вариант, который характерен для части интеллигенции не только советского периода, и не только в многострадальной России...

Даже несмотря на своеобразную договоренность между властями и интеллигенцией в советский период, все-таки существовала определенная духовная оппозиция режиму, то есть свою главную, нравственную характеристику, связанную со служением общественному идеалу, часть отечественной интеллигенции все-таки сохранила. К. Г. Барбакова и В. А. Мансуров выделяют следующие условные периоды российского диссидентства советского периода: 1) период «оттепели» после смерти Сталина, характеризующийся иллюзиями радикальных демократических изменений в стране (1953—1956); 2) период «отрезвления» после иллюзий «оттепели», а также период отчаяния и беспомощности, а также новыми надеждами на улучшение (1957—1964); 3) давление на руководство КПСС с целью остановить ресталинизацию страны (1965—1968); 4) удары по диссидентству, преследования, кампании против диссидентов (1968—1971); 5) протест в виде выезда из страны как альтернатива тюремного заключения (1972—1980).

Возникшее в век научно-технического прогресса послесталинское диссидентство некоторые авторы рассматривают как «одно из первых ненасильственных восстаний интеллектуалов против новой государственной системы интеллектуального рабства». При этом если вначале советское диссидентство было едино и основывалось на солидарности, то впоследствии в нем стали возникать относительно самостоятельные течения, что свидетельствует о неоднозначности даже наиболее самоотверженных (лучших, элитных) представителей интеллигенции... (см. *Барбакова, Мансуров*, 1991. — С. 171—173).

Как уже отмечалось, ущемление в России свобод в предшествующие десятилетия привело к тому, что сформировался

особый тип «образованных и воспитанных» специалистов, которым «наплевать на все, что происходит вокруг» (в простонародье их называют «пофигистами»)... Например, среди таких людей неприличным считаются «разговоры о политике», «о судьбах этой страны» и т. п. Страшно, когда такими специалистами оказываются педагоги и психологи, которые и призваны формировать у школьников «смысловую картину мира» (по А. Г. Асмолову и М. С. Ныровой).

Если раньше интеллигент опасался репрессий со стороны властей, то сейчас, при относительно слабой официальной диктаторской власти, современный интеллигент больше всего на свете боится так называемого «общественного мнения». Еще Э. Фромм писал о том, что «свобода, достигнутая современными демократиями», это «всего лишь обещание, но не исполнение обещанного», так как в итоге люди остаются зависимыми «от «анонимной власти рынка, успеха, общественного мнения, «здорового смысла» — или, вернее, общепризнанной бессмыслицы...» (*Фромм*, 1992. — С. 236—237).

Как ни парадоксально, но наиболее отчетливо и трагично такая зависимость от «общественного мнения» (и от мнения «своей тусовки») проявляется именно у представителей так называемых «творческих профессий» (писателей, артистов, музыкантов... и психологов). Объясняется это тем, что в среде наиболее творческих и редких профессий жизненный успех и карьера человека во многом зависят от их согласия с господствующими в этой среде мнениями и нормами. Если творческий человек высказывает свою иную нравственную позицию, то «тусовка» его обычно отторгает, отрицательное (презрительное) мнение о нем быстро распространяется в узком кругу «своих», «посвященных» людей, и такой смельчак просто не может реализовать себя как профессионал.

И наоборот, в более массовых инженерных профессиях человек не зависит столь сильно от мнения своей профессиональной среды, так как в случае его отторжения конкретной «тусовкой» он гораздо проще сможет устроиться в другой организации по профилю своей работы, чем артист или

художник. В итоге те люди (традиционная «элита», «интеллигенция»), которые должны быть выразителями свободной нравственной позиции, утрачивают в современном мире свое главное достоинство и превращаются лишь в пустых (но обычно очень «ярких») идолов массового сознания.

Трагедия этих людей в том, что в условиях «рынка» и коммерциализации творчества они часто вынуждены подстраиваться под примитивные вкусы обожающей их публики, хотя могли бы реализовать свой несомненный творческий потенциал более достойно. Как это ни удивительно, но благодаря своему интеллекту, образованию и другим способностям они быстро находят варианты самооправдания и часто выглядят «вполне благополучными» и «довольными своей жизнью». Но это все «до поры до времени»... А впоследствии кто-то из них вполне может оказаться пациентом психотерапевта...

В своем знаменитом «Закрытом письме Президенту» писатель-сатирик Михаил Задорнов с горькой иронией писал об отечественной интеллигенции: «Уважаемый господин Президент!.. Вы опять неожиданно поменяли своих фаворитов, и мы не понимаем, с кем нам теперь дружить... Извечный вопрос русской интеллигенции: что делать?.. Мы в смятении. Время поджигает. Вот-вот начнутся последние заседания комиссии по присуждению премий. А мы до сих пор не знаем, кому мы должны понравиться... Все-таки мы люди культурные, и нам нечем сегодня зарабатывать на хлеб, кроме как торговлей. Кто-то из наших торгует алмазами в обмен на израильские соки, кто-то меняет устаревшие ядерные боеголовки на подержанные бананы в рамках американской программы гуманитарной конверсии в России... Не могли бы Вы снова организовать какой-нибудь референдум? Мы поддержим любую Вашу идею, поедem по стране и за гораздо меньшие из уважения к Вам деньги, чем в прошлый раз... Мы люди образованные, мы быстро все пойдем. Обещаем, что тогда сами решим все наши проблемы и не будем впредь докучать Вам вопросами о культуре, поскольку прекрасно знаем, как Вы этого не любите» (Задорнов, 1996. — С. 2).

314

В этой связи один из наиболее известных отечественных драматургов, всегда сдержанный В. С. Розов писал: «Я не люблю интеллигентский холуяж. Откровенный холуяж, который я заметил еще на первом сборище в Бетховенском зале. Я тогда выступил в «Правде», и больше меня на подобные холуяжи не приглашали... Я не хотел бы своим детям равнения на золотого тельца. Я хотел бы, чтобы они честно зарабатывали себе на жизнь. Сейчас время, которое разлагает людей. А я мечтаю о том времени — времени порядочных людей» (Розов, 1996. — С. 6). Еще И. Кант с горечью заметил, что «тот, кто становится пресмыкающимся, червем, может ли затем жаловаться, что его раздавили?» (Энциклопедия афоризмов, 1998. — С. 426). А ведь «раздавить» может и собственная совесть, естественно, если хоть что-то от нее осталось...

Деградация отечественной интеллигенции имеет множество причин, в том числе и подверженность влиянию культуры «массового общества». Бывший госсекретарь США З. Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска» (1998) предлагает свою концепцию американского «культурного превосходства» и пишет: «...в области культуры, несмотря на некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира...». Утверждая свою «культурную экспансию», отмечает З. Бжезинский, Америка «широко полагается в этом на косвенное использование влияния на зависимые элиты», то есть на интеллигенцию (Бжезинский, 1998. — С. 36—37)...

Типичный пример: во многих квартирах российской (советской) «золотой молодежи» 60—80-х гг. на самом «видном» и «почетном» месте обычно красовались полочки с пустыми импортными банками из-под пива и «пепси-колы», а также — «панно» из импортных коробок из-под сигарет. Это были своеобразные «иконостасы», на которые совершенно искренне молились (как на восточку из иного, свободного мира). Это был своеобразный показатель некоторого «бытового диссидентства» и даже показатель сопричастности к иной культуре... Правда, сейчас, в эпоху «демократических преобразований»,

315

такие «иконостасы» выставлены в каждом пивном ларьке... Можно сказать, что Россию не столько даже «шапками закидали», сколько — «голубыми штанами» (джинсами, о которых искренне мечтали долгое время многие российские молодые люди — будущие интеллигенты). В итоге получается, что в России несколько поколений

интеллигенции воспитывались на идее «голубых штанов» (как одном из важных показателей «жизненного успеха» и «свободомыслия»).

Для личности, стремящейся осознать свое место в мире важно обозначить для себя «Центр мира». М. Элиаде пишет: «С символом Центра мира мы встретимся повсюду. Именно он в большинстве случаев делает для нас ясным и традиционным отношение к «пространству», в котором протекает жизнь» (*Элиаде*, 1994. — С. 31). К сожалению, для значительной части русской интеллигенции такой «центр мира» давно уже находится в дальних, чужих краях, например в Париже или Нью-Йорке... В этой связи можно вспомнить метафору М. Е. Литвака о «психологическом кашеизме», когда душа человека находится не в нем самом, а где-то в другом месте (как у Кощея Бессмертного душа, то есть жизнь, находилась на кончике иглы, которая находилась в яйце, а яйцо — в утке, а утка — в зайце и т. д.). По мнению М. Е. Литвака, основанным на его беседах с тысячами людей, лишь 8% из них застрахованы от такого «кашеизма» (*Литвак*, 1999. — С. 314—316). В итоге такой человек (в данном случае образованный человек, претендующий на интеллигентность) становится очень уязвимым для различного рода манипуляций.

Можно обратиться еще к одному образу, помогающему понять сущность нынешней интеллигенции. М. Элиаде пишет, что, согласно «космологической схеме» священного здания, «четыре части внутреннего помещения символизируют четыре стороны света»: алтарь — это рай, находящийся на востоке. В течение пасхальной недели эта дверь остается открытой во время всей службы, что символизирует воскрешение Христа и открытие им ворот в рай. А вот запад, напротив, символизирует «область мрака, скорби, смерти», это «вечное пристанище

316
умерших, которые ожидают воскресения тел и последнего суда»... (*Элиаде*, 1994. — С. 45).

Естественно, не следует сильно преуменьшать или преувеличивать культурное значение Запада или Востока. Проблема лишь в однобокой ориентации. В этой связи можно вспомнить еще одну известную метафору — «Земля не только круглая, да еще и вертится!... И даже несчастная Америка, постоянно обвиняемая в примитивизме своей культуры, нередко смотрит на Россию как на страну, тоже находящуюся на Западе (если смотреть через Тихий океан). Удивительно, но в кульминацию одного из самых значительных для США праздников — Дня независимости — грандиозный фейерверк за обелиском Дж. Вашингтона идет под звуки «сугубо русской патриотической увертюры П. И. Чайковского «1812 год», под ее православный звон колоколов и хор на русском языке»... (см. *Хазен*, 1998. — С. 90—91). Вот такой интересный американский «патриотизм» получается!

А что касается нашей, ну просто замечательной русской интеллигенции, то для того, чтобы вновь открыть для себя Россию и найти именно на родной земле свою душу (преодолеть в себе «психологический кашеизм» — по М. Е. Литваку), вероятно, для многих проще это сделать, сначала попробовав поискать ее «за тридевять земель». Главное — не застрять в этих «землях»... Но и для застрявших не все будет потеряно, поскольку «крутящаяся Земля» даже некоторым из них поможет понять, насколько хаотичным и бессмысленным становится мир, если человек не нашел для себя «центр», то есть точку отсчета и понимания этого мира, а значит, и понимание самого себя в этом мире.

Говоря о современной российской интеллигенции, В. Кормер выделяет главную черту, отличающую ее от «былой» интеллигенции, — это «буржуазность», которая проявляется в манерах, в обстановке квартир, в суждениях. «Идеалом для него (интеллигента. — *Н. П.*) является жизнь его американского или европейского коллеги... — пишет В. Кормер. — Он хочет теперь быть «гармоничным человеком»... отнюдь не страдания,

317
не чужая трагедия манит его теперь, но прекрасное, которое он понимает умеренно эстетически, гедонистически, как имеющее смысл постольку, поскольку им можно наслаждаться... на его сегодняшнюю буржуазность, можно, кажется, взглянуть и участливо, как на вполне понятное желание пожить наконец спокойно, без страха за завтрашний день» (*Кормер*, 1997. — С. 211—213). Но тогда возникает очень неприятный вопрос: можно ли считать такого человека истинным интеллигентом? И многие образованные люди, которые вполне могли бы постараться стать настоящими интеллигентами, скорее всего, ответят на этот вопрос так: «Нам надоели все эти разговоры об интеллигентности. Нам просто хочется жить и не забивать себе голову всякой ерундой...».

В связи с вышеприведенными рассуждениями возникает и другой вопрос: понимает ли современный российский «среднестатистический» интеллигент, что он уже давно стал объектом искусной манипуляции? Вероятно, не сразу, но осознание этого печального факта приходит. На самом деле проблема даже в другом: с какого момента у современного интеллигента появляется мужество для признания в своей излишней доверчивости, основанной на его тщеславном стремлении быть сопричастным элите, «от имени» которой в основном и работают мастера манипуляции? Здесь важен не столько чисто временной момент («я прозрел в такое-то время»), а именно тот момент, когда большинство населения еще не «прозрело», а подлинный интеллигент, сумев признаться в собственных заблуждениях, «прозревает» несколько раньше этого большинства. Если же интеллигент опять со всеми, с массой, то это уже не интеллигент, так как ему не достает самого главного — мужества быть самим собой.

Проблема участия (соучастия) интеллигенции в очередном перераспределении благ

Сейчас в стране фактически происходит легитимизация нового перераспределения благ (что-то будет дальше?..).

318

Именно поэтому так называемые «новые русские» только и мечтают, что о стабильности, точнее — о стабилизации, консервации того, что произошло... С одной стороны, возвышение над «непредприимчивой» массой сулит значительные выгоды от перераспределения не только материальных благ, но и от психологического перераспределения престижных составляющих профессионального и жизненного успеха. Но, с другой стороны, лакейство перед господствующим классом может на определенном этапе развития интеллигента привести к раскаянию и мукам совести (в худшем, хотя психологически и более простом, варианте — к потере своей интеллигентности, к превращению в «бывшего интеллигента»)..

При этом можно говорить о прямом участии людей, считающих себя интеллигентами, в перераспределении благ, но можно рассмотреть и более сложные (и более интересные в психологическом плане) формы молчаливого согласия значительной части интеллигенции с таким перераспределением. Именно в этом случае можно было бы говорить о «соучастии» интеллигенции в очередном дележе собственности, когда сама она мало что с этого имеет, если не считать тех радостей, которые достаются «людям публики», сидящим перед телеэкраном и наблюдающим за всем, что происходит в обществе как за очередной увлекательной «кинушкой»... Идиотизм данной ситуации заключается в том, что по своему уровню образования (особенно если это гуманитарное образование!) такие «интеллигенты» могли бы не только «сообразить» наконец, что же на самом деле происходит в стране, но как-то и воспротивиться этому (см. подробнее о «психологическом феномене дурака» в главе 18).

Интересный вариант объяснения пассивности современной интеллигенции предлагает С. Московичи: «...молчание становится доказательством солидарности друг с другом: каждый отказывается от правды, чтобы остаться в сообществе» (Московичи, 1996. — С. 426). Проводя аналогию с тоталитарными эпохами, когда в России свирепствовали сталинские процессы, С. Московичи продолжает: «Все эти процессы...

319

поворачивают заговор, первоначально направленный вовне, против ненавистного режима российских императоров и обращают его внутрь, я это подчеркиваю, на партию и общество, порожденное ею... эти процессы определили некую закрытую сферу, которая включает все то, что должно быть скрыто — но на виду у всех. Уважая эту сферу, каждый входит в сговор и становится сообщником. Находящиеся на посту руководители партии, интеллигенция, призванная это оправдать, — все включены в эту спираль сообщничества» (Московичи, 1996. — С. 429—430).

Быть может, интуитивно понимая некоторую «фальшь» происходящих в обществе преобразований, современный российский интеллигент не только боится мнения своей престижной «тусовки», но он начинает бояться и собственной совести, что в итоге и заставляет его искать спасение (спасение души?) в сообщничестве. Рассматривая ситуации, когда «примат чувств уступает место примату разума», С. Московичи выдвигает следующую интересную гипотезу: «...будучи соучастниками злодеяния, они продолжают быть соучастниками его утаивания. Чтобы осуществить это, они запрещают друг другу и всему клану о нем думать, требуя от всех присоединиться к тотемическому вымыслу, который они отстаивают. Этот отказ от истины и будет, таким образом, причиной перехода от примата духовности к примату веры, от знания к верованию. Готовность пойти на такую

жертву ради сохранения единства клана... наполняет людей чувством гордости, которое заставляет их предпочитать страдание отречению» (*Московичи*, 1996. — С. 432—433).

Не напоминает ли это ситуацию, в которую попали многие российские интеллигенты, молчаливо одоббившие расстрел Верховного Совета в 1993 году? Применительно к нынешней российской ситуации уместно вспомнить слова английского писателя и философа Т. Карлейля: «Любая реформа, кроме моральной, бесполезна» (*Энциклопедия афоризмов*, 1998. — С. 471). К сожалению, далеко не все российские интеллигенты

320

понимают это и тем более не связывают идею нравственного преображения со своими собственными персонами.

Еще в 1969 году, реагируя на чешские события, В. Кормер писал, что «интеллигенция не желает видеть только того, что Зло не обязательно приходит в грязных лохмотьях анархии», что «оно может явиться и в сверкающем обличье хорошо организованного фашистского рейха» и что «оно не падет само по себе от введения упорядоченности в работу гигантского бюрократического аппарата» (*Кормер*, 1997. — С. 242—243). И как опять же актуальны эти слова сегодня!

В условиях, когда носители духовного труда превращаются в главного субъекта властных отношений, то они перестают быть интеллигенцией, превращаясь в бюрократию... (см. *Барбакова, Мансуров*, 1991. — С. 125). И все же «главное, что характеризует интеллигента и отличает его от остальной массы работников умственного труда, — отмечает П. А. Баран, — это кровный интерес ко всему мировому процессу, этот интерес не поверхностен, не мимолетен: он пронизывает всю мысль интеллигента и явно воздействует на ход его труда» (*там же*. — С. 112).

Проблема интеллигента как носителя и производителя особого (духовного) знания заключается в том, чтобы даже в рамках своей специализации сохранить «интерес к мировому процессу» и всячески содействовать «общечеловеческому благоденствию». При этом элитарность интеллигентного человека определяется не столько «приближенностью» ко властным структурам, когда человек, используя свои знания, превращается в «наемного проводника» идей власти в массы (с соответствующим принятием норм и правил жизни, характерных для властной элиты), сколько внутренней готовностью подлинного интеллигента, также опираясь на свои таланты и знания, производить собственные нормы и ценности, направленные на служение идеалам добра и справедливости.

Вероятно, проблема отношения интеллигенции и власти никогда не будет решена окончательно, и поэтому в каждом конкретном случае человек, претендующий на подлинную

321

интеллигентность, должен решать эту проблему для себя сам. Речь при этом идет не только об отношении к высшей государственной власти (к вождям, кумирам и «харизматикам»), но и к непосредственному руководству на работе или к лидерам своей неформальной группы).

Главное для подлинного интеллигента — сохранить верность лучшим идеалам добра и справедливости, используя для этого свои знания и таланты (особенно в условиях, когда на такие знания и таланты появился спрос на «рынке личностей» и соответствующий соблазн для интеллектуалов «продавать» себя за деньги и признание...).

Интеллектуал становится (или, что еще сложнее, остается) интеллигентом лишь тогда, когда собственное достоинство возвышается для него до уровня, который выше благ, получаемых в результате продажи своей души «сильным мира сего».

Особая «эстетика неуклюжести» в нравственном поведении интеллигента

Философ А. Ф. Лосев отмечал, что «подлинный интеллигент» — это тот, кто «всегда целесообразно трудится; но он всегда настолько прост душой, что даже не чувствует своего превосходства над людьми неинтеллигентными», «интеллигентности нельзя научиться, но она требует длительного воспитания и самовоспитания» (*Лосев*, 1988. — С. 320). «Скромность — украшение мудрости» — гласит японская пословица (см. *Разум сердца*, 1990. — С. 242).

Когда человек осмеливается обозначить свою позицию, отличную от общественного мнения, он не просто платит за это непониманием и одиночеством, но часто и выглядит в глазах окружающих смешным и нелепым

(неадекватным). К этому можно добавить, что новое — оно само по себе часто неуклюже (примерно так же, как только что родившийся ребенок). По сравнению с заезженными истинами и мнениями, тысячекратно отшлифованными многочисленными конъюнктурщиками и придворными остряками, новое, особенно

322

нравственно новое и свежее, очень уязвимо... И как раз в этом заключается его основная ценность, не только этическая (нравственная), но даже и эстетическая (см. об этом более подробно в главе 6).

Для иллюстрации этих рассуждений можно привести пример, увиденный мною осенью 1991 года, как раз в дни «победы демократии» (так называемой «революции с лицом Ростроповича», как писали тогдашние газеты). Вокруг общая эйфория от победившей демократии, сносят памятники, требуют убрать Ленина из Мавзолея и т. п. Все ликуют: «тусовочная» молодежь, типичные интеллигенты, обычная публика, которой за граница «обещает какую-то помощь» (почти как в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова) и т. п. И вот в этой замечательной атмосфере группа работников Музея Ленина стоит с красным флагом и скромным плакатом, где выписано требование оставить в покое имя Ленина. Прохожие смотрят на них как на идиотов, почти плюются, а эти люди стоят и не уходят. Стоят, опустив головы, все какие-то несуразные... И даже не так важно, правы они или нет (это особая тема для дискуссий, и очень непростая тема, ведь более трети населения России считают, что Ленина трогать нельзя). Важно другое — особая эстетика собственной позиции, пусть даже и непонятная для ликующей массы, ведь, как известно, массам обычно нужны, во-первых, хлеб (а в условиях России — «колбаса», откуда и появился термин «колбасные рожи») и, во-вторых, а на самом деле главное, чего требует масса, — это зрелища, основанного на «пошлости» и «понятности» для обывателя.

Таким образом, интеллигентность — это не только скромность в традиционном понимании (как воспитанность и недемонстративность своего преимущества), но и готовность предстать перед людьми в неуклюжей, неадекватной и даже смешной позиции, когда сам человек убежден в своей правоте и в том, что молчать он уже не может (хотя можно было бы подождать, когда появятся более удачные и понятные

323

слова, манеры, позы и другие способы обозначения своей позиции... но тогда будет упущено время...).

Можно даже предположить, что в особо сложных ситуациях нравственного и личностного самоопределения неуклюжесть является одним из показателей искренности и чистоты человека, тогда как внешняя изысканность и отработанность манер, скорее, свидетельствуют о некоторой наигранности и манипулятивности...

Контрольные вопросы к главе 5

1. Обязан ли психолог-практик быть реальным посредником между самоопределяющимся человеком и культурой?
2. Должен ли психолог быть интеллигентом? Почему?
3. Что понимается под интеллигентностью?
4. Почему понятие «интеллигент» в настоящих российских условиях не всегда вызывает уважение у значительной части населения?

324

Глава 6

Теоретико-методологические проблемы исследования нравственного развития личности

27. Возможности и ограничения традиционных подходов и методов исследования нравственного развития личности

Методологические сомнения использования «объективных» методов при исследовании человеческой уникальности и нравственности

Понятно, что для рассмотрения нравственного развития личности (включая и проблему «элитарных ориентаций» и «личностной продажности») больше подходят не «объяснительные», «естественнонаучные» подходы, основанные на четкой концептуализации понятий и строгом выделении единиц измерения, а, скорее, то, что в психологии называется «гуманитарной парадигмой исследования», основанной на «понимании» и даже «прочувствовании» изучаемого явления (см. *Слободчиков, Исаев, 1995*).

Исследование ценностно-смысловой сферы личности (и его стремления стать лучше) сталкивается и с такой проблемой, как этическая деликатность по отношению к тем, у кого мы пытаемся данное явление исследовать. И дело не только в том, что такие люди могут обидеться (и правильно сделают!), но и в том, что как только они почувствуют к себе в этом плане интерес, то сразу же могут «замкнуться» или просто перестать быть искренними. Нельзя забывать при этом, что в исследовании всего, что касается личности, мы

325

имеем дело не с «объектом» (что допустимо при естественнонаучных подходах), а именно с «субъектом», с которым необходимо еще установить реальное взаимодействие.

Еще С. Л. Рубинштейн подчеркивал, что «для принятия испытуемым экспериментальной задачи экспериментатор должен перейти вместе с испытуемым на позицию участника совместной деятельности, направленной на решение общей жизненной задачи, выходящей за пределы экспериментальной ситуации» (цит. по: *Дружинин, 1994. — С. 74*).

Получается даже парадоксальная ситуация: этическая деликатность проблемы нравственного развития и «элитарных ориентаций» предполагает, что в открытую, никак не ущемляя достоинство испытуемых, исследовать ее сложно, но необходимость выхода на личностный уровень делает неизбежным взаимодействие и сотрудничество с теми людьми, которых мы пытаемся исследовать, а значит, они должны понимать смысл этого взаимодействия с психологом, а может, даже и соперничать ему в решении столь сложной задачи...

Естественно, ни в коем случае нельзя отказываться от существующего в психологии традиционного исследовательского арсенала (тестов, опросников, анкет и т. п.). Еще более интересными могут оказаться для исследования стремления человека стать «лучше» («элитарных», а иногда и «псевдоэлитарных ориентаций») известные методы практической психологии: различные схемы организации беседы, психологические консультации, игровые, групповые, тренинговые и другие методы работы и т. п. Конечно, все эти методы должны быть адаптированы к новой исследовательской задаче.

Но при проведении подобных исследований следует помнить о весьма существенном ограничении. В экспериментальной психологии выделена определенная закономерность соотношения измерительных шкал и уровней проявления психического, для исследования которых эти шкалы могут (или не могут) быть использованы. Например, более строгие и точные «шкалы отношений» и «шкалы интервалов», скорее всего, окажутся малопригодными для исследования высших уровней

326

психического, для которых характерны такие признаки, как уникальность, спонтанная активность, целостность... Как отмечает В. П. Дружинин, «любого из этих признаков достаточно, чтобы сделать неразрешимой проблему измеримости психической реальности» (*Дружинин, 1994. — С. 129—130*). Считается, что «мощность метода», основанного на естественнонаучных посылах, возрастает по мере приближения к более простым иерархическим уровням психического и теряет свою силу по мере приближения к сложным (личностным, уникальным) уровням. И напротив, по мере приближения к сложным уровням возрастают возможности герменевтических (качественных) методов, основанных на «понимании» исследуемого объекта (*там же. — С. 132—133*).

Таким образом, перспектива — за методами, основанными на «понимании» и «прочувствовании». Но тогда сразу же возникает новая проблема: все ли психологи готовы опираться в своих исследованиях на свою способность понимать и чувствовать (а может, и со-чувствовать исследуемому объекту-субъекту)? Понятно, что перечисленные выше ограничения создают определенные сложности при исследовании проблемы «элитарных ориентаций» и «личностной продажности» в формализованных (а часто и бюрократизированных) ситуациях

защиты дипломных работ и диссертаций, когда к соискателю предъявляется главное требование — продемонстрировать себя как «объективного» и «беспристрастного» исследователя, которому чужды всякие проявления «субъективности» и «самодеятельности», когда важно не «почувствовать», не «понять», а «сосчитать»...

Проблема четкой концептуализации и категоризации ценностно-смыслового развития личности (по В. П. Зинченко, Е. А. Климову и др.)

Элитарные ориентации во многом аккумулируют в себе проблемы современной психологии в ее теоретико-методологическом плане, в плане экспериментально-исследовательском,

327

а также в плане практическом. Но деликатность проблемы в том, что без рассмотрения элитарных (а также псевдоэлитарных) ориентаций и нередко связанной с ними проблемы личностной продажности невозможно понять многие проявления и самой личности. Собственно, личность во многом является как бы антиподом «продажности», а не поняв противоположности, антипода, сложно говорить и о самом явлении.

Поскольку сложно четко определить, что такое нравственное развитие, что такое «элитарные ориентации» и «продажность», то у многих может возникнуть сомнение, а можно ли вообще говорить о том, что не имеет однозначного определения? Но такие же сомнения окажутся правомерными и по отношению к «личности», и ко многим другим психологическим понятиям («психика», «игра», «творчество», «самоактуализация»...), которые хотя и не имеют четкого определения, но все-таки используются и в теоретических разработках, и в экспериментальных исследованиях, и особенно — в психологической практике.

Выступая против засилья в психологии технократических и естественнонаучных подходов, В. П. Зинченко пишет, что «в науке многое определяется удивлением по поводу очевидности», и отмечает далее, что «живое вообще трудно поддается концептуализации», хотя мы «редко ошибаемся, отличая живое от неживого, умного от глупого», и призывает дополнять «технологические» знания «интуитивно чувствуемыми смысловыми образами» (Зинченко, 1995. — С. 11, 14—15).

К более смелому использованию метафорического языка в психологии призывает Е. А. Климов, подчеркивая, что «порождение и употребление метафор есть путь к концептуализации наших знаний, к достижению более стройного понятийного их уровня» и что «многие вполне определенные термины точных наук явно несут на себе печать «низкого» (якобы низкого. — Н. П.) метафорического происхождения» (Климов, 1995. — С. 73—76). Вероятно, понятие «элитарность»

328

также еще только находится на пути к своей концептуализации и своему более строгому понятийному уровню.

Тем не менее представление о нравственности, об элитарности (и о профессиональной совести самого психолога) может быть описано на уровне простейшего понятийного обобщения, когда с помощью «одновременного произнесения слов» указывается на «обозначаемый ими объект», что и было сделано при перечислении основных характеристик элитарности и ее соотношении с близкими понятиями (см. выше). В науке это называется «остенсивным определением» объекта (см. Горский, 1985. — С. 26—27).

Е. А. Климов выделил различные уровни (системы) описания субъекта: *прожективный, инверсионно-прожективный, безлично-субъектный, обыденно-рефлексивный и научно-рефлексивный* (Климов, 1995. — С. 76). Если соотнести с этими уровнями характеристики «элитарно ориентированного субъекта», то, по крайней мере, можно говорить, что на уровне обыденно-рефлексивного описания это оказывается возможным, когда «субъект и многие его свойства вычленяются и более или менее дифференцированно описываются словами и оборотами обыденного языка — иногда с некоторыми включениями научной психологической терминологии» (Климов, 1995. — С. 76).

Более сложным является «вербальное определение» объекта, предполагающее «разъяснение смысла одного термина, смысл или значение которого неизвестны, через другие термины, смысл и значение которых

предполагаются уже известными» (Петров, 1991. — С. 10).

Этические сомнения относительно исследования самоопределяющейся личности с помощью традиционных («объективных») средств

Многие психологи (А. Г. Асмолов, Л. И. Божович, Б. С. Братусь, Ю. Б. Гиппенрейтер, А. Н. Леонтьев, А. Маслоу, В. В. Петухов, С. Л. Рубинштейн, Г. Шихи, В. Франкл, Э. Фромм и др.)

329

разделяют точку зрения, согласно которой именно ценностно-смысловые ориентации являются основой развитой личности. Но личность тем и интересна, что она уникальна, а следовательно, не поддается соотнесению с различными «нормами», полученными в ходе объективных исследований с использованием мощного математико-статистического инструментария...

Кроме того, даже если представить, что существуют какие-то фантастические средства оценивания личности, то возникает проблема, когда сам человек может не согласиться, чтобы исследовали его внутренний мир так, как исследуют неодушевленный объект, просто измеряя какие-то параметры, оценивая человека по каким-то шкалам, стенам и т. п. Все это требует поиска совершенно иных подходов и методов, основанных не только на возможности исследовать «уникальное» и постоянно меняющееся (развивающееся или деградирующее), но и на уважении личности обследуемого, на принятии им исследовательской задачи.

28. Перспективные подходы, основаны на «понимании» нравственных проблем самоопределяющейся личности. Метод «открытых глаз»

Возможности и ограничения герменевтических подходов к исследованию ценностно-смыслового развития личности (по В. Н. Дружинину)

Поскольку герменевтические методы становятся предметом все более серьезного обсуждения психологов, то есть смысл кратко обрисовать его возможности и ограничения применительно к задачам психологического исследования (или эксперимента) нравственного развития (или нравственной деградации) личности. Как отмечает В. П. Дружинин,

330

«результат применения герменевтического метода уже есть факт и, следовательно, «понимающий психолог» ведет себя по отношению к человеку-клиенту в соответствии с тем, как он понял психику клиента методом вчувствования, эмпатии и т. п.», но «само действие психолога и ответное действие клиента — это реальности из области применения экспериментального метода» (Дружинин, 1994. — С. 119). Кроме того, результаты применения герменевтического метода, скорее всего, зависят от «типа личности исследователя»; «область применения герменевтического метода — уникальные, целостные, обладающие «разумной» составляющей объекты»; «герменевтический метод не удовлетворяет требованиям инвариантности знания по отношению к субъекту исследовательской деятельности»; модификациями психологического герменевтического метода являются биографический метод, анализ результатов (продуктов) деятельности, психоаналитический метод (Дружинин, 1994. — С. 120—122).

«Большинство современных методов психологии труда, социальной психологии и других частных психологических дисциплин немыслимы без «чисто герменевтических» методик, — отмечает В. П. Дружинин, — в частности, психологический анализ деятельности является не чем иным, как интерпретацией трудового процесса в понятиях психологического знания, которым владеет исследователь, и в соответствии с определенной схемой анализа» (Дружинин, 1994. — С. 156).

Таким образом, данные методы (а также их модификации) могут стать перспективным средством для исследования нравственного развития человека. Но, к сожалению, реальное применение этого метода пока еще встречает множество препятствий. Например, большинство дипломных и диссертационных работ по психологии выполняется в рамках «естественнонаучного» подхода, а публикация результатов исследований (в том числе и

исследований личности во всей ее уникальности, и ценностно-смысловых ориентаций),

331

как правило, предполагает довольно «убедительную» математико-статистическую обработку...

Кроме того, само использование герменевтического метода предполагает, что психолог должен хорошо им владеть, но как раз этому часто в психологических вузах и не обучают (или обучают недостаточно). Проблема в том, что для освоения герменевтического метода, помимо базового психологического образования, нужна еще и хорошая практика, и просто готовность «видеть» (осознавать, переживать) общественные и человеческие проблемы.

Общая характеристика и особенности метода «открытых глаз»

Тот факт, что проблема ценностно-смыслового развития, а также близкая к ней проблема «элитарных и псевдоэлитарных ориентаций» на психологическом уровне исследована мало, говорит о том, что так просто к ней не подступиться, опираясь на существующие методы и подходы. Необходим поиск принципиально новых способов работы с такой сложной и деликатной реальностью, как «совесть», «достоинство», «стремление к элитарному идеалу» и всеми их антиподами.

Как уже отмечалось, перспективными представляются здесь так называемые «герменевтические методы», основанные на «понимании» и «вчувствовании» психолога в изучаемую ситуацию, в проблемы данного человека.

Мы предлагаем некоторую разновидность методов, основанных на понимании и вчувствовании, которую образно называем «методом открытых глаз». Как известно, часто для исследования простых проявлений психического (психофизиологических реакций, при исследовании различных психических функций и способностей) нужны специально созданные экспериментальные условия или аппаратура. Соответственно, требования к методам исследования также достаточно жесткие. Но, как это ни покажется парадоксальным, для исследования сложных личностных проявлений

332

всего этого не требуется, если умело использовать уже имеющуюся экспериментальную ситуацию под названием «жизнь»... Надо только «открыть свои глаза».

В каком-то смысле можно сказать, что «метод открытых глаз» уже давно и эффективно используют для понимания человеческой природы философы, писатели, педагоги, да и обычные люди, которые хотят разобраться в себе и в окружающем мире. Именно поэтому в настоящей работе мы активно использовали высказывания и рассуждения известных поэтов, писателей, политиков, философов и деятелей культуры о «величии» и его антиподах — «массовости» и «пошлости» (см. В поисках смысла, 1998; Ларец острословов, 1991; Разум сердца, 1990; Энциклопедия афоризмов, 1998; *Гарин*, 1992. — Т. 1—2 и др.).

К сожалению, психологи иногда как бы «стесняются» обращаться к богатому наследию не только человеческой культуры, но даже к опыту исследователей из других, смежных наук, отраслей знания, таких, как философия, социология, педагогика, экономика, биология и т. п. Примером такого «стеснения» является призыв «различать позицию писателя как демиурга личности» и «позицию психолога как исследователя личности», так как психолог «опосредствованно» познает «человека в человеке, тогда как писатель познает человека «непосредственно» через чувственные образы. При этом утверждается, что «свободное перемещение категорий из одной отрасли знания в другую — в данном случае из поэтики в психологию — чревато серьезными методологическими затруднениями, даже если источником переноса является такой замечательный исследователь, каким был М. М. Бахтин» (см. *Петровский, Ярошевский*, 1998. — С. 245—246).

Но проблема личности, ее нравственного развития и ориентация на человеческие идеалы, отраженные в культуре («элитарные ориентации»), носит прежде всего междисциплинарный характер, и если ограничиваться только «своей» наукой, в частности психологией, то и разобраться с нравственностью и «элитарностью» (как и с «личностью») вряд ли

получится... Мы вынуждены признать, что в таком деликатном опросе психология пока еще слаба, о чем, например, говорит растерянность многих психологов перед неудачами псевдодемократических реформ в России последнего времени. Как справедливо заметил В. Дильтей, «чем ограниченнее кто-либо, тем охотнее он говорит о противоречиях в своем характере» (см. Энциклопедия афоризмов, 1998. — С. 351), что может быть отнесено и к самим психологам, которые очень любят порассуждать о «противоречивости» своей науки.

Еще одна парадоксальная особенность «метода открытых глаз» заключается в том, что вся сложность его использования — в его простоте. Ведь всегда кажется, что для «солидного» исследования нужны специальное оборудование, громоздкие методики и прочие атрибуты «настоящей» науки. А вот просто «открыть глаза» и наблюдать за тем, что происходит вокруг, — это невысказано!.. Однажды на своих лекциях еще в конце 70-х гг. В. П. Зинченко, рассуждая о природе «чуда», сказал: «Чудо везде и всюду. Оно у нас под носом. Но только посвященный сможет увидеть его...». Рассматривая творчество в науке и философии, известный философ Х. Ортега-и-Гассет, отмечал, что «причина ошибочного взгляда на теоретическую деятельность со стороны ее решения, а не с первоначальной стороны самой проблемы лежит в непризнании чуда, засвидетельствованного великолепным фактом существования у человека проблем», поставленных не самим человеком, а «свалившихся на него», поставленных «его жизнью» и по сути своей являющихся проблемами «практическими» (*Ортега-и-Гассет*, 1991. — С. 89).

Нередко исследователи высших уровней активности и творчества сталкиваются с проявлениями спонтанности, нерациональности (иррациональности) поведения, которые нередко противоречат прагматичной ориентации на «результат» и похвалу, но которые часто являются проявлениями подлинной субъектности и творчества человека. Например, Г. Селье, рассматривая проблемы полупроформальной логики как важного элемента работы любого ученого, выделил среди прочего и

«вспышку интуиции, «озарение» (*Селье*, 1987. — С. 251). Аналогично в реальном профессиональном самоопределении человек способен к интуитивному принятию качественного решения, но, как и в творчестве, такая интуиция оправдывает себя лишь в тех случаях, когда индивид пытался ранее осознать свою проблему и как-то решить ее. Ю. И. Левин, рассуждая о парадоксах самоутверждения, отмечал, что человек «может позволить себе игру с бессмыслицей, с хаосом, с деструкцией», когда он «уверен в своем разуме» (см. Как построить свое «Я», 1991. — С. 49).

Как отмечает известный философ-интуитивист Н. О. Лосский, существуют достоверные знания, которые «иначе, как путем непосредственного восприятия (созерцания), не могут быть получены» и прежде всего — это «знания об активности, действовании». Достигается такое познание активности через «координацию» субъекта с познаваемыми объектами, когда «наблюдающий субъект и наблюдаемый предмет внешнего мира присоединены друг к другу, несмотря на то что они суть независимые друг от друга части мира» (*Лосский*, 1992. — С. 150—160).

В этой связи В. В. Ильин пишет, например, что «...идея диморфии естественных и гуманитарных наук не может быть фундирована гносеологическими аргументами... в лимитах своего академического амплуа естественник и гуманитарий едят одно блюдо, хотя с разных концов и разными ложками» (*Ильин*, 1994. — С. 22). Отстаивая правомерность разных видов познания, И. Т. Касавин отмечает, что помимо традиционно научного (естественнонаучного) типа познания существуют и другие формы постижения мира, которые «едва ли... могут быть вытеснены наукой», что постепенно «будет возрастать многообразие форм знания, связанных с локальными практиками и не требующих универсальной стандартизации», и что «индивидуализация знания в лучшем случае окажется совместимой с какой-то иной, отнюдь не современной наукой» (*Касавин*, 1990. — С. 23).

На своих лекциях Е. А. Климов, говоря о практических методиках, часто подчеркивал, что «чем проще методика как внешнее средство, тем большего профессионализма она требует от психолога», и что «внешняя простота обманчива, так как психолог должен компенсировать ее системой развитых внутренних средств своей профессиональной деятельности». Это в полной мере относится и к методу «открытых глаз». Этот метод нельзя

просто взять и «использовать» как какой-то хорошо отработанный тест или игровое упражнение, которые сами могут компенсировать невысокий профессионализм психолога. Метод «открытых глаз» сам по себе не работает.

В чем-то этот метод близок к «трудовому методу», применяемому в психологии труда или к «методу включенного эксперимента», когда исследователь непосредственно включается в изучаемые процессы и пытается как бы «изнутри» понять их, но понять всем своим существом...

В идеале использование метода «открытых глаз» — это не просто «наблюдение» (хотя и обычное наблюдение дает достаточно информации для размышлений о совести и достоинстве), но и активное участие в исследуемом процессе. При такой активной позиции исследователь-участник должен обязательно иметь свою собственную нравственную позицию (совесть) и своими действиями постоянно провоцировать ответные действия тех людей, которых он собирается понять (исследовать). Желательно, чтобы такой «исследователь-провокатор» постоянно создавал для обследуемых ситуации нравственного выбора, например, ситуации «соблазна самоутверждения» за счет ущемления чужого достоинства, в том числе и собственного достоинства «исследователя».

И тогда, с одной стороны, исследователь становится своеобразным «сатаной-соблазнителем», постоянно устраивающим проверку человека на «вшивость», но, с другой стороны, он становится и своеобразной «жертвой», так как самого себя ставит в довольно рискованную ситуацию... Кто-то может сказать, что когда исследователь ставит себя в

336

положение «жертвы», то он неизбежно теряет свое достоинство в глазах других людей, но многие авторитетные психологи-консультанты считают, что «защищенность является одним из злейших врагов терапевта» и в работе с клиентом (а также — с обследуемым) «первое правило — не отвечать ударом на удар» (см. Кан, 1997. — С. 101). Есть и третья сторона в провоцировании «соблазнов» для самоутверждения за чужой счет, о которой уже не раз говорилось — это создание для обследуемых таким образом людей возможности не только для проверки своего достоинства, но и для утверждения себя как личности, когда человек все-таки отказывается от таких «соблазнов», а также условий для развития своего достоинства в этих хоть и «мелких», с бытовой точки зрения, но на самом деле этих очень непростых испытаниях.

Для всего этого обычного житейского и даже профессионального опыта окажется недостаточно — психолог должен развивать в себе «способность совести», а также постоянно заботиться о собственном достоинстве. И если все-таки кто-то из психологов отважится использовать метод «открытых глаз», то ему сначала нужно будет обратиться к своему внутреннему миру, то есть понять самого себя, свой критерий оценки (или хотя бы распознавания) добра и зла, а также свою готовность понять иные критерии, мировоззренческие позиции других людей... При этом понять себя — это значит и осознать свое место и предназначение в мире, то есть понимание себя неизбежно предполагает и понимание того мира, общества, в котором мы живем, а также стремление понять смыслы жизни самых разных людей, живущих в этом мире...

В приложениях данного пособия (см. приложения) представлены некоторые методики, которые позволяют осуществлять подобные «провокации» и предполагают активное наблюдение за участниками этих процедур с использованием метода «открытых глаз».

Естественно, при использовании метода «открытых глаз» в специальных научных исследованиях неизбежными окажутся различные способы фиксации, описания и интерпретации

337

полученных данных (наблюдений, впечатлений, переживаний), но главное — это человеческое понимание других людей, а значит, и понимание самого себя... Во взаимодействии с личностью клиента или обследуемого сам исследователь неизбежно выступает не только в роли «субъекта» познания, но и как полноценная личность. При этом, как отмечал Д. И. Фельдштейн, «именно в процессе целенаправленно организуемой деятельности формируется в человеке важнейшая, определяющая его как развитую личность потребность в благе другого» (Фельдштейн, 1994. — С. 47). Естественно, что сказанное относится и к самому психологу-исследователю, выстраивающему свои отношения с другими людьми.

Обращение к методу «открытых глаз» — это не стремление познать последнюю истину (как в традиционных естественнонаучных подходах), а, скорее, постоянное наблюдение, участие и рефлексия самого процесса изменения нравственных, мировоззренческих позиций окружающих людей, всего общества и окружающего мира, а также самого себя в этом мире.

Таким образом, исследователь, рискнувший использовать метод «открытых глаз», не ставит своей задачей непременно давать «объективную» оценку другим людям, он должен понимать тенденции развития мировоззрения людей, исходя из того, что человек постоянно меняется. При этом, оценивая тенденции изменения других людей, с которыми психолог взаимодействует, он неизбежно будет рефлексировать и собственные изменения, так как сам обречен быть субъектом своей собственной деятельности и своих взаимоотношений с миром и другими людьми. Если же психолог не готов быть таким субъектом, то ему лучше обратиться к уже проверенным, надежным и, конечно же, «правильным» методам работы, в которых уже заложена «субъектность» других психологов, которые и разработали столь замечательные средства.

Особенно сложно применять метод «открытых глаз» при исследовании проблемы «личностной продажности», так

338

как многие просто не хотят ее замечать, а для многих сам факт обращения к данной проблеме — просто вызывает болезненные реакции (это тоже хорошо, так как хоть совесть еще сохранилась, еще беспокоит...). Поэтому для использования метода «открытых глаз» требуется не только особая деликатность и даже уважительное отношение к тем, кто совершает определенные сделки с совестью (в этом ведь тоже заключается право их личного выбора), но и определенное мужество, так как нельзя забывать о том, что в «открытые глаза» могут и плюнуть...

Контрольные вопросы к главе 6

1. Почему традиционные методы психологического исследования, основанные на «естественно научной парадигме», вызывают сомнения в плане их использования для изучения ценностно-смыслового развития личности?
2. Возможно ли в исследовании нравственного развития личности использовать метафоры? Являются ли понятия «личность» и «самоактуализация» метафорами? Почему?
3. Каковы возможности и ограничения использования герменевтического метода для исследования нравственного развития личности?
4. В чем особенности метода «открытых глаз»? Приведите пример использования этого метода.

339

Глава 7

Практические аспекты психолого-педагогического содействия нравственному развитию личности

29. Проблема допустимости психологического вмешательства в ценностно-смысловое и нравственное развитие личности

Проблема формирования готового (окончательного) «образца» и «образа» достойного человека в достойном обществе

Сложнейшая проблема практической психологии выражается в вопросе: имеет ли право психолог в работе с другими людьми (учащимися, взрослыми клиентами) воздействовать на их нравственное развитие? Ответ, казалось бы, самоочевиден. Но вот что говорит известный философ М. Мамардашвили: «Самая глупая и трагичная идея XX века — воспитание «нового человека» (цит. по: *Зинченко*, 1995. — С. 55). Правда, многие известные философы поначалу очень обрадовались появлению такой «знаковой» фигуры, как «новый русский»...

Если психолог, пытающийся содействовать «личностному росту» клиента, или педагог в своей «учебно-воспитательной» работе со школьниками опираются на какой-то уже готовый образец «правильной личности», то они неизбежно реализуют тоталитарный идеал воспитания и образования. Даже если этот идеал опирается на «лучшие» образцы и достижения культуры. Один из смыслов тоталитарности заключается в том, что человек лишается права быть «плохим», быть «хуже» того образца,

340

который насаждается силой или пропагандируется на уровне завораживающей манипуляции.

Главный смысл подлинно гуманного образования должен состоять в том, чтобы давать человеку простор для самоопределения и, главное, формировать у него потребность в поиске именно своего идеала, чтобы самоопределяющийся человек был в постоянном творческом и нравственном напряжении. В. Франкл видел основную задачу образования не в том, чтобы «довольствоваться передачей традиций и знаний», а в том, чтобы «совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы». При этом он специально отмечал, что для нахождения своих смыслов «даже в эру отсутствия ценностей» человек «должен быть наделен в полной мере **способностью совести**» (Франкл, 1990. — С. 295).

Но здесь возникает другая важная проблема: а все ли клиенты (или учащиеся) готовы к такому нравственному поиску и напряжению, всем ли нужна «способность совести» (по В. Франклу)? И тогда перед психологом стоит непростой выбор: 1) либо вообще (или почти) отказаться от работы по формированию ценностно-смыслового «ядра» самоопределяющейся личности, оправдывая себя тем, что «это мало кому нужно»; 2) либо, вопреки «здоровому смыслу», находить любые возможности, чтобы решать эту самую сложную и самую важную психолого-педагогическую задачу. Таким образом, мы вновь приходим к идее права выбора (только уже выбора самим психологом) быть субъектом своей деятельности или ограничиваться лишь «правильным» и «вполне достаточным» выполнением своих непосредственных служебных и «производственных» обязанностей, без «всяких там высоких материй».

И слава Богу (!), что у психолога тоже есть право выбора более примитивной мировоззренческой и профессиональной позиции, ведь в противном случае более достойная позиция была бы быстро формализована и неизбежно опошлена... Именно такое право выбора позволяет самому психологу,

341

во-первых, проверять свою социальную и личностную зрелость (особенно когда ты именно сам себя можешь проверить, а можешь и не проверять — в этом тоже право выбора...), и, во-вторых, это создает возможность для подлинного личностного роста психолога (но не того «роста», который осуществляется в психотерапевтических группах под «присмотром» ведущего, а самостоятельно, в качестве настоящего субъекта своей деятельности).

Таким образом, проблема этического воздействия на личность клиента неизбежно порождает и другую проблему — возможности (или невозможности) самого психолога осуществлять такое воздействие. Ведь он тоже человек и тоже вправе отказываться от рассмотрения сложных ценностно-смысловых вопросов. Он вправе отказаться от подлинной субъектности и даже стать «рабом» своей профессиональной деятельности и профессиональных стереотипов. И формально никто его за это не осудит, если он будет добросовестно выполнять планы и программы своей работы, в которых и не может (и не должна!) быть обозначена его обязанность быть личностью. Но осудить его может только его собственная совесть (или чувство профессионального и личностного достоинства)... Но совесть — категория необязательная... В том-то и прелесть нравственного выбора, что никто формально тебя не обяжет, не накажет и не похвалит, если ты сделаешь (или не сделаешь) его самостоятельно.

Если же тебя обязывают, или заставляют, или вынуждают совершить нравственный поступок (подвиг), то это уже неинтересно, в этом нет подлинного личностного участия и говорить об этическом субъекте здесь не приходится. Достаточно резко и «образно» по этому поводу высказался В. В. Петухов: «Порождение же мнимой личности есть одноразовый поступок («подвиг») в случайно сложившихся (или нарочно подстроенных) условиях: невольный участник своего зачатия, будущая мничность совершает его под руководством и без усилий... субъект одноразового «подвига», побывавший в культуре без личностного участия, преобразует собственную природу —

не до конца, а искажает — необратимо. Ему, не рожденному второй раз как личность, а значит, «лишнему человеку» в обществе, природное имя — выкидыш (точнее — «выродок», а ласковей — «незавершенка»). Таков возможный удел личности, поставленной перед самостоятельным и ответственным выбором, и неизбежный — ее подобий, избегающих его» (Петухов, 1996. — С. 54—55).

Осуждая позицию отказа от нравственного поиска и защиты своего достоинства, когда человек по сути становится рабом обстоятельств и своего страха быть субъектом, другие известные мыслители высказываются еще более резко: «Нет позорнее рабства, чем рабство добровольное» (Сенека), «Самое большое рабство — не обладая свободой, считать себя свободным» (И. Гете)...

И все-таки бессмысленно осуждать слабого человека, еще не готового стать этическим субъектом, так как если у него нет совести, то он и не воспримет такого осуждения, а, услышав «нехорошие» слова, просто обидится. Но если у него появится (проснется) совесть и чувство собственного достоинства, то осуждение со стороны также бессмысленно, поскольку осудит его уже собственная совесть. Поэтому все эти разговоры о возможности или невозможности нравственного выбора могут служить для такого человека лишь «внешним» примером рассуждений какого-то другого человека (например, «озабоченного» данной проблемой автора этих строк), но самого читателя якобы никак не касающиеся.

Если же психолог сделает свой нравственный выбор и все-таки отважится проводить ценностно-смысловую работу даже с теми клиентами или учащимися, которые еще не до конца созрели для понимания важности подобных проблем (а с кем ее тогда вообще проводить?), то проводить ее надо с особой осторожностью, а также с уважением к своим клиентам и с чувством собственного достоинства. Как уже отмечалось, главный способ проведения ценностно-смысловой воспитательной работы — это не «формирование» по «заданному» образцу, а собственный пример постоянного творческого

поиска «нравственного идеала» и пример собственного достойного поведения.

Основные условия и пути формирования чувства собственного достоинства

Можно условно обозначить основные стратегии и пути формирования полноценной личности.

1. Создание условий для полноценного личностного развития, но без непосредственного (прямого) воздействия на конкретную личность. Такая стратегия может быть реализована в разных вариантах:

1) использование силы позитивного примера (примера для подражания). Причем в качестве такого примера могут быть реальные люди, окружающие данного человека, но могут быть и литературные или киногерои;

2) создание особой атмосферы в данной группе или классе школьников, где высшей ценностью является ориентация на идеалы добра и справедливости;

3) создание здоровой нравственной атмосферы на уровне города, региона или целой страны. Несмотря на некоторую «утопичность» данного пути, в истории (в разных странах) все-таки наблюдались отдельные периоды, когда хотя бы делалась попытка создать такую атмосферу, когда значительная часть населения, устав от засилья очередных дураков и проходимцев, стремилась в своих помыслах к чему-то более достойному и светлому...

2. Данная стратегия предполагает непосредственное влияние на развивающуюся личность. Особенностью данной стратегии является то, что в случае игнорирования или отказа от культивируемой системы ценностей, личность наказывается (здесь могут быть разные варианты наказания, но само наказание неизбежно). Примерные варианты реализации этой стратегии следующие:

1) данная система ценностей объявляется «единственно верной». При этом с другими ценностными системами

самоопределяющегося человека либо вообще не знакомят, либо знакомят фрагментарно, либо знакомят со специфическими (негативными) комментариями;

2) активно используется прием «отрицательного примера», когда самоопределяющемуся человеку показывают, к чему приводит отказ от данной системы ценностей. Например, это может быть даже кто-то из приятелей (одноклассников) данного человека, которого, в случае его «инакомыслия» публично подвергают наказанию (осмеянию, ущемлению в определенных правах и т. п.);

3) «эстетизация» данной системы ценностей, когда для пропаганды данных ценностей привлекаются известные и популярные люди, когда активно используются наглядные средства агитации и т. п.

3. Стратегия, основанная на включении человека в активное освоение и реализацию данной системы ценностей. Здесь возможны примерно следующие варианты:

1) организация совместных действий (мероприятий), где человек просто вынужден реализовать какие-то важные для его воспитателей принципы. С одной стороны, это может оказаться достаточно эффективно, например, известно, что в криминальных группах приобщение к данной группе происходит через совместное преступление (в соучастии в этом преступлении). Но, с другой стороны, если включение даже в общественно полезную деятельность заформализовано (как было, например, в советский период), то у воспитанников формируется отвращение и даже презрение к этой деятельности. Здесь достаточно вспомнить некоторые бессмысленные «субботники» и работу на овощных базах, практиковавшиеся в период заката советской системы;

2) воспитанника самого приобщают к пропаганде данной системы ценностей. Здесь возможен значительный эффект, поскольку в такой деятельности оттачиваются аргументы в пользу этих ценностей в разговорах с оппонентами и убежденность

345

воспитываемого становится достаточно сильной. Еще большая эффективность данного пути достигается, если на первоначальных этапах таких дискуссий воспитанника опекает кто-то из опытных воспитателей, чтобы по неопытности он сам не стал объектом агитации сторонников иной системы ценностей.

4. Стратегия создания условий для «самостоятельного открытия» данной системы ценностей. Возможные варианты:

1) самоопределяющемуся человеку предлагаются проблемные ситуации (нравственные дилеммы), размышляя над которыми он (лучше совместно со своими друзьями и воспитателями) постепенно делает для себя определенные нравственные открытия. Естественно, такой процесс требует хорошо продуманного контроля со стороны воспитателей, а также специально разработанной системы проблемных этических задач-ситуаций;

2) самоопределяющегося человека знакомят с различными системами ценностей. При этом данные системы сравниваются, отмечаются их сильные и слабые стороны (это также возможно делать с использованием специально разработанных задач-ситуаций). В итоге человек получает общую обобщенную ориентировку и делает свой этический выбор более осознанно. Кроме того, у него не будет потом ощущения, что его «обманули», «не все рассказали», что им просто манипулировали...

Конечно, здесь имеется риск, что еще незрелый молодой человек сделает для себя неверные (с точки зрения воспитателя) выводы. Если такие выводы приведут его к откровенному криминалу или глупости, то потребуются вмешательство психолога или педагога. Но если такая ошибка самоопределяющейся личности не будет для него роковой, то с этим можно и смириться. В конце концов нравственный поиск — это не одноразовый выбор, это длительный и сложный процесс. Кроме того, нельзя и абсолютизировать право психолога на «последнюю истину». В идеале психолог (педагог) должен вместе с самоопределяющимся клиентом осуществлять такой нравственный поиск. А задача психолога — лишь показывать на

346

примере собственных размышлений сам метод, способ такого поиска, не навязывая окончательного решения...

Немалая часть психологов и преподавателей психологии рассуждают примерно так: «Зачем мне касаться этических проблем в работе с клиентом (студентом, школьником)? Им самим это не очень нужно. Да и я буду выглядеть нелепо». А в глубине души многие еще и добавляют про себя: «Как же смогу понравиться студентам, клиентам, школьникам, если стану обращаться к этическим проблемам, ведь они предполагают не только размышления, но и переживания. Да они возненавидят меня, если я буду «грузить» их такими проблемами...». И в чем-то такие психологи правы! Мы уже отмечали, что если психолог не готов к рассмотрению сложнейших этических проблем, то лучше и не торопить события, используя уже «проверенные» и «правильные» психотехнологии... Но как быть с клиентами, студентами и даже школьниками, которые находятся в ситуации нравственного (а по сути — личностного) поиска и сильно нуждаются в поддержке психолога?

Можно условно выделить причины, по которым само обращение к нравственной проблематике в преподавании психологии и психологической практике все-таки оправдано.

1. Сам психолог не будет жалеть о том, что мог сказать (поставить эти проблемы), но не сделал этого. Тем более что со временем эти проблемы все равно оказываются в центре общественного внимания. Но в том-то и прелесть, что психолог говорит об этих проблемах тогда, когда обыватель (нормальный человек) и штатные мастера официальной пропаганды о них еще не размышляют.

2. Само обращение к сложным этическим темам может быть воспринято многими клиентами и обучающимися негативно, ведь психолог, таким образом, часто затрагивает те болезненные точки, которые все-таки волнуют большинство людей (только о них стараются «поменьше думать»). Для кого-то

347

такое «напоминание» о нравственности может стать важным условием не только сохранения своей совести, но и ее развития. Хотя для людей, с которыми должен заниматься психиатр, обращение к этим проблемам не всегда желательно, поэтому определенная осторожность и чувство меры в работе психолога все-таки должны присутствовать. Но еще неизвестно, что хуже для конкретного человека, игнорирование этических проблем или смелое обращение к тому, что на глубинном уровне волнует человека?

3. Среди массы клиентов и в любых аудиториях все-таки есть люди, которые готовы серьезно рассматривать сложные нравственные темы. Нередко эти люди не имеют близких по духу друзей, с которыми они могли бы эти темы обсуждать. Часто окружающая среда такова, что само обращение к этим темам высмеивается и эти люди (с мощным этическим потенциалом) просто боятся лишней раз не только заговорить об этих проблемах, но даже и помыслить о них... В такой ситуации пример психолога, смело рассуждающего о нравственных проблемах, может по-настоящему воодушевить такого человека, а это уже само по себе многого стоит... И пусть в аудиториях не так много людей, готовых к восприятию этих сложных тем, но хотя бы ради этих людей психолог сам должен быть смелее.

4. Часть психологов, понимая, что обращение к нравственным проблемам очень важно для полноценного личностного развития, просто боятся выглядеть смешными, боятся потерять свое лицо, имидж и т. п. Но существует особая «эстетика неуклюжести» (или эстетика подлинного нравственного поступка — по М. М. Бахтину), когда важен не столько результат или техническое (красивенькое) исполнение этого поступка, сколько сам факт его совершения. Это и есть пример для подлинного подражания и такой пример хотя бы иногда должен демонстрировать психолог в своей работе с клиентами и слушателями. Заметим, что иногда слишком большая красота проведения лекции или консультации (доходящая до «слащавости») у развитого клиента или слушателя вызывает

348

не только отвращение, но и презрение к красующемуся (а точнее — самоутверждающемуся) психологу.

Хотя если честно, то иногда смелое обращение к сложным этическим темам, действительно, надоедает, и психолог просто устаёт, не получая моральной поддержки от клиентов и аудиторий. Как известно, «метать бисер перед

свиньями» — это очень тяжелый и неблагодарный труд, но, как это ни парадоксально, в этом заключается один из важнейших смыслов труда психолога и педагога!.. Превращение «свиней» в людей — это и есть настоящее чудо, но чудо, сильно растянутое во времени... Главное, самому не стать постепенно свиньей, ведь и аудитории сильно воздействуют на личность психолога, требуя от него быть «настоящим психологом», «настоящим профессором», то есть таким, каким его хочет видеть аудитория... А может, нужны и такие психологи, ведь разнообразие — это важнейший принцип, важнейшее условие гармонии мира. Только бы «свиней» не стало чересчур много, а то ведь гармония может нарушиться...

30. Проблема платности психологических услуг...

Брать или не брать,
вот в чем вопрос...

(Основная проблема
современных Гамлетов...)

«Проданная» услуга как условие эффективности психологической помощи

Проблема платности психологических услуг является своеобразной проверкой готовности психолога к внутреннему компромиссу и уровня его профессионального достоинства. Эта проблема как бы аккумулирует в себе все, о чем мы говорили до этого, и преломляет в плоскости взаимоотношений

349

психолога с клиентом. Обычно при анализе данной проблемы ссылаются на исследования (большой частью из области психиатрии и психотерапии), убедительно «доказывающие» большую эффективность именно платных психологических услуг. Даже на уровне здравого смысла можно согласиться с тем, что многие люди любую услугу воспринимают именно как платную, так как услуга — это «тоже работа», и за нее обязательно надо заплатить.

Обоснование здесь примерно следующее: «Если я заплатил деньги, то я хочу получить результат (услугу). При этом я не хочу чувствовать себя обманутым и постараюсь даже помочь психологу лучше решить мою проблему». Таким образом, клиент готов даже проявить определенную активность в решении своей проблемы и даже сам стремится к сотрудничеству с психологом-консультантом (хотя бы для того, чтобы «контролировать» его и своевременно напоминать о том, что «деньги заплачены не зря, поэтому извольте стараться...»).

При этом часто проводят аналогии с медицинской практикой, когда успешно отоперированные больные, желая отблагодарить уважаемого врача-хирурга, иногда получали в этом отказ и после этого их состояние здоровья резко ухудшалось. Обычно этому дается примерно такое объяснение: «Раз вы не хотите взять от меня в благодарность подарок (или деньги), то, видимо, операция прошла неудачно и вас просто совесть мучает...». В итоге больной еще больше «накручивает» себя и его состояние, действительно, ухудшается. Мораль: надо не только брать большие деньги за медицинские и психологические услуги, но и стараться держать высокую «цену» на эти услуги, чтобы вызывать у клиентов-пациентов особое почтение к таким услугам и формировать то, что психологи называют «психотерапевтическим мифом» (веру в психолога и в его удивительные методики, которые, естественно, «многого стоят»).

И поскольку так рассуждают большинство клиентов-пациентов, то со всем этим во многом можно согласиться, хотя известнейший психотерапевт К. Роджерс предостерегал от рассмотрения психотерапии по аналогии с медициной, так

350

как хороший хирург может и не любить своего больного, а психотерапевт просто обязан на практике демонстрировать свое безусловное позитивное принятие клиента. Но есть и другие существенные сомнения в

«обоснованности» неременной платы за психологические услуги, о которых будет сказано дальше.

Сострадание за деньги как оскорбление личного достоинства

Представьте ситуацию: к вам пришел друг (подруга) с серьезной жизненной проблемой в надежде получить моральную поддержку или просто выговориться. Весь вечер вы внимательно выслушали близкого себе человека и почувствовали, что сумели помочь ему в моральном плане, а поздним вечером, уже прощая его, сказали: «Ты знаешь, заплати мне столько-то и столько-то, ведь я тебе помог...». Спрашивается, останетесь ли вы после этого друзьями? А если ваш друг (подруга) даже и заплатит вам, то можно спросить еще жестче: «А были ли вы настоящими друзьями?». «В настоящей дружбе нет ни должников, ни благодетелей», — заметил Р. Роллан, а другой умный человек сказал, что «тонкой душе тягостно сознавать, что кто-то ей обязан благодарностью; грубой душе — сознавать себя обязанной кому-либо...» (*Ф. Ницше*). Конечно, рассматриваемая проблема и приведенная ситуация — «нехорошая», «неудобная» для спокойного размышления и в чем-то мы, наверное, передергиваем...

Традиционно отношения между психологом и клиентом отличаются от того, что называется «дружбой». М. Кан примерно так обозначает и обосновывает общепринятые различия между отношениями в психотерапевтическом процессе и отношениями с другом: «Терапевтические отношения эффективны в той мере, в какой клиенты (относительно) свободны выражать и изучать свои чувства, свободны от неизбежных забот, характеризующих повседневное социальное общение. Когда я пытаюсь высказать свои чувства другу, мне весьма сложно оставаться в соприкосновении с самими чувствами

351

и их изменениями. Но задача значительно осложняется, если речь идет о чувствах моего друга и моем беспокойстве по этому поводу... Кроме того, я подвергаю цензуре чувства, которые, полагаю, вызвали бы у друга нечто, с чем я не хочу сталкиваться. Таким образом, большинство нетерапевтических ситуаций рассчитаны на то, чтобы уменьшить возможность узнать чьи-либо чувства и, таким образом, снизить риск разделить их. Терапевтические ситуации — совсем другое дело... Они уникальны тем, что поощряют клиентов обращаться — как можно глубже — к своим желаниям, порывам, страхам, фантазиям. Такой подход предполагает выход за рамки «реального» или приемлемого в обычных взаимоотношениях» (*Кан, 1997. — С. 124—125*).

Но ведь и настоящая дружба (а не просто миленькие приятельские отношения) предполагает достаточно высокую степень искренности. Мы искренни с настоящим другом именно потому, что уважаем его, точнее — его готовность воспринять нашу искренность. Потому и говорят, что только друг может сказать нам настоящую правду. Отношения истинных друзей как раз и предполагают, что они могут позволить себе не бояться о последствиях, естественно, проявляя по отношению друг к другу и такт, и терпимость... А вот слово «терапевтировать» часто подразумевает, что ради сохранения отношений, чтобы не травмировать, не обидеть собеседника (клиента-пациента), мы далеко не всегда должны говорить ему правду... Но реальность такова, что и сами понятия «дружба», «любовь», «близость» разными слоями общества и разными людьми понимаются по-разному (у каждого свое право на понимание). В условиях господства «рыночных отношений» эти понятия все больше предполагают отношения «купи-продажи».

Действительно, в традициях западного общества, особенно среди высокообеспеченных слоев, типична ситуация, когда, например, жена обращается к мужу, желая обсудить с ним какие-то свои личные проблемы, а он спокойно заявляет ей: «У тебя свои проблемы, не мешай мне — сходи к психоаналитику, а я оплачу расходы...». Важно понять, что часто

352

клиент-пациент обращается к психологу только потому, что в реальной своей жизни он не встретил настоящего друга, который смог бы его по-человечески выслушать или потому, что лишен настоящей любви. Примечательно, что К. Роджерс главную проблему психотерапии связывал с тем, «что может сделать психотерапевт, дабы в конце концов сообщить клиенту, что он любим» (любим не в смысле «эроса», а в смысле «агапе», то есть любви, которая не требует ничего взамен... — по *К. Роджерсу*). При этом сам К. Роджерс считал, что для решения этой задачи «не имеет особого значения не только теория, но и техника» (цит. по: *Кан, 1997. — С. 41*). И как быть в этом случае, если неременным условием эффективной психотерапевтической помощи должна быть, по мнению многих

специалистов, так называемая «дистанция» между психологом и клиентом?..

На самом деле очень сложно четко и понятно развести «психотерапевтические отношения», «дружбу» и «любовь». И если «отношения психотерапевта и клиента» еще как-то пытаются концептуализировать, то «любовь» и «дружба» какой-то серьезной концептуализации пока, слава богу, не поддаются, так как в них в наибольшей степени проявляются человеческая уникальность, творчество и достоинство. Сама ценность любви и дружбы в том, что каждый человек понимает их по-своему, что и позволяет людям выстраивать уникальные, неповторимые и именно этим особо ценные (бесценные!) отношения друг с другом. И может так оказаться, что пришедший к психологу клиент захочет увидеть в своих отношениях с психологом то, что близко его собственному пониманию дружбы или даже любви... Но если психолог начнет объяснять ему, что их отношения — это отношения специалиста и клиента, то некоторые клиенты могут быть сильно разочарованы, так как заведомо не получают того, ради чего они вообще пришли к психотерапевту, — за подтверждением того, что «могут быть любимы» (по К. Роджерсу).

И все-таки «психотерапевтические отношения» и «дружбу» развести можно, ведь, как отмечал еще Д. Вашингтон,

353

«истинная дружба — медленно растущее дерево; она должна претерпеть потрясения от несчастий, прежде чем заслужить свое название». Правда, и в психотерапевтических группах отношения тоже часто «вызревают» медленно, и, кроме того, в таких группах часто выделяют и специально организуют этап «агрессии на терапевта», чтобы потом преодолеть его и выйти на более интимный уровень взаимоотношений...

Более сильное возражение против отождествления «психотерапевтических отношений» и «дружбы» связано с тем, что «в истинной дружбе таится прелесть, непостижимая для заурядных людей» (по Ж. Лабрюйеру), и с тем, что «дружба может соединять лишь достойных людей» (по Цицерону). Действительно, к психологу приходят самые разные пациенты, в том числе и «заурядные», о чем, например, откровенно говорил и К. Роджерс, рассматривая ситуацию взаимоотношений со «скучным клиентом» (цит. по: Кан, 1997. — С. 43). Но если к психологу придет клиент, совсем «не заурядный» и близкий ему по духу, то неужели между ними не может возникнуть искренняя дружба?

Проблема в том, что если все-таки отношения психолога и клиента приобретают пусть не дружеский, а просто человеческий характер, то сам факт «оплаты» таких отношений может значительно снизить уровень возможной «дружбы» и «любви» (в смысле «агапе» — по К. Роджерсу) и, соответственно, значительно примитивизировать психотерапевтические отношения между клиентом и психологом по сравнению с тем, какими они могли бы быть. «Доброе дело тем меньше заслуживает благодарности, что неизвестна его цена», — писал Ф. Бэкон. Конечно, многие клиенты и психотерапевты это «переживают», но осознание какой-то «фальши» в их отношениях все равно присутствовать будет.

Есть еще одно сомнение, значительно снижающее восторги от эффективности платных психологических услуг. Психотерапевты тоже люди, и им тоже хочется хорошо жить (кто бы спорил!). Но поскольку реально существует «рынок психотерапевтических услуг», то часто им приходится вести

354

отчаянную конкурентную борьбу на этом «рынке», то есть приходится заботиться о своей рекламе и подстраиваться под вкусы и капризы своих возможных клиентов. Поэтому неизбежны ситуации, когда психотерапевт просто вынужден отказываться от идей и методов, которые, как он считает, нужны многим клиентам, но которые самими клиентами (или коллегами психотерапевта) не принимаются.

И тогда психотерапевт вынужден работать не так, как считает нужным, а так, как «положено», что и позволяет ему увереннее чувствовать себя на «рынке психотерапевтических услуг». Именно этим объясняется быстрая переориентация многих психотерапевтов на очередные методические «моды» и увлечение теми идеями, которые пользуются спросом и позволяют быть «конкурентоспособным». Естественно, и здесь есть счастливые исключения, когда психотерапевту все-таки удается реализовывать именно свое представление о «правильной» работе, но это уже на уровне настоящего «искусства» профессионального и личного самоопределения.

В подавляющем большинстве случаев и психотерапевты, и клиенты стараются даже не задумываться об этой проблеме, иначе «просто работать было бы невозможно». Но от этого сама проблема (проблема фальши во взаимоотношениях, которые по сути своей все-таки должны быть искренними и бескорыстными) не исчезает, а лишь накапливается в виде сдержанного взаимного раздражения психологов и клиентов, рассчитывающих не только на «любовь», но и на уважение к своему достоинству...

Неизбежные компромиссы...

Одна из сложнейших этических проблем психологической практики может быть сформулирована примерно так: «Брать или не брать деньги-подарки с доверившегося вам клиента?». Данный вопрос является слишком деликатным и «взрывоопасным», поэтому, чтобы не нервировать читателя, сразу обозначим свою позицию: «Конечно, брать!». В условиях,

355

когда почти все окружающие вас психологи «берут» (это уже давно стало «нормой»), да и многие клиенты иначе и не представляют себе взаимоотношений с психологом, да еще в условиях, когда труд многих психологов и педагогов оплачивается просто унижительно малыми окладами, то отказ от оплаты своего труда (от гонораров) будет просто самообманом. Но брать можно по-разному. В одном случае можно брать да еще возмущаться, что «мало платят, такие-сякие...», вон мой коллега «гораздо больше зарабатывает»... В другом случае можно брать, но при этом искренне переживать, что вообще приходится выстраивать свои отношения с клиентом в режиме «купли-продажи».

Интересны в этом плане рассуждения известного психотерапевта Эверетт Шостром: «...в бизнесе личность — это уже не столько личность, сколько машина для делания денег... Как известно, психотерапия базируется на уважении личности и достоинства тех людей, которые обращаются к врачу за помощью. Но тот факт, что пришедший на консультацию человек — не просто страдающая личность, а клиент(!), несколько меняет всю ситуацию. Когда психотерапевт становится бизнесменом, ему практически невозможно удержаться от овеществления своего клиента. Психолога, психотерапевта у нас не принято считать бизнесменом. Это хотя и лестное для меня, но заблуждение. И я как некая промежуточная стадия между психологом и бизнесменом, тоже переживаю глубокий душевный конфликт» (Шостром, 1992. — С. 126).

Далее Э. Шостром признается, что «за каждую оказанную психотерапевтическую услугу вынужден брать гонорар», но при этом замечает: «...во мне сталкиваются психотерапевт и бизнесмен, но ведь и человек, пришедший на консультацию, не однороден. Он одновременно личность, требующая помощи, и клиент, которого нужно обслужить» (там же. — С. 126—127).

Э. Шостром пытается как-то оправдаться перед собственной совестью профессионала и продолжает свои рассуждения: «...моя профессия обязывает меня к тому, чтобы сердце мое было открыто навстречу каждому. Но за время, которого у меня

356

существенно меньше, чем душевной теплоты и любви к человечеству, за время, которого у меня в обрез, нужно платить. «Вы платите не за любовь и внимание, которое я вам оказываю — могу я сказать в таком случае, — вы платите компенсацию за потраченное на вас время». Но тут же Э. Шостром честно признается, что «бизнесмен в отношении своих потребителей исповедует похожую философию» (там же. — С. 127).

Таким образом, психолог-специалист просто вынужден идти на серьезные внутренние компромиссы, что не только может снизить эффективность его помощи клиенту, но снизить и степень удовлетворения от своего непростого труда. Конечно, все это относится и к психологам, способным к профессиональной рефлексии и еще не потерявшим чувство собственного достоинства и профессиональной чести (см. пример рассуждений Э. Шостром).

Правда, возможны и другие варианты компромиссов, когда психолог просто гонит от себя подобные переживания и все свои усилия направляет на зарабатывание «максимальных гонораров» на бедах своих клиентов, еще и обосновывая это тем, что «высокая плата — это уважение к самому клиенту, ведь не захочет же он получить

неквалифицированную, то есть бесплатную помощь»... Между такими психотерапевтами может даже возникнуть своеобразное соревнование, когда высшей доблестью и показателем «профессионализма» считается размер полученного с клиента гонорара или размер «почасовой оплаты». Здесь также реализуется принцип: «Скажи мне, сколько ты стоишь, и я скажу тебе, можно ли тебя уважать за это...».

Вот уж, действительно, представления о чести и достоинстве могут быть самыми разными! И представления о компромиссах могут быть разными, что само по себе уже дает определенный простор для этического творчества. А поскольку психологи — люди умные и «незакомплексованные», то часто им легко бывает успокоить свою профессиональную и человеческую совесть, «а то ведь с этими переживаниями (см. еще раз — пример Э. Шостром!) все нервы растратишь и даже на кусок хлеба не заработаешь»...

357

Психолог как субъект нравственного выбора в ходе оказания платных психологических услуг

Поскольку помощь другому человеку в решении разных жизненных проблем — это работа психолога, то, как уже отмечалось, было бы большим самообманом отказываться от оплаты за этот нелегкий труд. Вопрос о размере оплаты также не может быть предметом обсуждения, так как большинство психологов на сегодняшний день имеют очень маленькие доходы, если не считать случаев, когда некоторым психотерапевтам удается «держат цену», явно не сопоставимую с их реальной помощью, или когда психологу просто удалось устроиться в «торгашескую» фирму, где он за обычную работу получает в несколько раз больше своих менее предприимчивых коллег.

Основная проблема, заслуживающая рассмотрения, заключается в том, как относиться к самой идее платности психологических услуг в разных ситуациях и с разными клиентами, а также в том, как научиться правильно ориентироваться в этих ситуациях и определять, как сами клиенты воспринимают неизбежность «рыночных отношений» с психологом. Таким образом, проблема сводится не к тому, что психолог «должен» от чего-то реально «отказаться» (например, от части гонораров), а к тому, чтобы находиться (или не находиться) в постоянном нравственном напряжении (переживании) из-за необходимости брать с клиентов деньги и невозможности что-либо изменить в этом плане. Сам факт переживания психолога-практика превращает его в рефлексирующего специалиста, то есть в подлинного этического субъекта своей деятельности, а это означает, что для такого психолога еще «не все потеряно»... Для кого-то сказанное покажется «просто смешным», а для кого-то, как мы надеемся, имеет большой смысл.

Чтобы специально подчеркнуть особую нравственную сложность выбора психолога — размышлять о данной проблеме или «отбросить» ее как несущественную — мы обратимся к несколько деликатной аналогии. Попробуем сравнить психолога-практика с проституткой, ведь оба они работают с

358

«клиентами». Спрашивается, за что презирают проституток? Ответ: не за то, что они способны по-своему «одаривать» любовью, а только за то, что они делают это за деньги. Дело в том, что любовь (и просто сексуальные отношения) — это одна из человеческих святынь, а святыни, как известно, не имеют денежного выражения, иначе они тут же обесцениваются... Существует множество вещей и услуг, которые к святыням никак не относятся (товары, машины, услуги транспорта и т. п.), и когда за них платят деньги, то это мало у кого вызывает возражение (возмущаются разве что суммами таких оплат).

А вот к святыням, помимо любви и интимных отношений, можно отнести все естественные человеческие отношения: дружбу, эмпатию, сострадание, искренность, теплоту отношений, понимание и так далее — то есть все то, что и является важнейшими условиями эффективной психотерапевтической помощи. Но, когда продаются святыни, происходит их обесценивание. Клиент, приходя на прием к психологу, часто рассчитывает именно на проявление естественных человеческих отношений, то есть рассчитывает на уважение к себе и понимание своих жизненных проблем. И, когда удастся выйти с клиентом на высокий уровень такого понимания, клиента вдруг может посетить мысль: «Как это здорово, что меня наконец-то кто-то понял. Никогда в жизни, даже с лучшими друзьями, я не чувствовал себя так уверенно... Но ведь психолог берет за это деньги, а я-то думал, что он действительно искренне заинтересовался моей жизнью...». Может так оказаться, что клиент на самом интересном

месте вдруг как бы спохватиться, а может — и перестанет откровенничать, «закроется». «Ведь разве можно раскрывать свою душу человеку,

359

который получает за свое «внимательное отношение» гонорары, и разве стал бы он меня слушать, если бы я не платил за эту «услугу», — может подумать клиент, а может и не подумать...

Очень многое зависит от самих клиентов, от их представлений о собственном достоинстве. Обратимся к примеру с проституткой. Значительная часть «клиентов» проститутки убеждены, что за любую услугу надо платить. Но какая-то часть (уважающих себя) мужчин никогда к проститутке не обратится. Представим, что мужчина красив, молод, силен, здоров, умен, порядочен и вообще обладает всеми достоинствами. По логике вещей такой мужчина уже сам по себе (а не потому, что готов «заплатить») должен нравиться красивым женщинам. Спрашивается: зачем же ему платить, ведь он и так нравится женщинам. Но когда такой мужчина все-таки обращается к проститутке, то он как бы соглашается с собственной неполноценностью и часто страдает от этого (он как бы «обменивает» часть своего достоинства на сексуальное удовольствие, хотя вместо денег мог бы подарить красивой женщине весь набор своих чисто мужских достоинств, что по-человечески было бы прекрасно). И когда («при случае») такой мужчина отвешивает проститутке оплеуху, сам не понимая истинной причины своей агрессии, то в этом тоже проявляется пусть в примитивной форме, но все-таки некоторая «уязвленность» его мужской и человеческой чести. Хотя, естественно, бить несчастную женщину очень нехорошо, но ведь и уязвленный мужчина тоже по-своему страдает....

Платить должны те, кого «просто так» молодая красивая женщина, скорее всего, не полюбит (старики, больные люди с физическими и умственными недостатками, самодовольные «жлобы», откровенные бандиты и т. п.). Они как бы компенсируют свои недостатки определенной «суммой» и только тогда становятся (но только вместе с этой «суммой»!) привлекательными для женщины. Примечательно, что в некоторых западных кинобоевиках можно наблюдать такую сцену: какая-то проститутка, восхищенная мелкими подвигами

360

главного героя, обращается к нему и в благодарность произносит весьма примечательную фразу: «Я готова обслужить вас бесплатно...». Это означает, что «я вас по-настоящему уважаю, поэтому именно с вас денег не беру», хотя «с других (тех, кого я по-настоящему не уважаю) деньги брать буду»... Ибо правильно сказано: «Не стоит благодарности то, за что заплачено» (*Э. Севрус*).

Но все это применимо и к ситуациям платного консультирования и платной психотерапии, только проститутка находится даже в более простом с этической точки зрения положении, так как хотя бы не произносит красивых и возвышенных слов о «личностном росте», о «гуманизме», об «эмпатии», о «сострадании», которые так любят произносить многие «гуманистически ориентированные» психологи. Как остроумно подметил П. Вайнцвайг, «любовь и деньги «вращают» земной шар, но порой в разные стороны...» (*Вайнцвайг*, 1990. — С. 52).

И все-таки платный психолог (психотерапевт) никогда не останется без клиентов (как и проститутка), потому что большинство людей убеждены, что «за все надо платить», не делая разницы между оплатой коммунальных услуг и сложным разговором о смыслах человеческого существования. Обидно лишь то, что по-настоящему гордые и, быть может, самые интересные клиенты к психологу могут просто не прийти или, даже придя к нему, не будут до конца откровенными и искренними, так как между психологом и таким клиентом всегда будет некоторая пелена «фальши», определяемая самим фактом оплаты любых откровений.

Интересно, но проблема платности психологических услуг создает даже парадоксальную ситуацию: чем сложнее и реальнее (жизненнее) психологическая проблема, тем в меньшей степени она решается в режиме «рыночных отношений» между психологом и клиентом и, наоборот, чем более надуманная проблема («высосанная из пальца»), тем большие гонорары имеют психологи (психоаналитики, психотерапевты). Например, даже на процветающем Западе психологи, работающие с наркоманами, бездомными, суицидами и т. п.,

361

нередко получают сравнительно небольшую зарплату, а на «телефонах доверия» часто вообще работают на бескорыстной основе добровольцы, лишь прошедшие специальную подготовку. Понятно, что находящийся в отчаянном положении человек (например, бродяга), скорее всего, просто не захочет обращаться к благополучному и «устроенному» в этом мире специалисту, ведь у него тоже есть своя гордость...

И в то же время психоаналитики, работающие с богатой и внешне «благополучной» клиентурой, считаются достаточно высокооплачиваемыми специалистами, но только не потому, что их работа реально сложнее, а потому, что «так принято» считать, а также потому, что им просто больше повезло в жизни, чем тем же социальным работникам и социальным педагогам, решающим не менее сложные проблемы... Хотя сами психоаналитики с этим, скорее всего, не согласятся, так как это во многом подрывает миф об их исключительности, тот миф, который во многом и обеспечивает их высокие гонорары... Здесь еще раз уместно вспомнить слова Людвига фон Мизеса о том, что «капиталистическая свобода рынка не предполагает вознаграждения человека согласно его «подлинным» заслугам, неотъемлемым достоинствам и моральному совершенству» и что важна не реальная ценность труда или вещи, а та «оценка, которую дают данной вещи люди, покупая или не покупая ее» (Людвиг фон Мизес, 1993. — С. 174).

Интересно также проследить динамику изменения отношения к проблеме платности психологических услуг в отечественной психологии. Если в середине 80-х годов психотерапевтические группы были большей частью бесплатными, то при внедрении в стране «рыночных отношений» плата за участие в группах стала быстро расти. Заметим, что иногда, как только объявлялось, что «со следующего занятия группа будет платной» (например, говорилось, что «за сеанс будем брать по 2 рубля» — чисто символическую по тем временам сумму), некоторые участники на следующее занятие уже не проходили, воспринимая это не только как оскорбление чувства собственного достоинства, но и как разочарование в тех принципах

362

психотерапии, в которые они уже успели поверить... Но основная часть с радостью продолжала ходить на группы и платить...

Сами психотерапевты брать большие гонорары стали не сразу, придумывая различные ухищрения и самооправдания. Например, заявлялось, что «плата не будет взиматься с учащихся, пенсионеров и инвалидов», или говорилось, что «пусть платят только те, кто считает, что группа им действительно помогла». К концу 80-х — началу 90-х годов психотерапевты будто с «цепи сорвались» и стали очень много зарабатывать. К сожалению, уже тогда стала обозначаться сильная разница в доходах населения и немалая часть потенциальных участников психотерапевтических групп просто отказалась от участия в них из-за нехватки денег. Но многие психотерапевты даже не обращали на это внимания, так как клиенты в основном были и готовы были платить столько, сколько нужно... Поэтому сейчас, к сожалению, можно с горькой иронией сказать, что чем «клиент центрированнее», тем больше он ориентирован (центрирован) именно на кошельке клиента. Но, слава Богу, все меняется, в том числе и в среде самих психологов, в их отношении к своим клиентам и к своему собственному труду, тем более что и «рынок психотерапевтических услуг» в немалой степени насытился. Остается лишь надеяться, что когда-нибудь гарантированная стабильная зарплата психологов-консультантов будет достаточно высокой для того, чтобы не прогибаться перед клиентом (ради «гонорарчиков»), а заодно — чтобы не манипулировать сознанием клиента, обосновывая и отработывая эти «гонорарчики»...

В условиях, когда не брать с клиента деньги просто невозможно, а при этом так хочется успокоить свою совесть, остается лишь мечтать о том времени, когда можно было бы работать, не думая, что кто-то (например, обладающий чувством собственного достоинства и думающий клиент) воспримет тебя не как специалиста-психолога, а как «бизнесмена» от психологии.

363

При этом сам психолог-бизнесмен ставит себя в довольно деликатную ситуацию, поскольку продает не только свою «психологическую услугу», но и самого себя. Как считал К. Роджерс, психолог, даже по сравнению с хирургом, не «проводит операцию», а сам «является терапией» и что «без существенной составляющей — безусловного положительного отношения к клиенту — никакого успеха не получится» (цит. по Кану, 1997. — С.

47). Таким образом, получается, что психолог «продает» не просто «услугу», а свою эмпатию, искренность, незащищенность, сопереживание, сострадание, чисто человеческое участие в судьбе клиента, а это значит, что «покупают» не просто какую-то нашу профессиональную способность или знание, а нас целиком, да еще с самыми лучшими нашими качествами... Спрашивается, а что если клиент не будет (или не сможет) платить, станем ли мы «просто так», основываясь исключительно на своей человеколюбии, помогать данному клиенту?..

Еще Э. Фромм, рассматривая «рыночную личность», выделял главную ее позицию: «Я — то, чего изволите» (Фромм, 1992. — С. 74), что можно было бы обозначить и по-другому: «Я буду таким, какой я нужен вам для решения ваших проблем». Применительно к психологу можно сказать, что в этом случае он перестает быть творческой личностью, субъектом своего труда и просто превращается в «средство» для решения чужих проблем. И пусть это будет даже «эффективное средство» (у высококлассных специалистов), но не слишком ли это большая (личностная) плата за такой успех?..

Но, как уже отмечалось, в современной ситуации отказаться от платных услуг психологи не могут. И тогда единственной возможностью сохранить свою профессиональную и личностную «субъектность» становится постоянная рефлексия и переживание данной проблемы, которую в реальности пока решить нельзя. Хотя сам факт обращения к проблеме «личностной продажности» — это тоже своеобразный вклад в ее решение, ведь, как известно, «слово есть образ дела» (Солон), «слово всегда отважнее дела» (Ф. Шиллер) и что «люди сильны до тех пор, пока они отстаивают сильную идею» (З. Фрейд)...

364

Примечательно, что Э. Шостром, завершая свои рассуждения о проблеме платности психологических услуг, откровенно написала: «Я люблю Америку больше любой другой страны, и, тем не менее, я все время думаю о том, как нам выкарабкаться из той ямы бездуховности и манипуляций, в которую мы сползаем» (Шостром, 1992. — С. 127). А последнюю, итоговую, завершающую главу своей известной книги она символично назвала «Бизнес и личность — вещи несовместимые». Но, к сожалению, «пока вынужденно совмещаемые», добавили бы мы... Поэтому пространство для нравственного поиска и выбора у психолога больше, чем у кого бы то ни было... И это, между прочим, творческая ситуация, которой радоваться надо, так как есть возможность не только проверить свой дух, но и возвысить его, если, конечно, сделать верный выбор.

31. Основные требования к психолого-педагогическим методикам ценностно-нравственного развития личности

Специфика ценностно-смыслового формирования и воспитания личности

Главная особенность заключается в том, что смысл — это прежде всего, личностный смысл, который человек может обрести для себя лишь самостоятельно (по В. Франклу). Но тогда возникает вопрос: какова роль психолога в работе с самоопределяющимся клиентом, ищущим этот личностный смысл?

Может так оказаться, что клиенту на данном этапе его развития не нужен сложный нравственный поиск, и тогда сами усилия психолога по формированию полноценной нравственной личности могут оказаться этически несостоятельными по отношению к данному человеку. Что же может оправдать психолога, если он все-таки стремится хоть как-то способствовать нравственному развитию данного человека? Это

365

стремление выполнить важную общественную функцию своей профессии, а именно способствовать тому, чтобы человек (клиент) постепенно становился полноценным членом общества, чтобы свести к минимуму вероятность того, что он станет подлецом или проходимцем по отношению к другим людям. И тогда воспитательные усилия педагогов и психологов получают мощное этическое оправдание и уже не воспринимаются как моральное насилие над личностью, которой все эти (нравственные) проблемы «до фонаря»...

Правда, остается еще проблема различения «подлости» и «добродетели». Если раньше это различие было проще (чему в немалой степени способствовала и религия), то сейчас, в эпоху переизбытка информации и разных точек зрения на сложные этические вопросы, многие люди просто запутались. И такая путаница часто способствует дезориентации самоопределяющейся личности (эта неопределенность с выбором пути

нравственного развития весьма символична не только для отдельной личности, но и для всей современной недосамоопределившейся России...). Как уже отмечалось, важнейшая задача настоящего психолога — не показать клиенту «правильный путь», а примером своего собственного нравственного поиска воодушевить клиента на постоянные размышления и переживания по поводу своего полноценного развития в условиях неполноценного общества...

Как уже отмечалось, в обществе реальны и вполне возможны люди с разной ценностно-смысловой ориентацией, важен лишь баланс, соотношение людей порядочных и нравственно примитивных. Именно возможность различных этических выборов создает ситуацию настоящей свободы выбора. И именно это превращает проблему самоопределения (в том числе и недостойного самоопределения) в «вечную проблему», поскольку сама возможность недостойного выбора — это не только испытание для самоопределяющейся личности, но и возможность для нее возвысить свой дух. Ведь только пройдя такое испытание, человек может с гордостью сказать, что он — личность.

366

Особенности ценностно-смысловых (нравственных) методик и требования к ним по сравнению с другими психолого-педагогическими средствами

При внешней схожести с обычными психолого-педагогическими процедурами, а также при некоторой относительной простоте методик ценностно-нравственного плана (см. приложения) следует помнить, что это особый класс методик, при проведении которых психолог или педагог должен несколько менять свою тактику и стили взаимоотношения с клиентом (или с классом). Среди основных таких требований-советов можно выделить следующие:

1. Завуалированность главной идеи методики, оптимальное сочетание внешне заданной (в инструкции) и внутренней, скрытой, непонятной для участников процедуры целей. Это позволило бы снизить подозрения клиентов (учащихся) о том, что психолог «опять морализирует», ведь известно, что многие и так считают себя «большими специалистами» в области морали и нравственности. Несколько перефразируя известного психолога Б. С. Братуся, можно сказать, что ученика (как и студента) лучше «воспитывает не столько текст, сколько контекст» (см. *Братусь*, 1994а. — С. 79), то есть эффективна не высказанная «в лоб» мысль, а сам образ мыслей, поведение учителя, где его главная, невысказанная идея должна лишь угадываться или чувствоваться учениками...

2. Отсроченность эффекта методики, что позволило бы «не раскладывать все по полочкам» уже в ходе процедуры, а оставлять для участников возможность (например, дома, в более спокойной обстановке) самостоятельно разбираться, что к чему, что может выступить в качестве морально-волевого психологического «тыла», а что нет. Можно привести пример такого отсроченного эффекта, увиденный нами однажды осенью 1993 года на одном из московских заборов. Увиденная нами надпись как будто специально была заказана художнику и, аккуратно сделанная по трафаретке, гласила: «Категорически запрещается писать на заборах антиублюдочные лозунги»... Долгое время этот «призыв» не замазывали, но потом

367

все-таки его убрали. Наконец-то «дошло!»... Эх, если бы нынешняя российская оппозиция работала в таком же стиле!..

3. Интересность, интрига процедуры методики (почти на грани «психолого-педагогического хулиганства»), что могло бы надолго запомниться участникам и, благодаря этому, действительно, перейти в долговременную память и стать предметом серьезных и самостоятельных размышлений самоопределяющегося подростка уже за рамками процедуры методики, в более спокойных условиях.

4. Отсутствие в методике грубых и нетактичных элементов, оскорбляющих конкретных участников. Психолог, рассматривающий с учащимися проблемы нравственного развития, и так сильно рискует быть непонятым (настоящие нравственные откровения — это, как правило, некоторое противоречие общепринятому, официальному, «телевизионно-тусовочному» мнению, иначе это уже не нравственные проблемы...), поэтому

осложнять для себя ситуацию не имеет никакого смысла.

5. Принятие конкретным психологом-практиком главной идеи и процедуры данной ценностно-нравственной методики (здесь лучше самих себя не обманывать: если методика вызывает хоть какие-то сомнения, лучше ее вообще не проводить).

6. Полное владение процедурой методики. Было бы очень нехорошо, если какая-то процедурная оплошность (путаница) перечеркнет всю работу и оставит в сознании подростков не только разочарование от работы, но и чувство какой-то даже жалости и презрения к незадачливому психологу...

7. Методики ценностно-нравственного самоопределения обязательно должны быть включены в более обширную, разнообразную, а главное — этически нейтральную, «правильную» программу психологической помощи (соответствующую существующим представлениям о том, как «должен» работать психолог), иначе они могут вызвать некоторое недоумение участи учащихся и коллег-психологов. Например, при использовании таких методик в профконсультации возможны вопросы типа: «А зачем нам это нужно?», «А где здесь выбор профессии?»

368

и т. п. Психолог, рассматривающий в своей работе проблемы формирования ценностно-нравственного, смыслового «тыла», сам должен себя подстраховать, то есть самому себе (и своей работе) обеспечить своеобразный нормативно-программный и «психологический тыл».

8. Методика ценностно-нравственного плана не должна содержать открытых призывов к активным (и тем более экстремистским) акциям социального протеста. И в то же время такая методика должна быть действенной (с ориентацией на будущее)... А для ответа на возможный вопрос клиентов, «что же нам делать в реальной ситуации?», самая лучшая методика — это свой собственный пример (даже сказать о своей позиции — это тоже поступок)...

Например, я могу открыто сказать, что хожу на демонстрации под красными флагами, хотя совсем не идеализирую лидеров нынешней оппозиции. Но это не значит, что и все должны ходить под красными знаменами... Я могу рассказать, как вообще первый раз «из интереса» пришел на демонстрацию оппозиции в 1992 году, в то время когда в обществе было уже сформировано презрительное отношение к «быдло-заточечным» демонстрантам (как их окрестили тогдашние СМИ), и многие люди даже помыслить боялись, что могут быть солидарны с теми, кто не доволен нынешней ситуацией. В тот день «кривая» моего движения на Манежной площади (когда это еще была площадь) была такова, что я сначала как будто бы случайно прошел мимо, но потом остановился и спросил себя: «Неужели я такой трус?», после чего все-таки приблизился к демонстрантам. И тогда для меня это было более сильное личностное испытание, чем последующее участие в стычках с героями-омоновцами, до крови

369

избивавшими стариков и старушек, пытавшихся бороться за свои ущемленные социальные права.

Я убежден, что об этом можно и нужно рассказывать, ведь это не просто опыт, а опыт очевидца. Но призывать к открытым выступлениям психолог и педагог не имеют права, так как в ходе таких выступлений, действительно, льется невинная кровь. Сделать свой выбор, в том числе и противоположный выбору психолога или педагога, — это право самого клиента или самоопределяющегося школьника.

И когда психолог демонстрирует пример своего собственного выбора, то важен не конкретный выбор, а сама возможность (право) такого выбора. И, как уже отмечалось, сложность и одновременно высший смысл выбора в том, что выбирать можно не только что-то возвышенное и благородное, но и омерзительное, пошлое, примитивное и безнравственное. А иначе это уже не свобода выбора, а обязанность выбирать только то, что «положено», к чему обязывает учитель (или «общественное мнение», или вся тоталитарная система)... Естественно, нельзя эту идею доводить до абсурда и, конечно же, допускать, чтобы на занятиях или консультациях пропагандировались откровенно антигуманные идеи.

Таким образом, при рассмотрении с клиентами (учащимися) ценностно-нравственных проблем личностного самоопределения (в отличие от рассмотрения многих учебных, психотерапевтических и консультационных проблем) говорить об этом следует как бы «между прочим», на фоне какого-то «правильного», этически нейтрального материала, опираясь на разные точки зрения по данному вопросу, сопоставляя их и постоянно демонстрируя на своем примере не только сложность, но и возможность и даже очарование самостоятельного нравственного поиска.

Как уже отмечалось, в приложениях представлены некоторые методики ценностно-нравственного содержания, при проведении которых следует опираться на обозначенные выше требования (см. приложения). Эти методики являются прежде всего активизирующими, и сам факт их проведения

370

содержит идею «провоцирования» размышлений о сложнейших вопросах поиска смысла в своем стремлении к лучшему, да еще и сохранении при этом своего достоинства. Для оценки эффективности проведения такой работы также может пригодиться метод «открытых глаз», о котором уже говорилось в главе 6 и о котором мы еще раз хотим напомнить, что в «открытые глаза» могут и плюнуть....

32. Этические аспекты построения взаимоотношений с разными группами клиентов и заказчиков

Особенности построения взаимоотношений с дошкольниками, со школьниками, со студентами, с детьми-инвалидами, с воспитанниками детских домов и школ-интернатов и др.

Естественно, мы не будем рассматривать все возможные аспекты этих взаимоотношений, а сосредоточимся лишь на этической их стороне.

В работе с дошкольниками важно закладывать основы доброго, оптимистичного отношения к миру и к самому себе в этом мире. Добро и поддержка — это тот фундамент, на котором формируется личность человека. Уже в будущем, когда человек будет сталкиваться с различными трудностями, надежной опорой ему будут добрые детские воспоминания. С другой стороны, недопустимо баловство ребенка и излишняя опека над ним. Проблема в том, что ребенок пока еще слишком мал и не понимает, что «хорошо», а что «плохо». Но он очень хочет это понять. Это и есть основа всей психолого-педагогической работы с ребенком. В главе 2-й настоящего пособия уже рассматривалась подробно проблема насилия над ребенком, заметим лишь, что полный отказ от наказаний — это тоже самообман. Во всем должны быть смысл и чувство меры.

В немалой степени все это относится и к школьнику. Но школьник — существо более самостоятельное, а следовательно,

371

и более ответственное за свои поступки. Важно так организовать ситуацию, чтобы он получал удовольствие и удовлетворение от того, что он все больше сам отвечает за свои действия. Это и есть основа чувства собственного достоинства. Естественно, школьник должен понимать (и принимать) и то, что за недостойные действия он должен быть наказан. При этом само наказание желательно переводить из внешнего плана во внутренний план, когда самым страшным для него будет переживание по поводу своих неблагоприятных поступков. На этой основе постепенно формируется и совесть, и чувство долга.

Еще в большей мере обладают самостоятельностью и ответственностью за свои поступки студенты. О работе со студентами уже много говорилось в главе 1-й настоящего пособия. Желательно относиться к студенту как к потенциальному коллеге и всегда быть готовым к тому, что его вопросы и суждения могут оказаться достаточно зрелыми и обоснованными, то есть они могут оказаться лучше, чем у самого психолога. Это не только нормально, но и по-своему прекрасно, ведь в этом и заключается важнейшая цель профессионального образования — сформировать полноценных коллег, с которыми можно обсуждать научные и практические проблемы на равных. Естественно, первоначально инициатива должна исходить от преподавателя психологии, но незаметно эта инициатива должна все больше и больше передаваться студенту, когда преподаватель и обучающийся включены в непрерывающийся совместный поиск... Это и есть высшая степень уважения к обучающемуся студенту.

Особые отношения выстраиваются с детьми-инвалидами. Кратко можно обозначить две основные особенности в работе с ними:

1. Открытость для контакта и для откровений, но одновременно и сильная обида, когда психолог (педагог, воспитатель) не дают в таких контактах достаточно душевной теплоты. Например, по нашему опыту работы с детьми-инвалидами ДЦП (с сохранным интеллектом) мы сталкивались с ситуациями,

372

когда после первоначальной радости от общения с психологом дети буквально мстили нам за то, что мы иногда приходили к ним в школу-интернат по вечерам сильно уставшими от работы с другими (нормальными) школьниками в других школах. Нам даже заявляли: «На других детей у вас хватает сил. А мы вам неинтересны...». Поэтому работа с детьми-инвалидами требует гораздо большей душевной отдачи, чем в работе с обычными (здоровыми детьми).

2. Сильно завышенная самооценка, уверенность в том, что их физические дефекты не так важны для поступления в вуз и последующего трудоустройства. Работая на общественных началах некоторое время в школе-интернате для детей-инвалидов, мы стали свидетелем настоящей трагедии выпускников этого интерната в начале 90-х годов, когда начались известные «демократические преобразования» в ельцинской России. В старших классах к этим детям было повышенное внимание властей, тем более что это был один из лучших интернатов для инвалидов Москвы. К детям часто наведывалось центральное телевидение (я не раз видел своих воспитанников на телеэкране), им устраивали круизы по Черному морю, много было иностранных делегаций с соответствующими подарками и т. п. Многие мои попытки как-то «приземлить» старшеклассников, заставить их более трезво взглянуть на ситуацию после окончания школы-интерната заканчивались неудачно (были даже обиды, что я очень «мрачно» говорю об их будущем).

Закончилось все тем, что после августовской (демократической) революции 1991 года с меня сняли это общественное поручение — заниматься профориентационной работой в подшефном интернате, заявив, что «теперь это никому не нужно»... Но страшно другое. Как рассказывала мне потом воспитательница, «почти все мальчики после окончания интерната спились, за исключением двух-трех ребят, которых смогли пристроить родители», а «все девочки превратились в старух, вы их просто не узнаете»... К сожалению, чрезмерное заигрывание с доверчивыми детьми-инвалидами оказывается

373

для них «медвежьей услугой». Важным этическим условием работы с ними является серьезное обсуждение тех реальных (сложнейших в своей безнравственности) ситуаций, с которыми им придется столкнуться. Но и на этом фоне важно формировать у подростков-инвалидов чувство оптимизма, которое заключается не в лживом «сюсюканьи», а в формировании готовности отстаивать свои интересы даже в условиях общественной апатии и невнимания к нуждам инвалидов.

Особенности взаимоотношений с родителями детей и подростков

Главная задача в работе с родителями клиентов — построение основы для психолого-педагогического взаимодействия. Основой взаимодействия является не столько «совместное выполнение» одних и тех же мероприятий, сколько разделение функций, когда что-то будет выполнять психолог, а что-то — родитель. Заметим, что именно такой подход предполагает большее уважение к родителю, чем просто «совместная деятельность», когда фактически все делает сам психолог.

Естественно, не все родители готовы к реальному взаимодействию, то есть не все готовы выполнять свои функции и отвечать за свои действия. Поэтому организация реального взаимодействия всегда предполагает учет возможностей и самой готовности родителя к сотрудничеству. Но поскольку такая готовность — большая редкость, то необходимо постепенно формировать эту готовность (через лекции, тренинги, беседы), то есть проводить специальную работу с родителями, постепенно выводя их на уровень подлинного взаимодействия.

Другой особенностью работы с родителями часто является то, что поначалу они стремятся рассказать психологу о

своих собственных проблемах, а лишь затем постепенно переходить к проблемам своих детей. Получается как бы «двойная консультация»: сначала самих родителей, а уже потом консультация по проблемам воспитания их детей. Мы считаем, что такая «двойная» работа вполне оправдана,

374

ведь, во-первых, нередко родитель как бы «испытывает» психолога, насколько он готов рассматривать разнообразные психологические проблемы (в том числе, и его собственные, родительские проблемы). Во-вторых, знакомство с проблемами самого родителя помогает лучше понять ситуацию в семье ребенка. В-третьих, после откровенного разговора с психологом у родителя часто возникает особое доверие к психологу.

Особенности профессиональной этики во взаимоотношениях с разными категориями взрослых клиентов

К настоящему времени все больше обозначаются особые группы населения, нуждающиеся в особой психологической помощи, — это наркоманы, безработные, участники военных конфликтов в «горячих» точках (не только военные, но в еще большей степени пострадавшие мирные люди), пенсионеры, бездомные-бомжи (дети и взрослые), бывшие заключенные и др. Есть смысл кратко остановиться лишь на некоторых категориях и отметить лишь самые общие этические правила в работе со взрослыми клиентами.

В работе с наркоманами надо помнить, что, с одной стороны, это по-своему больные люди, но, с другой стороны, они представляют реальную опасность для общества, так как многие из них — потенциальные преступники. К сожалению, извращенная этика часто ставит интересы этих людей выше интересов тех людей, для которых они представляют реальную опасность. При этом часто приводятся оправдания такой позиции: «Это не они сами, а общество виновато в их беде...». Но аналогично можно оправдывать и преступников. Поэтому, уважая личность наркомана, надо понимать, что психолог несет двойную ответственность: не только за доверившегося ему наркомана, но и за благополучие тех людей, которым этот наркоман может принести вред. В деликатной форме психолог должен на каком-то этапе работы с наркоманом сделать и это предметом их бесед...

375

Опыт работы с наркоманами (как и с алкоголиками) показывает, что важнейшим условием их излечения является помощь в нахождении смысла своего существования (хорошим примером эффективности такого подхода является деятельность некоторых священнослужителей, которые помогли наркоманам и алкоголикам обрести такой благородный смысл и отвратили их от своего пристрастия). Другим важным условием эффективной помощи является доверие (а часто даже вера) в психолога. Причем формирование такой веры в какой-то мере уже является манипуляцией, но нередко эта манипуляция оправдана, ведь слишком опасны последствия нерешенности этой проблемы.

В работе с безработными важно помнить, что речь идет о людях, которые уже имеют определенный жизненный и профессиональный опыт. Важнейшей задачей психолога является здесь помощь в построении оптимистичного отношения к будущему. При этом безработные часто оказываются в ситуации отчаяния, когда лучшие их таланты и силы не востребованы обществом. Даже когда им предлагаются определенные вакансии, то в большинстве случаев эти вакансии предполагают более примитивную работу, чем та, которую они выполняли ранее, что еще больше усугубляет для них ситуацию. Поэтому психолог опять же должен создать для консультируемого безработного ситуацию, когда сам безработный обретет для себя смысл даже в той работе, которая явно ему не по душе. Как отмечал В. Франкл, даже в фашистском концлагере выживали те, кто находил смысл в примитивных работах, понимая, что именно так они сохраняют связь со своим будущим. Ведь самое страшное в концлагере — это потеря будущего (*Франкл, 1990*).

Особая проблема в работе с пенсионерами, особенно, когда кто-то из них пытается осмыслить прожитую жизнь, когда у пожилого человека есть сомнения в том, что жизнь удалась (условно это можно обозначить как «ретроспективную консультацию»). Важно понимать, что не все пенсионеры (и даже не все люди среднего возраста) готовы пережить

376

правду, то есть не все готовы признаться себе, что жизнь (или значительный этап жизни) прожита напрасно. Психолог должен проявлять особый такт в своих высказываниях и оценках, которые ожидает услышать от него консультируемый пенсионер. Кстати, позиция, что «психолог вообще не должен оценивать», не очень убедительна в работе с уважающими себя клиентами. Но негативных оценок все-таки лучше не делать, ведь многих это может просто сломать в моральном плане. Исключение здесь составляют лишь сильные, волевые люди, воодушевленные благородной идеей и готовые еще больше мобилизоваться в оставшиеся годы, чтобы как-то преодолеть, компенсировать свои предшествующие неудачи. Но таких людей не много...

В работе с пенсионерами во всем цивилизованном мире и даже в России складывается интересная ситуация, когда удельный вес пенсионеров по отношению ко всему населению будет резко увеличиваться, что связано с увеличением продолжительности жизни, а также с нежеланием многих молодых семей обременять себя лишними детьми (не хватает времени на работу, на развлечения и т. п.). А это означает, что общество должно быть готово к тому, что с этими пенсионерами надо работать. Мы даже можем предположить, что пенсионеры начнут играть весьма заметную роль в жизни многих стран, и тогда отношение к ним будет более уважительное. А это, в свою очередь, может способствовать тому, что появится даже особая «эстетика старости», и этот возраст станет даже по-своему притягательным. Здесь возникает интересный вопрос: в какой степени психологи могут способствовать изменению отношения к старости на уровне отдельных лиц (своих пожилых клиентов) и общественного сознания в целом?..

Особая категория — это люди, пережившие идиотизм локальных конфликтов (а по сути кровавых и жестоких войн) на территории бывшего СССР. Здесь можно выделить как минимум четыре основные категории, с которыми требуется особая работа.

377

1. Воины российской армии, участвующие в этих вооруженных конфликтах. К сожалению, многие из них чувствуют себя «пушечным мясом» для решения корыстных вопросов различных политических проходимцев. Для воина, реально рискующего своей жизнью, совсем не безразлично, за что он воюет, за идею или за «гонорар» (идея профессиональной армии, воюющей за деньги...). Но, когда теряется (или извращается «рыночными» идеями) сам смысл участия в вооруженных конфликтах, связанными и с убийством людей, это порождает особые психологические проблемы. Такие деформированные смыслы часто провоцируют и другие проблемы, например наркоманию, издевательства над мирным населением (своеобразное сведение счетов), «дедовщину» (которой фактически не было в армии, сражающейся за высокие идеи в период Великой Отечественной войны) и т. п. Одной из задач психолога является помощь в обретении смыслов участия в военно-политических авантюрах, хотя бы в том плане, чтобы не повторять эти ошибки в будущем и предостерегать от них других людей. Это можно сравнить с ситуацией, когда даже служба в разлагающейся армии (или пребывание в тюрьме) также дают бесценный опыт, который можно использовать либо для того, чтобы тиражировать зло и обывательскую тупость, либо использовать как своеобразное предостережение от ошибок.

2. Воины, попавшие в плен и подвергшиеся всем мыслимым и немыслимым унижениям. Сюда же можно отнести и тех воинов, которые стали предателями и воевали против своей же армии. Работа с такими людьми — это особая психологическая проблема, требующая учета всех нюансов ситуации каждого подобного клиента. Психолог (в отличие от следователя) не должен огульно обвинять таких людей, его задача — постараться понять их, а также постараться морально «очиститься» от своего унижения (тем более, это относится к вынужденному пленению). Естественно, полное «очищение» потребует немалого времени и соответственной кропотливой работы. Большую помощь психологу могут здесь

378

оказать бывшие клиенты, которые сумели преодолеть в себе аналогичные проблемы (здесь ситуация чем-то напоминает ситуацию с наркоманами, когда наиболее убедительны для наркомана не столько психологи, сколько те, кто совсем недавно сам был наркоманом, но сумел стать нормальным здоровым человеком).

В работе с этой и другими подобными категориями клиентов важно помнить, что нередко именно те, кто сумел преодолеть в себе зло и предательство, становятся потом ревностными служителями идей добра и

справедливости. И в этом главная надежда таких людей, и именно на это их должен ориентировать психолог.

Хотя возможна и иная стратегия в работе с ними — помочь им поскорее все забыть. Нам представляется, что на каких-то этапах излечения этих людей это оправдано, но терять столь ценный опыт (пусть даже отрицательный, но тоже опыт) было бы серьезной ошибкой, тем более, что переживания по этому поводу все равно будут беспокоить человека, если у него осталась хоть капля самоуважения.

3. Люди (воины), воюющие против федеральных сил, так называемые «террористы». Часть таких террористов просто отрабатывают свои гонорары (еще один вариант «профессиональной», то есть платной армии). Но немалая часть — это люди, искренне поверившие в идеи своих безнравственных вождей и лидеров. Такие люди уже сумели замарать свои руки в крови и, естественно, разбираться с ними должны не только психологи, но и работники правоохранительных органов. Психологическая же проблема заключается в том, что и этим людям можно помочь обрести для себя благородные смыслы и уже в оставшуюся жизнь добрыми делами смыть с себя и своих потомков позор за свою глупость и доверчивость. Даже в работе с этой категорией людей психолог должен исходить из того, что перед ним — люди, и они тоже заслуживают уважения в том смысле, что у них также есть возможность смыть с себя позор и стать полноценными членами общества.

379

Правда, остается еще проблема отношения к этим людям тех, кто стал их жертвами (или родственников этих жертв)... К сожалению, сейчас господствует идея уважения к личности преступника, но не к личности его жертвы. Если на правовом уровне эта проблема решается не в пользу порядочных людей, то быть может на психологическом уровне здесь можно было бы что-то сделать, обращаясь к совести преступника и к милости его жертвы?.. Пока эта проблема не решена, ее решение во многом зависит от профессионального такта и личной принципиальности конкретных психологов, работающих с данными категориями клиентов.

4. Очень сложная категория возможных клиентов — это мирные люди, оказавшиеся жертвами военно-политических авантур, связанных с «раздачей суверенитетов и перераспределением богатств бывшей страны и ее народа». Главная характеристика этих людей — чувство ненужности, брошенности, ощущение невнимания к их проблемам со стороны властей и большей части общества (со стороны добропорядочных граждан). Все это порождает особое состояние отчаяния, на основе которого у части таких людей или их детей вполне может сформироваться чувство озлобленности и мести за унижение своего человеческого достоинства. Заметим, что в психологическом плане даже озлобленность — это лучше, чем полное смирение со своей унижительной ситуацией, так как это тоже форма внутреннего протеста, попытка хоть как-то напомнить о себе и своих растоптанных правах.

Главная трудность здесь — в какое русло направить энергию такого отчаяния и озлобленности, в русло мести или в русло конструктивного созидания и недопущения подобного отношения уже к другим людям... Возможно, именно это могло бы стать темой отдельных разговоров с данными людьми. Если же обратиться к распространенной практике психологической работы с этой категорией людей, то часто все сводится к проведению психотерапевтических реабилитационных групп, что частично снижает остроту переживаний, но лишь на время. Потом группы быстро заканчиваются,

380

а внутренняя неудовлетворенность и чувство ненужности все-таки остаются...

33. Особенности профессиональной этики во взаимоотношениях с коллегами-психологами и администрацией

Профессиональная этика взаимоотношений с коллегами-психологами и смежными специалистами

Главный этический ориентир здесь — уважение к тому, что делают ваши коллеги, а также отказ от своей монополии на последнюю истину. Если взаимодействовать приходится с представителями непсихологических профессий, то ни в коем случае не демонстрировать своего превосходства над ними, а также превосходства своей (якобы более престижной, элитной) профессии... Более конкретно можно рассмотреть это на примере работы школьного психолога, тем более, что педагогические коллективы считаются наиболее сложными в плане

построения деловых взаимоотношений. При этом полезно поставить себя на место тех специалистов, с которыми вы собираетесь работать и понять при этом, чего они больше всего опасаются от совместной с вами работы.

1. Особенности взаимодействия с педагогами. Главное, чего опасается коллега-педагог, это то, что вы заденете их самолюбие. Особенно если вы еще достаточно молоды и неопытны, но уже изображаете из себя «настоящего психолога», тогда как они, педагоги, «не хуже вас разбираются в детской психике», только научились всему этому «не в университетах, а в реальном классе» (и в чем-то ведь они правы). Рекомендуется:

1) важно показать коллегам-педагогам, что вы не собираетесь ущемлять их самолюбие:

381

— почаще обращаться за советом (особенно к классным руководителям), даже когда особо и не нуждаетесь в таких советах;

— предлагать провести им самим несложные (например, некоторые игровые) методики;

— не выставлять свои знания напоказ, не «выпендриваться» (не давить учителей своими специфическими знаниями и непонятной терминологией — любимая игра начинающих психологов и некоторых «эстетствующих» студентов);

2) провести методический семинар и показать на нем некоторые несложные методики (показать, что вы умеете работать, а не просто красиво «болтать языком»);

3) стремиться организовать сотрудничество, то есть попробовать передать педагогу часть своих функций (но сначала заинтересовать и заинтриговать некоторыми несложными и интересными методиками).

2. Взаимодействие психолога (например, профконсультанта)

с другими коллегами-психологами. Их главное опасение, что вы окажетесь более подготовленными, что дети будут любить вас больше их и, вообще, что окажетесь «лучше», чем они (известно, что многие психологи очень самолюбивы). Рекомендуется:

1) не спешить, так как иногда для настоящего сотрудничества требуется время;

2) если психолог уже ведет в школе какие-то работы — не отнимать их у него даже тогда, когда он делает это хуже вас (иначе с его стороны, скорее всего, будет обида);

3) лучше четко разделить свои функции и оформить это документально (в планах работы);

4) сразу не делать совместных мероприятий («соавторы» часто ругаются из-за мелочей);

5) постепенно (если отношения станут взаимоуважительными), можно пробовать и совместные дела, и обмен своими функциями и все что угодно;

6) очень важно — не выяснять отношения в присутствии педколлектива (иначе коллеги-педагоги с удовольствием будут

382

наблюдать за тем, какие психологи склочные, как они сами «даже общаться не умеют»...).

3. Организация взаимодействия с коллегами из других организаций. Возможные контакты школьного психолога и профконсультанта: с работниками кадровых служб предприятий, с представителями учебных профессиональных заведений, с общественными организациями, с медико-психологическими центрами и т. п. Главное в этих контактах — учитывать богатый опыт общения с людьми, знание специфики данного предприятия, а также то, что нередко они сильно зависят в действиях и принятии решения от «своего начальства». Нередко важнейшим недостатком таких работников является недостаточно развитый профессиональный такт во взаимоотношениях с

людьми (здесь психолог не должен демонстрировать свою лучшую подготовленность, но в перспективе возможно проконсультировать их и по данным проблемам). В целом особенности данных контактов выражаются в следующем:

- заинтересовать в целесообразности контактов, относится к коллегам очень уважительно;
- оформить отношения документально (в виде договоров);
- обязательно так планировать совместные мероприятия, чтобы участвовали все, а для этого — в договоре — четко расписать задачи и ответственных за их исполнение.

Особенности взаимоотношений с администрацией учреждений, где работает психолог

Главное здесь — сделать реальную (объективную) психологическую проблему данной организации понятной для ваших заказчиков и по возможности, постепенно сформировать у руководителей этой организации готовность самостоятельно эту проблему разрешить (естественно, с вашей некоторой помощью). Заметим, что высшим уровнем работы управленческого (организационного) консультанта является

383

не решение проблемы вместо заказчика, а создание ситуации, когда сам заказчик (лучше в лице одного из руководителей организации) сам выскажет ценную идею (например, в ходе деловой игры) да еще и обозначит условия реализации этой идеи. В этом случае можно быть уверенным, что ценная идея действительно будет осуществлена. Это же относится и к индивидуальному консультированию, когда клиента постепенно подводят к самостоятельному принятию решения.

Для более конкретного представления проблемы построения взаимоотношений с администрацией учреждения, где работает психолог, также можно обратиться к опыту школьной психологии, где такие отношения приходится выстраивать весьма непросто. И здесь полезно использовать принцип: поставить себя в воображении на место того человека, с которым вы пытаетесь взаимодействовать, и понять, чего он больше всего боится от такого взаимодействия.

Особенности взаимодействия с администрацией школы (с директором и завучем). Главное, чего боится «нормальный администратор», это то, что вы не знаете своей работы, не знаете, чем заняться в «подчиненной ему» школе, то есть можете внести элемент дезорганизации в общую работу (которую с «таким трудом ему удалось наладить»). И тогда администратору самому придется «искать вам работу», хотя у него «и так много своих дел в школе». Но поскольку многие администраторы плохо представляют себе, чем должен заниматься психолог в школе, то им придется «найти» вам такие занятия, после которых вам придется немного переквалифицироваться в педагога. Или в «массовика-затейника» (например, чтобы постоянно развлекать детей). Поэтому рекомендуется:

1) взять инициативу в свои руки, показать, что вы и сами знаете, как работать:

- для первой встречи с директором подготовить план работы;
- постоянно выступать с какими-то «идеями» сверх своего плана (чтобы не вы «шарахались» от директора в коридоре, а он от вас...);

384

2) соблюдать субординацию (особенно в присутствии коллег-педагогов и учащихся);

3) идти «на встречу», выполнять отдельные «просьбы» и даже «выручать» администрацию (например, выручать завуча, который «буквально перед уроком просит, чтобы вы подменили какого-то учителя»). Естественно, при этом не позволять «садиться себе на шею»...

Важную роль в любой школе играет завуч по учебной работе. Главное, чего он боится, — это ваш отказ выручать

его в случае возникновения проблем с расписанием. Типичная картина (по опыту работы в нескольких московских школах): я иду в школу проводить определенную работу в конкретном классе. На пороге меня уже встречает улыбающийся завуч с распростертыми объятиями. Понятно, что это неспроста. Понятно, что он попросит меня заменить какого-то учителя в совершенно других классах, где я и не собирался работать. По моему опыту, лучше выручить завуча, так как завуч — это не пугало (каким его нередко представляют), а вполне нормальный человек, который хорошо помнит добро. Не раз было так, что завуч и меня выручал в сложных ситуациях, когда, например, я не мог по каким-то причинам провести свои занятия...

Фактически речь идет о том, чтобы хорошо относиться ко всем людям, с которыми приходится так или иначе взаимодействовать, естественно, рассчитывая и на то, что эти люди также будут относиться к вам с уважением и пониманием ваших проблем. Как тут не вспомнить И. Канта с его «категорическим императивом», одна из формулировок которого звучит так: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь, которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Быть может, главная этическая сложность в построении взаимоотношений с другими людьми заключается в том, что часто мы слишком усложняем эти взаимоотношения и соответствующие ожидания от других людей, а усложняя эти взаимоотношения,

385

мы неизбежно запутываемся в них и начинаем выдумывать черт знает что.

Хотя все гораздо проще, и опыт житейской психологии постоянно показывает, что и простые люди все-таки могут разобраться, где «добро», а где — «зло», где «правда», а где — «ложь»... Если, конечно, их не сбивать с толку псевдонаучными рассуждениями тех умников, которые сами здорово запутались и скрывают свою этическую несостоятельность за красивыми рассуждениями, когда якобы «принципиально невозможно во всем этом разобраться»... Здесь уместно вспомнить и то, что «самая страшная разновидность дурака — это образованный дурак». И еще уместно вспомнить, что «дурак (особенно образованный) хуже подлеца»...

Контрольные вопросы к главе 7

1. Имеет ли право психолог влиять на личность клиента, на развитие его ценностно-смысловой сферы?
2. Должен ли психолог призывать своих клиентов к открытым действиям (к участию в демонстрациях и других акциях протеста) и если должен, то в каких формах это должно делаться?
3. Как быть, если сам клиент не стремится к тем идеалам и ценностям, которые пытается донести до него психолог?
4. Как быть, если психолог имеет дело с явно антисоциальным клиентом, для которого счастье в ущемлении интересов других людей?
5. Что является основой профессиональной этики во взаимоотношениях с детьми-инвалидами?
6. Что является основой профессиональной этики во взаимоотношениях психолога с наркоманами?
7. Как психологу лучше выстраивать деловые взаимоотношения с администрацией учреждения, где он работает (например, с администрацией школы)?

386

Заключение

В настоящем пособии была сделана попытка не только обозначить общепринятые представления об этических основах деятельности психолога, но и выделить наиболее сложные и проблемные вопросы его профессионального труда. Как уже не раз отмечалось, цели и ценностные ориентиры психолога выходят за рамки его профессии и касаются не только этики (в ее философской традиции), но и затрагивают мировоззрение в более широком смысле. Это объясняется тем, что психолог как представитель своей профессии не только через своих клиентов, испытуемых и «заказчиков» связан с реальной жизнью (часто отличающейся от научных и

философских моделей), но и сам живет в этой жизни, а следовательно, и он сам должен занимать свою позицию по отношению к происходящим в реальной жизни процессам.

Сложность затронутых проблем не позволила осветить их в завершенном виде, что само по себе было бы неэтично по отношению к студентам и другим психологам, находящимся в творческом поиске, поскольку ценностно-смысловые ориентации формируются постепенно, по мере развития профессионала и давать их в готовом виде было бы просто страшно (не дай бог, кто их и примет в готовом виде). К сожалению, незавершенность рассмотрения многих этических проблем, затронутых в пособии, создает иногда ощущение некоторой сумбужности изложения, а это может несколько затруднить восприятие данных проблем как «учебного материала». Вероятно, при сдаче экзаменов и зачетов по этическим проблемам психологии преподаватели все-таки не должны требовать от студентов однозначного и четкого «воспроизведения» материала пособия. Важно, чтобы обучающиеся, используя материал пособия, демонстрировали готовность самостоятельно рассуждать об этих сложных проблемах.

Нерешенной, на наш взгляд, задачей оказался сам стиль изложения материала. Опыт чтения лекций по данной теме в

387

самых разнообразных аудиториях, а также отзывы других психологов на ряд наших публикаций по этическим проблемам психологии показал, что и многие студенты, и многие коллеги-психологи высказывают общую претензию к нашему стилю: он чересчур «пессимистичный», не хватает «радости» и «оптимизма», а проблем в жизни и так хватает, и они просто надоели. Заметим, что пособие писалось в эпоху, которую вряд ли назовешь самой блистательной в современной истории России, когда страну буквально переполняют разнообразные проблемы (не столько социально-экономические, сколько именно духовные, нравственные).

Давно замечена закономерность, когда проблем слишком много, то действительно, многие люди стремятся как-то уйти от них, хоть в чем-то обрести для себя уверенность и смысл (либо в мистике, либо в анекдотах, либо в запое...). В пособии не раз отмечалось, что каждый человек имеет право на свое «реагирование» на проблемы своего времени. Но мы вновь ставим вопрос: должен ли профессионал-психолог игнорировать эти проблемы или же его обязанностью является рефлексия этических проблем и хоть какие-то усилия направленные на уменьшение последствий этих проблем для своих клиентов? Но мы и здесь считаем, что психологи должны быть разными: кто-то готов обозначать данные проблемы со своими клиентами (желательно, чтобы это были люди с сильной волей и нежеланием становиться объектом различных общественных манипуляций), но кто-то уже со своими клиентами пусть культивирует идею, что все и так прекрасно и нельзя терять ни минуты жизни, понимаемой как стремление к «блаженству» (вероятно, это должны быть нормальные люди, не готовые к лишним душевным напряжениям, и было бы крайне неэтично обвинять их в этом).

И все-таки мы считаем, что для полноценной профессиональной подготовки студенты-психологи должны хотя бы расширить свой профессиональный и личностный кругозор и познакомиться с различными вариантами (и различными уровнями) своей будущей профессиональной деятельности,

388

начиная от увеселительно-развлекательно-терапевтического уровня («здесь и теперь») и кончая сложным уровнем соприкосновения с глобальными культурно-историческими процессами и переживания по поводу своего места в этих процессах.

Признаемся, что в перспективе все-таки следует искать более простые и «оптимистичные» варианты актуализации этических проблем как перед студенческими аудиториями, так и перед неспециалистами, интересующимися психологией. Это важно хотя бы и потому, что для преподавателя, взявшего «проблемный» (и неизбежно «пессимистичный») стиль обсуждения этих проблем также довольно быстро наступает пресыщение и он также просто физически устает от круглых глаз и кривых усмешек большинства слушателей. Хотя, с другой стороны, когда иногда кто-то подойдет и тихо скажет: «Спасибо, что вы об этом говорите»... то на какое-то время опять не хочется менять стиль изложения и превращать занятие в «приятное времяпрепровождение» с «очаровательными аудиториями»...

Завершая, можно еще раз напомнить, что само профессиональное самосознание специалиста начинается с осознания (рефлексии) проблем своей профессиональной деятельности. Такое осознание является отличной мотивационной основой и для получения знаний, необходимых для решения этих проблем, а для психолога, — необходимых еще и для собственного личностного роста. Само ощущение непрекращающегося процесса собственного профессионального и личностного роста (неизбежного через преодоление множества внешних и внутренних проблем) в итоге обеспечивает ощущение настоящего счастья профессионала. Это и есть подлинный «оптимизм» в работе психолога. Здесь даже срабатывает известный принцип «маятника»: не познав настоящих трудностей (и не столкнувшись с ощущением «пессимизма»), трудно познать и настоящее счастье оттого, что ты психолог способный, то есть специалист по нахождению пути от «пессимизма» к «оптимизму». Где сам оптимизм означает уверенность и готовность человека вести себя умно и достойно даже в самых тупых и омерзительных ситуациях...

389

Литература

1. *Асмолов А. Г., Нырова М. С.* Нестандартное образование в изменяющемся мире: культурно-историческая перспектива. — Новгород, 1993. — 24 с.
2. *Афанасьев М. Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. — М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. — 224 с.
3. Афоризмы. Шутки и каламбуры. — Алма-Ата: «Казахстан», АО «Караван», 1991. — 112 с.
4. *Ашин Г. К.* Миф об элите и «массовом обществе». — М.: Международные отношения, 1966. — 160 с.
5. *Барбакова К. Г., Мансуров В. А.* Интеллигенция и власть. — М.: Институт социологии АН СССР, 1991. — 194 с.
6. *Бахтин М. М.* Автор и герой в эстетической деятельности / Человек в мире слов (сост. О. Е. Осовский). — М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. — С. 67—94.
7. *Берг В.* Карьера — суперигра. — М.: АО «Интерэксперт», 1998. — 272 с.
8. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. — М.: Прогресс, 1988. — 400 с.
9. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геополитические императивы. — М.: Междунар. Отношения, 1998. — 256 с.
10. *Блуммер Г.* Коллективное поведение / Психология масс (ред.-сост. Д. Я. Райгородский). — Самара: Изд-во «БАХРАХ», 1998. — С. 535—588.
11. *Бодалев А. А.* О феномене «акме» и некоторых закономерностях его формирования и развития // Мир психологии и психология в мире. — 1995. — № 3. — С. 113—119.
12. *Борев Ю. Б.* Эстетика. В 2 т. — Смоленск: Русич, 1997. — Т. 1. — 576 с.; — Т. 2. — 640 с.
13. *Братусь Б. С.* Аномалия личности. — М.: Мысль, 1988. — 301 с.
14. *Братусь Б. С.* Личность о. Александра Меня и современный кризис общества // Мир психологии и психология в мире. — 1994. — № 0. — С. 32—37.
15. *Братусь Б. С.* Психология в моей жизни (интервью с Б. С. Братусем) / Мир психологии и психология в мире. — 1994а. — № 0. — С. 74—85.
16. *Братусь Б. С.* Русская, советская, российская психология. Конспективное рассмотрение. — М.: МПСИ: Флинта, 2000. — 88 с.

17. *Вайнцвайг П.* Десять заповедей творческой личности. — М.: Прогресс, 1990. — 192 с.
18. В поисках смысла. Мудрость тысячелетий (сост. А. Е. Мачехин). — М.: Изд-во «Книжная палата», 1998. — 831 с.
- 390
19. *Вульфов Б. З., Иванов В. Д.* Основы педагогики в лекциях, ситуациях, первоисточниках. — М.: Изд-во УРАО, 1997. — 288 с.
20. *Гарифуллин Р.* Энциклопедия блефа. — Казань: Реноме, 1995. — 160 с.
21. *Гарин И. И.* Пророки и поэты. Т. 1. — М.: Терра, 1992. — 751 с.
22. *Гарин И. И.* Воскрешение духа. Т. 2. — М.: Терра, 1992. — 640 с.
23. *Гессен С. И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 448 с.
24. *Говорухин С.* Диктатура жуликов // *Завтра*. — 1996. Июль. № 30 (138).
25. *Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б.* Политическая психология. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 448 с.
26. *Горский Д. П.* Обобщение и познание. — М.: Мысль, 1985. — 208 с.
27. *Демоз Л.* Психоистория. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. — 512 с.
28. *Джуринский А. Н.* История педагогики. — М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1999. — 432 с.
29. *Дильтей В.* Описательная психология. — М.: Алетейя, 1996. — 160 с.
30. *Дольник В. Р.* Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 208 с.
31. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции. — М.: ЧеРо. Изд-во МГУ, 1996. — 344 с.
32. *Дрейкурс-Фергюсон Е.* Психология, которая принесет вам пользу. Введение в теорию Альфреда Адлера. — Минск: ред. журн. «Адукацыя і выхаванне», 1995. — 54 с.
33. *Дружинин В. Н.* Структура и логика психологического исследования. — М.: Институт психологии РАН, 1994. — 163 с.
34. *Жувенель Б.* Этика перераспределения. — Тверь: Институт национальной экономики, «Баком», 1994. — 146 с.
35. *Задорнов М.* Закрытое письмо Президенту / Аргументы и факты. — 1996. Ноябрь. № 2 (840). — С. 2.
36. *Зинченко В. П.* Аффект и интеллект в образовании. — М.: Тривола, 1995. — 64 с.
37. *Зинченко В. П., Моргунов Е. Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. — М.: Тривола, 1994. — 304 с.
38. *Ильин В. В.* Теория познания. Эпистемология. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 136 с.
39. Интервью с Б. С. Братусем / Влияние современной американской психологии на практическую психологию в России (под ред. М. Котэ, А. Г. Лидерса). — М., 1998. — С. 5—23.
40. *Ионин Л. Г.* Основания социокультурного анализа: Учебное пособие. — М.: Рос. Гос. Гуман. Ун-т, 1996. — 151 с.
41. *Каган М. С.* Эстетика как философская наука. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. — 544 с.

42. Как построить свое «я» (под ред. В. П. Зинченко). — М.: Педагогика, 1991. — 136 с.
43. *Кан М.* Между психотерапевтом и клиентом: новые взаимоотношения. — СПб.: Б. С. К., 1997. — 143 с.
- 391
44. *Карасев Л. В.* Философия смеха. — М.: Рос. госуд. ун-т, 1996. — 224 с.
45. *Касавин И. Т.* Постигая многообразие разума (Вместо введения) / Заблуждающийся разум? Многообразие венаучного знания (под ред. И. Т. Касавина). — М.: Политиздат, 1990. — С. 5—29.
46. *Климов Е. А.* Психолого-педагогические проблемы профессиональной консультации. — М.: Знание, сер. «Педаг. и психол.», 1983. — № 2. — 95 с.
47. *Климов Е. А.* Как выбирать профессию. — М.: Просвещение, 1990. — 159 с.
48. *Климов Е. А.* Образ мира в разнотипных профессиях. — М.: Изд-во МГУ, 1995. — 224 с.
49. *Климов Е. А.* Такая вот «особа» — психология (интервью с Е. А. Климовым) // Мир психологии. — 1997. — № 1. — С. 101—110.
50. *Кормер В.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура. — М.: Традиция, 1997. — 288 с.
51. *Кравченко А. И.* Социология труда в XX веке. Историко-критический очерк. — М.: Наука, 1987. — 182 с.
52. *Кьеца Д.* «Прощай, Россия!» — М.: ТОО «Гея», 1997. — 271.
53. Ларец острословов: Афоризмы. Парадоксы. Шутки. Эпиграммы / Сост. Г. П. Лобарев. — М.: Политиздат, 1991. — 511 с.
54. *Лебон Г.* Психология народов и масс. — СПб.: «Макет», 1995. — 316 с.
55. *Ленин В. И.* Философские тетради. Полное собрание сочинений. Т. 29. — М.: Политическая литература.
56. *Ленин В. И.* Государство и революция / Избр. произв. В 2 т. Т. 2. — М.: ОГИЗ, Гос. Изд-во полит, литер., 1946. — С. 126—208.
57. *Ливехуд Б.* Кризисы жизни — шансы жизни. Развитие человека между детством и старостью. — Калуга: «Духовное познание», 1994. — 224 с.
58. *Лисовская Э.* Тоталитарные секты / Психология господства и подчинения (Сост. А. Г. Чернявская). — Мн.: Харвест, 1998. — С. 500—537.
59. *Литвак М. Е.* Психологический вампиризм. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 416 с.
60. *Лосев А. Ф.* Дерзание духа. — М.: Политиздат, 1988. — 366 с.
61. *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. — М.: Политиздат, 1991. — 525 с.
62. *Лосский Н. О.* Учение о перевоплощении: интуитивизм. — М.: Прогресс, 1992. — 208 с.
63. *Луначарский А. В.* О воспитании и образовании. — М.: Педагогика, 1976. — 636 с.
64. *Людвиг фон Мизес.* Бюрократия. «Запланированный хаос». Антикапиталистическая ментальность. — М.: Дело, 1993. — 240 с.
65. *Маданес Клу, Маданес Клаудио.* Тайное значение денег. — М.: «Класс», 1988. — 192 с.
66. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.

67. *Маркова А. К.* Психология профессионализма. — М.: Знание, 1996. — 308 с.
68. *Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И.* О коммунистическом труде. — М.: Политиздат, 1984. — 158 с.
69. *Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И.* О коммунистическом воспитании. — М.: Политиздат, 1984а. — 288 с.
70. *Маслоу А.* Мотивация и личность / Теории личности в западно-европейской и американской психологии (ред.-сост. Д. Я. Райгородский). — Самара: БАХРАХ, 1996. — С. 422—449.
71. *Менегетти А.* Система и личность. — М.: Серебряные нити, 1996. — 128 с.
72. *Миллс Р.* Властвующая элита. — М.: Изд-во «Иностранная литература», 1959. — 543 с.
73. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М.: Изд-во «Центр психологи и психотерапии», 1996. — 478 с.
74. *Муздыбаев К.* Психология зависти // Практическая психология. — 1998. — № 1. — С. 86—95.
75. *Мюнстенберг Г.* Психология и учитель. — М.: Совершенство, 1997. — 320 с.
76. Начала новой этики. Кн. 1. — Каменск-Уральский, 1995. — 75 с.
77. *Ницше Ф.* Воля к власти. — М.: ТОО «Транспорт», 1995. — 371 с.
78. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. — М.: Интербук, 1990. — 301 с.
79. *Огинская М. М., Розин М. В.* Мифы психотерапии и их функции // Вопросы психологии. — 1991. — № 4. — С. 10—18.
80. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия? — М.: Наука, 1991. — 408 с.
81. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / Психология масс. Хрестоматия (ред.-сост. Д. Я. Райгородский). — Самара: БАХРАХ, 1998. — 592 с.
82. *Петров В.* Стиль творческой личности и стиль эпохи: опыт искусствометрического исследования / Стиль человека: психологический анализ (под ред. А. В. Либина). — М.: Смысл, 1998. — 310 с.
83. *Петров Ю. А.* Азбука логичного мышления. — М.: Изд-во МГУ, 1991. — 104 с.
84. *Петровская Л. А.* Теоретические и методологические проблемы социально-психологического тренинга. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 168 с.
85. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. — М.: ИНФРА-М, 1998. — 528 с.
86. *Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 512 с.
87. *Петухов В. В.* Природа и культура. — М.: Тривола, 1996. — 160 с.
88. *Пряжников Н. С.* Психологический смысл труда. — М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 352 с.
89. *Пряжников Н. С.* Психология элитарности. — М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. — 512 с.

90. *Пряжников Н. С.* S≠\$, или Личность в эпоху продажности. Учебно-методическое пособие. — М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000а. — 224 с.

91. *Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю.* Психология труда и человеческого достоинства. — М.: «Академия», 2001. — 480 с.
92. *Пряжникова Е. Ю.* Введение в учебную и профессиональную деятельность психолога. — М.: Образовательная академия «Континент», 2001. — 313 с.
93. Психологическое самообразование: читая зарубежные учебники: Проблемы психологии личности. — М.: Школа-Пресс, 1992. — 112 с.
94. Психология и этика: опыт построения дискуссии (под ред. Б. С. Братуся). — Самара: БАХРАХ, 1999. — 128 с.
95. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах (сост. В. Н. Назаров, Г. П. Сидоров). — М.: Политиздат, 1990. — 605 с.
96. *Райх В.* Психология масс и фашизм. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 380 с.
97. *Рат-Вег Иштван.* История человеческой глупости. — Дубна: «Феликс», 1996. — 640 с.
98. *Робер М.-А., Тильман Ф.* Психология индивида и группы. — М.: Прогресс, 1988. — 256 с.
99. *Розин М. В.* Психология судьбы: программирование или творчество / Психология человеческих проблем (Сост. К. В. Сельченко). — Мн.: Харвест, 1998. — С. 169—183.
100. *Розов В. С.* Нетворческое время // Завтра. — 1996. Июнь. № 28 (136).
101. *Ролз Дж.* Теория справедливости. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. — 536 с.
102. *Роттердамский Э.* Похвала глупости. — Калининград: Кн. изд-во, 1995. — 214 с.
103. *Рэнд Д.* Концепция эгоизма. — СПб.: Макет. 1995. — 128 с.
104. *Рюмина М. А.* Тайна смеха, или Эстетика комического. — М.: Изд-во «Знак», 1993. — 251 с.
105. *Селье Г.* От мечты к открытию. Как стать ученым. — М.: Прогресс, 1987. — 368 с.
106. *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 384 с.
107. *Степаньянц М. Т.* Справедливость и демократия // Вопросы философии. — 1996. — № 3. — С. 143—150.
108. *Столин В. В.* Психология самосознания. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 284 с.
109. *Таранов П. С.* Интриги, мошенничество, трюки. — Симферополь: «Таврида», 1996. — 576 с.
110. *Татенко В. А.* Психология в субъектном измерении. — К.: «Просвита», 1996. — 404 с.
- 394
111. *Умрихин В. В.* Психология неотторжима от этики / Психология и этика: опыт построения дискуссии (под ред. Б. С. Братуся). — Самара: БАХРАХ, 1999. — С. 84—86.
112. *Унамуно М.* Испанская зависть // Унамуно М. Избранное: В 2-х тт. — Л.: Худож. литература, 1981. — Т. 2. — С. 249—257.
113. Управление персоналом / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. — М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. — 423 с.
114. *Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции / О России и русской философской культуре (сост. М. А. Маслин). — М.: Наука, 1990. — С. 403—443.

115. *Фельдштейн Д. И.* Психология становления личности. — М.: Международная педагогическая академия, 1994. — 192 с.
116. *Философский энциклопедический словарь* (Гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др.). — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 840 с.
117. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
118. *Фролова М. А.* Политическая стратификация. — М.: Изд-во «Института практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. — 108 с.
119. *Фромм Э.* Иметь или быть? — М.: Прогресс, 1990. — 336 с.
120. *Фромм Э.* Человек для себя. — Мн.: Коллегиум, 1992. — 253 с.
121. *Хазен А. М.* Законы природы и «справедливое общество». — М.: АОЗТ «УРСС», 1998. — 112 с.
122. *Харрис Т. А.* Я хороший, ты хороший. — М.: Соль, 1993. — 176 с.
123. *Хоманс Дж.* Социальное поведение как обмен / Современная зарубежная социальная психология. Тексты (под ред. Г. М. Андреевой и др.). — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 82—91.
124. *Хорни К.* Культура и невроз / Психология личности. Тексты (под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря). — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 288 с.
125. *Честертон Г. К.* Вечный человек. — М.: Политиздат, 1991. — 544 с.
126. *Чудновский В. Э.* Смысл жизни и судьба. — М.: Изд-во «Ось-89», 1997. — 208 с.
127. *Шарден П.* Феномен человека. — М.: Наука, 1987. — 240 с.
128. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. — М.: Мысль, 1980. — 326 с.
129. *Шостром Э.* Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор. — Мн.: ТПЦ «Полифакт», 1992. — 128 с.
130. *Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове)* (сост. Э. Ворохов). — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. — 720 с.
131. *Элиаде М.* Священное и мирское. — М.: МГУ, 1994. — 144 с.
132. *Эриксон Э. Г.* Детство и общество. — СПб.: ИТД «Летний сад», 2000. — 416 с.
133. *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. — М.: Прогресс, Универс, 1994. — 336 с.
134. *Ярошевский М. Г.* Краткий курс истории психологии. — М.: Международная педагогическая академия, 1995. — 144 с.

395

Приложение 1

Бланковая игра-шутка «Торг»

Данная бланковая игра позволяет моделировать некоторые элементы действий, связанных с достижением различных жизненных ценностей. В частности, моделируется «плата» (а иногда и «расплата») за те или иные жизненные радости.

Игра проводится с целым классом (группой), где все разбиты на пары, но возможен и вариант игры, где участвуют микрокоманды по три и даже по четыре человека. Время на игру — примерно 40—50 минут. Общая процедура проведения методики предполагает следующие этапы:

1. Ведущий-психолог показывает на доске, как подготовить бланк для игры, а каждый учащийся рисует себе такой бланк на чистом листочке в клеточку, положенном горизонтально (см. таблицу 1.1). При этом сами разыгрываемые достижения пока в бланк не вписываются.

2. Далее все участники разбиваются на игровые пары. Возможен вариант, когда кто-то захочет играть втроем (или просто в классе окажется нечетное число учащихся).

3. Ведущий кратко объясняет смысл игры: «В каждой паре будут разыгрываться различные жизненные ценности-достижения, которые всегда будут доставаться самому достойному. За каждое из таких достижений вам придется расплачиваться своей «красотой-молодостью», «личной жизнью», «талантами», «друзьями», «совестью» и «здоровьем». Чем именно платить за то или иное достижение, каждый будет решать сам, но хоть чем-то платить придется всегда. В конце игры мы посмотрим, что у вас получилось и во что это вам обошлось». Более

396

конкретные правила объясняются непосредственно во время совершения первых 1—3 ходов.

4. Далее в графе «достижения» в нулевой строчке бланка каждым игроком выписывается «20 баллов», которые будут обозначать некоторый совокупный показатель игровых возможностей по всем шести достоинствам («красоте», «личной жизни» и т. д. — см. таблицу 1.1). Сразу же ведущий показывает, как можно было бы распределить эти 20 баллов по этим достоинствам, то есть как бы сделать своеобразную самооценку. Например, кто-то считает, что из перечисленных шести достоинств самым развитым у него является «совесть», значит, на нулевой строчке под «совестью» можно выписать побольше баллов, допустим — 6 баллов, далее по развитости идет «здоровье», допустим — 5 баллов, после этого «личная жизнь» — тоже 5 баллов и т. д., но таким образом, чтобы в сумме по всем шести достоинствам было ровно 20 баллов (20 баллов — это как бы 100%). Уже в игре эти баллы должны будут использоваться для тех или иных достижений. Причем в зависимости от успешности действий конкретных игроков их достоинства, выраженные в баллах, будут либо возрастать, либо уменьшаться...

5. Далее ведущий предлагает всем выписать первое достижение — «кругосветное путешествие», но так, чтобы соседи-напарники этого не видели. Сразу же каждый игрок в колонке «да/нет» выписывает, хотел бы он отправиться в это путешествие или нет («да» или «нет»).

6. Сразу же каждый игрок выписывает в колонке «расплата», сколько баллов он готов заплатить за то, чтобы отправиться в «путешествие» (за «да»), или же за то, чтобы этого «путешествия» у него не было (за «нет»). За отказ «путешествовать» также надо чем-то заплатить и от чего-то отказаться, поскольку наверняка близкие люди покоя не дадут и все нервы изведут («как ты мог отказаться от такого счастья!», «да лучше бы я оказался на твоём месте!» и т. п.). Например, за желание отправиться в «путешествие» игрок платит 4 балла (см. пример в таблице 1.1). Каждая последняя запись в колонке

397

под теми или иными достоинствами и будет определять, сколько таких достоинств осталось. Все это также делается скрытно от напарника.

7. Сразу же выписанный балл-расплату необходимо вычесть из баллов каких-то своих достоинств. Например, игрок готов заплатить 4 балла и высчитывает их вразбивочку из разных достоинств: из 6 баллов «совести» высчитывает 1 балл (остается 5) и из 5 баллов «личной жизни» высчитывает 3 балла (остается 2) — см. пример в таблице 1.1. Это также делается скрытно от своего напарника.

При этом игрок постоянно должен следить за тем, чтобы сохранить побольше баллов по наиболее важным для себя достоинствам. Кроме того, необходимо расходовать свои баллы экономно, так, чтобы хватило на всю игру

(бывает обидно, если игрок растратит все свои баллы, не дойдя даже до середины игровой процедуры, — если он и в жизни будет таким расточительным, то плохи его дела...).

Запрещается вычитать баллы из своих достоинств таким образом, чтобы оставшийся показатель выражался отрицательным числом. Например, нельзя вычитать из 2 баллов 3, так как иначе получилось бы $2-3=-1$ балл.

8. Лишь только после этого оба игрока-напарника раскрывают после данного хода все свои записи и выясняют, совпадают ли их намерения (по колонке «да/нет»), а если совпадают, то кто из них готов большим пожертвовать, то есть кто более достоин на получение того, что он хочет. При этом возможны различные варианты.

Если желания совпадают (у каждого либо «да», либо «нет»), то победитель определяется по большему количеству заплаченных за разыгрываемое достижение баллов. Победитель в колонке «+/-» ставит себе «+», а проигравший — «-».

Если желания совпадают, но у каждого одинаковое количество заплаченных баллов, то оба игрока быстро повторяют процедуру (выписывают в колонке «расплата» еще какой-то дополнительный балл, вычитают его из своих достоинств и показывают друг другу, что у них получилось на этот раз).

398

Таблица 1.1

Пример заполненного бланка для игры «Торг»

Достижения-ценности	Да/нет	Расплата	+/-	Здоровье, нервы	Совесть	Друзья	Талант, творч- во	Личная жизнь	Красота- молодость
0. 20 баллов				5	6	4	2	5	3
1. Кругосветное путешествие	Да	4	+		5		6	2	
2. Выгодное дельце	Нет	2	-	4	6		5		
3. Спокойная жизнь	Да	4	+	3	8		4	3	2
4. Маленькое унижение	Нет	3	-	2		3	3	4	
5. Работа для души	Да	5	+	4	6	2		2	5
6. Вилла с бассейном	Да	3	+	2	9		2		
7. Измена другу	Да	1	+	4	8		4		
8. Престижная работа	Да	3	+		5			5	
9. Своя фирма	Да	4	-	2			2		
10. Благородный поступок	Нет	2	-		4	4		4	

11. Любовное приключение	Да	3	–		5		2	4
12. Богатое наследство	Нет	1	+		6	4	4	
13. Успешное ограбление	Нет	1	–		7	3		
14. Семейное счастье	Да	2	+	4	10		2	
15. Встреча с добрым волшебником	Нет	2	+	5	8	5	4	
16. Настоящая любовь		2	–			6	2	
17. Известность и уважение		1	–				3	3
ИТОГИ:			+9	0	2	–2	0	–2 0

399

Если и после второй попытки победитель не выявился, то оба игрока считаются проигравшими и записывают себе в колонке «+/-» минус («-»).

Если у игроков разные желания (у одного «да», а у другого «нет»), то считается, что никто из них друг другу не мешает и каждый спокойно достигает своего, то есть оба пишут в колонке «+/-» знак «+».

Если играют 3 или даже 4 игрока, то победитель также определяется по большему количеству пожертвованных баллов. Но если у игроков разные желания относительно данного достижения, то один игрок (отличающийся от двух остальных) сразу становится победителем, а у двух остальных (с одинаковыми желаниями) победителем будет тот, у кого больше баллов (но в случае, если баллов окажется одинаковое количество, только между этими двумя игроками организуется дополнительное разыгрывание по правилам, уже описанным выше).

Опыт показывает, что данные правила после первых 2—3 ходов обычно усваиваются школьниками, и игра проходит в дальнейшем очень весело и динамично. Но на первых порах может быть много уточняющих вопросов, поэтому специалист, желающий провести ее со своими подростками, сначала должен прекрасно разобраться во всем сам, а разобравшись, отвечать на вопросы учащихся очень спокойно, понятно и доброжелательно.

9. После разыгрывания каждого достижения ведущий называет «поощрительные призы» для тех, кто достиг того, чего он хотел (у кого в колонке «+/-» стоит «+»), а иногда и «утешительные призы» для тех, у кого стоит «-» (см. таблицу 1.2 — «Призы»). Каждый игрок, получив приз, должен сразу же приплюсовать его к баллам тех своих достоинств, которые являются для него наиболее важными (к одному достоинству или к нескольким вразбивочку). Например, игрок оказался победителем при разыгрывании первого достижения («+»), а приз победителю равен 4-м баллам. Игрок решил приплюсовать эти 4 балла только к 2 имевшимся баллам своих «тантов» и получил в итоге 6 баллов (см. пример в таблице 1.1). Приплюсовывать баллы-призы можно только в

400

пустые места на строчке разыгрываемого достижения, чтобы не создавать в бланке путаницы.

Таблица 1.2

Призы (поощрительные и утешительные) к игре «Торг»

Достижения-ценности	Поощрительный (за «плюс»)	Утешительный (за «минус»)
1. Кругосветное путешествие	4	–
2. Выгодное дельце (сделка)	3	1
3. Спокойная жизнь	3	–
4. Маленькое унижение	4	1
5. Работа для души	5	–
6. Вилла с бассейном	3	1
7. Измена другу (с «выгодой»)	4	3
8. Престижная работа	3	–
9. Своя фирма	3	–
10. Благородный поступок	5	2
11. Любовное приключение	3	1
12. Богатое наследство	4	1
13. Успешное ограбление (большая взятка) — без суда...	3	1
14. Семейное счастье	5	1
15. Встреча с добрым волшебником	5	2
16. Настоящая любовь	5	1
17. Известность и уважение	4	1

10. Далее ведущий зачитывает по очереди все разыгрываемые достижения, напоминая игрокам о том, что следует экономно расходовать свои баллы, а иногда даже уступать что-то своим напарникам (быть хитрее...).

11. Итоги данной игры подводятся следующим образом. На последней, 17-й строчке выписываются все последние значения по каждому из шести достоинств. Далее из этих последних значений вычитаются первоначальные баллы и разница выписывается под каждой колонкой достоинств в графе «Итоги». Полученные итоговые баллы будут своеобразными показателями того, какие из использованных в игре качеств (игровых

401

достоинств) наиболее значимы для данного игрока (много баллов), а какие — менее значимы (мало баллов или даже отрицательные значения после сопоставления окончательного и первоначального). Ни в коем случае нельзя относиться к подобным результатам как к «психодиагностике»(!) — это лишь полушутливое размышление о смысле жизни, о путях и возможных потерях на пути к своему счастью.

Также можно подсчитать, сколько у каждого игрока знаков «+» в графе «+/-». Если плюсов около 12—14, то это

довольно много.

Еще более интересный и понятный для подростков вариант подсчета результатов: сумма итоговых баллов (под каждой из колонок «расплаты») перемножается на число реализованных ценностей-достижений (в графе «+/-»). Например, в таблице 1.1 сумма итоговых баллов (в графе «Итоги») равна «-2», а сумма реализованных ценностей-достижений («плюсы» в графе «+/-») равна 9. Получается: $-2 \times 9 = -18$.

Можно обратить особое внимание игроков на то, что важнейшим результатом являются не только достигнутые ценности сами по себе, но и то, каким стал образ каждого игрока к концу процедуры (улучшился ли он в целом и отдельно по наиболее значимым для себя достоинствам или, наоборот, стал хуже) и стоят ли подобные достижения такой расплаты (расплаты лучшим, что было в человеке...)?

Завершается игра тем, что ведущий предлагает игрокам на обратной стороне листа с бланком ответить на два вопроса: 1) довольны ли вы результатами, достигли ли того, чего хотели? 2) если вы довольны результатами, то кому сказать спасибо (самому себе, своему хорошему напарнику или даже ведущему)? если вы не довольны, то кто виноват (вы сами, ваш «хитрый и коварный» напарник или ведущий, который плохо объяснил игру)? Такие листочки можно собрать и проанализировать, а можно просто предложить участникам игры взять их себе на память (для самостоятельных размышлений).

402

Приложение 2

Карточно-бланковая игра «Сударь-государь»

В игре моделируются взаимоотношения различных социальных и профессиональных групп с государством в ходе различных внутренних и внешних событий общественной жизни, которые по разному отражаются на общем благосостоянии различных слоев населения. Все это позволяет лучше осознать особенности выбираемых профессий (и соответствующих социальных стереотипов и стилей жизни), которые неизбежно включены в более широкий, социально-экономический и даже политический контекст жизни общества.

Методика проводится с группой в 6—10 человек (возможен вариант проведения игры с двумя-тремя группами). Время на игру — примерно 40—50 минут. Игра может проводиться в школе, в психологическом центре и, конечно же, в детском летнем лагере...

Процедура включает следующие основные этапы:

1. Ведущий-психолог показывает на доске (или на листе ватмана), как лучше подготовить игровой бланк (см. таблицу 2.1), а учащиеся рисуют такой же бланк на чистом листочке в клеточку, положенном горизонтально. Сразу же выписываются в алфавитном порядке социально-профессиональные группы населения.
2. Ведущий кратко объясняет смысл игры: «Каждый из вас будет выполнять роль руководителя некоторого государства. В игре будут происходить различные внешне- и внутривнутриполитические события, неизбежно отражающиеся на благосостоянии жителей ваших государств. В конце игры посмотрим, какие группы населения в результате вашего умелого

403

руководства будут процветать, а какие — страдать и деградировать...». С более подробными правилами ведущий должен знакомить участников постепенно, уже в ходе самой игры.

3. Далее каждый игрок делает из одного чистого тетрадного листка восемь маленьких карточек, а из другого листа — четыре больших карточки (всего 12 карточек).

4. Ведущий на доске показывает, как правильно оформить (подготовить) эти карточки к игре.

Сначала оформляются 4 большие карточки, связанные с внешнеполитическими событиями. На лицевой стороне

карточек выписываются 4 события:

- 1) война;
- 2) экономическое сотрудничество;
- 3) культурное сотрудничество;
- 4) «железный занавес».

Обратная сторона каждой карточки делится пополам. В верхней части выписываются знаки с «плюсами», а в нижней — с «минусами». Далее каждый игрок самостоятельно должен определить, как отразится первое событие на благосостоянии тех или иных групп населения, выписанных в игровом бланке. Напротив «+2» баллов выписывается та группа, которая в наибольшей степени улучшит свое положение благодаря данному событию, напротив «+1» балла — группа, которая улучшит свое положение чуть в меньшей степени, напротив «-1» балла — группа, чье положение явно ухудшилось бы, а напротив «-2» баллов — группа, кому в результате первого рассматриваемого события стало бы хуже всех... Таким образом, на обратной стороне каждой карточки должно быть выписано ровно 4 группы населения. Аналогично оформляется карточка со вторым и т. д. событиями. Пример оформленной карточки представлен на рисунке (см. рисунок 1.1).

404

По такой же логике оформляются 8 маленьких карточек с внутривнутриполитическими событиями:

- 5) эпидемия;
- 6) увеличение налогов;
- 7) цензура (прессы);
- 8) безработица;
- 9) свобода слова;
- 10) амнистия (разным заключенным);
- 11) спортивный праздник (типа грандиозной олимпиады...);
- 12) фестиваль искусств (очень грандиозный...).

ВОЙНА	+2 политики
	+1 проститутки
	-1 школьники
	-2 пенсионеры
1а	1б

Рис. 1.1.

Пример заполненной карточки внешнеполитического события к игре «Сударь-государь»
1а — лицевая сторона; 1б — обратная сторона (пояснения — см. в тексте).

5. Во время игры участники должны сидеть вокруг стола (двух составленных вместе столов), имея перед собой

бланки и расположенные на столе лицевой стороной вверх 12 карточек. Ведущий по очереди называет игровые ходы (см. «Перечень ходов» в конце данного раздела), а игроки совершают ходы, обмениваются карточками и делают необходимые записи в свои бланки. Основные правила, по которым проходит игра, следующие:

— ведущий, называя те или иные очередные события, обязательно должен указывать, внешние они (большие карточки) или внутренние (маленькие карточки).

— Когда называется внутривнутриполитическое событие, каждый игрок берет карточку (маленькую) с названием этого события, переворачивает ее и переписывает в свой бланк баллы напротив соответствующих категорий населения. При этом желательно сразу выписывать новые значения баллов.

405

Например, если первоначально «бизнесмены» имели 10 баллов, то после того, как в результате события «экономическое сотрудничество» у них получается еще «+2» балла, в итоге следует сразу записать в бланк, рядом со старым значением новую сумму — «+12» баллов и т. п. После этого карточка кладется на свое место и может быть повторно использована.

— Когда называется внешнеполитическое событие, каждый берет соответствующую карточку (большую) и переписывает с ее обратной стороны все баллы напротив тех групп населения, на которые данное событие окажет наилучшее (или наихудшее) воздействие. Далее каждый молча думает, с кем бы из других игроков он хотел вступить в межгосударственные отношения, соответствующие данному событию, например, с кем бы он хотел установить отношения «экономического сотрудничества». Только по команде ведущего все сразу передают друг другу эти карточки (как бы вступая в эти отношения). Получив карточки от своих товарищей, игроки сразу же переписывают с них в свои бланки все баллы, а карточки оставляют себе для дальнейшего использования в игре. При этом может оказаться так, что кто-то получит несколько карточек (с ним многие хотят вступить в эти отношения), а кто-то — ни одной карточки... (политика — дело тонкое...). Если у кого-то из участников в ходе игры оказалось сразу несколько одинаковых карточек с одним и тем же внешнеполитическим событием, то когда ведущий вновь назовет данное событие, игрок может отдать все эти карточки (кому-то одному или разным своим товарищам по игре). Большая карточка «Железный занавес» используется по несколько иным правилам (см. ниже).

— Когда ведущий произносит «Экспорт проблем», каждый игрок должен взять самую непривлекательную карточку с внутривнутриполитическим событием (маленькую карточку!) и подумать, кому бы из других участников игры ее отдать. По команде ведущего все одновременно передают друг другу эти карточки и сразу же переписывают с них баллы напротив соответствующих групп населения. В игре часто оказывается так, что

406

кто-то может получить сразу несколько таких карточек с непривлекательными, «проблемными» событиями (баллы переписываются со всех полученных карточек), а кто-то не получит ни одной «проблемы». Поэтому в дальнейшем в игре нередко возникают «выяснения отношений» между лидерами государств... (политика — дело хитрое...). Если у кого-то постепенно накапливаются по несколько карточек с одинаковыми событиями, то когда ведущий вновь такое событие называет, игрок может сразу отдать все свои одинаковые карточки (либо кому-то одному, либо разным товарищам по игре).

— Карточка «Железный занавес» используется игроком лишь только один раз тогда, когда он почувствует (увидит), что многие его товарищи отдают ему во время «экспорта проблем» (или при совершении внешнеполитических ходов) самые непривлекательные карточки. Игрок выкладывает карточку «Железный занавес», громко заявляя об этом, как бы «закрывая» свои границы от посягательств. В этом случае все врученные ему за данный ход карточки должны быть взяты их первоначальными хозяевами обратно и все баллы с них должны быть переписаны в бланки этих хозяев («благодаря» «Железному занавесу» они как бы «не на того напоролись»...). После этого карточка использованная «Железный занавес» выходит из игры. Называя различные внутривнутриполитические события или произнося «экспорт проблем», ведущий может иногда напоминать игрокам о возможности использования «Железного занавеса».

— Естественно, нельзя отказываться от совершения ходов, даже если кто-то из игроков «не хочет обижать» своих товарищей. Чтобы сохранить свое лицо (и «политический имидж») в игре существуют более интересные возможности, о которых вполне можно догадаться, используя те же игровые правила... (все как в настоящей политике...).

6. При подведении результатов игры можно по каждой группе населения для наглядности обвести в кружочек последние результаты — это и будет показателем степени благополучия той или иной группы в результате «мудрого» руководства каждым участником игры своим «царством-государством».

407

7. В ходе итогового обсуждения можно поинтересоваться у участников, какие группы населения у них «процветают» (набрали много баллов), а какие — «деградируют» (набрали мало баллов или даже приобрели отрицательные значения — ушли в «минус»).

Таблица 2.1

Пример игрового бланка к методике «Сударь-государь»

Группы населения	Изменения баллов-показателей степени процветания групп населения (10 — начальные игровые баллы)
Артисты	10
Бизнесмены	10
Военные	10
Домохозяйки	10
Журналисты	10
Инвалиды	10
Инженеры	10
Иностранцы (временно проживающие...)	10
Крестьяне	10
Пенсионеры	10
Политики	10
Преступники	10
Проститутки	10

408

Группы населения	Изменения баллов-показателей степени процветания групп населения (10 — начальные игровые баллы)
------------------	---

Рабочие	10
Студенты	10
Ученые	10
Чиновники	10
Школьники	10

Перечень ходов к игре «Сударь-государь»

(для удобства работы разными шрифтами выделены разные группы ходов, выполняющиеся по разным правилам)

1. Увеличение налогов (маленькая карточка).
2. Экспорт проблем (с маленькими карточками).
3. Спортивный праздник (маленькая карточка).
4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО (большая карточка и т. п.).
5. Экспорт проблем.
6. Цензура прессы.
7. КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.
8. Фестиваль искусств.
9. Амнистия.
10. Экспорт проблем.
11. ВОЙНА.
12. Свобода слова.
13. Эпидемия.
14. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.
15. Экспорт проблем.
16. Безработица.
17. Спортивный праздник.
18. Экспорт проблем.
19. Свобода слова.
20. ВОЙНА.
21. Амнистия.
- 409
22. КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

23. Увеличение налогов.

24. Экспорт проблем.

25. Фестиваль искусств.

26. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

Естественно, предлагаемый перечень ходов не является строго обязательным, каждый специалист может его сократить, расширить, изменить и т. п. Но важно при этом сохранить два условия: 1 — чаще чередовать различные события (внешние, внутренние и экспорт проблем); 2 — постараться так сгруппировать события, чтобы среди них примерно в равном соотношении были события привлекательные и не очень привлекательны. Если этого не сделать, то в результате игры может возникнуть подозрение, что ведущий «специально хотел», чтобы итоги были «мрачными» (или, наоборот, слишком оптимистичными). Но даже несмотря на то, что приятных событий было не меньше, чем неприятных, в наших играх (см. представленный выше «Перечень ходов») часто процветающими группами оказывались преступники, коммерсанты и проститутки, а вот пенсионеры, инвалиды, ученые и школьники часто близки были к «деградации»... Очень полезный материал для размышлений, и не только для детей, но и для взрослых, особенно для педагогов и психологов...

Приложение 3

Опросник-шутка «Моды-2»

Второй вариант опросника «Моды» используется тогда, когда психолог ограничен временем, но все-таки стремится помочь учащимся хотя бы попробовать спрогнозировать престижность выбираемых профессий.

«Моды-2» проводятся по следующей схеме.

1. Сначала рисуется бланк (см. таблицу 3.1).

410

2. Далее учащиеся самостоятельно выписывают 7—10 наиболее привлекательных (или интересных) для себя профессий в графу бланка «Профессии».

3. Слева в графе «+/-» бланка выбираются 1—2 профессии, предполагаемая престижность которых в будущем будет высокой (помечаются знаками «+») и 1—2 профессии с предполагаемой низкой престижностью (помечаются знаками «-»).

4. Далее учащиеся в графе «Профессии» сами выбирают из своего списка и подчеркивают 2—3 профессии, которые лично для них являются самыми привлекательными.

Таблица 3.1

Пример бланка для опросника-шутки «Моды-2»

На примерах показано, как можно проводить расчеты предполагаемого в ближайшем будущем вектора изменения престижности профессий.

+/-	Профессии: 7—10 профессий выписывает сам подросток и подчеркивает 2—3 самые для себя привлекательные	СССР (изм.)	США (изм.)	Лучшие времена	Расчеты	+/-
-	Инженер	8	2	6	$5 \cdot 6 \cdot 4 = +15$	+

	Телохранитель	4	6	3	4 (-2) (- - 3) = -1
+	Менеджер	6	9	7	7 (-3) (- 2) = +2
	Таксист	6	5	7	6 1 2 = + 9
+	Юрист	5	10	8	7 (-5) (- 2) = 0
	Товаровед	3	8	5	5 (-5) (- - 3) = -3
	Дипломат	9	9	7	8 0 (-2) = +6
	и т. д.				

5. Психолог знакомит учащихся с общей инструкцией (с общими правилами работы с опросником): «Нам необходимо посмотреть, как меняется престижность (мода) различных профессий со временем. Рассмотрим следующие три эпохи: 1 —

411

прошлое время (начиная с конца 50-х годов до середины 80-х годов — назовем его «СССР^{ИЗМ}»; 2 — настоящее время (с середины 80-х до наших дней и, вероятно, еще 5—7 лет — пусть это будет «США^{ИЗМ}, поскольку американским духом пронизано сейчас все); 3 — ближайшее будущее (надо быть оптимистами, поэтому назовем его «Лучшие времена»). По каждой профессии необходимо дать оценку ее престижности в каждой из выделенных эпох по 10-балльной шкале».

6. Далее проводятся подсчеты результатов. Общая формула расчетов баллов предполагаемого изменения престижности по каждой профессии следующая:

Престиж (вектор изменения престижности) = (СССР^{ИЗМ} + США^{ИЗМ} + Лучшие времена) :3 + (СССР^{ИЗМ} – США^{ИЗМ}) + (Лучшие времена – США^{ИЗМ}).

7. В правой части бланка в колонке «+/-» напротив 1—2 профессий, набравших наибольшее количество баллов (самых престижных в предполагаемом будущем) проставляются знаки «+», а напротив 1—2 профессий с наименьшим количеством баллов (скорее всего, с отрицательными значениями) проставляются знаки «-».

8. В итоге можно сравнить первоначальные представления подростка о будущей престижности профессий (левая колонка «+/-») с результатами прогнозирования престижности (правая колонка «+/-»), а также соотнести это с наиболее привлекательными для себя профессиями (подчеркнутыми еще перед проставлением баллов и расчетами).

На этапе подведения итогов опросника (осмысления результатов)

психолог может столкнуться с некоторыми трудностями, с некоторым непониманием смысла опросника со стороны аудитории.

1. Очень часто подростки (и взрослые специалисты, которым данная методика демонстрировалась) оказывались в полном недоумении, когда их любимые профессии набирали в итоге очень мало баллов и попадали в число

«непрестижных». В основном это профессии типа «менеджер», «бухгалтер», «юрист», иногда — «психолог». С одной стороны,

412

ничто не вечно, включая сегодняшнюю престижность. Например, многие помнят, как были престижны в 60-е годы профессии, связанные с физикой или с геологией, и видят что, стало со многими физиками и геологами в наши дни (в лучшем случае многие из них успокаивают себя тем, что «ушли в коммерцию» и там «процветают», но об этом ли они мечтали?..). С другой стороны, речь идет не столько о непременном падении престижности профессий, сколько о снижении темпов роста (или даже о стабилизации) престижности, когда та или иная профессия, оставаясь популярной, уже перестает всех «удивлять» и не вызывает особого ажиотажа и зависти.

2. Иногда аудитория высказывает претензии по поводу «некорректности математических подсчетов». В этом случае лучше рассмотреть конкретный пример расчетов, который вызвал у кого-то сомнения. Например, кто-то может предложить представить разницу в престижности, выраженную в баллах, как абсолютную величину, и тогда якобы результаты «станут лучше». Но в этом случае теряется смысл сравнения престижности по эпохам и становится сложным определение самого вектора изменения престижности.

В других случаях сами подростки иногда предлагают примеры, когда с каждой последующей эпохой престижность профессии увеличивается в баллах, а общий результат невысокий (например, динамика изменения престижности по эпохам следующая: 2, 8, 10, то есть очевиден рост престижности, а по формуле получается результат всего +3 балла). Здесь следует заметить, что сравнивается не только настоящее время («США^{ИЗМ}») и будущее время («Лучшие времена»), но сравнивается настоящее время с иными близкими эпохами. В этом смысле будущее и настоящее как бы уравниваются в правах, ведь никто не застрахован от того, что некоторые ценности и моды из прошлых эпох могут вновь проявиться и в будущем (это один из законов «моды»). Как правило, после некоторых дискуссий многие соглашались, что с точки зрения математики, в методике все нормально. Участникам можно напомнить также, что с помощью

413

расчетов определяется не «престижность» данных профессий (престижность участники сами оценивали с помощью 10-балльной шкалы), а сам «вектор» изменения престижности в предполагаемом будущем.

Могут возникать ситуации, когда претензии к подсчетам окажутся достаточно обоснованными (например, если баллы СССР^{ИЗМА}, США^{ИЗМА} и лучших времен представить в виде алгебраических выражений, то обнаружится некоторая итоговая ущербность для баллов США^{ИЗМА}...). В подобных случаях лучше просто согласиться с подобными возражениями, заметив, что, естественно, можно было бы использовать и более строгие (и корректные) способы подсчетов, но тогда опросник оказался бы слишком громоздким. Заметим, что первую часть формулы, где определяется средний балл для всех эпох, предложили и убедительно обосновали сами школьники.

3. Кто-то может сказать, что проставляемые оценки слишком «субъективны» и не всегда соответствуют действительности. С этим обязательно нужно согласиться. Данная методика прежде всего и направлена на то, чтобы заставить человека думать самого, а не ждать, пока кто-то «объективный» все ему расскажет. Психология — это вообще наука о «субъективном»... Кроме того, прогнозирование ближайшего будущего — это настолько сложное дело, что лучше не ждать, пока с этим разберутся специалисты (которые часто ошибаются в своих прогнозах), а хотя бы учиться рассуждать самому. Без таких рассуждений планирование жизненных и профессиональных перспектив оказывается явно неполноценным.

4. Иногда спрашивают, почему при разговоре о будущей престижности мы обращаемся к прошлому. Можно ответить примерно так. Очень часто история ходит как бы кругами. То же самое относится и к моде (часто моды прошедших времен в несколько измененном виде возвращаются). В методике мы просто сравниваем то, что имеется сейчас с иными эпохами: и с будущим (что понятно), и с прошлым (которое тоже может частично возвратиться...).

414

Наконец, обязательно следует объяснить учащимся (и даже взрослым клиентам), что полученные результаты о престижности различных профессий в ближайшем будущем являются **предполагаемыми**, но это совсем не значит, что все будет именно так, как получилось в опроснике.

Результаты опросника — это всего лишь шутка, но со смыслом...

Поскольку опросник назван активизирующим, то

важнейшим результатом его проведения является формирование равнодушного отношения к своему будущему и к социально-экономическим перспективам той деятельности, которую выбирают для себя подростки. Даже если учащиеся недовольны результатами методики и готовы спорить с психологом-преподавателем, предлагая, например, иные варианты подсчета баллов престижности профессии, то это хороший результат. Если же разволнованный подросток, удивленный тем, что его «любимая» и очень популярная ныне профессия может когда-то оказаться непрестижной, еще и продолжает обсуждение результатов методики дома, с родителями — это еще более важный результат. Заметим, что у нас были случаи, когда к следующему занятию школьник приносил сложный вариант подсчетов результатов с интегралами и дифференциалами, предложенный его умным бородатым папой, которого также заинтересовала данная проблема...

Общий же смысл опросника — поговорить в ироничной форме об очень сложных и важных для самоопределения вещах — о престижности (о «модах») на профессии, а также о сильной зависимости многих людей при построении своей жизни от мнения окружающих, от существующих стереотипов мышления и предрассудков...

Возможны и другие варианты проведения методики «Моды-2». Например, если уточнить, что само понятие «престижность» может относиться к мнению большинства значимых для данного человека людей, а также к его собственному представлению о привлекательности тех или иных профессий, то можно провести оценку и соответствующие расчеты по этим двум видам престижности, после чего сопоставить,

415

насколько они соответствуют друг другу (нередко многие люди сильно страдают оттого, что их представление о престижности не воспринимается окружающими и получается, что свое счастье они не могут делить в полной мере с другими людьми — это и есть одиночество...).

Можно также использовать не 10-балльную шкалу при оценке престижности профессий в различные эпохи, а ранжировать профессии по степени престижности для каждого временного периода. При этом сами подсчеты ранговых показателей престижности для каждой профессии проводились бы несколько иначе, примерно по следующей формуле:

Престиж (вектор изменения престижности) = $[10 - (\text{СССР}^{\text{ИЗМ}} + \text{США}^{\text{ИЗМ}} + \text{Лучшие времена}) : 3] + (\text{США}^{\text{ИЗМ}} - \text{СССР}^{\text{ИЗМ}}) + (\text{США}^{\text{ИЗМ}} - \text{Лучшие времена})$.

Но для лучшего освоения опросника «Моды» мы рекомендуем сначала поработать с первоначальным вариантом.

Приложение 4

Активизирующий опросник-шутка «Самооценка нравственности и гражданственности (СНГ)»

Опросник в полужутливой форме позволяет соотнести свои качества со значимыми для жизни ценностями, со своим представлением о порядочности и в некоторой степени даже смоделировать поведение в ситуациях, сложных в этическом отношении.

Работа проводится с группой (классом) в течение примерно 30—40 минут. Для работы желательно иметь обычный тетрадный лист в клеточку, а преподавателю — классную доску, где рисуется бланк и объясняются основные правила работы с методикой. Общий порядок работы с методикой следующий:

416

1. Преподаватель показывает на доске, как подготовить бланк для работы с опросником (см. таблицу 4.2). При этом в верхней части бланка, где проставлены три римские цифры, пока ничего не пишется, а в центральной части выписываются семь качеств человека.

2. Первое задание: «В графе бланка самооценка — «СО_{ранг}» — необходимо проранжировать выписанные качества по степени их развитости у вас. Например, если вы считаете, что из этих качеств лучше всего у вас развита осторожность, то она занимает 1 -е место, за ней следует по развитости у вас доброта — 2-е место и т. д.».

3. Второе задание: «Представьте, что перед вами вдруг появился волшебник и сказал: «Здравствуйте, времени у меня всего 2 минутки, поэтому быстро три самых заветных ваших желания. Если не успеете, то это ваши проблемы»... Каждый участник должен в верхней части своих бланков, там, где выписаны три римские цифры, выписать против каждой цифры по одному желанию». Ровно через две минуты все прекращается, и ведущий предлагает следующее задание.

4. Третье задание: «Как это часто бывает, волшебник сказал, что он пошутил, что никакой он не волшебник, и быстро исчез... Иными словами, вам самим надо думать, как реализовать свои мечты и становиться счастливым человеком. Вы должны в самой таблице, под римской цифрой три (III), соответствующей вашему третьему желанию, используя 10-балльную шкалу, оценить, насколько каждое из семи качеств позволит реализовать данное желание. Например, если Вы считаете, что для отъезда в США совесть набирает только 5 баллов, то под цифрой III напротив совести ставится пять баллов и т. п. (см. таблицу 4.2). Затем следует перейти ко второму желанию (цифра II) и наконец, к первому (цифра I).

5. Четвертое задание: «Когда будут проставлены против качеств баллы по всем трем желаниям, необходимо просчитать по каждому качеству, сколько баллов набирается в сумме. Например, совесть для первого желания требуется на

417

5 баллов, для второго — на 4 балла, для третьего — на 7 баллов, а в сумме получается 16 баллов и т. п.». Все суммы проставляются в графе « $\Sigma_{СЧ}$ » (см. пример в таблице 4.2).

6. Пятое задание: «В графе «СЧ_{ранг}» необходимо проставить ранговые значения, которые набирает каждое качество, в зависимости от того, сколько у него баллов в графе сумма ($\Sigma_{СЧ}$). Например, если по баллам на первое место претендует качество интеллект (23 балла!), то в графе «СЧ_{ранг}» ставится цифра 1 (первое место) и т. п. (см. таблицу 4.1). Полученные ранги ориентировочно будут показывать, насколько важны выписанные качества для достижения самых заветных желаний (счастья — СЧ).

Уже после проведения данной процедуры можно чисто визуально («на глазок») сравнить, насколько ранги самооценки (СО) соответствуют рангам счастья (СЧ). Но можно для более корректного сравнения использовать специальный коэффициент ранговой корреляции Спирмена, о чем будет сказано немного позже.

7. Шестое задание: «Сейчас вам будут предложены 10 непростых ситуаций (см. «Ситуации...» в конце данного раздела), где необходимо будет выбрать один из двух вариантов действия: «а» или «б». Выбранный вариант вашего возможного действованиия («а» или «б») выписывается под номером соответствующей ситуации в верхней части бланка (см. таблицу 4.2, справа от «качеств»). Одновременно, проставив вариант действованиия, вы должны будете по 10-балльной шкале оценить, насколько в вашем поведении по выбранному варианту проявились

418

те или иные качества. Например, если вы выбираете по первой ситуации вариант «б» и считаете, что ваша совесть проявилась при этом всего на 3 балла, то под номером первой ситуации, под буквой «б», ставится 3 балла и т. п. (см. таблицу 4.2). Ведущий (психолог) зачитывает по очереди все 10 ситуаций (см. «Ситуации...» в конце раздела), а участники аналогично выбирают варианты действованиия и оценивают, насколько проявились бы при этом их качества.

8. Седьмое задание: «По каждому качеству подсчитайте общую сумму баллов, набранных по всем 10 ситуациям, и выпишите полученные суммы в графе « $\Sigma_{СИТ}$ » (см. таблицу 4.2)».

9. Восьмое задание: «В зависимости от того, сколько баллов в сумме набрало каждое качество, проранжируйте все семь качеств и выпишите соответствующие ранговые значения в графу «СИТ_{ранг}». Например, если по баллам на первое место выходит качество совесть (82 балла), то в графе «СИТ_{ранг}» напротив совести ставится 1-е ранговое место и т. п. (см. таблицу 4.2)».

Таким образом, в итоге получаются три ранговых ряда: 1 — самооценка своих качеств (СО); 2 — важность тех или иных качеств для достижения своего счастья (СЧ); 3 — возможное проявление этих же качеств в сложных с этической стороны ситуациях (СИТ). Как уже отмечалось, можно просто визуальнo оценить, насколько между этими ранговыми рядами имеется согласование. Например, если по самооценке совесть занимает 2-е место, а для счастья важность совести на 7-м месте, то здесь уже есть над чем задуматься (хотя результаты данного опросника ни в коем случае нельзя рассматривать как строго психодиагностические —

419

это, так же, как и в других активизирующих опросниках, всего лишь материал для размышлений!).

Но можно использовать и более корректный способ определения степени соответствия между ранговыми рядами — коэффициент ранговой корреляции Спирмена, который имеет следующий вид:

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n^3 - n},$$

где d — разности между рангами каждой сравниваемой пары (пары рангов по каждому качеству);

n — число сравниваемых пар (в нашем случае по числу качеств — 7).

Если, используя результаты нашего примера (см. таблицу 4.2), сравнить ранги самооценки с рангами качеств, необходимых, по мнению данного подростка, для достижения своего счастья (для удобства мы рекомендуем при использовании методики отражать все эти данные в таблице — см. таблицу 4.1), то можно подставить соответствующие значения и получить следующий коэффициент соответствия (соответствия имеющихся качеств и того, что требуется для счастья...):

420

Таблица 4.1

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n^3 - n} = 1 - \frac{6 \times 30}{7^3 - 7} = 1 - 0,54 = 0,46.$$

Пример таблицы для подсчета коэффициента ранговой корреляции по Спирмену (соответствие между рангами СЧ и СО)

Качества	СЧ _{ранг}	СО _{ранг}	d	d ²
Совесть	5	5	0	0
Интеллект	1	1	0	0
Осторожность	7	7	0	0
Доброта	4	2	2	4
Предприимчивость	3	4	1	1

Воля, решительность	2	6	4	16
Самокритичность	6	3	3	9
				$\Sigma d^2=30$

Аналогично можно подсчитывать коэффициент ранговой корреляции между СЧ и СИТ или между СО и СИТ.

Ситуации для опросника «СНГ»

Постарайтесь выбрать один из вариантов поведения («а» или «б») в представленных ниже сложных случаях, связанных с нравственным поступком. Одновременно оцените по 10-балльной шкале, насколько проявились бы в этих вымышленных ситуациях ваши качества.

1. Бандит (детишка) в темном переулке требует у вас деньги. Ваши варианты действия:

- а) вы сопротивляетесь, но вас жестоко избивают и все равно отнимают деньги;
- б) вы сами мирно и спокойно отдаете свои денежки.

2. Вы хотите продать знакомым новый и очень красивый автомобиль. У вас имеется два покупателя:

- а) ваш хороший знакомый, прекрасный человек, который предлагает купить машину за обычную цену;
- б) другой ваш знакомый, о котором вы знаете, что это злой и мерзкий человек, но он предлагает купить автомобиль в полтора раза дороже (у мерзавцев часто деньги водятся...).

421

3. Ваши старые и добрые знакомые оказались беженцами из «горячих точек» СНГ (или оказались погорельцами). Они обратились к вам с просьбой приютить их семью из трех человек, пока государство им не поможет. У вас серьезный выбор:

- а) приютить нуждающихся, даже несмотря на все возможные неудобства;
- б) отказать в помощи, сославшись на то, что вам и самим тесно в вашей квартире.

4. В веселой компании симпатичные, остроумные ребята (ну просто настоящие «очаровашечки»!) говорят гадости о вашем близком человеке (о друге), который в данный момент отсутствует. Например, обзывают его дебилом, сплетничают... Что же вам делать?:

- а) Вы заступаетесь за друга, и тогда все начинают обзывать «дебилом» вас самого...
- б) Вы молчите, считая, что «нет смысла связываться сданной публикой»...

5. Вы оформляетесь на очень хорошую, денежную работу (или поступаете в престижный институт), где довольно высокий конкурс и много желающих туда поступить. В решающий момент вас приглашают к руководству и предлагают сделать выбор:

422

Таблица 4.2

Пример заполненного бланка для опросника-шутки «СНГ»

СНГ	Три заветных желания (счастье)	Ф. И. О.
	I — создать счастливую, любящую семью	класс, школа, дата
	II — найти хорошую работу (стать менеджером)	
	III — уехать в США с родственниками	

Ниже указаны размеры колонок бланка в «клеточках» обычного тетрадного листка:

2	2	1	1	1	2	сколько останется	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	3	3
Ранги:	Баллы:		Ранги:		Ситуации — баллы:										Ранги:			
$S_{\text{ранг}}$	$\Sigma_{\text{сч.}}$	I	II	III	$CO_{\text{ранг}}$	Качества	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	$\Sigma_{\text{сит}}$	$SIT_{\text{ранг}}$
							б	а	а	б	б	б	б	а	а	б		
5	16	7	4	5	5	Совесть	3	10	10	10	10	10	5	4	10	10	82	1
1	23	6	9	8	1	Интеллект	4	4	3	4	7	7	5	4	4	5	47	6
7	14	2	5	7	7	Осторожность	10	7	5	3	9	5	4	9	8	8	66	4
4	17	6	6	5	2	Доброта	2	5	10	10	10	9	2	5	10	10	64	5
3	18	3	10	5	4	Предприимчивость	2	1	1	1	1	4	1	4	3	2	20	7
2	23	7	9	7	6	Воля, решительность	5	9	8	9	9	9	7	5	9	9	79	2
6	15	2	7	6	3	Самокритичность	5	8	7	7	9	8	7	8	8	8	75	3

В нижней части бланка можно произвести расчеты с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (см. описание в тексте данного раздела, а также таблицу 8).

423

а) вас принимают, но с условием, что вы будете одновременно осведомителем (и даже за неплохую дополнительную оплату);

б) вы гордо отказываетесь и... становитесь безработным.

6. Вашего старого друга (товарища) преследуют власти (или мафиозные структуры) за политические убеждения. Друг вынужден скрываться и обращается к вам за помощью, чтобы вы пустили его переночевать на две ночи. Вы в размышлении:

а) вы отказываете в помощи, так как не хотите, чтобы и вас преследовали;

б) вы помогаете старому другу, рискуя за это своей жизнью и жизнью своих близких...

7. Как-то шутя вы вместе со своим другом (подругой) придумали веселую песенку. Через два месяца вы узнаете, что друг опубликовал эту песенку в одном модном поэтическом сборнике под своим именем и сразу же прославился. Вы в растерянности:

а) вы обижаетесь на своего друга (подругу), так как он даже не вспомнил о вас, хотя песенку-то придумали вместе...

б) вы очень даже обрадовались за своего друга (подругу), что он стал таким знаменитым и все поют вашу песенку, даже не зная, что вы один из ее авторов...

8. Вы нашли на улице портфель (кейс), в котором оказались 100 тысяч американских долларов и визитная карточка владельца. Что делать?:

424

а) Вы отыскиваете владельца и возвращаете ему деньги, рассчитывая на приличное вознаграждение.

б) Вы оставляете все 100 тысяч долларов себе, так как Вам ничуть не жалко богатого ротозея.

9. Ваш друг совершил уголовное преступление, например, обокрал квартиру стариков в вашем же доме (и решил похвастаться, какой он «крутой»). Вы перед выбором:

а) поскольку вам очень жалко обворованных стариков, то вы сообщаете о краже в милицию, но так, чтобы ваш друг об этом не узнал;

б) вы не выдаете своего друга, так как друзей выдавать нехорошо.

10. Вы любите одного человека, но сами вы ему не нравитесь. Что делать?:

а) Вы разочаровываетесь в этом человеке (перестаете его любить) и быстренько влюбляетесь в другого.

б) Вы продолжаете любить этого человека даже тогда, когда он создает свою семью, так как любовь (да еще ваша Любовь!) — она на всю жизнь!..

Приложение 5

Схема анализа ситуаций «Расплаты-достижения»

Цель методики — актуализировать в сознании клиентов идею неизбежности «внутреннего компромисса» на пути к успеху, а также рассмотреть варианты различных «расплат» за те или иные достижения.

Методика рассчитана на работу со старшеклассниками, хотя может использоваться и в работе со взрослыми людьми при обсуждении вопросов нравственного выбора.

В более широком смысле «расплаты» за те или иные карьерные и жизненные достижения могут быть самыми разнообразными — это: денежные затраты (на репетиторов, на подготовительные курсы и т. п.), отказ от свободного времени (одна из

425

наиболее болезненных для многих «расплат»), нервно-душевные затраты (вплоть до «разочарования в человечестве»...), расплата здоровьем, расплата честью, достоинством, репутацией, потеря самоуважения после некоторых «достижений» или же расплата своими талантами (когда, например, они растрачиваются в коммерческой суете) и др.

Все возможные «затраты» и соответствующие «расплаты» можно расположить в системе следующих координат (см. рисунок 5.1): 1) по вертикальной оси — условно объективное представление о затратах за те или иные «достижения», существующее у большинства людей определенного круга или местности (на верхнем полюсе оси — высокие затраты, на нижнем — низкие затраты); 2) по горизонтальной оси — условно субъективное представление о затратах за то же самое «достижение», существующее у данного человека (на левом полюсе оси — низкая цена, на правом полюсе — высокая цена). Проблема в том, что условно объективные и условно субъективные представления часто не совпадают, что и порождает у многих людей определенные внутренние, и

не только внутренние конфликты, а также ощущение того, что за данное «достижение» они заплатили слишком высокую «цену»...

С помощью предлагаемой схемы можно смоделировать возможные затраты за те или иные достижения, а также спрогнозировать те или иные переживания по этому поводу. Для того чтобы сделать это предметом специального обсуждения с клиентом (или группой клиентов, например, в работе с классом) предлагается примерно следующий порядок использования схемы:

1. Дается самая общая инструкция, где обозначается сама идея неизбежной расплаты за те или иные достижения, а также проблема, чем платить и в каком размере.
2. На доске (или на листе бумаги) рисуется схема «Расплаты-достижений».
3. Само освоение схемы осуществляется на примере нескольких несложных житейских задач-ситуаций (см. ниже).

426

При этом: 1) сначала зачитывается задача-ситуация (см. ниже — задачи 1—3); 2) затем вместе с клиентом (или с группой) обсуждаются условно объективные и условно субъективные представления о «цене» за конкретное достижение, естественно, все это отмечается на схеме; 3) в конце можно предложить клиентам самим придумать сложные житейские ситуации, предполагающие нравственный выбор, и самим предложить вариант их оценки с помощью данной схемы.

Задача 1

Поздним вечером парочка влюбленных пытается поймать такси, а машин мало. Подъезжает частник и предлагает отвезти их за 10 долларов. Причем позавчера их подвезли всего за 5 долларов. Спрашивается, какая наиболее вероятная (типичная) морально-нравственная оценка данной ситуации у молодого парня, провожающего девушку, у самой девушки и, наконец, у промышляющего по ночам частника? Все три оценки (по каждому из перечисленных участников ситуации) надо отразить на схеме. Примерный ответ представлен на рисунке 5.1.

Если представить себя на месте молодого человека, то его рассуждения могут быть примерно следующими: «Заплатить, конечно, придется, хотя для меня это «удовольствие» обойдется в половину моей стипендии» (субъективная цена — высокая). «Хотя в такое позднее время все так платят» (объективная оценка — средняя).

Можно предположить, что девушка рассуждает несколько иначе: «Обычная цена в такое время, а мой «красавец» вообще должен радоваться, что у него появилась возможность показать, что он настоящий мужчина» (и субъективная, и объективная оценки — средние).

Водитель-частник может рассуждать примерно так: «Эх, дешево беру. Бензин дорожает, запчасти дорогие, по ночам ездить становится все опаснее...» (субъективная оценка — низкая). «Правда, что с этих студентов возьмешь — у них ветер в кармане гуляет...» (объективная оценка — высокая).

427

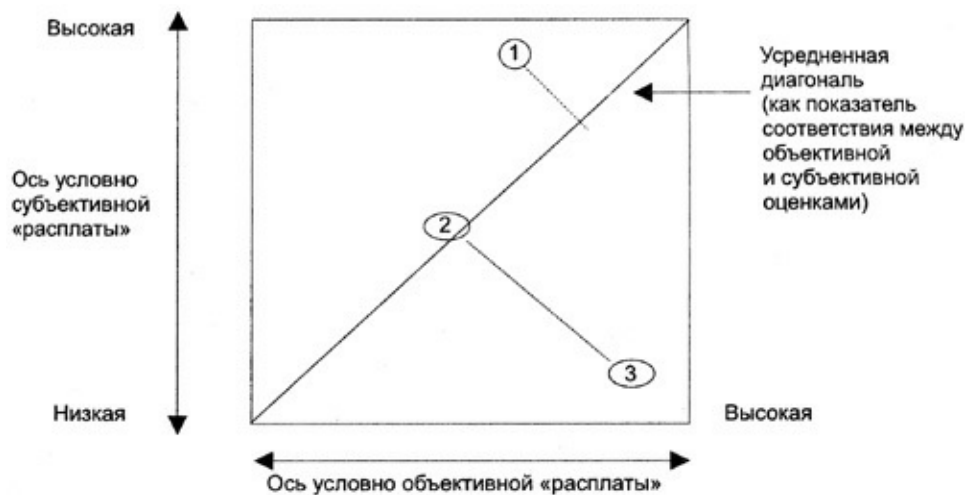

Рисунок 5.1. Схема «расплаты-достижения» (для задачи 1). Цифрами обозначены позиции участников ситуации: 1 — молодого человека; 2 — девушки; 3 — водителя-частника. Расстояния между позициями участников ситуации на схеме примерно соответствуют степени возможного «непонимания» (напряжения) между ними. Величины перпендикуляров, опущенных на усредненную диагональ (как показатель соответствия между объективной и субъективной оценками) из точек, обозначающих позиции участников (1, 2 и 3), примерно соответствуют степени их внутреннего переживания (из-за рассогласованности их представлений об объективной и субъективной «затратах» заданное «достижение»).

В результате все позиции участников данной задачи-ситуации можно условно отразить на нашей схеме (см. рисунок 5.1). Причем схема позволяет спрогнозировать возможное «непонимание» между всеми участниками ситуации. Этот прогноз выстраивается с помощью перпендикуляра, опущенного от позиции каждого участника на усредненную диагональ схемы (усредненная диагональ — это условный показатель соответствия объективных и субъективных оценок, то есть показатель «взаимопонимания»). Недовольство каждого из участников ситуации определяется, во-первых, тем, насколько его позиция далека от этой усредненной диагонали (по принципу: если заплатишь больше положенного, то почувствуешь себя болваном, если меньше — будет стыдно...),

428

а во-вторых, тем, насколько позиции участников вообще далеки друг от друга.

Например, в нашем примере больше всего совесть мучает частника-водителя (самая большая величина перпендикуляра), а меньше всего переживает девушка (перпендикуляр практически отсутствует, для нее все «нормально»). Наш пример показал также, что некоторое недопонимание все-таки произошло между молодым человеком и девушкой (молодой человек вряд ли чувствует себя богатым «кавалером»), но вместе они еще дальше находятся от позиции водителя-частника. Да и сам частник за то, что он «вынужден» обирать бедных студентов» наверняка не очень-то им благодарен (выгоднее и приятнее возить богатых клиентов или даже гуляющих самодуров, которые лихо выпендриваются перед своими «дамами» и могут дать приличные чаевые).

Естественно, мы лишь предположили наиболее вероятные (возможные) рассуждения и переживания участников данной задачи-ситуации, хотя точно сказать, что происходит в душе каждого реального человека невозможно. Но сам факт такой попытки анализа может спровоцировать интересные высказывания в классе (или высказывания клиента на консультации). При этом задача психолога не навязывать своей точки зрения, а лишь спровоцировать высказывания самого клиента (или спровоцировать обозначение различных точек зрения в оценке позиций участников ситуации с тем, чтобы совместно выбрать наиболее правдоподобные).

Заметим, что схема предназначена не столько для «окончательного» анализа задач-ситуаций, сколько для актуализации самой проблемы неизбежной расплаты за те или иные «достижения», для снижения вероятности недостойных вариантов таких «расплат». Иногда участники сами просят рассмотреть еще одну задачу-ситуацию, и у психолога должен быть набор таких разнообразных задач. Ниже предлагается еще один возможный вариант задачи-ситуации (при желании любой психолог может составлять подобные задачи

самостоятельно, соотнося их с теми проблемами, которые реально волнуют данных клиентов).

Задача 2

На вступительных экзаменах в престижный вуз (или на ответственном экзамене в самом вузе) молодой человек изощренно списывает и в результате поступает в желанное учебное заведение. Сидящий рядом с ним его лучший друг списывать не может (стесняется, побаивается...) и в итоге не поступает... Прохаживающийся между ними экзаменатор прекрасно понимает, что кто-то списывает, но пока никого не поймал за этим занятием. Требуется оценить по данной схеме возможные позиции списывающего молодого человека, его друга и экзаменатора. Один из возможных вариантов таких оценок представлен на рисунке (см. рисунке 5.2), а ниже даны комментарии к этому рисунку.

Допустим, что молодой человек рассуждает примерно следующим образом: «Трудный экзамен — приходится списывать, даже другу своему не могу помочь... Конечно, это — позор» (субъективная оценка — высокая, так как действительно стыдно). «Хотя, с другой стороны, многие списывают, время такое, и я ничем не хуже (и не лучше) других, а друг мой должен меня понять» (объективная оценка — средняя, «как у всех»).

Лучший друг, зная, что молодой человек списывает, и чувствуя, что свой экзамен он уже «заваливает», может рассуждать примерно так: «Оказывается, друг-то мой не такой уж и «гений», раз так подло списывает на экзаменах. А я еще рассчитывал, что он мне поможет... Разочаровал меня мой друг» (субъективная оценка поступка списывающего и не «помогающего» друга — высокая, так как цена — разочарование в друге). «Хотя, с другой стороны, для того, чтобы поступить в этот проклятый институт, можно и списывать. Другие вон вообще за взятки поступают...» (объективная оценка — низкая, так как другие поступают еще подлее).

430

Интересна и позиция экзаменатора, который мог бы рассуждать примерно так (а мог бы, естественно, и по-другому): «По-человечески ребят можно понять. Я и сам в свое время списывал» (субъективная оценка возможного списывания — низкая). «Но если я кого-то поймаю за списыванием, то точно выгоню с экзамена» (объективная оценка — высокая, ведь экзаменатор «не должен ронять свое лицо» и любой факт списывания бьет по его самолюбию...).

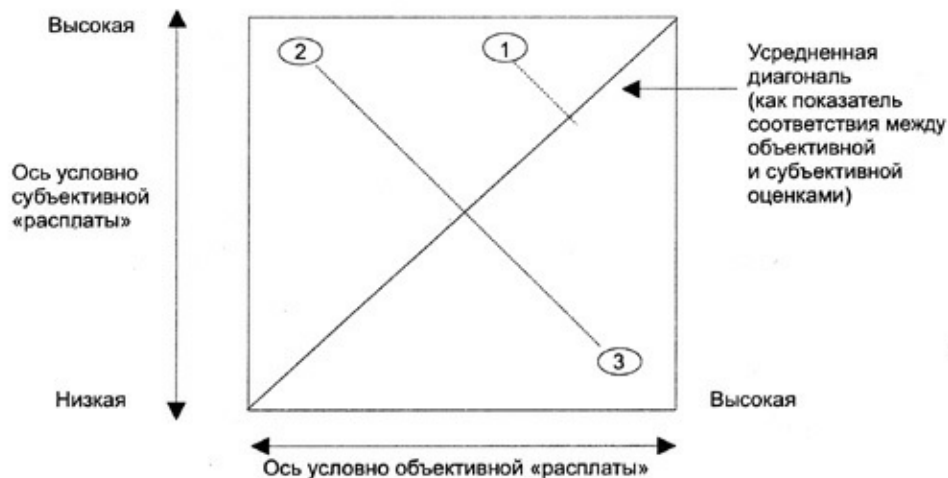

Рисунок 5.2. Схема «расплаты-достижения» (для задачи 2). Цифрами обозначены позиции участников ситуации: 1 — списывающего на экзамене молодого человека; 2 — лучшего друга молодого человека (но не списывающего); 3 — экзаменатора. Расстояния между позициями участников ситуации на схеме примерно соответствуют степени возможного «непонимания» (напряжения) между ними. Величины перпендикуляров, опущенных на усредненную диагональ из точек, обозначающих позиции участников (1, 2 и 3), примерно соответствуют степени их внутреннего переживания (из-за рассогласованности их представлений об объективной и субъективной «затратах» за данное

«достижение»).

На нашей схеме (рисунок 5.2) обозначенные позиции участников этой задачи-ситуации позволяют ориентировочно оценить их внутренние переживания по поводу списывания. Удивительно, но меньше всех переживает сам списывающий молодой человек (самый маленький перпендикуляр

431

на условную диагональ). Возможно, такое более спокойное (и прагматичное) отношение к ситуации и позволяет ему более успешно сдать экзамен. Хорошо это или плохо — другой вопрос (на самом деле — мерзость порядочная), а для нас важно оценить, насколько отражает эта схема реалии жизни.

Само расстояние между позициями участников задачи-ситуации позволяет ориентировочно спрогнозировать степень возможного «непонимания» между ними. Опять же удивительно, что самое большое непонимание между присматривающим за поступающими экзаменатором и другом списывающего молодого человека. Быть может то, что более честный товарищ в результате так и не поступает в престижный вуз (не захотел списывать или не смог...), — это и есть следствие такого «непонимания»...

Еще раз заметим, что предложенная выше интерпретация возможных оценок (позиций) участников данной ситуации может вызвать справедливые возражения клиентов с которыми используется данная схема анализа. Как и другие подобные методики, данная схема и рассматриваемые с ее помощью задачи-ситуации являются лишь исходным материалом, опорой для совместного рассмотрения ценностно-нравственных проблем. А главный смысл использования этих процедур в том, чтобы вместе с клиентами ориентировочно определить целесообразность возможных «затрат» для достижения тех или иных «целей».

Достоинство предлагаемой схемы в том, что она позволяет ориентировочно оценить степень возможных переживаний (из-за рассогласованности объективных и субъективных представлений о «цене» за определенные «достижения»), а также спрогнозировать возможные изменения в отношениях с близкими людьми (с друзьями, родителями, любимыми...), где само ухудшение таких отношений также может рассматриваться как своеобразная «расплата» за «успех»... Заметим, что именно близкие люди наиболее болезненно реагируют на наши успехи (или неуспехи). Еще Аристотель говорил о том, что «люди завидуют тем, кто ближе

432

по времени, по месту, по возрасту и по славе, откуда и говорится: родня умеет и завидовать»...

Приложение 6

Игра-дискуссия «Заработная плата работника (ЗПР)»

Цель игры-дискуссии — актуализировать в сознании участников необходимость осмысления проблемы справедливости (и несправедливости) в оценке труда разных специалистов.

Игра проводится с учащимися 8—11-х классов или со взрослыми (студентами, слушателями различных курсов и т. п.). По времени она может занять от 40 минут до 1,5 часа и более. Желательно работать в аудитории, где есть обычная доска с мелом.

Процедура игры-дискуссии примерно следующая:

1. Каждый участник на отдельном листе бумаги рисует таблицу (см. таблица 6.1). Ведущий показывает, как лучше ее оформить на доске.
2. В графах «профессии» ведущий предлагает вписать одинаковые для всех профессии — их и будут обсуждать в игре (в нашем примере использованы следующие профессии: «уборщица в обычной стационарной больнице», «уборщица в коммерческом банке» и «педагог-психолог», то есть «школьный психолог»).
3. В таблице каждый участник самостоятельно проставляет ниже выписанных профессий, сколько, с его точки

зрения, работники этих профессий зарабатывают «реально», и сколько они должны были бы зарабатывать «по справедливости». Например, по профессии «уборщица в стационарной больнице» реальная зарплата — 700 рублей, «по профессии «уборщица в коммерческом банке» — 1500 рублей, а «педагог-психолог» — 1400 рублей (см. таблицу 6.1).

433

4. Далее каждый участник в графе «универсальные критерии оплаты» выписывает то, что, по его мнению, должно стать основой для справедливой оценки труда самых разных работников. Например, время на работу, уровень образования, стаж, хорошие отношения с начальством и т. п.

Все эти этапы работы (1—4) являются, скорее, подготовкой к самой игре-дискуссии.

5. После этого ведущий может: 1) либо собрать листочки для последующего анализа: результаты такого анализа можно было бы сообщить после небольшого перерыва или сравнить с мнениями и оценками участников игры уже после ее завершения, проведя аналогичную работу с заполнением листочков), 2) либо оставить листочки участникам, чтобы они могли опираться на свои оценки и критерии в ходе дальнейшей работы.

6. Далее возможны разные варианты продолжения работы с группой:

1) ведущий, постоянно обращаясь к участникам, спрашивает их, какие оценки и какие критерии выписать в таблице на доске. При этом у участников могут быть разные мнения. Задача ведущего не навязывать своих мнений и оценок, а именно организовать совместное обсуждение. Роль ведущего на данном этапе — быть «статистом», задающим иногда уточняющие (или даже провоцирующие) вопросы и кратко отражающим мнение большинства на доске.

После того как общими усилиями обозначены «универсальные критерии», по каждому критерию оценивается каждая профессия с точки зрения «справедливой оплаты труда». Например, используется 5-балльная шкала, когда наибольший балл проставляется той профессии, которая больше соответствует требованиям данного критерия (см. таблицу 6.1).

Можно даже использовать «коэффициент значимости» отдельных критериев. Например, те критерии, которые значимы, помечаются знаком «x», а потом соответствующие баллы умножаются на «2» (см. таблицу 6.1).

434

Далее по каждой профессии просчитывается итоговый балл, что позволяет сравнить несколько профессий и, соответственно, сравнить полученные результаты с «реальными» зарплатами данных работников.

Часто оказывается так, что профессии, реально оплачиваемые заметно ниже других, «по справедливости» признаются наиболее важными и требующими значительного увеличения зарплаток. Можно даже выразить все это в пропорциях, еще более наглядно показывающих абсурдность реальной ситуации, связанной с оплатой труда.

Подобный вариант игры бывает достаточно сумбурным, но зато позволяет выразить свое отношение к проблеме не только чисто «рассудочно», но и «эмоционально-чувственно», что для рефлексии своей позиции не всегда бывает плохо.

2) Второй вариант дальнейшего проведения игры предполагает традиционную схему «деловой игры», когда участники делятся на микрогруппы (по 5—7 человек), в каждой микрогруппе обсуждается свой вариант таблицы (она заполняется общими усилиями с соответствующим обсуждением), а затем представители от каждой микрогруппы делают краткие доклады, которые сравниваются и обсуждаются уже всеми участниками игры-дискуссии.

Для организации такого варианта игры важно все рассчитать по времени: обсуждение в микрогруппах и доклады должны быть строго регламентированы. Очень важно компактно отражать на доске основные идеи каждой микрогруппы, для чего лучше даже выписать их на доске (для каждой микрогруппы — на своей части доски).

Заметим, что игра не предполагает строгой, «объективной» и тем более «окончательной» оценки значимости труда работников разных профессий. Ее смысл — актуализировать саму проблему справедливости зарплаты, ведь, как уже не раз отмечалось, именно чувство справедливости — важнейшая основа для развития чувства собственного достоинства человека в труде.

435

Таблица 6.1

Пример заполненной таблицы для игры-дискуссии «Зарботная плата работника (сокращенно — ЗПР)»

Для оценки соответствия профессии и критериев оценки труда используется условная 5-балльная шкала.

Коэф. значим. (X2)	Универсальные критерии оценки справедливой оплаты труда	Профессии для сравнения		
		Уборщица в больнице	Уборщица в коммерч. банке	Педагог-психолог в школе
		Соотношение «реальных» заработков и заработков «по справедливости»		
		700—3000	1500—2000	1400—6000
X2	Время, затрачиваемое на работу	5×2=10	4×2=8	5×2=10
	Требуемый уровень образования работника	3	2	5
	Нервные затраты	4	2	5
X2	Физические затраты и профвредности	5×2=10	3×2=6	2×2=4
	Возможности организации для поощрения своих сотрудников	1	5	1
	Стаж, требуемый для хорошего освоения работы	3	2	5
	Мало желающих работать (чем меньше желающих, тем важнее дополнительно мотивировать работников)	5	2	3
X2	Высокая ответственность	4×2=8	3×2=6	5×2=10
	Творческий характер труда	2	2	4
	Необходимость специальной подготовки к работе в домашних условиях	1	2	4
	ИТОГО	47	35	51

Соотношение в % зарплат «по справедливости» (за 100% — профессия, набравшая наибольший балл, то есть «педагог-психолог»)	92,1%	68,6%	100%
Соотношение в % «реальных» зарплат (за 100% — профессия, реально оплачиваемая выше других, то есть «уборщица в банке») и т. п.	46,7%	100%	93,3%

436

В ходе обсуждения

могут возникать довольно интересные и даже противоречивые (парадоксальные) критерии оценивания «вклада» различных работников и оценки их труда. Условно можно выделить следующие «линии противоречий» при выделении и обсуждении подобных критериев:

1. Творческий характер труда, с одной стороны, — монотонный, рутинный труд, с другой стороны. Проблема данного критерия в том, что многие хотели бы считать себя «творцами», но ведь кто-то должен выполнять и примитивную работу. И далеко не всегда занимаются такой примитивной работой люди с невысоким уровнем интеллекта: нередко примитивной работой должны (по разным причинам) заниматься достаточно умные и благородные люди. Тогда спрашивается, быть может, таким благородным и умным людям надо платить повышенные зарплаты за то, что они тратят свои таланты на рутинный, но общественно полезный труд, не реализуя свой, несомненно, большой творческий потенциал? И наоборот — те, кому посчастливилось выполнять творческую работу, уже этим должны быть счастливы, и их заработок должен быть меньше...
2. Труд, явно полезный для общества, с одной стороны, — общественно презираемый, но пока еще (на данном этапе развития общества) реально необходимый многим труд, с другой стороны. Например, труд проститутки, которую все «презирают», но услугами которой часто многие, даже вполне «солидные» люди пользуются. Или «труд» различных вымогателей, спекулянтов и т. п., сам факт существования которых свидетельствует о том, что в их услугах нуждаются многие доверчивые люди. Быть может, вполне справедливо то, что они нередко зарабатывают больше, чем честные труженики, ведь деньги также достаются им не даром. Следует признать, что в общественном сознании образы выдающихся «прохиндеев» нередко весьма популярны (например, образ Остапа Бендера и т. п.).
3. Труд, признаваемый большинством людей в качестве «полезного», с одной стороны, — труд, который, с точки зрения большинства,

437

«бесполезен», хотя объективно он и способствует общественному развитию, с другой стороны. Например, труд ученого-теоретика или деятеля культуры, писателя, которого большинство современников явно недооценивают, хотя избранные специалисты (которых очень мало) считают гением. Проблема в том, что деньги, необходимые для зарплаты — у большинства. И если уж человек хочет хорошо зарабатывать и хорошо жить, то ему следует заняться тем, что «понятно» большинству и может им быть по-настоящему оценено. Если же высококлассный специалист (гений культуры) позволяет себе такую «роскошь», как опережать в творческом развитии большинство своих современников и соотечественников, то быть может, и расплачиваться за это он должен маленьким заработком и неизвестностью?

4. Труд, не высоко оцениваемый в данном обществе (или на данном предприятии), с одной стороны, — этот же труд, но уже высоко оцениваемый в другом обществе-государстве (или на другом предприятии), с другой стороны. Проблема в том, что труд, качественно выполняемая работа — одна и та же. Быть может, и получать должен больше тот работник, который сумеет найти организацию (или государство), где его труд больше и лучше оценивают?..

5. Плохой работник научился выгодно «продавать» себя на «рынке труда» и, соответственно, получает большую зарплату, с одной стороны, — отличный профессионал, который не умеет «выгодно» продавать себя на «рынке труда» и, соответственно, получает маленькие деньги, с другой стороны. Быть может, так и должно быть, ведь важен не сам труд, а как он продается?..

Естественно, выделенные выше парадоксальные линии предназначены не для дискредитации честного и квалифицированного труда, а лишь для провоцирования открытой дискуссии. В такой дискуссии главной задачей ведущего (психолога) является не формирование правильной точки зрения, а формирование самой готовности к обсуждению столь непростой и злободневной проблемы как справедливость

438

в оценке и оплате труда. Для того и выделены парадоксальные линии обсуждения, чтобы участники игры-дискуссии лучше осознали сложность данной проблемы и возможные «ловушки» на пути к ее осмыслению. В каком-то смысле использование этих парадоксов в оценке труда

позволит психологу работать «от противного», когда сами участники игры будут доказывать ведущему, что лучше все-таки, когда хорошую зарплату получают квалифицированные и честные работники, то есть получают заработную плату «по справедливости».

Приложение 7

Настольная игра «Страна богатых и умных (СБУ)»

Цель игры — в шуточной форме смоделировать взаимоотношения между различными отраслями и системами некоего воображаемого государства, направленные на процветание по основным составляющим (доходам, здравоохранению, безопасности, свободы и др.), определяющим качество жизни населения.

Условия игры: игра рассчитана на подростков 8—11-х классов. В игре могут участвовать от 2 до 7 человек, но возможен вариант, когда участвуют и гораздо большее количество игроков (например, до 15—20 человек). По времени игра занимает от 1 часа до 2,5 часа.

Для игры необходимо самостоятельно изготовить карточки, полное описание и порядок изготовления которых даются в приложениях.

Процедура проведения игры следующая:

1. Участники знакомятся с общей инструкцией: «Смысл игры — не только заработать побольше денег, но и свести к минимуму общие проблемы, связанные с плохой экологией, преступностью, низким образовательно-культурным уровнем, плохим здоровьем населения, а также не допустить ликвидации

439

страны в результате военного нападения (из-за низкой обороноспособности). В игре будут распределены различные «роли» (банкир, министр экологии, министр обороны, министр образования и т. п.), где каждая роль — это ответственность за определенную сферу жизнедеятельности.

Каждому игроку один раз выдается сумма — по 500 условных денежных единиц (д.).

У каждого участника будет возможность покупать «**территории**», а затем и строить на них «**предприятия**». Предприятия будут давать за каждый ход определенную прибыль, но также и создавать определенные проблемы, связанные с экологией, здоровьем работников, с преступностью и снижением уровня культуры в результате изнурительного труда (все это указывается на карточках «предприятий» — см. приложение 3). Предприятия можно строить лишь на свободных территориях, то есть тогда, когда игрок уже приобрел какую-то территорию.

Также в игре используются карточки с различными «**событиями**», как приятными (различными денежными призами и выигрышами), так и неприятными (когда создаются определенные проблемы, связанные с экологией,

преступностью, здравоохранением и т. п.). Проблемы по каждой из позиций (экологии, преступности, здравоохранению, уровню образованности и свободе слова) выражаются в условных единицах.

Реагируя на эти события, игроки должны не допустить прекращения игры. **Игра считается проигранной**, если игроки не сумеют набрать необходимые деньги для преодоления экологической катастрофы, для борьбы с преступностью и для отражения возможного военного нападения.

Если на конкретной территории набирается больше 10 единиц по каким-то проблемам (по экологии, здоровью, образованию, преступности или свободе слова), то эта территория считается ликвидированной. Карточка с «территорией» за полцены возвращается в стопку (а деньги за нее получает от игрока «банкир»). В дальнейшем эту карточку можно купить

440

обычным образом, в порядке своей очереди, отправляя деньги уже в банк. При ликвидации территории ликвидируется и выстроенное на ней предприятие (карточка с предприятием также отправляется за полцены в стопку, а деньги за нее получает «банкир»).

Игра продолжается до заранее определенного времени или прекращается по всеобщему согласию. Можно играть и до победного конца, когда выявляется самый «богатый».

2. После этого на стол выкладываются карточки:

— отдельной стопкой выкладываются вперемешку карточки с «ролями», «территориями» и «предприятиями» — см. приложения 7.1, 7.2 и 7.3 (заметим, что при изготовлении они должны иметь одинаковые размеры) — в дальнейшем это будет стопка № 1;

— отдельной стопкой выкладываются вперемешку карточки с «событиями» — см. приложение 4) — в дальнейшем это будет стопка № 2.

3. Далее игроки поочередно берут карточки из стопки № 1, приобретая различные «роли», «территории» и «предприятия». При этом игроки могут отказываться от приобретения каких-то карточек (в этом случае их ход будет как бы «пустой»). Из стопки с событиями (стопки № 2) карточки пока не берутся. Это делается до тех пор, пока кто-то не возьмет карточку «банкир».

Только тогда начинаются основные игровые действия.

4. Игрок, взявший карточку «банкир», других карточек с «ролями» брать не имеет права, хотя может также брать «территории» и «предприятия».

5. Другие игроки могут брать не более двух карточек с «ролями». По желанию игрока, карточки с «ролями» могут возвращаться в стопку № 1 за полцены, а могут и продаваться другим игрокам (по договоренности).

6. В дальнейшем за каждый свой очередной ход игрок может брать по своему усмотрению лишь одну карточку либо из стопки № 1 (с ролями, территориями и предприятиями), либо из стопки № 2 (с событиями).

441

7. Если у игрока уже есть какие-то «территории», то он может выстраивать на них «предприятия» (по одному «предприятию» на одной «территории»). Но если территорий у данного игрока нет, то «предприятия» могут покупаться впрок (и хранятся как бы на складе, до тех пор, пока их можно будет выстроить на свободной «территории»). Игрок может менять «предприятия» на своих «территориях».

8. Если игрок берет карточку с «событием» (стопка № 2), то он обязан выполнить все действия, выписанные на этой карточке. При этом какие-то действия касаются и других игроков, поэтому они должны внимательно следить за игрой.

9. Ниже более подробно описаны права и обязанности игроков. Взявших карточки с теми или иными «ролями»:

Игрок, выполняющий роль «банкира» (из-за высокой ответственности данной роли других ролей «банкир» уже не выполняет). «Банкир» рисует таблицу доходов и расходов по всем игрокам (см. таблицу 7.1) и в ходе игры постоянно отслеживает, кто сколько денег тратит и сколько приобретает. Если другие игроки обнаружат, что «банкир» совершил ошибку в расчетах, то он платит штраф в 100 д. тому игроку, кого он «обсчитал». Именно потому, что роль «банкира» очень ответственная (и выгодная), то других карточек с ролями он не берет (чтобы не отвлекаться). Кроме того, «банкир» может давать другим игрокам деньги из банка в долг (ровно по 100 д. за один ход одному игроку), получая с игрока от суммы долга по 20% за каждый следующий ход. Все долги также лучше отмечать в протоколе (см. таблицу 7.1).

Таблица 7.1

Пример протокольных записей для роли «банкира»

Указаны имена участников игры. Ниже указаны первоначальные суммы — по 500 д., а затем указываются изменения этих сумм в ходе игры. Например, если игрок купил территорию и затратил на нее 20 д., то из 500 д. вычитается 20 д. и остается 480 д., а если доход за следующий ход составил 50 д., то в сумме уже получается 510 (см. пример Василия) и т. д. Долги

442

игроков отмечаются в скобках (или в кружках), а сами сумму долгов считаются отдельно — см. пример Сергея и Саши, а возвращенные долги зачеркиваются (см. пример Саши).

Василий	Наташа	Сергей	Антон	Саша
500	500	500	500	500
480	420	800	450	430
510	350	700	950	330
360	300	670	850	230
		(100)		(100)
		750		210
		(100)		310

Игрок, выполняющий роль «министра экологии». Данный игрок получает на всю игру разовый ФОНД для предотвращения экологической катастрофы — 300 д. Оформляет таблицу состояния экологии для каждой из 12-ти территорий с выстроенными на них предприятиями (пример таблицы — см. таблицу 7.2). Чистит территории от «мусора» (получая по 20 д. за ход за каждую условную единицу «мусора»). По просьбе других игроков продает постоянно действующие сооружения экологической защиты (по 100 д. за каждое сооружение), после чего экологических проблем на этой территории уже не возникнет. Но перед тем как построить это сооружение, надо еще убрать имеющийся на данной территории «мусор». Министр экологии также собирает взносы-налоги на экологическую защиту (по 20 д. с каждого игрока за каждый свой ход).

Таблица 7.2

Пример протокола для «министра экологии»

По каждому номеру территории обозначаются условные единицы экологических проблем. Каждый раз дописывается измененная сумма таких единиц. Например, если к 2 единицам прибавляется еще одна единица, то в

сумме уже получается 3 единицы (см. пример по 1-й территории). Напомним, что если по какой-то конкретной территории набирается более 10 таких условных единиц, то территория ликвидируется

443

вместе с выстроенным на ней предприятием. Если кто из игроков на своей территории выстроил постоянно действующее сооружение экологической защиты, то в таблице-протоколе это обозначается знаком — «ХХ» (см. пример на территории № 5). Далее на этой территории никаких экологических проблем не возникнет.

Номера территорий											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	3	1		1	1	2	3	2	1		1
3		4		ХХ	2	3			3		
		6			3	1			1		

Игрок, выполняющий роль «министра здравоохранения». Он оформляет таблицу состояния здоровья населения для каждой из 12 территорий (протокол заполняется аналогично тому, как заполняется протокол по экологическим проблемам — см. таблицу 7.2), только отмечаются условные единицы проблем со здоровьем. Министр здравоохранения излечивает жителей конкретных территорий (получая с владельца данной территории по 30 д. за каждую условную единицу болезней). Также он укрепляет надолго здоровье людей на конкретных территориях, проводя долгосрочные оздоровительные мероприятия (получая за это по 200 д. с каждой территории). В этом случае в протоколе он отмечает данную территорию знаком «ХХ», и больше на этой территории проблем с болезнями не возникает.

Игрок, выполняющий роль «министра безопасности». Он получает разовый ФОНД на всю игру для борьбы с преступностью — 300 д. Оформляет таблицу состояния преступности для каждой из 12 территорий (аналогично тому, как это делается с экологическими проблемами — см. таблицу 7.2). Министр безопасности осуществляет платную охрану порядка на конкретных территориях (по 10 д. с владельца данной территории — за каждую условную единицу преступности за один свой ход). Он наводит надолго порядок на конкретных территориях, осуществляя комплекс долгосрочных правовых

444

мероприятий (получая по 300 д. с каждой территории), в этом случае в протоколе он отмечает данную территорию знаком «ХХ», и больше на этой территории проблем с преступностью не возникает.

Игрок, выполняющий роль «министра образования». Он получает из банка разовый ФОНД на всю игру — 300 д. для повышения уровня образованности населения. Оформляет таблицу состояния уровня образованности населения для каждой из 12 территорий (по аналогии с протоколом для отражения экологических проблем — см. таблицу 7.2). Организует курсы повышения квалификации для работников конкретных предприятий (получая по 10 д. — за каждую условную единицу безграмотности). Предполагается, что эти курсы могут носить постоянно действующий характер, что соответствует идее «непрерывного образования» (по принципу «век живи, век учись...»).

Игрок, выполняющий роль «министра обороны». Он получает разовый ФОНД — 500 д. на всю игру для поддержания необходимого уровня обороноспособности страны. Министр обороны за каждый свой очередной ход собирает налоги на оборону страны — с каждого игрока по 20 д.

Игрок, выполняющий роль «министра свободы информации». Он оформляет таблицу состояния свободы для каждой из 12 территорий (по аналогии с протоколом, отражающим экологические проблемы — см. таблицу 7.2).

Министр свободы информации собирает за каждый свой ход налоги на поддержание свободной печати (по 10 д. — с каждого игрока). Он может (по просьбе владельцев конкретных территорий) бороться с враньем и пошлостью на местных телеканалах (получая по 20 д. за условную единицу вранья и пошлости). Также он может создавать по просьбе других игроков свободные телеканалы без рекламы, вранья и пошлости (получая по 200 д. с каждой территории). Соответственно, на этих территориях проблем со свободой больше возникать не будет...

445

Напоминаем, что один игрок может выполнять одновременно не более двух «ролей» в игре, за исключением «банкира», который выполняет только одну свою роль.

При этом игроки не могут в ходе игры менять уже раз взятые роли, иначе это будет ломать общую логику игры и делать бессмысленным учет многих проблем от начала до конца игры. Если же игрок плохо выполняет какую-то свою роль, то эту роль он может передать другому игроку, но не выводить ее из игры. Напомним также, что без роли «банкира» игра вообще не может состояться.

Опыт показывает, что

можно вполне играть без специально сделанных денег (все затраты и доходы хорошо отражаются в протоколе «банкира»). Но при этом многие игроки, особенно из более младших классов (учащиеся 8—9-х классов), больше предпочитают играть с «живыми» деньгами, чем с их абстрактными отражениями в протоколе «банкира»... Здесь игроки и ведущий сами должны решить, как им удобнее проводить игру.

Возможен вариант игры, когда каждую ролевую позицию выполняет не один, а несколько человек (микрогруппа в 2—4 человека).

Это позволяет увеличивать число участников до 20—25 человек, но одновременно может создать определенные организационные сложности для ведущего.

В любом случае надо пробовать, экспериментировать и не бояться совершенствовать данную игру.

Приложение 7.1

Перечень карточек игровых «ролей» с краткими инструкциями на них. Примерный размер карточек: 6×8 см. Карточки можно изготовить из ватмана на компьютере, распечатав их на принтере. Для удобства использования можно фломастером провести на них сверху красные линии).

446

Роль — БАНКИР

Цена — 100 д.

Оформляет таблицу доходов и расходов на всех игроков.

Дает игрокам из банка деньги в долг (получает за это с игрока 20% за каждый ход от суммы долга).

НО: за каждую выявленную ошибку в расчетах сам платит штраф в 100 д.!!!

Роль — министр ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Цена — 40 д.

Оформляет таблицу состояния здоровья населения для каждой из 12 территорий.

Излечивает жителей конкретных территорий (получая по 30 д. за каждую условную единицу болезней).

Укрепляет надолго здоровье людей на конкретных территориях (получая за это по 200 д. с каждой территории).

<p>Роль — министр ЭКОЛОГИИ</p> <p>Цена — 50 д.</p> <p>Получает на всю игру разовый ФОНД для предотвращения экологической катастрофы — 300 д.</p> <p>Оформляет таблицу состояния экологии для каждой из 12 территорий с выстроенными на них предприятиями. Чистит территории от «мусора» (получая по 20 д. за ход за каждую условную единицу «мусора»).</p> <p>Продает постоянно действующие сооружения экологической защиты (по 100 д. за каждое сооружение).</p> <p>Собирает взносы-налоги на экологическую защиту (по 20 д. с каждого игрока за свой ход).</p>	<p>Роль — министр БЕЗОПАСНОСТИ</p> <p>Цена — 40 д.</p> <p>Получает разовый ФОНД на всю игру для борьбы с преступностью — 300 д.</p> <p>Оформляет таблицу состояния преступности для каждой из 12 территорий.</p> <p>Платная охрана на конкретных территориях (по 10 д. — за каждую условную единицу преступности за один ход).</p> <p>Наводит надолго порядок на конкретных территориях (получая по 300 д. с каждой территории).</p>
<p>Роль — министр ОБРАЗОВАНИЯ</p> <p>Цена — 40 д.</p> <p>Получает разовый ФОНД на всю игру — 300 д. для повышения уровня образованности населения.</p> <p>Оформляет таблицу состояния уровня образованности населения для каждой из 12 территорий.</p> <p>Организует курсы повышения квалификации для работников конкретных предприятий (получая по 10 д. за каждую условную единицу безграмотности).</p>	<p>Роль — министр ОБОРОНЫ</p> <p>Цена — 80 д.</p> <p>Получает разовый ФОНД — 500 д. на всю игру для поддержания необходимого уровня обороноспособности страны.</p> <p>Собирает налоги за каждый свой ход с каждого игрока по 20 д.</p>

447

<p>Роль — министр СВОБОДЫ ИНФОРМАЦИИ</p> <p>Цена — 40 д.</p> <p>Оформляет таблицу состояния свободы для каждой из 12 территорий.</p> <p>Собирает за каждый свой ход налоги на поддержание свободной печати (по 10 д. с каждого игрока).</p> <p>Борется с враньем и пошлостью на местных телеканалах (получая по 20 д. за условную единицу вранья и пошлости).</p> <p>Создает свободные телеканалы без рекламы, вранья и пошлости (получая по 200 д. с каждой территории).</p>	
---	--

Приложение 7.2

Перечень 12 карточек с «территориями» с краткими инструкциями на них. Примерный размер карточек: 10×8 см. Карточки также изготавливаются из ватмана на компьютере (на принтере). Сверху на них можно нанести

фломастером зеленую линию.

ТЕРРИТОРИЯ 1

Цена — 20 д.

На территории можно строить одно любое предприятие.

Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).

ТЕРРИТОРИЯ 2

Цена — 20 д.

На территории можно строить одно любое предприятие.

Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).

ТЕРРИТОРИЯ 3

Цена — 20 д.

На территории можно строить одно любое предприятие.

Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).

ТЕРРИТОРИЯ 4

Цена — 20 д.

На территории можно строить одно любое предприятие.

Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).

448

ТЕРРИТОРИЯ 5

Цена — 20 д.

На территории можно строить одно любое предприятие.

Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).

ТЕРРИТОРИЯ 6

Цена — 20 д.

На территории можно строить одно любое предприятие.

Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).

<p>ТЕРРИТОРИЯ 7</p> <p>Цена — 20 д.</p> <p>На территории можно строить одно любое предприятие.</p> <p>Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).</p>	<p>ТЕРРИТОРИЯ 8</p> <p>Цена — 20 д.</p> <p>На территории можно строить одно любое предприятие.</p> <p>Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).</p>
<p>ТЕРРИТОРИЯ 9</p> <p>Цена — 20 д.</p> <p>На территории можно строить одно любое предприятие.</p> <p>Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).</p>	<p>ТЕРРИТОРИЯ 10</p> <p>Цена — 20 д.</p> <p>На территории можно строить одно любое предприятие.</p> <p>Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).</p>
<p>ТЕРРИТОРИЯ 11</p> <p>Цена — 20 д.</p> <p>На территории можно строить одно любое предприятие.</p> <p>Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).</p>	<p>ТЕРРИТОРИЯ 12</p> <p>Цена — 20 д.</p> <p>На территории можно строить одно любое предприятие.</p> <p>Если число проблем по каждой из позиций (экологии, преступности, здоровью, образованию, свободе) превысит 10 условных единиц, то территория закрывается (карточка за полцены сдается в БАНК, а эти деньги получает «банкир»).</p>

449

Приложение 7.3

Перечень карточек с «предприятиями» с краткими инструкциями на них. Примерный размер карточек: 8×8 см. Карточки также изготавливаются из ватмана на компьютере (на принтере). Сверху на них можно нанести фломастером коричневую линию.

Предприятие — МОЛОКОЗАВОД

Цена — 40 д.

За каждый ход предприятие производит:

— 20 д. прибыли;

— 1 единицу экологических проблем.

Предприятие — ХИМЗАВОД

Цена — 70 д.

За каждый ход предприятие производит:

— 50 д. прибыли;

— 3 единицы экологических проблем;

— 3 единицы проблем со здоровьем работников.

Предприятие — АЭРОВОКЗАЛ

Цена — 80 д.

За каждый ход предприятие производит:

— 70 д. прибыли;

— 3 единицы экологических проблем;

— 3 единицы проблем со здоровьем работников.

Предприятие — ГОРОДСКОЙ РЫНОК

Цена — 50 д.

За каждый ход предприятие производит:

— 70 д. прибыли;

— 1 единица экологических проблем;

— 3 единицы проблем со здоровьем работников;

— 2 единицы проблем с преступностью;

— 3 единицы проблем, связанных с образованием и общим уровнем культуры.

Предприятие — АВТОЗАВОД

Цена — 80 д.

За каждый ход предприятие производит:

— 40 д. прибыли;

— 2 единицы экологических проблем;

— 1 единицу проблем со здоровьем работников.

Предприятие — ТКАЦКАЯ ФАБРИКА

Цена — 50 д.

За каждый ход предприятие производит:

— 30 д. прибыли;

— 1 единицу экологических проблем;

— 1 единицу проблем со здоровьем работников.

Предприятие — АТОМНАЯ СТАНЦИЯ

Цена — 90 д.

За каждый ход предприятие производит:

— 100 д. прибыли;

— 2 единицы экологических проблем;

— 2 единицы проблем со здоровьем работников.

Предприятие — РЕСТОРАН

Цена — 50 д.

За каждый ход предприятие производит:

— 60 д. прибыли;

— 3 единицы проблем с преступностью;

— 1 единица проблем, связанных с образованием и общим уровнем культуры.

Предприятие — КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Цена — 30 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 30 д. прибыли;
- 1 единицу экологических проблем;
- 1 единицу проблем со здоровьем работников.

Предприятие — ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Цена — 40 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 50 д. прибыли;
- 1 единицу проблем со здоровьем работников.

Предприятие — ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Цена — 80 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 60 д. прибыли;
- 2 единицы экологических проблем;
- 1 единицу проблем со здоровьем работников.

Предприятие — МОРСКОЙ ПОРТ

Цена — 90 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 100 д. прибыли;
- 1 единицу экологических проблем;
- 3 единицы проблем с преступностью.

Предприятие — ЧАСТНАЯ БОЛЬНИЦА

Цена — 100 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 70 д. прибыли;
- 1 единицу проблем со здоровьем работников.

Предприятие — СТАДИОН

Цена — 50 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 40 д. прибыли;
- 2 единицы проблем с преступностью;
- 2 единицы проблем, связанных с образованием и общим уровнем культуры.

Предприятие — ЧАСТНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

Цена — 60 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 50 д. прибыли;
- 2 единицы проблем с преступностью.

Предприятие — ПТИЦЕФЕРМА

Цена — 50 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 30 д. прибыли;
- 1 единицу экологических проблем;
- 2 единицы проблем со здоровьем работников.

Предприятие — ЧАСТНОЕ ОХРАННОЕ БЮРО

Цена — 40 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 30 д. прибыли;
- 2 единицы проблем, связанных с образованием и общим уровнем культуры.

Предприятие — КОСМОДРОМ

Цена — 100 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 90 д. прибыли;
- 3 единицы экологических проблем;
- 3 единицы проблем со здоровьем работников.

Предприятие — НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ

Цена — 100 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 100 д. прибыли;
- 3 единицы экологических проблем;
- 2 единицы проблем со здоровьем работников.

Предприятие — ГОСТИНИЦА

Цена — 50 д.

За каждый ход предприятие производит:

- 80 д. прибыли;
- 3 единицы проблем с преступностью.

451

Приложение 7.4

Перечень карточек с «событиями» с краткими инструкциями на них. Примерный размер карточек: 7×9 см. Карточки также изготавливаются из ватмана на компьютере (на принтере). Сверху на них можно нанести фломастером синюю линию.

Событие — ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

Вы имеете возможность один раз по договоренности с другим игроком, имеющим такую же карточку, увеличить прибыль со всех своих предприятий в 2 раза за один ход.

Если вы сумеете договориться с тремя, четырьмя и т. д. игроками, то прибыль увеличивается соответственно в 3, 4, 5 и т. д. раз!

Событие — ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

Вы имеете возможность один раз по договоренности с другим игроком, имеющим такую же карточку, увеличить прибыль со всех своих предприятий в 2 раза за один ход.

Если вы сумеете договориться с тремя, четырьмя и т. д. игроками, то прибыль увеличивается соответственно в 3, 4, 5 и т. д. раз!

Событие — ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

Вы имеете возможность один раз по договоренности с другим игроком, имеющим такую же карточку, увеличить прибыль со всех своих предприятий в 2 раза за один ход.

Если вы сумеете договориться с тремя, четырьмя и т. д. игроками, то прибыль увеличивается соответственно в 3, 4, 5 и т. д. раз!

Событие — ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

Вы имеете возможность один раз по договоренности с другим игроком, имеющим такую же карточку, увеличить прибыль со всех своих предприятий в 2 раза за один ход.

Если вы сумеете договориться с тремя, четырьмя и т. д. игроками, то прибыль увеличивается соответственно в 3, 4, 5 и т. д. раз!

Событие — ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

Вы имеете возможность один раз по договоренности с другим игроком, имеющим такую же карточку, увеличить прибыль со всех своих предприятий в 2 раза за один ход.

Если вы сумеете договориться с тремя, четырьмя и т. д. игроками, то прибыль увеличивается соответственно в 3, 4, 5 и т. д. раз

Событие — ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА

Вы имеете возможность один раз по договоренности с другим игроком, имеющим такую же карточку, увеличить прибыль со всех своих предприятий в 2 раза за один ход.

Если вы сумеете договориться с тремя, четырьмя и т. д. игроками, то прибыль увеличивается соответственно в 3, 4, 5 и т. д. раз

Событие — «ВЕТЕРОК»

Ветер поднимает весь «мусор» с территории № 4 и переносит его на территорию № 2...

Событие — «ВЕТЕРОК»

Ветер поднимает весь «мусор» с территории № 6 и переносит его на территорию № 1...

452

Событие — «ВЕТЕРОК»

Ветер поднимает весь «мусор» с территории № 2 и переносит его на территорию № 4...

Событие — «ВЕТЕРОК»

Ветер поднимает весь «мусор» с территории № 1 и переносит его на территорию № 5...

Событие — «ВЕТЕРОК»

Ветер поднимает весь «мусор» с территории № 10 и переносит его на территорию № 3...

Событие — «ВЕТЕРОК»

Ветер поднимает весь «мусор» с территории № 8 и переносит его на территорию № 7...

Событие — «ВЕТЕРОК»

Ветер поднимает весь «мусор» с территории № 1 и переносит его на территорию № 5...

Событие — «ВЕТЕРОК»

Ветер поднимает весь «мусор» с территории № 12 и переносит его на территорию № 11...

Событие — УГРОЗА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

Сильный ураган может привести к авариям на многих предприятиях, что грозит катастрофой. *На борьбу со стихией требуется выделить 300 д.*

Это может сделать министр экологии, но в этом могут участвовать и другие игроки.

Если денег не найдется, то игра прекращается...

Событие — УГРОЗА БАНДИТИЗМА

Криминал рвется к власти. *Для борьбы с криминалом законными средствами требуется выделить 300 д.*

Это может сделать министр безопасности, но в этом могут поучаствовать и другие игроки.

Если денег не найдется, то игра прекращается...

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территории № 4 образовалась банда, которая создала 3 дополнительные условные единицы проблем...

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территории № 5 образовалась банда, которая создала 3 дополнительные условные единицы проблем...

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территории № 7 образовалась банда, которая создала 3 дополнительные условные единицы проблем...

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территории № 10 образовалась банда, которая создала 3 дополнительные условные единицы проблем...

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территориях № 2 и № 9 орудует воровская группа. На каждой из этих территорий она совершает ограбление на сумму по 50 д.

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территориях № 5 и № 12 орудует воровская группа. На каждой из этих территорий она совершает ограбление на сумму по 70 д.

453

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территориях № 3 и № 8 орудует воровская группа. На каждой из этих территорий она совершает ограбление на сумму по 50 д.

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территориях № 1 и № 4 орудует воровская группа. На каждой из этих территорий она совершает ограбление на сумму по 40 д.

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территориях № 6 и № 9 орудует воровская группа. На каждой из этих территорий она совершает ограбление на сумму по 70 д.

Событие — ПРЕСТУПНОСТЬ

На территориях № 3 и № 7 орудует воровская группа. На каждой из этих территорий она совершает ограбление на сумму по 50 д.

Событие — БОЛЕЗНИ

На территориях № 2 и № 9 сильная эпидемия. На данных территориях прибавляется по 3 условные единицы проблем, связанные со здоровьем населения.

Событие — БОЛЕЗНИ

На территориях № 5 и № 11 сильная эпидемия. На данных территориях прибавляется по 3 условные единицы проблем, связанные со здоровьем населения.

Событие — БОЛЕЗНИ

На территориях № 4 и № 7 сильная эпидемия. На данных территориях прибавляется по 2 условные единицы проблем, связанные со здоровьем населения.

Событие — БОЛЕЗНИ

На территориях № 1 и № 12 сильная эпидемия. На данных территориях прибавляется по 2 условные единицы проблем, связанные со здоровьем населения.

Событие — БЕЗГРАМОТНОСТЬ

На территориях № 3 и № 5 процветают пошлость и бескультурие. На данных территориях образуются по 2 дополнительные проблемы, связанные с образованием и общим уровнем культуры населения

Событие — БЕЗГРАМОТНОСТЬ

На территориях № 4 и № 9 процветают пошлость и бескультурие. На данных территориях образуются по 3 дополнительные проблемы, связанные с образованием и общим уровнем культуры населения.

Событие — БЕЗГРАМОТНОСТЬ

На территориях № 2 и № 6 процветают пошлость и бескультурие. На данных территориях образуются по 2 дополнительные проблемы, связанные с образованием и общим уровнем культуры населения

Событие — БЕЗГРАМОТНОСТЬ

На территориях № 2 и № 10 процветают пошлость и бескультурие. На данных территориях образуются по 3 дополнительные проблемы, связанные с образованием и общим уровнем культуры населения.

454

Событие — БЕЗГРАМОТНОСТЬ

На территориях № 2 и № 6 молодежь теряет интерес к дальнейшему обучению после школы. На данных территориях образуются по 2 дополнительные проблемы, связанные с образованием.

Событие — БЕЗГРАМОТНОСТЬ

На территориях № 1 и № 9 молодежь теряет интерес к дальнейшему обучению после школы. На данных территориях образуются по 2 дополнительные проблемы, связанные с образованием.

Событие — ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА

Международная обстановка требует дополнительных налогов на оборону. Каждый игрок дает по 30 д. министру обороны (или отдает деньги в банк, если министра обороны в игре нет).

Событие — ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА

Международная обстановка требует дополнительных налогов на оборону. Каждый игрок дает по 50 д. министру обороны (или отдает деньги в банк, если министра обороны в игре нет).

Событие — ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА

Соображения обороны страны требуют, чтобы *на подготовку отражения возможного нападения срочно были затрачены 300 д.*

Это может сделать министр обороны, но в этом могут участвовать и остальные игроки.

Если денег не найдется, то игра прекращается...

Событие — ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА

Соображения обороны страны требуют, чтобы *на подготовку отражения возможного нападения срочно были затрачены 500 д.*

Это может сделать министр обороны, но в этом могут участвовать и остальные игроки.

Если денег не найдется, то игра прекращается...

Событие — НЕСВОБОДА СЛОВА

На территориях № 1 и № 8 на телеэкранах процветают насилие и разврат. На данных территориях возникают по 2 условные единицы проблем с преступностью.

Событие — НЕСВОБОДА СЛОВА

На территориях № 6 и № 10 на телеэкранах пропагандируются курение и наркомания. На данных территориях возникают по 2 единицы проблем со здоровьем населения.

Событие — КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

На всех ваших территориях прекрасно налажены культурные образовательные телепрограммы.

На всех ваших территориях ликвидируются все проблемы, связанные с образованием! Но в дальнейшем новые проблемы могут возникать...

Событие — КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

На всех ваших территориях прекрасно налажены культурные образовательные телепрограммы.

На всех ваших территориях ликвидируются все проблемы, связанные с образованием! Но в дальнейшем новые проблемы могут возникать...

455

Событие — ЗДОРОВЬЕ и КРАСОТА

На всех ваших территориях прекрасно налажена система профилактики болезней.

На всех ваших территориях ликвидируются все проблемы, связанные со здоровьем! Но в дальнейшем эти проблемы могут возникать...

Событие — ЗДОРОВЬЕ и КРАСОТА

На всех ваших территориях прекрасно налажена система профилактики болезней.

На всех ваших территориях ликвидируются все проблемы, связанные со здоровьем! Но в дальнейшем эти проблемы могут возникать...

Событие — ДОБРОТА И ПОРЯДОЧНОСТЬ

Жители всех ваших территорий прониклись идеями добра и законопослушности.

На всех ваших территориях временно ликвидируются все проблемы, связанные с преступностью! Но в дальнейшем эти проблемы могут возникать...

Событие — ДОБРОТА И ПОРЯДОЧНОСТЬ

Жители всех ваших территорий прониклись идеями добра и законопослушности.

На всех ваших территориях временно ликвидируются все проблемы, связанные с преступностью! Но в дальнейшем эти проблемы могут возникать...

Событие — СВОБОДА СЛОВА И МЫСЛИ

На всех ваших территориях население способно противостоять лжи и пошлости в СМИ.

На всех ваших территориях временно ликвидируются все проблемы, связанные с несвободой. Но в дальнейшем эти проблемы могут возникать...

Событие — СВОБОДА СЛОВА И МЫСЛИ

На всех ваших территориях население способно противостоять лжи и пошлости в СМИ.

На всех ваших территориях временно ликвидируются все проблемы, связанные с несвободой. Но в дальнейшем эти проблемы могут возникать...

<i>Событие</i> — ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ	<i>Событие</i> — ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ
Вы написали удачную книгу и получили за нее гонорар в 30 д.	Вы выиграли в лотерею денежный приз в 50 д.
<i>Событие</i> — ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ	<i>Событие</i> — ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ
Вам неожиданно досталось большое наследство в 100 д.	Вы стали лауреатом престижной международной премии в 150 д.
<i>Событие</i> — ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ	<i>Событие</i> — ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ
Вся прибыль на всех ваших предприятиях за данный ход увеличивается в два раза!	Вся прибыль на всех ваших предприятиях за данный ход увеличивается в три раза!
<i>Событие</i> — ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ	<i>Событие</i> — ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ
Вы случайно нашли на улице сумму в 100 д.	Вы случайно нашли на улице сумму в 70 д.

456

Приложение 7.5

Пример игровых «денег» — в условных единицах — «д» (отелов «дураки», «доллары», «давай-давай», «дави-дави» и т. п.).

Заметим, что вполне можно играть и без денег — «д», лишь отмечая доходы и расходы игроков в бланке «банкира». Примерный размер этих карточек: 4×6 см. Для удобства использования их также можно пометить цветными фломастерами: 10 д. — желтым цветом (30 купюр); 50 д. — коричневым (30 купюр); 100 д. - синим (30 купюр); 500 д. - красным (30 купюр); 5000 д. — фиолетовым цветом (30 купюр).

10 д. 50 д.

100 д. 500 д.

5000 д.

При изготовлении всех карточек (кроме денег — «д») можно на обратной стороне нарисовать обычные смешные рожицы...

Приложение 8

Игра-шутка «Пришельцы»

Цель игры — помочь подростку в осознании труда как ценности, а также роли труда в жизни общества и отдельного человека. Игра проводится в рамках урока и предназначена для учащихся 10—11-х классов.

Общая схема игры следующая.

По желанию из класса выбираются 2—3 человека, которые будут «гостями с дальней планеты», которые неожиданно оказались в данном городе и в данной школе. Предполагается, что из-за технических трудностей время пребывания

457

на Земле ограничено 15 минутами. На срочно созванной «пресс-конференции» необходимо за это короткое время как можно лучше познакомиться с неизвестной цивилизацией, в живом контакте постараться понять друг друга.

Гостям будет предоставлено короткое слово, где они сообщат главные сведения о своей планете, уровне развития их культуры и производства, а также — об основных занятиях ее жителей. После этого журналисты (остальная часть класса) постараются задать наиболее важные вопросы.

В течение 3—4 минут пришельцы готовятся в коридоре (думают, что им рассказать о своей цивилизации, а может, даже и подумают о своем внешнем виде, которые можно было бы изобразить на доске). Ведущий объясняет остальным участникам (журналистам в классе), как надо вести себя на конференции. В частности, каждый журналист должен придумать, какой информационный орган он представляет, и перед тем, как задавать вопрос, обязательно сказать об этом (данное условие дисциплинирует участников игры и делает ее более «солидной», то есть более похожей на настоящую пресс-конференцию). Естественно, вопросы должны быть краткими и понятными. Сами вопросы могут относиться к самым разным сторонам жизни, но задаваться в тактичной и вежливой форме.

Далее в класс приглашаются инопланетяне, и сразу начинается сама игра: сначала гости кратко (в течение 3—5 минут) делают свое сообщение, а затем отвечают на вопросы журналистов.

В ходе игры может возникнуть опасность перерастания игрового конфликта в межличностный. Например, когда журналистам вдруг не понравится образ жизни чужой цивилизации. Если это «потребительское общество» («потребительский рай», «царство наслаждений» и т. п.), то в адрес гостей нередко идут язвительные реплики типа «дегенераты», «идиоты», «свиньи». При таком развитии игры ведущий не должен радоваться «сознательности» класса и тем более поощрять ее, иначе неизбежны настоящие (неигровые) обиды. Психолог

458

может извиниться перед пришельцами за недостаточную дипломатичность отдельных «представителей прессы» и предложить участникам игры вести себя более солидно.

Через 15 минут гости (по условию игры, связанному с ограниченным временем пребывания на Земле) просто «исчезают», то есть садятся на свои места в классе. Ведущий предлагает всем срочно написать сообщения в свои агентства о первых впечатлениях от встречи. В течение 5—7 минут каждый журналист и каждый пришелец на отдельном листочке бумаги должны кратко написать: 1) каков, по их мнению, общий уровень развития новой для них цивилизации (пришельцы пишут о своих впечатлениях о жителях Земли — на основании того, что их интересует и как они задавали свои вопросы); 2) стоит ли иметь дело с новой цивилизацией, стоит ли развивать с ней сотрудничество (может по каким-то линиям такое сотрудничество развивать, когда есть чему поучиться, а по каким-то линиям — лучше не сотрудничать).

При этом важно предупредить ребят, что сообщения должны быть короткими — не более трети страницы. Активизированные школьники иногда готовы за короткое время исписать до 1,5—2 страниц, что в дальнейшем может отрицательно повлиять на общую динамику игры (при подведении ее итогов). Сами листочки можно подписать, обозначив не свои Ф. И. О., а название агентства (или название своей планеты — для пришельцев).

Листочки с сообщениями быстро собираются и зачитываются перед классом. Лучше поручить это двум учащимся из числа наиболее пассивных. Такое знакомство с различными мнениями участников игры является подготовкой к основному ее обсуждению.

В ходе обсуждения важно определить, какой же самый главный критерий развития общества. Ведущий выписывает все предложения учащихся на доске, после чего они поочередно

459

обсуждаются. Возможно, путем обобщения удастся получить 2—3 самых важных критерия, однако в столь сложном вопросе такое достигается редко (даже при игре со взрослыми). В заключение ведущий может ненавязчиво, как бы наравне с другими критериями предложить и свои критерии.

Например, это может быть возможность самореализации, предоставляемая обществом для каждого члена, а не только для «лучшей» его части — элиты. При этом путь (способ) самореализации у каждого человека уникален и потому бесценен. Если, конечно, он не предполагает ущемление возможностей самореализации других людей. Идеальным способом такой самореализации является свободный, творческий, общественно полезный труд, который может и не укладываться в общепринятые (формальные или «нормальные») рамки существующих профессий.

Если общество ограничивает возможности самореализации определенной части своих членов, то оно как бы ограничивает перспективы собственного развития. Но поскольку общество состоит из конкретных людей, то эти люди не должны оправдывать свою пассивность плохими условиями, плохим правительством, непониманием коллег и близких и т. п., а должны действовать, стремясь к самовыражению, одновременно улучшая и само общество, членами которого они являются.

Приложение 9

Игра-шутка «Остров»

Цель игры — знакомство школьников с потребностями производства в кадрах, с проблемой непрестижных профессий. Но при этом данная игра не ставит целью «ориентацию» школьников на непривлекательные профессии. Игра помогает лучше осознать роль тех или иных профессий в жизни общества, а также взаимосвязь различных сфер экономики.

460

Кроме того, в игре моделируется то, что называется гражданской зрелостью, то есть готовность ради общих интересов пожертвовать своим личным благополучием и некоторыми интересами.

Условия игры. Методика рассчитана на работу с классом (учащиеся 8—9-х классов, хотя она может вызвать интерес и у учащихся 10—11-х классов). Время на игру — 40—45 минут (естественно, если методика проводится после уроков, то время на игру может быть увеличено, и тогда она проходит несколько интереснее). Важную роль в организации игры выполняет классная доска, где фиксируются основные идеи участников и отражаются результаты группового решения.

Процедура (этапы) игры. Игра не требует явно выраженного подготовительного этапа. Ход самой игры примерно следующий:

1. Классу объявляется название игры — «Остров» и зачитывается общая инструкция: «Представьте, что мы все «чудом» оказались на заброшенном в океане острове, где-то в южных тропических широтах. Когда нас спасут, неизвестно. Как минимум, два месяца мы должны будем как-то просуществовать на данном острове. Перед нами стоят две основные задачи. Первая — выжить (чтобы никто не умер). Вторая задача — остаться при этом цивилизованными людьми. За 40 минут мы должны доказать самим себе, что способны вместе решить эти задачи. Итак, мы сидим на берегу острова и обсуждаем, что нам делать дальше. Я как старший пока буду руководить этим обсуждением, но потом вы сможете выбрать себе другого руководителя. В зависимости от того, сможем ли договориться об основных путях решения наших задач, а также о том, кто конкретно чем будет заниматься, и будет зависеть наше выживание и сохранение своего достоинства».

2. Далее ведущий быстро изображает на доске общий план острова. Важно отметить при этом наличие источника чистой пресной воды, обозначить, что на острове водятся мелкие зверьки и птицы, в прибрежных водах — рыба, есть

461

какие-то растения. Но по условию игры на острове нет пещеры, пригодной для проживания. На острове нет также иных людей (аборигенов), иначе вся игра превращается в «выяснение отношений» с такими аборигенами и теряется ее профориентационный смысл.

3. Далее начинается само обсуждение и школьники предлагают, что необходимо для выживания. Обычно это постройка жилья, организация питания, руководство группой, охота и рыболовство, дежурство, поддержание огня

и т. п. Все это ведущий выписывает перечнем на доске (см. пример в таблице 9.1).

4. Все эти предложения обсуждаются, и в результате на доске остаются наиболее важные направления работы. Желательно все это (1—4-й этапы) успеть провести в течение 7—10 минут.

5. Когда установлен перечень работ, необходимых для выживания, общими усилиями определяется, сколько человек необходимо для каждой работы. Все это делается исходя из общего количества участников игры вместе с ведущим. На доске против каждого направления работ просто выписывается необходимое количество работников (см. пример в таблице 9.1). При этом кто-то может сказать, что одни и те же люди могут одновременно выполнять разные работы. Ведущий по этому поводу говорит, что в особых случаях это, естественно, допускается, но важно закрепить конкретных игроков за определенными работами, чтобы было кому за эти работы отвечать. Желательно данный этап провести за 3—5 минут. При этом по ходу игры постоянно напоминать участникам, что они должны закончить игру за 40 минут (до звонка или какого-то установленного времени), иначе будет считаться, что группа не смогла решить поставленные задачи и потратила все свои силы на «выяснения отношений»...

Далее ведущий предлагает поднять руки тем, кто хотел бы выполнять конкретные работы. Поочередно рассматривается каждый вид работ. При этом каждый может участвовать

462

только в одной работе. На доске рядом с требуемым количеством работников выписывается количество реальных желающих эту работу выполнять. Как правило, возникает некоторое несоответствие, что и может стать предметом для обсуждения (см. пример в таблице 9.1). Нередко образуется даже группа «тунеядцев», которые не участвуют ни в каких работах, что в какой-то степени отражает реальную ситуацию в обществе. Ведущий может даже занять резкую позицию по отношению к классу: «Раз вы не можете обеспечить необходимое число работников по каждому направлению работ, то, скорее всего, не сможете и выжить в условиях острова». Хотя класс часто настаивает на том, что такой расклад требуемого и желаемого допустим и что даже «без тунеядцев в обществе не обойтись», потому что «они тоже люди» и все такое...

7. После этого ведущий определяет дальнейший порядок игры. По каждому направлению работ образуются конкретные группы школьников и рассаживаются за отдельные столы. В каждой такой группе в течение 3—5 минут обсуждается, как эти работы должны быть выполнены исходя из реальных возможностей. Напомним, что по условию игры школьники оказались на острове со всем своим имуществом (в карманах, в сумках и т. п.). В каждой группе выделяются 1—2 человека, которые должны будут кратко рассказать всему классу о том, как они собираются строить жилище, готовить пищу, охотиться, ловить рыбу и т. п. Класс при этом будет задавать вопросы и потом решать, насколько данная группа способна выполнить свои работы. Например, для группы «организации питания» можно поинтересоваться, в чем они собираются готовить пищу, для группы «рыбаков» — чем они собираются ловить рыбу и т. п. Все это ведущий должен будет отмечать на доске (например, напротив каждого направления работ оценивать готовность каждой группы в баллах или отмечать эту готовность плюсами, минусами и знаками вопрос — в случае каких-то сомнений).

463

Таблица 9.1

Пример заполненной на доске таблицы для игры «Остров»

В нашем примере общее количество игроков вместе с ведущим — 27 человек.

Перечень работ, необходимых для выживания группы	Требуемое число работников (всего — 27 человек)	Реальное число добровольцев для каждого вида работ (всего — 27 человек)
--	---	---

Постройка жилья (и его постоянный ремонт)	10	5
Организация питания	4	6
Охота-рыболовство	7	9
Руководство (чтобы группа не переругалась)	1	1
Массовики-затейники (чтобы группа не скучала)	1	2
Постройка лодки	4	1
Появившаяся группа «тунеядцев» (нигде не хотят работать)	0	3

8. Когда более или менее установлен перечень работ и соответствие требуемого и реального числа работников, ведущий может заявить (для усложнения игры), что его поразила неизвестная тропическая болезнь и он уже не может руководить группой, а без такого руководства группа может перессориться и не выполнить поставленные задачи. Поэтому срочно требуется выбрать новое руководство. Также определяется, сколько человек нужно для руководства, и предлагается выдвигать кандидатов. Иногда группа выбирает одного руководителя, иногда руководителя с одним-двумя помощниками (особенно если класс постепенно становится неуправляемым). Выбранные руководители занимают место ведущего, а ведущий отсаживается на последние парты. Все это должно занять всего лишь 2—3 минуты. Ведущий может даже заявить, что он пока еще «из последних сил» еще способен организовать такие выборы, но, как только силы покинут его, в классе начнется хаос и игра закончится неудачей.

464

9. Далее можно обыграть свою болезнь как постепенное превращение в «злого духа», который вместо того, чтобы помогать группе выжить, будет чинить ей всякие препятствия на пути решения задач выживания и сохранения своего человеческого лица. Например, ведущий может неожиданно напускать болезни на отдельных (наиболее активных) участников, с помощью ураганов разрушать некоторые постройки, делать всякие «злые чудеса» (например, объявлять, что некоторые рыбы обладают душой и разумом, поэтому употреблять их в пищу — преступление) и т. п.

10. В какой-то момент ведущий может намекнуть участникам, что на острове есть опасность возникновения эпидемии, так как тропическая пища непривычна для европейских желудков и весь остров уже покрыт отходами, которые просто некуда девать и которые становятся очагами серьезных инфекций. Иными словами, намек на строительство туалета, который участники часто «забывают» строить. Также можно намекнуть группе на необходимость строительства выгребной ямы для пищевых отходов.

11. Если группа решает выстроить такой важный для цивилизованной жизни объект, то сделать это нужно в сжатые сроки и по всем правилам, то есть определить, сколько необходимо для этого работников и кто именно будет этим заниматься. Также важно определить, кто будет постоянно поддерживать порядок в туалете и вообще разбираться с мусором на территории острова... Нередко многие подростки стесняются выполнять такую работу, стремясь заниматься более «престижными» делами, поэтому есть риск, что эпидемия поразит большинство игроков.

Само обращение к теме «туалета», «нечистот», «мусора» — это попытка поразмышлять о благородстве, об

аристократии, о подлинной элитарности в самом высоком смысле этих слов. Примечательно, что в книге О. С. Муравьевой «Как воспитывали русского дворянина» есть очень интересная история о том, как в конце 1940-х годов на одной из постоянных баз геологов ожидалась очередная экспедиция, в которой

465

оказался потомок древнего княжеского рода. На базе это знали и ждали молодого дворянина, предвкушая его реакцию на отвратительно грязный туалет: «Мы-то, ладно, потерпим, — шутили геологи, — но что будет делать Его светлость?!» Его светлость, приехав, сделал то, что многих обескуражило. Он спокойно взял ведро с водой, швабру и аккуратно вымыл загаженную уборную... Это и был поступок истинного аристократа, твердо знающего, что убирать грязь не стыдно, стыдно жить в грязи.

Бывает так, что класс с самого начала играет неудачно (школьники много спорят друг с другом, мало добровольцев на ответственные работы и т. п.). В этих случаях вмешательства ведущего в роли «злого духа» могут вообще деморализовать участников, поэтому такие вмешательства должны быть разумными. Главный смысл таких вмешательств — создание дополнительной интриги игры.

Наконец, ведущий заявляет за 3—5 минут до конца занятий о прекращении игры и организует обсуждение.

Обсуждение игры. Лучше провести обсуждение по горячим следам, то есть сразу после окончания игры. Ведущий задает вопрос: «Удалось ли нам выжить?» Отвечая на данный вопрос, школьники должны кратко обосновать свои высказывания. Ведущий может и сам высказать свое мнение.

Другой вопрос — «Удалось ли сохранить человеческое лицо в трудных условиях?» Например, если в игре оказалось много заболевших и им не была оказана даже элементарная медицинская помощь, или если никак не был организован досуг, когда в течение двух игровых месяцев участники занимались только «выживанием», никак не заботясь о своей душе, или же в ходе игры часто наблюдались скандальные ситуации между участниками и т. п. Особой проблемой может оказаться отношение к группе «тунеядцев», например, новые руководители из числа лидеров класса просто директивно распорядятся не кормить их, обрекая на голодную

466

смерть, то есть поступая вроде как «негуманно» (ведь это «тоже люди» и т. п.). Иногда может возникнуть проблема возникновения «диктатуры» в игре, когда, например, новые ведущие просто директивно (и жестко) отдают свои распоряжения, а другие участники безропотно их выполняют. И опять можно поставить вопрос: «А удалось ли, таким образом, сохранить группе свое человеческое лицо?»...

Типичные трудности данной игры. Есть риск увлечься каким-то одним аспектом игры, например, слишком детально обсуждать конкретные виды работ, и тогда на всю игру просто может не хватить времени. Другая типичная трудность — возникновение хаоса, когда участники по незначительным вопросам начинают слишком оживленно спорить, перебивать друг друга, и т. п. Часто возникают сложности при оценке классом своей готовности построить туалет. Кто-то даже может заявить, что в тропиках различные испражнения высыхают достаточно быстро, и «только в северных странах в условиях консервирующего холода «зараза сохраняется надолго», поэтому и «без туалета можно обойтись»... Ведущий может заметить, что даже некоторые животные на уровне инстинктивных рефлексов часто стремятся закапывать свои испражнения (вспомните собак, активно работающих своими задними лапками...).

Опыт проведения игры показывает, что не всегда участники готовы признать, что их игровые действия оказались неудачными. Иногда кто-то говорит при этом, что в реальных условиях они бы вели себя «намного активнее и благороднее». На что ведущий может заметить, что игра — это тоже модель реальности...

Приложение 10

Карточная игра «Психобизнес»

(с использованием обычных игровых карт)

Данная игра возникла из-за сильной ограниченности издавать готовые карточные методики, а также из-за некоторых

467

сложностей самостоятельного изготовления карточек частью практических психологов. В предлагаемой методике используются обычные игральные карты, купленные в магазине. С одной стороны, это упрощает получение методического материала, но, с другой стороны, вызывает некоторые сомнения этического плана, например, «разве могут дети играть в азартные игры»... Данная игровая методика внешне, действительно, напоминает некоторые азартные («коммерческие») игры, но на самом деле в ней заложены некоторые провокационные моменты, позволяющему в несколько неожиданном плане взглянуть на проблемы нравственного поведения. Заметим, что при проведении данной игры с подростками в одном московском МУПК однажды директор этого учебного заведения попросил нас не играть «в карты», но тут же предложил эту же игру перерисовать на самодельные карты (как это делалось по другим методикам) и спокойно играть с детьми. В какой-то степени директор прав, ведь неизвестно, как подростки будут рассказывать о таких занятиях дома (например, «а психолог с нами в картишки резался!»...). Но следует признать, что карты очень часто используются в досуговой деятельности (и в семейном кругу...), поэтому не следует закрывать глаза на реальности и так уж драматизировать ситуацию. Кроме того, карточные игры могут рассматриваться и как прекрасные логические упражнения (известно, что в некоторых странах в детских лагерях отдыха к картам так и относятся, не столько «запрещая» их, сколько извлекая из этих процедур педагогическую пользу...).

468

Нам думается, что для нравственного воспитания иногда можно пользоваться и таким материалом, как «презренные» карты, что при интригующей форме работы позволит рассматривать важные для полноценного развития личности идеи добра и справедливости, хотя бы на примере «зарабатывания» игровых очков. Само название игры — «Психобизнес» указывает на то, что участники процедуры часто будут оказываться перед выбором, что для них важнее, «очки» или отношения с товарищами, «заграбастывание» прибыли любыми путями или спокойная совесть... При формировании в стране полноценных (а не варварских) рыночных отношений, когда немало молодых людей подумывают о предпринимательстве, важно поскорее закладывать эти идеи в души подростков. Но, к сожалению, пока в России господствуют цинизм, общественное равнодушие и произвол властей, что начинают ощущать на себе даже так называемые «новые русские». Как отмечает заслуженный экономист РСФСР В. С. Проскуров, «особенностью современной жизни в России является глобальное беззаконие, правовая незащищенность предпринимательства и личности», поэтому каждый, кто собирается стать предпринимателем, оказывается перед нравственным выбором либо, ориентироваться на добывание «грязных» (преступных) денег, либо на основании знания законов и общей ситуации все-таки вкладывать свою энергию и талант в развитие производства и получение честных доходов.

Смысл предлагаемой игровой методики — в шуточной форме смоделировать некоторые особенности «предпринимательства», когда, с одной стороны, необходимо побольше получить очков (внешняя цель игры), с другой стороны, не поступать слишком жестоко по отношению к своим товарищам по игре.

469

Для работы необходимы две полные колоды карт (по 52 карточки с джокерами). Участвуют в игре от 2 до 6 человек. Если играют только 2 человека, то обязательно используется так называемый «болванчик», выполняющий роль третьего игрока (см. ниже). Можно использовать «болванчика» и при игре втроем, вчетвером и т. д. — на наш взгляд, игра с «болванчиком» намного интереснее. Обычно одна игра может занять примерно 15—25 минут. Общая процедура игры следующая:

1. Ведущий знакомит участников с общей инструкцией, смыслом игры: «Каждый из вас должен получить к концу игры как можно больше игровых очков. Но при этом я вам советую не портить друг с другом отношения, а лучше даже — почаще демонстрировать друг другу свои симпатии, поскольку все это будет учитываться при подведении итогов». С более подробными правилами ведущий знакомит всех в следующей последовательности действий (обязательно не на словах, а с реальными картами).

2. Игрокам раздаются в случайном порядке по 6 карт. Хотя сама игра проходит с закрытыми от других картами, объяснение основных правил лучше проводить с открытыми картами. Лучше первый раз вообще провести учебную игру с открытыми картами.

3. Игроки будут ходить по очереди. Во время каждого своего хода игрок может пользоваться только одной мастью. При этом он может либо просто отправлять в свою «кассу» имеющиеся у него карты одной масти с очками; либо сначала сделать ход против какого-то одного другого игрока, забрав у него часть карт и уже вместе со своими картами одной масти отправить все это в «кассу»; либо предложить кому-то из игроков обоюдную сделку (см. более подробно — ниже). Отправляя в «кассу» свои очки, каждый игрок обязан показывать их остальным участникам. После каждого хода игроки собирают карты до 6, но если карт больше, то собирать новые нельзя.

470

4. Ведущий кратко объясняет значение этих карт.

карточки с «двойки» по «десятку» — это показатели «очков», они не играют никакой психологической роли, кроме радости или огорчения, что этих очков оказалось слишком мало, или слишком много...

Основные карты — это «туз», «король», «дама», «валет» и «джокер».

«Туз» — забирает всю масть. Например, если игрок сделал ход против одного из своих товарищей (или против «болванчика»), то товарищ обязан показать все свои карты и отдать все карты той масти, к которой принадлежит данный «туз». Использованный «туз» откладывается отдельно, рядом со своей «кассой» (при подведении итогов за каждый использованный «туз» будет высчитываться 10 очков!). Если игрок не хочет связываться с «тузом», то во время своего очередного хода он просто его откладывает в общую стопку карт, вышедших из игры (без вычета 10 баллов при подведении итогов).

«Валет» — такой же разбойник, как и «туз», только помельче — он забирает лишь младшие карты своей масти за один ход, то есть только карточки с очками (с 2 по 10). Например, во время своего очередного хода игрок ходит «валетом» против одного из своих товарищей (или против «болванчика»). Тот, против кого выложен «валет», обязан открыть все свои карты и отдать все карточки с очками масти, к которой принадлежит данный «валет». Использованный «валет» откладывается отдельно, рядом с «кассой» данного игрока (при подведении итогов за каждый такой «валет» будут вычитаться 10 баллов). Если игрок не хочет связываться с «валетом», то во время своего очередного хода он просто его откладывает в общую стопку карт, вышедших из игры (без вычета 10 баллов при подведении итогов).

«Дама» — очень коварная карта, способная забирать все очки, отправляемые одним из игроков в свою «кассу» во время своего очередного хода. Особенность «дамы» в том, что она используется вне очереди. Например, кто-то из игроков

471

отправляет в «кассу» на трюфах 15 очков, а владелец «дамы», чей ход еще не наступил, забирает все эти очки себе и, если пожелает, может даже сразу отправить их в свою «кассу». Использованная «дама» также откладывается отдельно (при подведении итогов за каждую такую «даму» высчитывается 10 баллов). Если игрок не хочет связываться с «дамой», то во время своего очередного хода он просто ее откладывает в общую стопку карт, вышедших из игры (без вычета 10 баллов при подведении итогов).

«Король» — особая карта, которая позволяет игроку во время своего хода имеющиеся или приобретенные (захваченные у кого-то) очки одной масти, к которой принадлежит имеющийся «король», перед отправкой в «кассу» сразу же удваивать. При этом «король» кладется рубашкой вверх, а на него складываются стопкой карты с удвоенными очками (так легче потом будет подсчитывать общие результаты).

При этом владелец «короля» может во время своего хода предложить какому-то игроку (у кого также есть какой-то «король») вступить во взаимовыгодную «коммерческую» сделку («король» — он же «коммерсант»), которая

позволит каждому уже утроить все свои очки соответствующей (соответствующей имеющемуся «королю») масти. Например, владелец трефового «короля» договорился о сделке с владельцем бубнового «короля». Уже после такой договоренности оба игрока обязательно открывают все свои карты. Владелец трефового «короля» к своим трефовым очкам добавляет трефовые очки другого игрока и сразу же отправляет уже утроенную сумму этих очков в свою «кассу» (при этом «король» кладется рубашкой вниз, а на него — все карты с утроенными очками, что облегчает подведение итогов в конце игры). Аналогично поступает владелец бубнового «короля», забирая у первого все бубновые очки, утраивая их и отправляя в свою «кассу». Все это возможно только между двумя игроками во время очередного хода кого-то из них.

472

«**Джокер**» может использоваться в разных вариантах (по договоренности между участниками). Первый, наиболее простой вариант: «джокер» вне очереди может нейтрализовать «туза», «короля», «валета», «даму», такого же «джокера» и даже чье-то «короля», когда кто-то уже сделал соответствующими картами свой ход (даже если этот ход сделан не к владельцу «джокера», а к какому-то другому игроку...).

Второй вариант: владелец «джокера» только во время своего очередного хода забирает у любого другого игрока (или у «болванчика») все его карты всех мастей.

Третий вариант: «джокер» используется одновременно и по первому, и по второму варианту (см. выше).

Использованный «джокер» также откладывается отдельно в стопочку игрока, и при подведении итогов за каждый такой «джокер» вычитается 10 баллов. Если игрок не желает связываться с «джокерами», то во время своего очередного хода он откладывает его в общую стопку использованных карт и при подведении итогов у данного игрока — 100 баллов не высчитывается.

В двух колодах имеются 4 «джокера», что позволяет проводить игру достаточно остро, а у игроков имеются немало возможностей как для «заграбастывания» очков своих товарищей, так и для совершения добрых дел...

Особую роль в игре выполняет «*болванчик*». На месте «болванчика» просто выкладываются 6 закрытых карт (будто там кто-то играет), и когда кто-то из игроков во время очередного хода будет выбирать себе «жертву», то он может сыграть и против «болванчика». Если кто-то пошел против «болванчика», то все карты «болванчика» открываются и игрок проделывает с ними все, что пожелает (но в пределах правил использования «туза», «валета», «джокера» и «короля»). После этого карты «болванчика» остаются открытыми, но новые карты вновь выкладываются закрытыми (рубашкой вверх) — карты «болванчика» как и у других игроков, после каждого хода собираются до 6.

473

Игрок может сыграть вместе с «болванчиком» и на «королях». Но при этом он сильно рискует. Например, если игрок не видит карт «болванчика» (когда они еще не раскрыты), то тогда «коммерческая» сделка срывается, и игрок вынужден отложить своего «короля» как уже неудачно использованного в общую стопку. Но если у «болванчика» «король» имеется, то игрок получает двойную выгоду, поскольку он забирает себе не только утроенные очки под масть своего «короля», но и утроенные очки под масть «короля» «болванчика»...

Особый случай, если у «болванчика» при раскрытии карт оказался «джокер». При игре на «королях» это не опасно. Но если игрок пошел против «болванчика» (с «джокером») своим «тузом», «валетом» или «джокером», то «джокер» «болванчика» автоматически нейтрализует эти карты игрока. Он откладывает соответствующую карту в свою стопку использованных карт и при подведении итогов за каждую такую карт ему вычитается 10 баллов (за то, что хотел «обидеть» «болванчика»...).

В игре «Психобизнес» могут возникать интересные процедурные моменты, поскольку используются две одинаковые колоды, и все карты продублированы. Например, если кто-то пошел против своего товарища, использовав «джокера», то такой же «джокер» может нейтрализовать этот ход. Или, например, кто-то решил перехватить своей пиковой «дамой» все пиковые очки у игрока, отправляющего их в «кассу», а другой владелец такой же пиковой «дамы» также перехватывает эти очки у игрока, который только что использовал «даму»

первым... Если два участника игры решили сыграть на «королях», а после раскрытия своих карт оказалось, что у обоих «короли» бубновой масти, то каждый игрок утраивает только свои бубновые очки.

5. После проведения учебной игры с открытыми картами организуется основная игра (а лучше — серия из 2—3 небольших игр).

6. При подведении итогов можно просто в уме сосчитать все очки на картах, находящихся в «кассе» у игрока (включая

474

удвоенные очки на «королях», положенных рубашкой вверх, и утроенные очки на «королях», положенных рубашкой вниз), а также не забыв вычесть за использование каждой «нехорошей» карты («туза», «валета», «дамы» и «джокера») по 10 очков. Но можно каждому игроку завести вместо «кассы» специальную табличку, куда после каждого своего хода выписываются заработанные (или вычитаемые за использование «нехороших» карт) очки.

Опыт использования игры с различными группами подростков показал, что основные правила большинство из них осваивает достаточно легко, особенно если ранее они имели опыт карточных игр. Заметим также, что впервые данная игра вообще была проведена с девочкой, закончившей 4-й класс, в купе поезда (играли до тех пор, пока свет не потушили). Девочка, правда, оказалась заядлой «картежницей», поскольку научила автора играть в очень интересную игру «Верись — не верись», видимо, в благодарность за то, что сама познакомилась с новой игрой.

Но, как это часто бывает с карточными играми, лучший способ освоения — это сама игра с реальными картами, а не внимательное «изучение» ее описания... Основные правила этой игры можно даже освоить самому, разложив, например, на столе карты и поиграв сразу с двумя «болванчиками»...

При использовании игры «Психобизнес» возможны самые разные дополнения и изменения (разумные) в игровых правилах. Например, при игре на «королях» можно не учитывать согласия их владельцев на заключение сделок (с владельцами других «королей» играют как бы с «болванчиками», и так же рискуя, если окажется, что у другого не будет ни одного «короля»...). Можно использовать в игре не одного, а двух и даже более «болванчиков». Можно использовать не две, а три и более колоды карт (игра, конечно же, станет более громоздкой, но, возможно, и более интересной...). Однако перед тем, как играть по новым правилам, мы все-таки советуем поиграть сначала по предлагаемым правилам.

475

Приложение 11

Пример этических стандартов психолога
Мадрид, Испания, 1987

(см. Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 158—161.)

Общие принципы

Пункт 5. Деятельность психолога направлена к достижению таких гуманитарных и социальных целей, как благополучие, здоровье, высокое качество жизни, полное развитие индивидов и групп в различных формациях индивидуальной и социальной жизни. Поскольку психолог является не единственным профессионалом, чья деятельность направлена на достижение этих целей, обмен и сотрудничество с представителями других профессий желательны и в некоторых случаях необходимы, без каких-либо предубеждений по отношению к компетенции и знаниям любого из них.

Пункт 6. Психология как профессия управляется принципами, общими для всех профессиональных этик: уважение к личности, защита человеческих прав, чувство ответственности, честность и искренность по отношению к клиенту, осмотрительность в применении инструментов и процедур, профессиональная компетентность, твердость в достижении цели вмешательства и его научной основы.

Пункт 7. Психологи не должны принимать участия или способствовать разработке методов, направленных против свободы индивида и его физической или психологической неприкосновенности. Непосредственная разработка или содействие в осуществлении пыток или издевательств, помимо того, что является преступлением, представляет собой наиболее тяжкое нарушение профессиональной этики психологов. Они не должны ни в каком качестве, ни как исследователи, ни как помощники или сообщники, принимать участие в

476

пытках или любых других жестоких, негуманных или унижительных действиях, кто бы ни был их объект, какие бы обвинения или подозрения против этого лица ни выдвигались и какая бы информация ни могла бы быть получена от него таким путем в условиях военного конфликта, гражданской войны, революции, террористических акций или любых других обстоятельств, которые могли бы быть истолкованы как оправдание таких действий.

Пункт 8. Все психологи должны, как минимум, информировать свои профессиональные объединения о нарушениях прав человека, издевательствах, жестокости, негуманных или унижительных условиях заключения, кто бы ни был их жертвой, и о любом таком случае, ставшем им известным в их профессиональной практике.

Пункт 9. Психологи должны уважать религиозные и моральные убеждения своих клиентов и учитывать их при опросе, необходимом при профессиональном вмешательстве.

Пункт 10. При оказании помощи психологи не должны осуществлять дискриминацию по признаку происхождения, возраста, расовой и социальной принадлежности, пола, вероисповедания, идеологии, национальности или любых других различий.

Пункт 11. Психологи не должны использовать власть или превосходство по отношению к клиенту, которые дает их профессия, для извлечения прибыли или получения преимуществ как для себя, так и для третьих лиц.

Пункт 12. В особенности в письменных документах психологи должны быть чрезвычайно осторожны, сдержанны и критичны по отношению к своим концепциям и заключениям, учитывая возможность их восприятия как уничижительные и дискриминирующие, например, нормальный — абнормальный, адаптированный — неадаптированный, интеллигентный — умственно отсталый.

Пункт 13. Психологи не должны применять манипулятивные процедуры с целью добиться обращения к ним определенных

477

клиентов, а также действовать таким образом, чтобы оказаться монополистами в своей области. Психологи, работающие в общественных организациях, не должны использовать это преимущество для увеличения собственной частной практики.

Пункт 14. Психолог не должен допускать использования своего имени или подписи лицами, не имеющими должной квалификации и подготовки, для незаконного применения психологических методов. Психологи должны сообщать о всех случаях посягательства на чужие права, которые стали им известны. Бесплезные и основанные на обмане действия не должны прикрываться квалификацией психолога.

Пункт 15. В случае, когда личные интересы клиента вступают в противоречие с интересами учреждения, психолог должен постараться выполнять свои функции с максимальной беспристрастностью. Обращение за помощью в данное учреждение предполагает учет интересов клиента, уважение и внимание к нему со стороны психолога, который в соответствующих обстоятельствах может выступать как его защитник по отношению к администрации учреждения.

О профессиональной компетенции и отношениях с другими профессионалами

Пункт 16. Права и обязанности профессионального психолога основываются на принципе профессиональной независимости и автономии независимо от служебного положения в определенной организации и от профессионалов более высокого ранга и администрации.

Пункт 17. Профессиональный статус психолога базируется на его способностях и квалификации, необходимых для выполнения его обязанностей. Психолог должен быть профессионально подготовленным и иметь специализацию в применении методов, инструментария и процедур, применяемых в данной области. Частью его работы является постоянное

478

поддержание на современном уровне своих профессиональных знаний и умений.

Пункт 18. Психолог не должен применять методы и процедуры, не прошедшие достаточной апробации в рамках современных научных знаний, без предубеждения по отношению к существующему разнообразию теорий и школ. В случае испытания психологических методик, еще не получивших научной оценки, клиенты не должны быть полностью уведомлены об этом заранее.

Пункт 19. Все психологические данные, как результаты обследования, так и сведения о вмешательстве и лечении, должны быть доступны только для профессиональных психологов, в чьи обязанности входит неразглашение их среди некомпетентных лиц. Психологи должны принимать меры для соответствующего хранения документации.

Пункт 20. Когда интересы психологического обследования или вмешательства требуют тесного сотрудничества с профессионалами из других областей, психологи должны обеспечивать соответствующее взаимодействие так, чтобы оно было направлено на благо психолога и его клиента.

Пункт 21. Психологические методы не должны смешиваться — как в применении, так и в их представлении общественности — с методами, чуждыми научным основам психологии.

Пункт 22. Не отказываясь от научной критики там, где она необходима, психологи не должны дискредитировать коллег или представителей других профессий, использующих те же или иные научные методы, и должны проявлять уважение к тем школам и направлениям, которые научно и профессионально компетентны.

Пункт 23. Работа психолога базируется на праве и обязанности проявлять уважение (и пользоваться таковым) к другим профессионалам, особенно в областях, близко соприкасающихся в своей деятельности с психологией.

479

О вмешательстве

Пункт 24. Психологи должны отказаться от вмешательства, если они уверены, что их помощь будет использована во вред или против законных интересов индивидов, групп, организаций или общин.

Пункт 25. Осуществляя вмешательство по отношению к индивидам, группам, организациям или общинам, психолог должен предоставить им необходимую информацию об основных решаемых проблемах, поставленных целях и используемых методах. В случае несовершеннолетних или юридически недееспособных лиц родители или опекуны должны быть проинформированы. В любом случае следует избегать манипулирования индивидами и стремиться к развитию и автономности конкретного случая.

Пункт 26. Психолог должен стремиться к завершению вмешательства и не продлевать его методами сокрытия информации или обмана как в случае достижения поставленной цели, так и в случае невозможности ее достижения после применения доступных методов и средств на протяжении достаточного времени. В последнем случае индивид, группа, организация или община должны быть информированы о том, какие другие психологи или представители иных областей знания могут продолжить вмешательство.

Пункт 27. Ни в коем случае свобода клиента — как в отношении прекращения вмешательства, так и в отношении консультации у другого психолога или иного специалиста — не должна быть ограничена. Следует поощрять способность клиента принимать решения на основе достаточной информации. Психолог может отказаться продолжать вмешательство, если оно осуществляется одновременно с вмешательством другого типа, выполняемым другим профессионалом.

Пункт 28. Психологи не должны пользоваться властью, которую их статус может им дать, для требования особых рабочих

480

условий или платы, превосходящей принятую в обычных обстоятельствах.

Пункт 29. Психолог не должен позволять вовлечь себя профессионально в неясную ситуацию, где его роль или функции окажутся неуместны или двусмысленны.

Пункт 30. Психологи не должны вмешиваться в действия, предпринятые другими специалистами.

Пункт 31. В случае, когда услуги психолога требуются для рекламной или коммерческой компании, он должен сотрудничать с целью обеспечения правдивости информации и охраны интересов индивидов.

Пункт 32. Психологи должны соблюдать особую осторожность в том, чтобы не вызвать необоснованных ожиданий, осуществить которые они впоследствии окажутся профессионально не способны.

О исследовательских работах и образовании

Пункт 33. Все психологи, в какой бы области психологии они ни работали, должны стремиться способствовать прогрессу науки вообще и психологии в частности, осуществляя исследования и придерживаясь научных подходов в своей деятельности, а также передавая свои знания студентам и другим профессионалам.

Пункт 34. При выполнении исследований психологи должны категорически отказываться от действий, могущих привести к постоянному, невосполнимому или не необходимому ущербу для испытуемых. Участники любой исследовательской программы должны выразить свое недвусмысленное согласие на проведение экспериментов; в случае несовершеннолетних или юридически недееспособных лиц такое согласие должно быть получено от родителей или опекунов.

Пункт 35. Если психологическое исследование сопровождается каким-либо временным ущербом или дискомфортом, как, например, электрический шок или сенсорная депривация,

481

исследователь должен в первую очередь удостовериться в том, что все участники опытов действуют совершенно свободно, без постороннего давления в каком-либо виде; к участию в эксперименте не должен быть допущен никто до тех пор, пока исследователь не убедится, что об этом ущербе испытуемые были уведомлены заранее и дали свое согласие. Даже в случае согласия перед экспериментом испытуемый может принять решение о своем дальнейшем участии в программе в любой момент.

Пункт 36. Если условия эксперимента требуют дезинформации или обмана испытуемого, психолог должен убедиться в том, что это не приведет к сколько-нибудь длительному ущербу для участников опыта, и в любом случае экспериментальный характер и необходимость обмана должны быть раскрыты при окончании экспериментальной программы.

Пункт 37. Психологические исследования в нормальной ситуации, как экспериментальные, так и наблюдательные, должны всегда выполняться с уважением по отношению к достоинству индивида, его верованиям, интимным ситуациям, скромности и целомудрию при исследовании сексуального поведения, а также при обследовании престарелых, больных, заключенных, то есть лиц, имеющих не только определенные социальные ограничения, но и переживающих серьезную человеческую драму.

Пункт 38. При экспериментах над животными страдания, вред или дискомфорт, не являющиеся абсолютно необходимыми для достижения поставленной исследовательской цели и оправданными с точки зрения науки и интересов человека, должны быть исключены или сведены до минимума. При хирургических операциях на животных должно применяться обезболивание и приниматься необходимые меры по предотвращению осложнений. Персонал, непосредственно занимающийся исследовательской работой с животными, должен в

содержании животных, обращении с ними и при эвтаназии руководствоваться международными стандартами.

482

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Феноменологическое «пространство» этической проблематики в психологии	7
1. Методологические основы профессиональной этики психолога. «Этический парадокс» предмета и метода психологии	7
2. Проблемы формирования человека как субъекта построения своей жизни и счастья	15
3. Проблема целей и ценностных ориентации психолога	17
4. Основные этические противоречия	21
5. Основные этические проблемы и «соблазны» в психологической практике	26
6. Основные этические проблемы в научно-исследовательской деятельности психолога	40
7. Этические проблемы в преподавательской деятельности психолога	61
Контрольные вопросы к главе 1	86
Глава 2. Основные уровни рассмотрения этических проблем	88
8. Нормативно-правовой уровень регуляции деятельности психолога	88
9. Моральный уровень регуляции профессиональной деятельности психолога. Традиционно выделяемые этические принципы психолога	95
10. Нравственный уровень регуляции деятельности психолога	101
483	
11. Проблема общечеловеческих ценностей в работе психолога	104
12. Проблема насилия над ребенком	115
Контрольные вопросы к главе 2	122
Глава 3. Клиент психологической службы как субъект нравственного выбора	123
13. Чувство собственного достоинства как высшая этическая ценность во взаимоотношениях психолога и клиента	123
14. Личность и эпоха	131
15. «Рыночная личность» как психологическая реальность (по Э. Фромму)	137

16. Проблема внутреннего компромисса как «возможного условия» успешной карьеры	146
17. Проблема зависти и чувства справедливости в решении жизненно важных вопросов клиента	152
18. Глупость как «оправдание» и «самооправдание» личностной продажности	162
Контрольные вопросы к главе 3	177
Глава 4. Проблема поиска идеала личностного и профессионального самоопределения	178
19. Элитарность как феномен культуры. Проблема «худших» и «лучших» людей	178
20. Элитарные ориентации в профессиональном и личностном самоопределении	191
21. Психологический анализ элитарных ориентаций	205
22. Элитарные ориентации в ценностно-нравственном развитии личности. «Экологический принцип» и «экологический парадокс» в психологии	212
484	
23. Массовые манипуляции как социально-психологическая проблема	243
24. Проблема «эстетических деформаций» элитарно ориентированного сознания	270
Контрольные вопросы к главе 4	289
Глава 5. Этические аспекты развития личности психолога	290
25. Психолог как возможное связующее звено между самоопределяющейся личностью и человеческой культурой	290
26. Интеллигентность как возможный ориентир профессионального развития личности психолога	294
Контрольные вопросы к главе 5	323
Глава 6. Теоретико-методологические проблемы исследования нравственного развития личности	324
27. Возможности и ограничения традиционных подходов и методов исследования нравственного развития личности	324
28. Перспективные подходы, основанные на «понимании» нравственных проблем самоопределяющейся личности. Метод «открытых глаз»	329
Контрольные вопросы к главе 6	338
Глава 7. Практические аспекты психолого-педагогического содействия нравственному развитию личности	339
29. Проблема допустимости психологического вмешательства в ценностно-смысловое и нравственное развитие личности	339
30. Проблема платности психологических услуг	348

31. Основные требования к психолого-педагогическим методикам ценностно-нравственного развития личности	364
485	
32. Этические аспекты построения взаимоотношений с разными группами клиентов и заказчиков	370
33. Особенности профессиональной этики во взаимоотношениях с коллегами-психологами и администрацией	380
Контрольные вопросы к главе 7	385
Заключение	386
Литература	389
Приложения	
Приложение 1. Бланковая игра-шутка «Торг»	395
Приложение 2. Карточно-бланковая игра «Сударь-государь»	402
Приложение 3. Опросник-шутка «Моды-2»	409
Приложение 4. Активизирующий опросник-шутка «Самооценка нравственности и гражданственности (СНГ)»	415
Ситуации для опросника «СНГ»	420
Приложение 5. Схема анализа ситуаций «Расплаты-достижения»	424
Приложение 6. Игра-дискуссия «Заработная плата работника (ЗПР)»	432
Приложение 7. Настольная игра «Страна богатых и умных (СБУ)»	438
Приложение 8. Игра-шутка «Пришельцы»	456
Приложение 9. Игра-шутка «Остров»	459
Приложение 10. Карточная игра «Психобизнес»	466
Приложение 11. Пример этических стандартов психолога	475

486

487

488

Пряжников Николай Сергеевич

Технический редактор: И. Л. Карюков

Корректоры: Т. А. Высочина

Т. В. Толбина

Компьютерная верстка: Е. В. Ломоносова

Сдано в печать 14.01.2004. Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,5.

Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 5 000 экз. Заказ № 4434.

Издательство

Московского психолого-социального института

115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, 9а.

Тел.: (095) 234-43-15, 958-17-74, доб. 111, 117

E-mail: publish@col.ru

Издательство НПО «МОДЭК»

394000, Воронеж, а/я 179. Тел.: (073-2) 49-87-35

E-mail: modek@modek.vsi.ru

Отпечатано с компьютерного набора

в ФГУП «Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж»»

394000, Воронеж, пр-т Революции, 39.

1

Список опечаток

Страница	Место на странице	Опечатка	Должно быть	Примечание
24	4 абзац снизу (абз. сн.)	Линия конфликтных взаимоотношения	Линия конфликтных взаимоотношений	
25	6 абзац сверху (абз. св.)	родственники	родственники	
25	4 абз. св.	2. Линии конфликта ценностей и смыслов на уровне:		в нумерации пропущен пункт 3
	8 абз. св.	4. Разнонаправленность ценностно-смысловых ориентаций психолога (само содержание противоречий):		
25	сноска 1	собственной	собственной	

25	сноска 1	Дрейкурс-Фергюсон	Дрейкурс-Фергюсон	
26	2 абз. сн.	что перед них выдающийся специалист	что перед ним выдающийся специалист	
29	1 абз. св.	неселение страны	население страны	
29	3 абз. св.	в зарубежных фильмах имеется немало фильмов	в зарубежных фильмах имеется немало примеров	как один из вариантов фразы
33	2 абз. св.	в оценки готовности	в оценке готовности	
33	1 абз. сн.	В таких условия	В таких условиях	
35	1 абз. св.	в современной мире	в современном мире	
50	3 абз. сн.	палатят	платят	
51	1 абз. св.	все-равно	все равно	
83	1 абз. сн.			
59	1 абз. сн.	отношение к наследию «учителю»	отношение к наследию «учителя»	
61	2 абз. св.	вот что является сущность подготовки психолога	вот что является сущностью подготовки психолога	
67	1 абз. св.	изучают этом материал	изучают этот материал	
69	2 абз. св.	в отделенных городах	в отдаленных городах	
78	1 абз. св.	общественонго	общественного	
80	1 абз. сн.	«сумела поставить задачу гармоничного, прежде всего гражданского воспитания» на небывалую высоту»		одни закрывающие кавычки — лишние
102	3 абз. сн.	нетехнологичность (аксиологичность) поступка, обреченность на непонимание большинства окружающих, когда исполнение, техническая сторона — второстепенная, главное — сам факт поступка)...		лишняя закрывающая скобка или не хватает открывающей
105	2 абз. сн.	самосовершенствания	самосовершенствования	

108	1 абз. св.	В итоге человек (как личность) и деньги как бы меняются местами: не деньги, а сама личность превращается в разменную «монету» для приобретения сначала денег, а потом — благ), то есть получается «личность навыворот», как сказал бы К. Маркс...		лишняя закрывающая скобка или не хватает открывающей
116	1 абз. св.	с помощью щипков выкручивания рук	с помощью щипков, выкручивания рук	пропущена запятая
128	1 абз. сн.	ориентациями	ориентациями	
136	1 абз. св.	по этом поводу	по этому поводу	
149	2 абз. сн.	вступительное экзамены	вступительные экзамены	
163	3 абз. св.	на протяжении жизни	на протяжении жизни	
192	2 абз. св.	преумножение	приумножение	
194	1 абз. св.	Gemeinschaftsgefühl	Gemeinschaftsgefühl	
202	1 абз. св.	Песня была соединено	Песня была соединена	
202	1 абз. св.	старик-ветерен	старик-ветеран	
214	2 абз. сн.	властвущей	властвующей	
217	2 абз. сн.	о возможности	о возможности	
221	2 абз. сн.	Менегентти	Менегетти	
223	1 абз. сн.	ощущение внутреннего спокойствие	ощущение внутреннего спокойствия	
243	2 абз. св.	социально-профессиональных	социально-профессиональных	
245	2 абз. сн.	имет	имеет	
246	1 абз. сн.	о современный российских СМИ	о современных российских СМИ	
250	2 абз. сн.	никто и ни не заметил	никто и не заметил	
259	2 абз. св.	несмотря даже не ее некоторую примитивность	несмотря даже на ее некоторую примитивность	
269	3 абз. сн.	с большим сожалению заметил	с большим сожалением заметил	

275	1 абз. св.	художественно-образное	художественно-образное	
286	2 абз. сн.	сам он так не осознал	сам он так и не осознал	
304	2 абз. св.	рассуждения том	рассуждения о том	
326	2 абз. св.	«прочувствавании»	«прочувствовании»	
332	1 абз. сн.	ориетации	ориентации	
363	2 абз. сн.	перестает быть творческой личностью	перестает быть творческой личностью	
366	1 абз. сн.	по полочках	по полочкам	
379	2 абз. св.	брошенности	брошенности	
384	1 абз. сн.	Фактически речь идет о том, чтобы хорошо относиться ко всем людям, с которыми приходится так или иначе взаимодействовать, естественно, рассчитывая и на то, что эти люди также будут относиться к вам	Фактически речь идет о том, чтобы хорошо относиться ко всем людям, с которыми приходится так или иначе взаимодействовать, естественно, рассчитывая и на то, что эти люди также будут относиться к вам	
390	пункт 39	Влияние современной американской психологию	Влияние современной американской психологии	
402	4 абз. св.	Игра может проводится в школе	Игра может проводиться в школе	
418	сноска 1	равномерные выборы вариантов «а» и «б» проявилось	равномерные выборы вариантов «а» и «б» проявились	
440	5 абз. св.	— см. приложение 4) —	— см. приложение 4 —	лишняя закрывающая скобка
467	единственный абзац	моменты, позволяющему	моменты, позволяющие	